

РУССКИЕ СТРАИНЫ

СБИТЬ
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

**ФЕЛИКС
ВЕТРОВ**

**СБИТЬ
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ**

МОСКВА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛИМП
1997

Серия основана в 1997 году

Ветров Ф.

В 39 Сбить любой ценой.: Роман. — М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 1997. — 480 с. — (Русские тайны).

ISBN 5—7390—0381—4 (общ.)

ISBN 5—7390—0419—5 («Олимп»)

ISBN 5—7841—0414—4 (ООО «Издательство АСТ»)

История только кажется незыблемой. А на самом деле ее приговоры отменяются, а индульгенции перечеркиваются. События, связанные с уничтожением 1 мая 1960 года над Свердловском американского самолета-разведчика и громкий судебный процесс над летчиком Пауэрсом достаточно хорошо известны. Но лишь спустя тридцать лет стали доступны скудные факты о том, что одновременно с Пауэрсом второй зенитной ракетой был сбит и советский истребитель-перехватчик, пилот которого погиб.

Что стояло за этим традиционным молчанием? Какие силы были заинтересованы в осуществлении заведомо провокационных полетов? Какие цели, помимо чисто разведывательных, преследовали те, кто посылал самолеты-шпионы в глубокий тыл?..

Об этом повествуется в книге, об этом был фильм, показанный Телекомпанией НТВ.

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© «Олимп», 1997

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 1997

ПРОЛОГ

Догнать!.. Догнать и сбить...

Утро. Солнце. Свистящий гул двигателей позади, за спинкой кресла.

— «Восьмой», «двенадцатый», я «Сапсан»!

Быстрее!.. Еще быстрее!.. И выше, выше!

Ярко-голубое майское небо стремительно темнеет с высотой, оно уже густо-чернильное, сине-лиловое, как в грозу...

Догнать!.. Догнать и сбить... Враг не должен уйти!..

— «Восьмой», «двенадцатый», я «Сапсан»! Я «Сапсан»! Доворот полсотни-шесть, как поняли?!

— Понял вас, «Сапсан», выполняю!

Это с Земли подправляют их курс, наводят на цель, корректируют углы...

Сергей — ведомый. Чуть впереди слева — истребитель ведущего, Вазгена. Машина друга покачивается на незримых волнах, с концов резко скошенных стреловидных серебряных крыльев срываются тонкие белоснежные вихри...

Обороты турбин на пределе... С громовым двойным ударом прорвав звуковой барьер, они мчатся парой в высоту.

Ведомый, Сергей, до боли в глазах всматривается в темную синеву — никого!

— Видишь?!

И сдавленный хриплый голос ведущего, Вазгена, в наушниках:

— Не вижу!

Где же он?!

И снова запрос на частоте радиообмена:

— Видишь?!

— Не вижу!..

Их машинам выше не подняться.

Земля молчит. Ни указаний, ни команд. Только треск помех в эфире.

Сергей нагоняет машину Вазгена, обходит метров на двадцать... Короткий быстрый поворот головы, мгновенный взгляд назад, на ведущего...

«МИГ-19» Вазгена вдруг сваливается на крыло... ведущий резко уводит свою машину влево и вниз...

— Серега, ракета!!!

Вспышка! Удар!

Мир лопается, как огненный пузырь, и гаснет.

Фрэнсис Гарри Пауэрс был далеко.

* * *

Награждение проходило в Георгиевском зале.

Ни Вазгену, ни Татьяне не приходилось бывать здесь раньше, хотя красивейший зал Кремлевского дворца не однажды мелькал в кадрах киножурнала «Новости дня».

Оба выросли в глуши: он — в армянской деревушке, она — в маленьком городке под Владимиром. И вот в толпе награждаемых они впервые вступали по красным ковровым дорожкам в этот белый зал.

Церемонию вручения орденов и медалей назначили на четыре, но прибыть надлежало за тридцать минут до начала торжества — так значилось в пригласительных билетах и спецпропусках.

Среди идущих рядом они узнавали известных киноактеров, чьи имена тоже попали в наградные Указы Верховного Совета, увидели рядом и нескольких космонавтов в сверкающих парадных формах ВВС.

— Смотри, Шаталов... Вон Келдыш... А вон Быстрицкая... — шептала, показывая глазами, Татьяна.

— Вижу, — мельком глянув, отвечал Вазген. — Вижу.

Но смотрел он не на президента Академии наук и не на знаменитую актрису. За седыми шевелюрами, сверкающими розовыми лысынами и высокими женскими прическами Вазген заметил Митькова и, потянув Татьяну за руку, начал пробираться к нему. И тот сразу, завидев их, задержал шаг и двинулся навстречу.

Сошлись, молча стиснули друг другу руки.

— Когда прибыли? — спросил Николай.

— Вчера, — сказал Вазген. — А ты?

— И я вчера, — кивнул Митьков. — Ну что, пошли?

Величественное убранство беломраморного зала поразило их. Они и представить не могли, что он так огромен и прекрасен. По светящимся мягкой белизной стенам сверху вниз шли столбцы имен, выбитых золотом, и Татьяна вопросительно посмотрела на Вазгена.

— Это все Георгиевские кавалеры. Награжденные «Георгиями» во всех войнах, — пояснил он.

— Сколько же их! — изумленно окинула зал Татьяна.

— Велика Россия... — невесело вздохнул Митьков.

— ...а отступать некуда, — поняв с полуслова, закончил Вазген.

Они заметно выделялись в толпе гостей, оживленных предстоящим событием: в отличие от других в их глазах не читалось ни радости, ни праздничного воодушевления. Скорее, все трое производили впечатление людей, затесавшихся сюда по ошибке или подавленных неуместным вниманием. Но то не были робость или растерянность — совсем другие чувства владели ими.

Почти у всех собравшихся — молодых, пожилых и даже совсем дряхлых — возбужденно блестели глаза, многие были знакомы и обменивались приветст-

венными кивками, переговаривались, здоровались, пожимали руки.

Но вот все собрались и расселись в ожидании: около сотни приглашенных получить награды из рук первых лиц партии и государства — парадные черные костюмы, роскошные женские туалеты, сверкающие золотом ордена и Звезды Героев Союза и Соцтруда...

И лишь они трое — Вазген в форме подполковника, военного летчика 1-го класса, Митьков в темном штатском костюме с орденскими планками и Татьяна в скромном темно-синем платье — по-прежнему были наглухо отделены ото всех тем, что объединило и привело их сюда.

Ровно в четыре отворилась потайная дверь — и тотчас весь зал, как писали в газетах, «разразился бурными продолжительными аплодисментами»: горделиво закинув голову и важно выпятив широкую грудь, в зал вплывал Брежнев, гуськом за ним — еще несколько великовластных старцев правящего синклита.

Последним, почтительно толкая перед собой полированный стол на колесиках, вкрадчиво двигался безымянный молодой человек лет тридцати пяти с непроницаемым лицом заводного обслуживающего механизма. На столе, который он катил, стояли сотни темно-красных коробочек с орденами, рядом лежали стопы наградных грамот и красных поздравительных адресов.

Разом застрекотали кинокамеры, защелкали затворы репортерских фотокамер, замелькали голубые молнии «блицев».

Генсек степенно и величаво приблизился к микрофону, прокашлялся, и его знакомый хрипловатый кашель гулко разлетелся по залу.

Вазген перекинулся коротким взглядом с Митьковым и одновременно краем глаза приметил сидящего неподалеку такого же бесстрастного молодого человека, как тот, что выкатил стол с наградами. При

виде вождя, изготовившегося произносить речь, он вскочил, вскинул руки над головой и, изобразив на лице подобострастное ликование, бешено зааплодировал.

Вазген догадался: «подсадной», как в цирке, чтоб подавать сигналы всем остальным — дружно и вовремя аплодировать и возглашать, когда надо, здравницы согласно сценарию представления.

Церемония началась.

Процедура была проста: перед вручением высоких орденов и Звезд Героев один из помощников Брежнева торжественно зачитывал имена награждаемых и кратко возглашал, за какие дела и подвиги они удостоены наград.

— ...за огромный вклад в развитие отечественной науки...

— ...за выдающиеся заслуги в деле развития советского театрального искусства...

— ...за крупные достижения в области естествознания и в связи с семидесятипятилетием...

Звучали все новые и новые фамилии... И вот, когда награждение уже подходило к концу, по залу разнеслось:

— ...звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» присвоено старшему лейтенанту Военно-Воздушных Сил Сафонову Сергею Анатольевичу... — И после небольшой паузы, потише и скорбно: — Посмертно. Награды вручаются вдове героя.

Татьяна резко поднялась и, чувствуя на себе взгляды всех, кто был в зале, пошла туда, где с двумя красными коробочками наготове, приветливо глядя на нее, стоял Брежнев.

И пока она удалялась по проходу и фигурка ее в синем платье все уменьшалась, Вазген успел передумать, кажется, тысячу дум. И мысли все были недоуменные, со знаком вопроса.

Будто впервые открылось и изумило: как это — награждать *посмертно*?

Зачем это Сереже Сафонову, если его, Сережи, нет? Нужны ли мертвому эти честь и слава, если так и не сказано, *что* совершил он, *за что* награжден? К чему пустые, внешние формы помпезного ритуала, если нет человека и сокрыта ото всех тайна его подвига и смерти?.. Как связать воедино то утро — и этот яркий свет и шелест сотен радостных голосов? И почему о них вдруг решили вспомнить только теперь — через столько лет?

Он видел, как Брежнев говорил Татьяне какие-то прочувствованные, утешающие слова, как пожимал руку, а после обнял и расцеловал.

Со смятанным лицом, на котором Вазген прочел те же недоуменные вопросы, Татьяна возвращалась назад.

И тут он услышал свое имя.

— ...Орденом Красной Звезды награждается подполковник Айрапетян Вазген Гургенович...

Он быстро поднялся, одернул китель и широким шагом быстро пошел навстречу жене, они встретились на полпути в проходе между рядами, понимаяще взглянули в глаза друг другу и разошлись.

Вазген видел все вокруг как бы в раздвоении — одновременно предельно четко, когда каждая крохотная зримая деталь навсегда врезается в память — и вместе смутно, зыбко, будто сквозь легкую облачность.

Вот рядом мохнатые брови, глаза и что-то говорящие губы Брежнева, рукопожатие его теплой пухлой ладони, вот прохладная поверхность красной коробочки с орденом и наградной лист в руке... И сотни смотрящих людей, когда, строго нахмурившись, он без улыбки произнес в ответ уставное «Служу Советскому Союзу!», развернулся на каблучках и зашагал к своему месту навстречу Митькову.

О том, за какие заслуги получали они свои ордена, так и не было сказано ни слова — кроме того, что удостоены они «за мужество и героизм, проявленные при защите Родины».

Вазген вернулся и сел рядом с Татьяной, молча сжал ее руку, с болью глядя на награды погибшего друга. Ни ему, ни ей не хотелось даже взглянуть ни на орден, ни на золотую звездочку. Даже взять в руки их было тяжело и жутко.

Как странно, непостижимо!.. Лишь случайно судьба не переставила их с Сергеем местами. Эти награды сегодня запросто могли вручать *посмертно* не Сафонову, а ему, Вазгену Айрапетяну. И точно так же на них смотрел бы сейчас постаревший, но живой Сережа Сафонов.

Как непонятно все переплелось и спуталось в один клубок... Они никогда не стали бы с Таней мужем и женой, если бы в то утро все не сложилось так, как сложилось...

Кто устроил и затеял все то, что так круто перевернуло столько судеб и жизней: кого-то — в могилу, кого-то — высоко вверх, а их троих на много лет — в небытие при жизни — в глухую мглу роковой причастности к страшной государственной тайне? А ведь им выпало узнать лишь самую малость — хотя и о ней они обязаны были молчать. Хранить секрет — вероятно, до последнего вздоха.

Что же все-таки случилось тогда? И почему у нас все непременно должно быть пронизано и пропитано тайной и ложью? Чью глупость или подлость и в тот раз прикрыла наша неизбежная игра в секретность? Кто знал и знает все от начала и до конца? Может быть, вообще никто — ни один человек на всей Земле? Что, если даже самому Брежневу открыта и доступна лишь малая кроха того, чем обернулся для множества людей тот далекий Первомай?

Кто даст ответ? И даст ли когда-нибудь?..

Аллен не сомневался, что наконец-то принял верное решение. Видимо, единственно верное. По крайней мере, ничего другого в сложившейся ситуации просто не приходило в голову.

Жить на войне и мыслить понятиями военного времени уже много десятилетий было его естественным состоянием.

Великая война не окончилась в 1945-м. Она лишь приняла иные формы. Он знал это, возможно, лучше всех на свете и мог представить тому миллионы доказательств. Они приходили и стекались к нему ежедневно десятками и сотнями со всего мира.

Он был Человеком Войны — гражданским лицом, хранившим в бездонных сейфах своего мозга несравнимо больше знаний и сведений, чем десятки прославленных опытнейших генералов. И потому, окидывая грешную Землю с высоты своей невероятной профессиональной осведомленности, отчетливо понимал, что эта война — надолго... что конца ей не видно и уж при его-то жизни завершению ее наверняка не бывать.

Итак, решение, которое уже давно напрашивалось само собой, вызрело и облеклось в слова. В слова распоряжений и приказов, которые осталось только отдать бесчисленным подчиненным. С сегодняшнего дня он многое мог самолично взять на себя — тут хватило бы теперь его громадных полномочий. Однако то, что Аллен намеревался предпринять теперь, было слишком ответственно, чтобы он не счел необходимым заручиться санкциями высших

персон правящей иерархии. Следовательно, надлежало еще раз все взвесить и подыскать соответствующие словесные аргументы. Впрочем, он был уверен, что никого ни в чем убеждать и уговаривать не придется.

А вокруг все было тихо и мирно... как в детстве. Стоило лишь закрыть глаза, замереть, прислушаться — и легко удавалось вернуть на мгновения ощущения, владевшие им, прекрасно воспитанным вдумчивым нелюдимым ребенком, много-много лет назад...

Он взмахнул концом гибкой китайской удочки, проверил червя на крючке и снова забросил — как можно дальше. С тихим всплеском наживка и дробинка грузила канули в воду — лишь чуткий поплавок остался на поверхности.

Многие любили ловить форель в стремительных, шумных потоках горных речушек, когда сильные серебряные рыбины вылетали, словно снаряды, из kloкочущего белопенного ледяного кипятка.

Он и сам в прежние годы увлекался такой ловлей и отдал ей в молодости щедрую дань. Но теперь, когда ему стукнуло шестьдесят и в двери судьбы властно постучалась старость, приходилось изменять пристрастиям азартной юности.

Эти блаженные минуты неспешных глубоких размышлений жизнь дарила ему нечасто. Но если все-таки удавалось выкроить несколько часов из череды переполненных людьми и событиями огромных дней, он проводил их здесь, с удочкой на берегу небольшого озера, где погружался в тишину и одиночество.

Закидывая свои старые верные удочки, он никогда не рассчитывал на приличный улов. Хотя порой ему везло и удавалось привезти домой несколько окуней.

Куда важней был улов иной — бесценный улов мыслей, находок, догадок и парадоксальных сопоставлений, приводивших к решениям, которые он

привычно вытаскивал из непостижимых пучин подсознания, будто жирных рыб из водной глубины.

И уж тут ему везло куда больше и чаще, чем в мальчишеских забавах простой рыбалки. Тут мало кто мог с ним потягаться.

О событиях истории, в которых ему не однажды приходилось тайно играть главную роль и которые он незримо направлял, уже были написаны в разных странах десятки книг.

На их страницах авторы — кто с почтительным придыханием, кто с лютой ненавистью — упоминали его имя, там же изредка мелькали и нечеткие блеклые фотографии — обычно двадцатилетней давности, но и поныне, когда он уже по праву считался одним из самых могущественных людей на планете, его очень мало кто назвал бы по имени и узнал в лицо в собственной стране.

Зато куда лучше, чем большинству простых американцев, жизнеописание Аллена, его труды и дни были известны коллегам-противникам на том краю света. И фотопортреты его в пухлом многотомном досье под номером D-318/01 были отменной четкости — там, как и во вверенном ему ведомстве, работали отнюдь не дилетанты.

Одного только они знать еще не могли — сегодня утром он, как и предполагалось, был назначен президентом на один из самых высоких и важных постов в стране. Официальное сообщение об этом будет распространено только завтра.

Ну что ж, то, за чем он приехал сюда, было найдено и поймано.

Но он не спешил сматывать удочки — хотелось продлить это ни с чем не сравнимое состояние найденного покоя и равновесия.

И потому он сидел недвижно — в простом сером пальто и шляпе и словно видел себя со стороны —

высокого подтянутого длиннолицего старика в очках без оправы и с небольшими коротко подстриженными седыми усами — ни дать ни взять старый декан провинциального колледжа откуда-нибудь из Небраски...

На том берегу озера виднелись невысокие темные холмы — туда плавно сходило розоватое закатное солнце. Близилась ночь, но затихший мир был еще залит его скользящим теплым светом.

Эта зима пятьдесят третьего года выдалась на изумление теплой. За всю долгую жизнь Аллен не помнил столь ранней весны — кончался предпоследний день февраля, но погода стояла как в апреле: она обманула даже доверчивых птиц.

Стайка диких уток пронеслась над водой и опустилась неподалеку от Аллена. Замерев, он растроганно смотрел, как они проплыли мимо него, рассекая воду серыми грудками.

Именно в эту минуту в голову пришло кодовое название проекта задуманной операции.

Аллен принял его сразу, без размышлений. Проект будет называться так и только так.

«Ночной кондор».

2

Ну что ж, первую в этом году вылазку на рыбалку можно было считать успешно завершенной.

Аллен неторопливо достал из внутреннего кармана пальто небольшой костяной футляр с золотой инкрустацией, из футляра — курительную трубку, из небольшой серебряной табакерки — превосходный яванский табак. Набил трубку, вмятая ароматное табачное волокно большим пальцем, не спеша раскурил, несколько раз щелкнув кресалом старой зажи-

галки, сделанной из латунной гильзы винтовочного патрона.

Эту простую солдатскую зажигалку в сорок третьем году ему подарил после одного из тайных совещаний в окрестностях Лондона сэр Уинстон. В тот день у Толстяка было превосходное настроение, и Аллен был уверен: незримые флюиды той веселой минуты, когда они, посмеиваясь, прогуливались, попыхивая трубками, по зеленой лужайке у небольшого викторианского особняка, навеки вошли в этот желтый металлический цилиндр, смешались с его молекулами, невидимо излучая заряды бодрой уверенности.

Аллен не верил в талисманы, но эта зажигалка, по сути, стала его талисманом, а не только исторической реликвией. Он уже десять лет не расставался с ней и страшно боялся потерять.

Трубка раскурилась, и голову Аллена, подобно нимбу, окружило голубое кольцо, он пустил второе кольцо, третье — эти первые затяжки после долгого перерыва приносили особое, неизъяснимое наслаждение.

И в то же время явление струйки табачного дыма над кустами, за которыми в легком складном металлическом кресле восседал Аллен, было сигналом для тех, кто обеспечивал его нерушимый покой.

Из прибрежных зарослей одновременно поднялись шестеро могучих мужчин, на удивление похожих друг на друга чертами лиц, выправкой и одеждой: все они были в одинаковых темных длинных плащах и широкополых шляпах, надвинутых на глаза.

Тяжелой, но неслышной поступью шестеро великанов почтительно приблизились к кусту, скрывавшему Аллена, и молча замерли за его спиной, ожидая распоряжений.

И был им голос Аллена из куста, подобный гласу Божию Моисею из несгорающего терновника. И

возгласил Аллен, не показываясь защитникам своим и клеветам:

— Отправляемся через десять минут. Благодарю вас, господа. Джиллингс, на два слова.

Один из шестерых, тот, что постарше, исчез за ветвями растительной завесы и приблизился к небожителю.

— Мы сейчас поедem в Рэйн-Хаус, — тихо сказал Аллен своим негромким глуховатым голосом. — Скажите, Роберт, должно ли человеку делать то, что делать не должно, если в том его долг?

Начальник охраны Аллена Роберт Джиллингс, всего тремя годами моложе Аллена, тонко усмехнулся. Они были вместе уже больше двадцати лет и знали друг друга как свои пять пальцев.

Переход Аллена на язык притч был верным признаком того, что тот весьма доволен прожитым днем и готовится к чему-то новому и захватывающе интересному.

— Долг побуждает праведного долженствовать в должном, — в тон своему другу, начальнику и боже-ству отвечив, склонив голову, Роберт Джиллингс.

— Bravo! — расхохотался Аллен, в стотысячный раз оценив афористическую находчивость своего необыкновенного подчиненного. — Великолепно, Робби! Слушайте, старина, а не издать ли нам с вами на старости лет наши диалоги — что-нибудь вроде «Разговоров с Гете» Эккермана? А презанятнейшее было бы чтение для потомков! У меня сегодня неплохой вечер, черт побери!

— Вижу, сэр, — улыбнулся Джиллингс. — И от всего сердца радуюсь за вас.

— А! — мягко махнул рукой Аллен. — Что в этом бренном мире вы или я! Есть сущности куда более ценные, нежели печали и радости двух старых хрычей.

Аллен поднялся — несмотря на начинающуюся подагру, все еще статный, с великолепной осанкой, выдающей истинную породу, — и, смотав удочки,

двинулся к шоссе в сопровождении своих неизменных спутников.

Они шли, прощаясь с тишиной, через редкий дубовый лес туда, где приглушенно шумел нескончаемый автомобильный поток, словно переходя из доисторических времен в новейшую цивилизацию.

Аллен шагал впереди, чуть пригнув голову и закинув руки за спину, остальные двигались на некотором расстоянии, чтобы не мешать работе его мысли.

В тени деревьев обнаружился силуэт массивного вместительного «кадиллака» сорок седьмого года — тяжелой дорогой колымаги, на которой Аллен ездил последние шесть лет.

Он забрался на заднее сиденье лимузина, Джиллингс уселся рядом, и они быстро покатали в Ричмонд на одну из секретных вилл руководителя главного разведывательного учреждения Соединенных Штатов.

У всех машин, мчавшихся по шоссе номер девятнадцать, уже были включены подфарники и фары, и оттого казалось, что вечер сюда пришел быстрее и раньше, чем на берег.

Откинувшись на упругую кожаную спинку сиденья, Аллен смотрел вперед, понимая, что становится родоначальником новой эпохи в истории тайных проникновений секретных служб в святая святых своих противников.

В салоне «кадиллака» было тепло, уютно, надежно. Обивка давно пропахла его трубочным табаком... Каждая секунда устремленного бега тяжелого лимузина пролегла сквозь время, прорывая преграду между прошлым и будущим. А настоящее было сжато внутри этого темного салона, отделенного от мира выпуклой сталью черной крыши и толстыми зеркальными стеклами, за которыми надвигалась ночь.

«Ночной кондор», — повторял он про себя и так и этак, словно прикидывая на вес эти слова, за ко-

торами явственно просматривались новый, небывалый мир и новое, небывалое, неограниченное могущество страны, которой он служил всю свою жизнь. — «*Ночной кондор*»... А что? Неплохо, совсем неплохо...»

3

В Ричмонд въехали, когда уже наступила ночь. Но столица штата Вирджиния давно забыла полуночную тьму — город купался в мириадах огней, среди которых — Аллен поморщился — то и дело попадались бегущие разноцветные надписи, слагавшиеся в одно и то же новое, нелепое словосочетание «ROCK’N’ROLL» — сияющее красное, желтое, зеленое бессмысленное выражение, обозначающее новый сумасшедший танец под безумную музыку диких завсегдаев дешевых дансингов.

Они пересекли город по одной из авеню и вскоре въехали в высокие ворота за глухой кирпичный забор конспиративного особняка Рэйн-Хаус.

Приверженец старомодных правил и привычек, Аллен любил этот небольшой, со вкусом обставленный двухэтажный дом, где не однажды решались судьбы целых государств, династий, монархов и многих миллионов людей, составлявших то рыхлое, безликое, неопределенное месиво, которое именуется человечеством.

Вместе с Алленом в парадную прихожую вошел лишь Роберт Джиллингс, остальные охранники рассыпались по периметру снаружи здания.

У одной из дверей появился величественный мажордом Майкл лет семидесяти.

— Наш гость прибыл и ждет вас, сэр, — тихо сообщил он.

Аллен кивнул и прошел в холл для приемов гостей.

Там в полумраке на фоне горящего камина он различил в кресле черный силуэт сидящего к нему спиной человека — небольшую, будто вырубленную из гранита скульптурную голову и крепкие вздернутые плечи.

— Простите, Келли, что заставил ждать, — негромко сказал Аллен. — Добрый вечер!

— Ничуть. — Человек легко поднялся из кресла и шагнул навстречу, протянув для приветствия руку. — Ничто не проходит без пользы. Да и вообще я люблю смотреть на огонь. Здравствуйте, Аллен! Поздравляю вас с сегодняшним назначением! — Говорил он быстро, но удивительно ясно и четко выговаривая каждое слово.

— Уже знаете? — удивился Аллен. — Откуда?! Благодарю! — Он улыбнулся, пристально глядя на него через старомодные очки.

Перед ним был спортивный человек лет сорока пяти в тонком сером пуловере, который подчеркивал великолепный рельеф его бицепсов, широких плеч гимнаста и груди. Он держался абсолютно непринужденно, без малейшего смущения или неловкости, которую невольно испытывали в обществе Аллена многие из тех, кто знал его уникальное положение и место в истории.

Но непринужденность Келли Джонатана имела особое объяснение. Помимо того, что они давно знали друг друга, на то были и иные веские причины.

Аллен включил настенное освещение. Разом загорелись золотистые бра, и большой холл, казавшийся в темноте бесконечным, обрел свои подлинные размеры, а огонь в камине словно утратил влекущую яркость первобытного пещерного очага.

— Сколько же мы не виделись? — спросил Аллен, с удовольствием всматриваясь в безупречно изваянное лицо своего гостя.

— Ровно столько, сэр, сколько мне потребовалось для исполнения вашего заказа. То есть семь месяцев и шестнадцать дней. Я мог бы справиться и быстрее, но вы же знаете о постигшем нас горе. Случившееся надолго выбило меня из колеи, что и привело к срыву всех сроков.

Аллен знал — речь шла о гибели любимого брата Келли, выдающегося летчика-испытателя.

Помолчали...

— И тем не менее вы, как всегда, обогнали время. Я и на этот раз не ожидал от вас таких темпов, — после минутной тишины вздохнул Аллен.

Холл, в котором происходил их разговор, был изящно обставлен в стиле второй половины прошлого века: вдоль стен — удобная мягкая мебель английской работы, невысокие шкафы и секретеры красного дерева с простыми бронзовыми канделябрами на них, превосходные картины — портреты и пейзажи кисти известных европейских мастеров...

Обычная гостиная в доме преуспевающего буржуа, если бы не огромный напольный глобус в углу и полузадернутая темным бархатным занавесом крупномасштабная карта мира напротив камина.

— Итак, — сказал Аллен, раскуривая трубку, — что же вам удалось за это время? Рассказывайте.

— А вот полюбуйтесь... — не скрыв интонации родительской гордости, Келли указал на опущенный откидной столик одного из старых секретеров у стены.

Только сейчас Аллен заметил, что на нем таинственно возвышалось нечто, задрапированное, подобно скульптуре, легкой серой тканью.

Аллен перевел на своего собеседника удивленные и вместе — ждущие, нетерпеливые глаза.

— Не томите...

Келли склонился к непонятному предмету, как

фокусник, потянул за кончик какой-то шнурок, ткань скользнула на пол. И на упруго выгнутой хромированной подставке Аллен увидел небольшую идеально выполненную модель планера.

Очень странного абсолютно черного планера. У него было довольно короткое тело фюзеляжа при небывало длинных, сужающихся к концам крыльях. При всей банальности сравнения он удивительно напоминал какую-то птицу, гениально приспособленную природой к длительному беззвучному парению на воздушных волнах. Не то чайку, не то альбатроса, но острые обтекаемые обводы носа заставляли искать иные подобию в мире пернатых.

— Кондор... — ошеломленно прошептал Аллен, невольно любуясь тревожащей хищной красотой этого рвущегося в полет неживого существа. — Ночной кондор...

— А! — обрадованно воскликнул Келли. — Узнали! Это вышло случайно, но лишь в модели я обнаружил сходство.

— Так это что — планер? Мы ведь говорили...

— О нет, сэр. Это — самолет. Реактивный самолет.

— И на что он будет способен?

Келли ответил не сразу. Прищуриив глаз, он оценивающе всматривался в свое новое творение, как фанатичный завсегдатай скачек, силящийся определить по внешним статям возможности того рысака, на которого он хотел бы сделать ставку.

Аллен с интересом смотрел на создателя этой опасной пташки.

Келли Джонатан первенствовал последние годы в авиационном истеблишменте Америки, и звезда его всходила все выше. Многие авторитеты уже в открытую называли его лучшим авиаконструктором страны.

И дело было даже не в том, что из его бюро выходили все новые летающие машины, а в том, что ка-

ждая из них по своим летным возможностям тотчас занимала лидирующую позицию во всемирном состязании новейших конструкций.

Это был уже не первый их совместный проект с Алленом, но, несомненно, самый масштабный и многообещающий.

— Предельное облегчение конструкции самолета при таком размахе крыла создает огромный запас подъемной силы, — пояснял Джонатан. — Сверхлегкий экономичный малозумный двигатель сократит расход топлива почти вчетверо против стандартного...

Аллен перебил поток его авторского вдохновения:

— И что это нам даст применительно к поставленной задаче?

— В одноместном варианте на средней скорости четыреста семьдесят миль максимальная дальность составит свыше пяти тысяч миль, или восемь тысяч четыреста километров. Как раз то, что вам требуется.

— А высота?! Высота?! — нетерпеливо воскликнул Аллен. — Это для нас сейчас самое важное!

Келли Джонатан загадочно улыбнулся — нет, недаром он приберет этот сюрприз на закуску, и ему хотелось еще минутку подержать в неведении своего могущественного заказчика.

— Вы просили машину, способную совершать длительный полет на высоте семьдесят восемь тысяч футов.

— И что же?

— У этой игрушки практический потолок составит... — Келли все-таки еще подержал паузу. — Сто десять тысяч футов!

— Черт! — Аллен возбужденно потер седые виски. — Вы уверены? Там ведь уже почти космос!

— О нет, только подступы к космосу, — довольный произведенным эффектом, улыбнулся конструктор. — Мы уже сделали модель один к пяти. Продули в аэродинамической трубе. Ошибки быть не может.

— Еще никогда... Еще никогда... — тихо прого-

ворил Аллен, приблизив лицо к лицу собеседника, — вопросы секретности не носили столь категорического характера. Сколько человек сейчас занято в нашем проекте?

— Одиннадцать, — быстро ответил Джонатан. — Но как только мы перейдем к сборке первого летного опытного образца, это число неизбежно перевалит за сотню.

— Догадываюсь, — вздохнул Аллен. — Но не могли бы мы все же сократить эту цифру, допустим... вдвое?

— Это сильно скажется на сроках, — ответил конструктор. — И потом, у меня нет оснований сомневаться в ком-то из моих сотрудников.

— Поймите меня правильно, Келли. — Аллен мягким движением руки усадил собеседника, опустился в кресло напротив и бережно, как бы взвешивая, ласково покачал на ладони модель черного самолета. — Не буду сравнивать, но по значению это задание в чем-то сопоставимо с «Манхэттенским проектом». Вы ведь знаете, в каких условиях жили и работали люди из Лос-Аламосской лаборатории и в Аламогордо. Там было много наших.

— Понимаю, — кивнул Келли Джонатан, — к тому же у них был генерал Гровс.

— Можете считать *меня* своим Гровсом, — тонко улыбнулся Аллен. — Поэтому пусть вас не удивляет моя просьба: не откажите в любезности принять и оформить к себе на работу человек пять из моего бюро. Люди они умелые, превосходные инженеры, жалеть вам не придется.

— Благодарю вас за прямоту, Аллен.

— Не сомневался, что поймете меня. Что касается финансирования проекта, то мы найдем подходящие внебюджетные статьи расходов, чтобы благополучно обойти Конгресс, не называя кошку кошкой.

— Совет директоров нашей фирмы ставит вопрос о количестве серийных экземпляров этой машины.

Аллен засмеялся:

— Боже мой, Келли! Вы же сами член совета и отлично понимаете конъюнктуру данного проекта. Это заказ правительства Соединенных Штатов, заказ особой важности, заказ штучный, когда идут на любые расходы. «Локхид» не останется внакладе, даже если мы закажем вам всего три самолета. Кроме того, за счет федерального бюджета мы субсидируем строительство монтажного корпуса для сборки и испытаний этих машин в Калифорнии, на Сухом озере. А теперь — главное. Когда можно ожидать первого полета?

— Не раньше чем через год, — не задумываясь ответил конструктор.

— Это слишком долго!

— Задержка с мотором. Мы заказали специальный двигатель ребятам из «Пратт и Уитни», но у них возникли проблемы. Пока нет мотора, взлететь не на чем. Но я спокоен. При такой простой схеме сомнительно, чтобы наш «Кондор» оказался строптивым.

— Сколько времени займут летные испытания?

— Если мы соберем сразу три опытных образца, прибавьте еще примерно полтора года.

— Долго, Келли, непомерно долго!

— Мы не можем сократить время беременности с девяти месяцев до трех лишь потому, что нам хочется поскорей увидеть своего беби. Кому нужны в этом мире недоноски?

— Согласен. Завтра утром я доложу о нашем разговоре Айку.

— Коньяку, бренди, виски? — Аллен улыбнулся, давая понять, что деловая часть их встречи позади, и откинул потайную дверцу стенного бара.

— Не откажусь от джина со льдом, — сказал Келли Джонатан.

Неслышно вошел мажордом Майкл, Аллен отдал дополнительные распоряжения, и вскоре собеседники стояли у камина с бокалами в руках.

— Знаете, Келли, я сегодня весь вечер думал об этом нашем предстоящем свидании, — заметил Аллен. — Мне кажется, вы — один из тех редких людей, которые в силу склада ума и специфики занятий ясно понимают, насколько пугающе быстро будет теперь меняться наш мир. Может быть, поэтому мы так легко находим общий язык.

— Что вы имеете в виду?

— Вы лучше всех улавливаете тенденции развития летающих механизмов, а я... механизмов общества и истории. И те и другие нуждаются в надежных органах управления. Мы оба — из крохотной когорты компетентных деятелей, которые еще могут реально на что-то влиять.

— Допустим.

— Вы знаете, что всегда помогало и даже сейчас помогает мне, на седьмом десятке?

— Полагаю, это было бы чрезвычайно интересно узнать, сэр.

— Я никогда не был смиренным скромником, поверьте. Но всегда старался трезво оценивать свои возможности.

Келли Джонатан ничего не сказал в ответ, лишь чуть прищурил скептически левый глаз, и это не ускользнуло от наблюдательного хозяина.

— Да-да! Все считают меня безгранично самоуверенным малым. Но правда в том, Келли, что я никогда не принимал за эталон и точку отсчета свой собственный интеллект.

— Весьма конструктивный подход, сэр.

— Еще бы! Ведь за такие вещи приходится дорого платить. И знаете, такой подход не раз выручал меня в моем каверзном ремесле. Лишь благодаря ему мне много раз удалось переиграть тех, кто был от рождения куда умней и сметливей меня... Так вы-

пьем за то, Келли, чтобы наши враги были настолько глупы, чтобы не скрывали истинную силу своего ума.

Они молча выпили и поставили бокалы на мраморную каминную полку.

Аллен погасил верхний свет и выключил бра. Вновь лишь пламя камина одиноко светилось во мраке, опалая лица беседующих тревожным багровым сиянием.

— Простите мои архаические банальности, — продолжил Аллен, — но этот огонь в камине мне напоминает паровозную топку. Мы сейчас с вами словно двое машинистов в кабине летящего паровоза — «локомотива истории», как выражаются наши красные заокеанские оппоненты.

— Серьезно? — удивленно поднял брови конструктор.

— О да, я не шучу, — усмехнулся Аллен. — Таков их выпретенный патетический стиль. Им же принадлежат весь мир и будущее всего человечества! Всякий их микроскопический трибун выражается напыщенно, как член французского Конвента...

Конструктор засмеялся. Но Аллен продолжил более чем серьезно:

— Так вот, если вы спросите меня, почему я сражаюсь с ними почти всю свою жизнь, что движет мною, я отвечу: отвращение. Глубочайшее отвращение к этому их лжегероическому стилю и мое сознание собственной правоты перед их практикой тотального насилия, прикрытой велеречивой ложью... Пусть я не агнец... О, мы тоже тут все не агнцы, Келли!.. Далеко не агнцы! Но я действительно не хочу, чтобы весь мир и нас с вами затопила их фальшивая патока, их приторный сироп, ибо он пахнет лишь безбожием и кровью.

Он резко поднялся из кресла, прошелся по мягкому ковру и вновь вернулся к камину с моделью самолета в руках.

— С первого дня своего правления они открыто провозглашали, что посягают на весь мир. Чтобы

удержаться, они нагнали смертный ужас на свой народ и хотят, чтобы так жили все остальные. Хотели бы вы жить, страшась каждого шороха? Что касается меня, то я не желаю жить согласно химерам их пророков! Я борюсь за свое право быть самим собой, за свое право выбора! И хочу, чтобы эти права никто не отнял у моих потомков!

Аллен смолк, прошелся из угла в угол, вновь раскурил погасшую трубку, которую не выпускал изо рта во все время разговора, и продолжил:

— Вспомните: вдруг в Германии объявился Гитлер. Я был из тех, кто сразу принял его всерьез. Да, мы делали на него ставку. Мы вели сложнейшую интригу, чтобы использовать его как таран... Но он был нужен нам лишь как тупое орудие, способное остановить большевиков. И тут мы просчитались. Этот негодяй возомнил невесть что и вздумал пойти на тех, кто его создал и вырастил, как гомункула в веймарской реторте.

Трубка Аллена опять потухла, и вновь он щелкнул своей заветной зажигалкой.

— Играя и манипулируя людьми и событиями, я был вынужден бороться с теми и другими, стараясь, чтобы две гиены перегрызли друг другу глотки. Что-то мне удалось, что-то лопнуло и пошло прахом... но и немецкую, и японскую гиену, и этого мужлана Муссолини мы сумели одолеть. На время нам пришлось даже стать союзниками с красным дьяволом — но в масштабах Большой истории наш альянс был лишь вынужденным тактическим ходом...

— Ну, это понятно. Но что нас ждет в дальнейшем?

— Пока они не откажутся от идеи захвата под свои красные флаги всего мира, мы всегда будем врагами. А они не откажутся от нее никогда, Келли! Потому что иначе им просто не выжить, не удержаться! И вот мы вступили в эпоху чудовищного напряжения и страха: теперь и у них, и у нас эта Бомба, это апокалиптическое Сверхоружие! Но очень мало кто до конца осознает, какую угрозу представ-

ляет для мира атомный джинн в руках невежественных маньяков, для которых ничто в мире не свято, кроме их глобальной задачи подчинить себе и своей идее все народы...

— Неужели все-таки война? Но это же...

— Назовем вещи своими именами, — неожиданно жестко оборвал собеседника Аллен. — Мы решаем сегодня задачу высшей исторической важности: постоянно демонстрируя свое превосходство и балансируя на грани столкновения, любой ценой избежать войны.

Аллен заметно разволновался — видно, не так часто он мог открыто высказать свои сокровенные мысли.

— Они хотят убедить каждого на Земле, что голодный непременно должен чувствовать себя счастливым, потому что смысл существования — в бесконечной борьбе и войне. Но мы думаем иначе, и мы обязаны опровергнуть их примитивные коварно-соблазнительные утопии, рассчитанные на доверчивых бедняков! Чем? — спросите вы. Отвечу! Нашей культурой мысли и культурой производства, уровнем потребления и уровнем свободы. Мы заставим русских открыть миру их подлинное лицо — и эта ваша птичка должна оказать нам здесь неоценимую помощь.

Не отрывая глаз от обтекаемого тела модели, он медленно поднял ее над головой, и по шлифованной черной поверхности скользнули блестящие отсветы каминного пламени.

Через час они распрощались.

Вместе с Джиллингсом Аллен проводил Келли Джонатана до ворот виллы, пообещав передать завтра привет президенту.

Конструктор сел за руль рядом с охранником, завел мощный мотор и уехал в своем новом сером «линкольне».

Аллен вернулся в холл, где догорал камин, под-

бросил пару поленьев, разворошил угли старинной кочергой и ушел наверх в кабинет с черным самолетиком в руке.

Там он спрятал модель в сейф, снял чехол с небольшой пишущей машинки, вставил лист бумаги и, посидев несколько минут в неподвижности, сделал очередную запись в своем секретном дневнике.

5

В то самое время когда Аллен, дописав очередную страницу, перечитал текст, вычеркнул несколько неудачных фраз, вызвал Джиллингса и отдал ему листки, растер руку змеиным ядом, принял снотворное и отправился ко сну, на противоположной стороне земного шара только что проснулся другой человек.

Он полежал некоторое время с закрытыми глазами, не шевелясь, привычно прислушиваясь к дыханию спящей жены.

Кончался февраль, за окнами еще только начинало светать, и лежать неподвижно в постели было до невозможности сладко, как в детстве, в избе, на печке...

Памятью природа его наградила удивительной — чуть напрягшись, словно наведя прожекторный луч в нужную точку времени, он мог до полной реальности восстановить любую минуту своей долгой необыкновенной жизни...

Эти десять — пятнадцать минут каждого нового дня сразу после пробуждения были самыми важными и дорогими мгновениями.

Вечерами, когда добирался наконец до дому, подумать вот так перед сном не получалось: только и лезли в башку разные моменты минувших шестна-

дцати трудовых часов, полных неимоверного ежесекундного напряжения и страха допустить непоправимую ошибку.

Он вспомнил число наступившего февральского дня: ровно десять лет назад, день в день, двадцать седьмого февраля сорок третьего года, он в последний раз видел своего Леньку, сына от первого брака.

...Вызвали в Ставку, и, невзирая на угрюмую зимнюю непогоду, он приказал Цыбину «запрягать» — разогревать и раскручивать винты «Дугласа»... И вскоре тарахтящий отлаженными моторами темно-зеленый самолет уже трясло и мотало почти на бреющем над замерзшей Волгой. В серой облачной каше мелькнули и исчезли заснеженные черные развалины Сталинграда...

Он обдумывал доклад и предложения, которые надо было предельно толково, кратко и без запинки изложить сначала Жукову, а затем Усатому в Кремле, и в тот час еще знать не знал, что в этот вечер ему будут дарованы судьбой последние часы с Ленькой, жить которому оставалось ровно тринадцать дней...

Вместе с ним летели еще два генерала, несколько офицеров штаба, двое адъютантов и четверо порученцев. Сидя на длинных скамьях, протянутых от кабины к хвосту вдоль обшивки промерзлого фюзеляжа, привязавшись ляжками и тесно приткнувшись друг к другу, все они спали каменным сном людей, измученных войной...

Лишь он один — в светлой генеральской бекеше и мохнатых летных собачьих унтах — грузно качался в подвесном брезентовом креслице, протянутом поперек проема двери пилотской, хмуро глядя исподлобья вперед и мысленно поторапливая летчиков, чтоб скорей очутиться на белом поле Центрального аэродрома...

Вопреки обычным тревожным опасениям сове-

щание в Ставке прошло на редкость гладко и мирно. Даже обычно непроницаемо-суровый Жуков, кажется, одобрительно кивнул, отчего сразу полегчало на сердце...

Только-только отгрохотала трехмесячная битва за Сталинград, еще всеми наверху владело радостное возбуждение победы, и, будучи напрямую причастным к ней как член Военного совета фронта, на колючие каверзные вопросы Усатого он отвечал именно так, как надо, как тот требовал и любил: бодро, четко, быстро, не мямля, молодецкато, но скромно, не тушуясь, но с достоинством.

А после сидел-помалкивал за длинным столом да слушал и только во втором часу ночи на невзрачной черной «эмке» без предупреждения приехал домой.

Его не ждали — обрадованная внезапным свиданием жена кинулась обнимать и сразу повела в столовую, а там в скромно убранной комнате под оранжевым абажуром сидел и хлебал суп... Ленька.

Не виделись полтора года, да и на письма не были шибко горазды оба. Отец узнавал о сыне через донесения штабных «эстафет» да из редких звонков по телефону; сын об отце — из газет да «Последних известий» по радио. И вот — свиделись.

Ленька бросил ложку, вскочил, вытянулся по уставу — впервые видел отца в новой генерал-лейтенантской форме.

Был он повыше отца, тоже крепкий и ладный парень, но пока пожиже родителя с его приземистой чугунной мощью и могучими покатыми плечами шахтера-молотобойца.

— Сиди, сиди, ешь... — протестующе всплеснул отец толстыми руками, — ишь летун какой вымахал... давай заправляйся, говорю!

Обнялись, сжали один другого до хруста в костях.

— Молодец! Правильно жмешь! — одобрительно кивнул скупой на похвалу отец. — Дай-ка нам, мать...

Ленька сызмальства был жене Нине своим, па-сынком не прожил и часу, хотя много чего успел на-куролесить мальчишкой... Было — куда денешься!

Сумел и срок схлопотать по глупости — как ни вытаскивал отец, в ту пору — Первый секретарь ЦК Украины, — не вытащил. Война спасла сына от по-зора: попросился на фронт — смыть вину кровью. Но попал не в штрафники, как другие, а в авиаучи-лище, стал летчиком, летал на «СБ», скоростных бомбардировщиках, был тяжело ранен, выжил, по-лучил орден Красного Знамени, вернулся в строй, сам попросился в истребители...

Жена тотчас выставила на стол холодную — из-за окошка — бутылочку «Московской», он разлил по рюмкам — себе, жене, сыну.

— За встречу! — сказал он, хотя в их кругу был положен первым совсем другой тост — за Хозяина. Здесь же, в кругу ином — домашнем, семейном, он мог позволить себе такую немислимую вольность.

Посидели, потолковали, повспоминали, посмея-лись. Потом младших отправили спать, остались вчетвером, с Радой, а после он увел старшего сына в кабинет, побыть вдвоем...

И все годы, все эти десять лет с той ночи, он про-клинал себя, что не продлил еще хоть на четверть ча-са того их разговора, что вышел разговор до обидно-го обыкновенным и запомнился так ярко, до мельчайших деталей лишь потому, что оказался пос-ледним.

Сидели в кабинете... Ленька привычно закурил «Звездочку». Отец с каким-то отстраненным удивле-нием смотрел, как он курит.

Война выправила парня — третий год он был пи-лотом и, как говорили, летуном с «искрой», был уже женат на милой женщине Любе и сам успел обзавес-тись дочкой, но видеть и ощущать его матерым му-жиком было по-прежнему чудно — больно быстро как-то все обернулось.

Да и то сказать — сколько видеть ребят своих доводилось? Считай, с тридцать второго только и ночевал дома. А так все бега, заседания, совещания, бюро, комитеты, разные города, комиссии, разъезды и разлеты, то вверх, то вниз... Хотя нет — шалишь! Всегда вверх, только вверх...

И теперь, когда давно уже имя его непременно звучало и писалось в самом главном списке-перечне первых имен страны, оставалось лишь удивляться — когда выросли и возмужали дети.

Сын вот летчиком стал... И может, от зависти, может, от незнания этой его мудреной опасной работы ко всему, связанному с полетом, к смельчакам-летчикам, конструкторам, самолетам, механикам, к своему личному пилоту майору Цыбину он невольно относился втайне с каким-то восторженным мальчишеским восхищением.

— Летаешь-то как? Ничего теперь? — спросил наконец то, о чем все время хотелось спросить. Сын понял, разгадал невысказанную его тревогу, поспешил успокоить:

— Да хорошо, папа. Я уж и забыл про то.

— Врешь небось, — сказал отец. — А ну, покажи!

— Чего? — не понял Ленька.

— Не дури давай, — грубовато оборвал отец. — Сам знаешь — чего. Снимай рубаху, говорю!

Невольно в голосе его прорвались генеральские нотки. Сын послушно задрал белую рубашку и нательную форменную фуфайку. Багровые рубцы от ранения и розовые швы были на боку, под левой лопаткой, поперек груди. Они были еще свежие, и отец с каким-то особенным, пристальным вниманием рассматривал их в свете настольной лампы под зеленым абажуром.

Ничего не сказав, резко, почти грубо приказал:

— Ладно, одевайся...

— Ну как, доктор, жить буду? — засмеялся Ленька.

— Будешь, будешь, — сердито обрезал отец. — Значит, говоришь, признан годным по всем статьям?

— Так точно!

— Ладно, летай! — с какой-то странной интонацией, похожей на внезапное сожаление, махнул рукой отец и принялся яростно растирать крутой затылок большой, круглой, рано полысевшей головы.

— На «бомберах», значит, больше не хочешь?

— Не-а! — широко улыбнулся Ленька, и отец в какой раз за жизнь изумился, насколько сын становился похож на него, когда улыбался.

— Куда назначен?

— В Первую Воздушную армию.

Отец задумался, потом сказал:

— Хочешь, с Вершининым поговорю? В хороший полк определит — хоть к Покрышкину.

— Да ну! — сказал Ленька. — Зачем, папа?

— И то верно, — вздохнул отец. — На войне не угадаешь...

Он спросил еще о невестке Любе, о любимой внучке, махонькой Юльке, хотел сказать еще многое, очень многое, но слов, конечно, не нашлось, а понапрасну языком молоток не любил.

Всегда и всеми считался он душой-человеком, заводилой-весельчаком, охальником-балагуром, да и был таким сызмальства, а после охотно поддерживал эту молву. Отчего же в тот вечер не сыскал для сына ни слова доброго, ни обычной какой-нибудь своей шутки?

Отчего не схватил, не привязал к себе самым прочным узлом, не оставил рядом, не сберег у своей руки, а просто, похлопав по плечу, сказал устало, буднично:

— Ладно, Леня, пошли спать. Пора...

А утром в половине пятого за ним уже прибыла машина, а еще через час тот же Цыбин на том же «Дугласе» тащил его в дымном февральском небе обратно на фронт над искромсанной землей.

Вот и все... Через месяц с небольшим вызвали и доложили, что сын канул где-то, улетел и не вернулся.

ся. Как положено было говорить согласно жесткой и непонятной формуле войны, «пропал без вести».

Но какую весть мог подать он, если его «ястребок» разнесло в пыль немецким снарядом? Какая там весть, если родное тело раскрошило очередями, если вспыхнул мотор, заклинило управление и сын сгинул вмиг в какой-нибудь хлюпкой трясине, каких полно и в Белоруссии, и на Украине?

Какая весть? Откуда?! Через какого гонца?.. Но пало — проштамповали, прихлопнули клеймом, словно навесив на Ленкину душу петлей сомнительного знака вопроса поганое скрытое подозрение, — а вдруг не в пыль? А вдруг не в болото? А вдруг?..

Вполне вероятно, это клеймо вмазали нарочно ссученные особисты — и не мертвому Ленке на лоб, а ему самому засадил с размаху промеж глаз дружка Лаврентий, чтоб не рыпался, не трепыхался товарищ. Чтоб помнил...

А помнить приходилось мно-ого чего... И сейчас, в это раннее утро, мысли о сыне, как всегда, невольно потянули и вытащили из запретных омутов воспоминания о невестке Любе...

И, как всегда, только при одном имени ее его пронизало, скрутило, скорчило всего невыносимым, жарким стыдом. Стыдно было перед погибшим сыном, перед ней, Любой, перед самим собой... Нестерпимо стыдно, что вот он, один из могущественнейших людей страны, человек из того самого главного списка, девятый или десятый после самого Хозяина, должен был трепетать и скакать, как блоха на аркане, в руках слепой, незримой и беспощадной убийственной силы, почему-то названной «волей партии»...

Стыдно, что при всем могуществе своем он был бессилён спасти и отстоять, вырвать из лагерной мясорубки вдову своего убитого сына... Что он жил здесь, в Доме правительства, ел-пил, как царь, и ездил в одном из специальных бронированных лимузинов, в то время как Ленкина любовь и мать лю-

бимой внучки лишь только за то, что сын положил голову, не послав вести и не отправив гонца, должна была швырять на морозе голыми руками куски угля в лагере под Карагандой.

И это с *ним* так, с *ним*, со вчерашним первым человеком Украины и нынешним первым человеком Москвы — как с любимым-всяким!

Тут «воля партии» была, и правда, куда как демократична — уравнила всех.

Почти тридцать лет власти...

Когда побольше ее было, когда поменьше, а в тридцать втором власть получил громадную, тысячи жизней держал в руках.

И в то же время — тридцать лет унижений, тридцать лет лукавого шутовства, тридцать лет привычного кровавого соучастия, чтоб и поныне, даже в этой постели, под боком теплой спящей жены, все так же трепетать перед незрячей нерассуждающей безжалостной «волей партии».

Трепетать, трястись, будучи уверенным, что иначе и быть не может, не бывает и не должно быть...

Во рту была горечь. Так бывало всякий раз после пьянок в Кунцеве, на «ближней» даче, когда на рассвете еле добирался в своем «зисе» до этой кровати, а после все утро и полдня мутило от ночного унижения...

Но хотя пьянок при дворе Усатого не было уже с неделю, муторно и горько было от привычного бессилия перед силой...

В радиоточке зазвенели куранты — шесть утра. Ну, вот и все, пора... Запели хором Гимн Советского Союза...

Сплоти-ила наве-еки Вели-икая Ру-усь...

Он крякнул и усмехнулся про себя. Когда десять лет назад впервые прослушивали этот гимн в ЦК, отчетливо почудилось: «сплотила навеки великая

грусть». Подумал — ослышался И -- испугался, завертел головой, глядя на других — да? нет? — такая была в этих словах великая страшная правда... та правда, которой надо было бояться пуще всего.

Пора было подниматься, вставать. Но сначала — загнать глубоко-глубоко, на самое дно самого темного заповедного подвала души и совести все эти преступные мысли, без которых он давно бы превратился в нерассуждающее, на все готовое сытое мясо, вроде покойника Жданова или Жорки Маленкова, что сейчас, наверное, уже топал своими жирными ногами по персидским коврам прямо под ним, этажом ниже.

Он тряхнул головой и быстро, легко поднялся — невысокий, полнотелый, курносый и плешивый, один из послушных властителей первой в мире страны социализма.

Вновь он был весь — воля, частица воли своей партии, живая деятельная энергия, «ндравный» характер, насупленный кремлевский скоморох, когда надо — крикун, когда надо — плясун, готовый на все, чтобы удержаться на докрасна раскаленной тоненькой проволоке власти, на которой отчаянно балансировал уже сорок лет.

Президент, которого весь мир и вся Америка еще со времен недавней великой войны привычно ласково называли Айком, высокий лысоголовый человек с внимательными прищуренными глазами и крепкими квадратными челюстями приветливого бульдога, принял лишь вчера назначенного директора Центрального разведывательного управления вне очереди, без дурацких бюрократических околичностей.

Слишком ответственный и важный намечался

разговор, и слишком давно они знали друг друга и работали рука об руку.

Поначалу Айк намеревался пригласить на беседу еще двоих высших сановников: вице-президента и старшего брата Аллена — Джона, государственного секретаря, ведавшего вопросами внешней политики. Но потом от этой идеи отказался.

Вице-президент с его грубостью и манерами, казалось бы, несовместимыми с профессией адвоката, только мешал бы столь важному разговору неглубокими невежественными замечаниями. Но главное — он не всегда умел держать язык за зубами, а в данном деле это требовалось соблюдать неукоснительно.

Братец Джон — при всей решительности и твердости в отстаивании Великого Американского Идеала, при всей мощи его пугающе-непримиримой риторики — все же бывал подчас слишком консервативен и некстати... выразимся обтекаемо... старомоден, чтобы до конца поддерживать смелые действия, продиктованные необходимостью проведения мер... назовем так — *негласной геополитической хирургии*.

Другое дело Аллен... Младший брат, с его планетарным мышлением, с широтой воззрений, с тем здоровым конструктивизмом политика, позволявшим ему легко преодолевать мнимые препоны абстрактных принципов, уже второе десятилетие был лучшим советчиком в самых щекотливых ситуациях.

Айк знал — если в мире существовал бог разведки, то Аллен по праву мог считаться его верховным жрецом.

Кем в этом случае оказывался он сам, Айк предпочитал недодумывать, да это было и не столь важно. Куда существенней было то, что вдвоем, без свидетелей, без лишних ушей, они всегда говорили, понимая друг друга с полуслова, на одном языке.

Ровно в девять ноль-ноль по вашингтонскому времени Аллен вошел в Овальный кабинет с черным портфелем в руке.

— Доброе утро, Айк!

Президент поднялся из-за стола на фоне звездно-полосатого американского флага

— Доброе утро, господин директор.

Аллен чуть улыбнулся:

— Как всегда, восхищен вашей интуицией. Превосходно, что мы одни. Сегодня действительно нам нужно побыть и поговорить вдвоем. Айк! Поступила экстренная информация.

— Слушаю.

— Сорок минут назад я получил шифровку. В Москве происходит что-то странное. Хотя еще нет никаких официальных сообщений, однако мои люди отмечают усиление патрулей в центре города, активизацию перемещения правительственных машин, а также выдвижение бронетехники в направлении Москвы от мест постоянной дислокации.

— Что сообщает служба радиоперехвата? — быстро спросил президент.

— Здесь как раз все наоборот — на их каналах спецсвязи в диапазоне коротких волн отмечается необычное затишье.

— Что бы это могло значить, Аллен?

— Думаю, основная нагрузка легла на телеграфные провода и защищенные телефонные линии. Кроме того, помимо обычных, у нашего посольства дежурят несколько дополнительных автомобилей. Судя по всему, в Москве начались любопытные процессы.

— Сколько ему сейчас?

— Двадцать первого декабря прошлого года ему исполнилось семьдесят три.

— Не так много при кавказском долголетии...

— Но не при его образе жизни.

Президент вышел в соседнюю комнату, где находился стационарный узел связи Главнокомандующего Вооруженными Силами Соединенных Штатов, связался с министром обороны.

— Дуайнинг? — услышал Аллен. — Я ввожу в действие директиву А-18. С этой минуты и до особого распоряжения.

Аллен знал: это означало введение повышенной боевой готовности всех родов войск во всех частях и на всех базах во всех регионах мира.

Президент вернулся в кабинет. Аллен щелкнул замочком портфеля, извлек и протянул ему плотную кожаную папку,

— Господин президент, здесь шесть наиболее вероятных сценариев дальнейшего хода событий и расстановки сил в случае исчезновения Большого Хозяина.

— И какой, на ваш взгляд, наиболее правдоподобен?

Аллен достал и набил трубку. Ему одному дозволялось курить в этом кабинете — Айк любил благородный запах его табака. С ответом не спешил.

Президент ждал... Он понимал, какая громадная работа происходит сейчас в высокоумной голове его визави. Наконец Аллен поднял глаза и произнес только одно слово:

— Берия.

— Вы полагаете, Аллен? — озабоченно нахмурился президент.

— По крайней мере, на переходный период. Даже если де-юре будут объявлены другие имена. Реальная сила сегодня за ним. Другой вопрос, сколько продлится это положение. Кризис власти неизбежен, и он разрешится ликвидацией побежденного. Иного не дано.

— Возможны ли серьезные события в районах нашего непосредственного соприкосновения?

— Маловероятно. Пока что им надо решить главный вопрос в их кремлевских теремах. Впрочем, у меня есть и более приятная новость.

Президент засмеялся:

— Как будто, Аллен, если мы с вами не ошиблись в нашем предположении, это *дурная* новость!

— В масштабе Большого Исторического Времени новость, конечно, великолепная. Беда только в

том, Айк, что нам с вами суждено разгрести дерьмо текущего дня. Впрочем, не будем спешить... Так вот, приятная новость: вчера вечером я принял в Ричмонде этого нашего гения Келли. Он показал мне модель и поклялся, что примерно через два года этот воздушный суперразведчик будет готов к своей миссии.

— Вы по-прежнему уверены, Аллен, что мы никак не сможем без него обойтись? — не без тревожного сомнения в голосе произнес президент и повернулся к нему.

— Абсолютно уверен! В эпоху ракет и атомных зарядов мы просто обязаны знать, откуда и какого нам ждать подарка.

— Послушайте, но вы же не можете не понимать: если русские обнаружат, что мы хозяйничаем у них над головой...

— Они поймут, где их место. И ровным счетом ничего не произойдет.

— Но почему, Аллен?

— Потому что их лидеры на самом деле хотят только одного: *жить*, и жить *так*, как они живут. Они покричат, помашут кулаками и сделают вид, будто ровным счетом ничего не произошло. Но скорее всего, попробуют сохранить эти полеты в тайне и промолчат. Вряд ли они горят желанием расписаться перед всем миром в своем бессилии.

— А если все-таки они поднимут скандал? Как вы думаете, на чью голову все это посыплется?

— Господин президент! Если ваше решение по этому самолету будет отрицательным — мне ничего не останется, как просить отставки.

— Ах, Аллен, да погодите вы...

— Я не шучу. Пусть лучше я войду в историю как самый незадачливый директор ЦРУ, пробывший на посту всего два дня, чем откажусь от возможности наверняка знать обо всем, что замышляют враги против моей страны... Поймите, Айк! Ведь теперь у них есть водородная бомба!

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 2 марта 1953 г.*

«Итак, сегодня ровно месяц и еще десять дней после инаугурации Айка. Занятно: вчера я приведен к присяге в качестве директора того ведомства, проект которого сам же и разработал через два года после окончания войны в Европе.

Вопрос вопросов: сможет ли Айк в полной мере проявить себя на этом посту?

Управлять целым миром все-таки несравненно сложнее, чем командовать даже самыми крупными воинскими соединениями или быть номинальным ректором Колумбийского университета.

Если бы нужно было дать исчерпывающее определение момента, оно вместилось бы в два слова: «чудовищная неустойчивость». Слишком много непредсказуемого.

А теперь еще эта зловещая тишина в Москве... Если дядюшка Джо действительно отдал дьяволу душу или выведен за поле — мы окажемся в совершенно новой ситуации. Готовы ли мы к ней? Я готов, и готов давно. Но остальные?

Проклятая подагра — чертовски болит рука. Пойду пройдуся, а затем продолжу.

Прогулялся по аллеям парка, рука прошла, продолжаю...

Разумеется, короля играет свита, а президента — администрация. Айк далеко не глуп, имеет огромный опыт организатора, но он слишком любит играть в гольф, чтобы его можно было назвать светочем интеллекта.

Мой Джиллингс даст Айку сто очков вперед по уму и по части осознания всей трудности президентской роли. Я уж не говорю о философской глубине его оценок происходящего.

Он мой охранник уже двадцать третий год, я видел его во всех передрыгах, но не устаю удивляться. Вот кого я бы сделал президентом — разумным, твердым, по-настоящему мудрым и прозорливым!

Джиллингс видит и понимает события, устанавливая логические связи легко и непосредственно, как школьник, читающий учебник истории через двести лет, когда уже расставлены все точки над «і». Вот в чьей администрации, стань он президентом, я бы работал с полной отдачей.

Без Роберта Джиллингса моя жизнь была бы пресна, как рождественский пирог тети Эдны.

Итак, с чем я вступаю в свою должность? Надо признать: в военно-стратегическом отношении вторая мировая война принесла нам все же больше выгод, чем утрат. Красный медведь загнан в свою берлогу и обложен базами по всему периметру его территории. Ему удалось прихватить всю Восточную Европу и добрый кусок Индокитая, но сколько лет сумеет он силой оружия удерживать в своих лапах эти лакомые куски, ответит только будущее.

Здесь многое зависит от нас и, возможно, в первую очередь именно от меня. Разумеется, люди не боги, и даже почтенный мистер Гувер со всем его ФБР все-таки не бог, не демиург.

Форменная катастрофа — то, что русским удалось завладеть секретом бомбы. Даже я просчитался в оценке сроков их первого взрыва. Мрачный медведь с урановой бомбой и ракетными клыками, торчащими из пасти, — хорошенькая перспектива на ближайшие сорок лет! А мы по-прежнему слишком мало знаем о том, что является для нашей разведки абсолютно приоритетным.

Где их атомные объекты? Где ракетные полигоны? Мои люди бессильны пробить крепостные стены их секретности! А каковы намерения кремлевских правителей? Что там за пазухой у этого Берии? Как суметь их опередить, если они все же решат действовать ва-банк? Как уследить?

Вот почему нам так нужен этот самолет Келли — в полном смысле слова *жизненно необходим!*

Но Айк колеблется, опасаясь сделать неверный ход.

Сколько сил пришлось затратить мне сегодня, чтобы убедить его... Как все военные, он несколько ограничен... Даже тогда, когда прямая выгода самоочевидна.

Вопрос, быть может, уже завтрашнего дня: как нам вести дела с возможным кремлевским наследником?

О, проклятая рука! Шарлатаны-доктора только делают умные лица, а между тем ни черта не понимают.

Мой самый верный метод лечения — теннис, теннис и теннис.

По добытым (причем воистину ценою жизни!) обрывочным донесениям моих людей, действующих в России, в безлюдных степях северо-восточнее впадения Волги в Каспийское море русские проводят испытания своих новых ракет небольшой дальности. Надо быть полным простаком, чтобы не сообразить: довольно скоро они научат свои ракеты летать дальше и им потребуются другие полигоны для пусков и целевых точек стрельбы — на Камчатке, на Чукотке или где-нибудь в океане.

Как только мы выпутаемся из корейской ловушки, я направлю все силы на изучение самых подозрительных районов в России: на Северном море, во всех волжских городах, в Нижнем Поволжье, на Дальнем Востоке и особенно в Казахстане.

Но пока у нас не будет машины Келли, эти планы так и останутся лишь розовыми мечтами, а агентура будет действовать хаотично и наугад.

По-прежнему решаю для себя вопрос, как поступить с этим дневником. Как документ эпохи он, несомненно, будет представлять уникальный интерес для всех, кто захочет разобраться в хитросплетениях послевоенного мира. В то же время здесь столько откровенных мыслей и суждений, которые перевернут

вверх ногами любую казенную официальную историографию!

Никак не решу, на сколько лет после моей смерти засекретить в архиве эти записи. Даже через пятьдесят лет обнародовать их будет опасно и преждевременно. Через сто лет, возможно, уже поздно. Склоняюсь к какой-нибудь идиотской формулировке своей посмертной воли, например: «дозволяется сделать предметом гласности через семьдесят семь лет, три месяца и четыре дня после моей кончины». О, как они кинутся рвать друг у друга из рук эти странички! Но пусть сначала еще сумеют найти ключ от моего шифра!.. То-то покусают локти!

Завтра займусь оборудованием по своему вкусу кабинета в управлении. А сейчас вызову Джиллингса и отойду ко сну.

Из Москвы пока никаких сообщений. Надо набраться терпения и ждать.

Спокойной ночи, господин директор! Спокойной ночи,

*старый хрыч Аллен,
мученик подагры».*

Дописав последнюю строку, Аллен поднял телефонную трубку. Роберт Джиллингс немедленно отозвался:

— Все готово, сэр?

— Да, дружище. Старик Аллен накропал еще несколько листков. Заходите и приступайте.

— Слушаюсь, господин директор!

Все эти формы этикета и субординации давным-давно были привычной безобидной игрой двух немолодых мужчин, ставших, по сути, самыми близкими друзьями.

Лишь один Роберт Джиллингс на всем белом свете знал об Аллене то и был посвящен в такое, о чем и догадаться не смел весь остальной мир.

Именно Джиллингс неоднократно с конца тридцатых годов выполнял самые трудные, невыполни-

мые поручения своего патрона и не однажды легко и бестрепетно предлагал неумолимому Танатосу собственную жизнь взамен жизни Аллена. Это было в Африке, в Швейцарии, в Германии, дважды в Париже, в Японии, на Филиппинах... Одним словом, Аллен доверял Джиллингу ровно настолько, насколько доверял самому себе.

И вот он вошел — могучий здоровяк весом триста фунтов, спокойный, уравновешенный, похожий лицом на постаревшего Спенсера Треси.

— Входите, входите, душеприказчик чертов, — воскликнул Аллен и жалобно помахал рукой. — Что власть, мой друг, перед властью старухи подагры!

Джиллингс подхватил на лету худую руку и принялся растирать. При этом Аллен морщился и ругался.

Затем Джиллингс остался один. Он бережнейше взял четыре небольших исписанных листка, пробежал их глазами и принялся за работу, абсолютно бесстрастно и равнодушно-отстраненно встречая собственное имя.

Из второго тома Шелли на полке был извлечен сложенный вдвое пожелтевший листок — инструкция пылесоса «Вестингауз» 1939 года выпуска, ключ шифра, которым пользовались Аллен и Джиллингс в работе над историческим дневником, самым секретным документом Соединенных Штатов.

Закончив работу, Роберт сжег в пепельнице листки, написанные рукой Аллена, подшил новые странички шифрованного текста к толстой пачке зашифрованных прежде, протернул толстым суровым шнуром и запломбировал разогретый красный сургуч своей золотой печаткой на перстне с инициалами «А.Д.».

Затем спрятал дневник в маленький переносной сейф, который повсюду сопровождал Аллена в его разъездах и путешествиях с конца тридцатых годов.

Тот утренний разговор наедине в Овальном кабинете Белого Дома двух крупнейших фигур на шахматной доске американской политики имел, как писали обычно в московских газетах, «всемирно-историческое значение», и спустя несколько лет он заметно повлиял на судьбы и биографии не только отдельных людей, но и всего нашего века.

Очень часто, соотнося и соразмеряя воздействие иных фактов на ход истории, журналисты разделяют задачи и интересы политиков и разведчиков, порой даже ставя их как бы в оппозицию друг другу, а то и просто в конфликтные отношения.

Возможно, на каком-то уровне это и резонно, и между людьми «чистой политики» и «чистой разведки» возникают разногласия и моменты взаимонепонимания.

Обычно это случается, когда твердолобые политики не вполне доверяют сообщениям своих разведчиков или игнорируют их рекомендации. Но на высшем иерархическом ярусе разделение задач и интересов этих двух родов человеческой деятельности представляется абсурдным.

Политики занимаются сбором и систематизацией сведений и данных, получаемых от разведки, в то время как крупнейшие разведчики высшего эшелона, определенным образом преподнося и интерпретируя факты, исподволь формируют политическое сознание руководителей страны и всей нации и тем самым прокладывают направления в многосложных сферах межгосударственных отношений.

Именно таким разведчиком абсолютной величины и политиком-идеологом в одном лице, вне всякого сомнения, можно назвать Аллена.

...Начало его пути выглядит более чем идиллически и не может не впечатлить.

В восемь лет вдумчивый мальчик издал свою первую книгу об англо-бурской войне, трогательную, если исходить из возраста автора, но вполне разумную с точки зрения его взгляда на события, где основным критерием истины был положен принцип нравственной справедливости и предсказывалась неизбежная победа буров над англичанами, победа нравственной правоты над правом силы.

Уже тогда раскрылась суть его жизненного назначения. Разведчик Аллен не может быть понят иначе как Аллен-политик не только потому, что вышел из семьи, славной традициями и заметным вкладом в историю американской дипломатии: его дед и дядя в разное время были государственными секретарями Соединенных Штатов, чью эстафету потом не без успеха продолжил старший брат Аллена — Джон.

Дело в том, что Аллену в высочайшей степени было присуще концептуальное мышление, способность выстраивать развернутые глобально-исторические модели, в осуществлении которых, естественно, первостепенную роль играло тайное завладение конфиденциальной информацией тех, кто мог воспрепятствовать осуществлению его планов.

Именно в этом пункте происходило полное слияние его геополитических и разведывательных задач, и именно здесь он достигал своего пика корифея разведки.

Приходили и уходили президенты и их администрации, руководители министерств и госдепартамента, по-американски быстро и энергично сменялись поколения политиков и стили ведения дел, а Аллен из десятилетия в десятилетие, не спеша и не настегивая Историю, занимался своим делом, все выше восходя по крутой лестнице своего особенного, не похожего ни на какое другое поприща.

Историк, философ, магистр искусств, адвокат, бизнесмен, он всегда и во всем оставался самым со-

бой, всегда сохранял свое собственное выражение лица, лица внимательного исследователя времени, социальных формаций и разноликих фигур своих противников, которых ему надлежало переиграть умом, интуицией и знаниями.

Он писал книги, в которых без пустого бахвальства пытался подытожить свой необозримый опыт.

Он задумывал и проводил головокружительные многоаспектные операции, некоторые успешно, некоторые неудачно, но во всем, что он делал, еще с двадцатых годов прослеживалась четкая линия, пресловутая «красная нить»: борьба с мировым красным утопизмом ради сохранения и утверждения тех понятий, которые были вложены в него отцом-священником и благодаря которым он до мозга костей был безжалостным и жестоким врагом большевизма.

В этой борьбе для него не было ни моральных догм, ни ограничений, присущих абстрактной человечности.

Здесь, по понятиям Аллена, были хороши и вполне употребимы в полном смысле все средства.

Цели же его были таковы, что добиваться их надлежало любой ценой.

9

Накануне, когда расставались вечером, направляясь из своего особого подъезда к новеньким «зисам»-броневикам, Лаврентий как-то... *особенно* посмотрел на него.

Да-да... *особенно*... Тут не было ошибки. Посмотрел — и улыбнулся. И, как всегда, невозможно было разобрать, что скрывается за обычной ухмылкой проклятого мингрела.

Что-то коварное, злорадное, какая-то припасенная за пазухой, ежеминутно готовая проглотить,

невидимая змея так и глянула, разинув ядовитую пасть, из квадратных стеклышек знаменитого пенсне.

И теперь, в это дымное холодное утро двадцать седьмого февраля пятьдесят третьего года, вернувшись в обычную свою жизнь из запретного небытия свободы и бреясь перед зеркалом, Никита Сергеевич прежде всего остального вспомнил эту зловещую ухмылку и невольно поежился.

В отличие от большинства членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, он брился сам и услугами приставленных кремлевских парикмахеров не пользовался.

Он знал, чьи это людишки, эти тихие, вежливые старые евреи со своими стерильными накидками и французскими опасными бритвами. Поговаривали, они норовили втравить между делом в скользкий разговорчик и нарочно подбрасывали байки про того или другого.

Поразительные смельчаки! Только ежу не понятно: будь сами по себе, а не с Лубянки, они и рта не посмели бы открыть. Эти же были до странности говорливы, и от них непременно надо было ждать какой-нибудь пакости.

Ясно представил, как вот в эту самую минуту какой-нибудь хитрый Шмуль или Сруль из лубянской цирюльни выглаживает французской сталью надутые щеки пухлого Маленкова, обходит черные усики под капризным кривым носом Микояна, как шлифуют и полируют угрюмого Вячеслава Михалыча и «железного Лазаря» и самого Лаврентия и как они толкуют о...

Да что это он?! Видно, еще не проснулся! Какие там Срули-Шмули?! Ими и не пахло больше на сто верст вокруг Кремля и Старой площади... Изводили эту породу, как заразу, на всех этажах и в кабинетах... «Дело» докторов, всех этих Фельдманов и Вовси, только накручивало обороты... кое-кого пока еще не взяли, не успели вывести в расход, но главное было сделано — и духу их ядовитого не должно было ос-

таться впредь, отныне и навсегда, ни в партии, ни во власти...

Он и сам любил побалагурить, тем и славился. За то и был чаще многих зван и обласкан и в Жуковке, и на Рублевке.

Но о самых темных, самых страшных цековских делах крепко-накрепко научен был молчать. Потому что с первых дней аппаратной работы первой первого усвоил и зарубил на носу главное: самые тайные из всех тайн — тайны партии, разгласить которые, разболтать значило немедленно лишиться языка вместе с головой, исчезнуть тут же и без следа, приняв лютовую смерть.

И так, среди нескончаемых тайн и вечных грифов «совершенно секретно» прошла вся жизнь. И иначе он уже ни дышать, ни думать не умел. И допустить не мог, что можно жить по-другому — открыто, не хороня дела и мысли в глухих черных сейфах в «особых папках» и «вечных» архивах, а то и вовсе сжигая под роспись в специальных печках...

А уж что прятать и сжигать приходилось о-о-оо как много чего, знал куда лучше миллионов товарищей — рядовых партийцев... Да что там... И ему самому тоже было что таить-хоронить до скончания веков...

Вот и опять... как много раз за жизнь он ощущал вокруг себя внезапно сгустившуюся тьму новой жуткой тайны... То ли предчувствие Его надвигавшейся немилости, то ли...

Тертая-битая, многоопытная душа чуяла: то ли второй, то ли третий день вокругтворилось неладное, непривычное. Похоже, он еще чего-то не знал, что-то скрывали, а он обязан был знать все, решительно все!

Вдруг в одночасье незнакомыми стали лица охраны и у входа, и в проходной, и в бесчисленных коридорах ЦК и МГК.

Почему? Кто сменил? Чьилюди? Чем может обернуться? Какая недобрая выдалась зима! Что замышляют и готовят втихомолку друзья-соратники?

Он настолько привык не доверять никому и опасаться всякого, законно ожидая и угадывая неведомые, неразгаданные шкоды и вероломства своих ближайших товарищей, что и думать не смел даже с самыми близкими идти на полную доверчивую откровенность.

Всякая такая штука рано или поздно могла обернуться плахой, а он голову свою уважал — недаром же умудрился сберечь лысую свою башку сотни раз там и тогда, когда другие не исхитрились.

Всею жизнью, всем опытом он убедился и затвердил до последней косточки, что правда смерти подобна, что правдой непременно должна именоваться отъявленная ложь — «всяка врака да .....», как любил рифмовать он, подвыпив на охоте в заповедном Завидове.

Э-э-э! Что там правда! Какая еще правда?! Пусть правдой своей простодырые олухи тешатся. А Лаврентий, сволочь треклятая, явно недаром вчера ухмылочкой попугивал — тут он обмишулиться не мог.

Он обтирал лицо душистым, горячим, прямо из-под утюга — жена Нина протянула — белокрахмальным полотенцем, когда своим особенным журчащим звуком «позвала» вертушка.

Тут никакой необычности не было — звонили постоянно, но сейчас он почему-то почувал нехороший прохладный ветерок на загривке. Он вошел в кабинет и, плотно притворив дверь, снял трубку:

— Слушаю.

— Вот что, — немного задыхаясь, со своим знакомым акцентом, не поздоровавшись, торопливо заговорил Анастас. — Думаю, лучше нам будет поехать вместе.

— А что такое? — спросил он, чувствуя, как и в него тотчас вошла тревога. — Куда?

— По дороге скажу, — сердито отрезал Микоян. В прихожей он надел толстое драповое пальто с

черным каракулевым воротником, черную каракулевую шапку пирожком надвинул на нос и, прихватив портфель с бумагами, пошел к двери.

Супруга — курносая, широкоскулая — проводила испуганно-вопросительным взглядом, видать, заподозрила что-то по лицу.

Он хмуро буркнул: «Ну, давай...» — махнул неопределенно рукой и, утрюмо пригнув тяжелую голову, вышел на площадку. Охранник в форме с синими петлицами вытянулся и взял под козырек. Навстречу из двери напротив тут же вышел Анастас Иванович в таком же пальто и шапке-пирожке черного каракуля. У них было всего полторы-две минуты, чтобы перекинуться едва слышно главными словами, которые нельзя было выдохнуть вслух даже в машине.

Хитрющий лис-Анастас быстро проговорил в самое ухо:

— На «ближней» *плохие дела*, — и, не дожидаясь лишних вопросов, добавил: — *Совсем плохие*, понимаешь?

Он понял сразу — и земля качнулась, словно рядом упал тяжелый снаряд.

Понял: нет, никогда... не верилось, будто могло это сделаться само собой... Так вот она — вчерашняя ухмылка у подъезда!.. Либо уже прознал, гадюка, либо... устал ждать и решил ускорить дело?..

Но понял и другое, главное: в этот час Анастас решил сделаться союзником. Значит, сам ни в чем не уверен и ищет поддержки. Потому и предлагает сплотиться вместе против страшной смертоносной силы, той силы, что поглотила бы и расплющила их обоих. И это сейчас наверняка понимали не только они...

— Когда? — так же тихо спросил он.

— Никто ничего не знает толком, — непривычной скороговоркой ответил Микоян. — Кажется, пролежал на полу целый день. Я буду тебя рекомендовать.

Никаких разъяснений не требовалось. Каждый сейчас спасал себя, своих чад-домочадцев. Они давно, уже года полтора, особенно после последнего съезда, жили с тайным ожиданием того, что случилось.

Ясно: если опасливый Анастас решил его рекомендовать, значит, просчитаны до мельчайших деталей все возможности и все ходы, значит, вопрос уже со многими согласован и одобрен... Друг Микояша тут не давал промаха.

Мороз пробежал по спине — озноб внезапного тревожного возбуждения: да неужто?! Неужто пришел-таки его час?!

Либо сегодня, вот сейчас, в эти дни, либо уже никогда; либо все сразу и целиком, либо неминуемая скорая гибель.

Страх отступил перед натиском взметнувшейся решительности и воли. Он должен был обставить их всех, обштопать как мальчиков в этот кон подкидного-цековского дурака, а значит, набрать из колоды Секретариата побольше верных, надежных козырей.

Через полчаса, вместе с остальными, с лицом, искаженным невыносимой душевной мукой, и глазами, полными обжигающих слез, он стоял и смотрел на крепко спящего неподвижного усатого старика на большом черном клеенчатом диване.

Маленькое обрюзгшее тело грозного властелина в небрежно расстегнутом френче как-то не вязалось с тем, кого они знали и перед кем трепетали и преклонялись.

Ближе всех остальных, склонив набок плешивую голову, стоял Лаврентий Павлович — один, в отдельности от других, всхлипывая, не в силах отвести взгляд от неживого грозного Хозяина, которому, если верить газетам и голосу Левитана в репродукторах, предстояло считаться живым еще целых четыре дня.

И, глядя в черную спину зловещего общего врага,

Никита Сергеевич, будто по наитию свыше, уверился, что победит.

На этот раз — наверняка. Не может не победить... Победа же означала власть, громадную и немереную власть, ту самую, которой владел тридцать лет этот рябой старик, пока не очутился на этом диване, чтобы лежать, по-прежнему излучая мертвящий ужас, и смотреть свои жуткие вечные сны.

Пока только Первый секретарь Московского комитета Никита Сергеевич постоял еще, потом на цыпочках вышел в соседнюю комнатку и вернулся, неся старую солдатскую шинель Хозяина, приблизился и бережно прикрыл, оставив только недвижимую усатую голову.

Но вот Берия круто повернулся и, глядя в пол, быстро вышел из комнаты.

— Хрусталеv, машину! — донесся из коридора его зычный голос.

Хрущев с Микояном переглянулись.

— Поехал власть брать, — шепнул многомудрый Анастас.

Никита Сергеевич только сузил ледяные серые глаза.

... Потом было то, о чем сняты фильмы и написаны книги, статьи, воспоминания, всеми писавшими по-разному излагавшие одни и те же факты и события «дней безграничной скорби всего советского народа и всего прогрессивного человечества».

Одно было неоспоримо: конец кремлевского владыки знаменовал наступление новой эры, крутой поворот в истории целых стран, городов, семей и миллионов, миллионов отдельных советских и иностранных граждан, враз осиротевших без строгой, жесткой руки любимого всезнающего «отца».

Микоян не подвел, не подкачал.

Несколько дней почти без перерывов, подобно синклиту кардиналов, избирающих нового папу, они

договаривались — по двое, по трое, кому верховодить и править дальше страной, партией и народом,

Оказавшись при наивысшей власти и впервые ощутив полной мерой ее манящую чугунную тяжесть, Никита Сергеевич понял самое основное: все последующие дни, ночи, месяцы, а может быть, и годы придется пуще жизни беречь и укреплять свое новое положение.

Небывалой, отродясь не испытанной была его радость.

Но соразмерно ей, в прямой пропорции, пришла и завладела всем существом тревога — эту радость власти незначай выронить и потерять, упустить хоть на миг.

Он знал — улетев, она никогда уже не возвращалась.

Приставленный и прикованный к машине аппарата власти, он был слишком многим обязан и должен, слишком от многих был зависим.

Эта зависимость была как колодки на руках и ногах.

Пришла пора избавиться от этой обузы. Все дальнейшее неизбежно должно было обернуться нескончаемой борьбой, и он был готов к ней и заранее закатывал рукава.

10

---

*«Строго секретно. Донесение в Центр.
Нью-Йорк — Москва.»*

По сведениям канала «Палома», ведущий конструктор фирмы «Локхид эйркрафт» Келли (Кларенс) Джонатан завершил работу по созданию специального сверхвысотного разведывательного са-

молета, получившего обозначение «U-2». Одноместный самолет имеет следующие характеристики: дальность полета — ок. 8 тыс. км, скорость — ок. 800 км/час, практический потолок — 33 (тридцать три!) тысячи метров и предназначен для проведения детальной аэрофото — и электронной разведки в глубоком тылу противника. Оснащение: стереофотоаппаратура сверхвысокого разрешения, работающая в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах спектра, датчики магнитных полей, счетчики Гейгера, система радиэлектронной борьбы.

Более подробными сведениями источник «Паломма» не располагает.

Приложение: две фотографии самолета. Прошу принять к сведению и срочно (!) включить в план тщательной разработки по линии научно-технической разведки.

Стэнли».

По получении в Москве, несмотря на подпись «Стэнли», что всегда означало особую важность поступившей информации, тогдашний председатель МГБ Игнатъев по достоинству оценить этот документ не сумел. Вместо того чтобы ознакомить с ним действительно крупных авиационных инженеров и конструкторов, Игнатъев передал его на экспертизу в отдел авиации Научно-технического управления МГБ.

Это было время еще не отшумевшей дурацкой «приоритетной» кампании, когда всюду утверждалось как русское, так и советское мировое первенство во всех областях знания. И это сыграло свою роль. Данные вроде бы совершенно обычного с виду американского самолета, который эксперты увидели на снимках, особенно максимальная высота полета и спецоборудование, показались им невероятными, недостижимыми для того времени. Однако, не удосужившись вновь запросить источник для подтверждения и уточнения характеристик самолета, они за-

фикси́ровали свои скептические соображения в экспертном заключении, после чего Игнатъев с чистой совестью отправил донесение Стэнли в архив.

Отстояв положенную минуту, длинный зеленый состав дернулся, железный лязг пробежал по сцепкам от вагона к вагону, паровоз, будто спохватившись, коротко взревел, со скрипом закрутились колеса.

Поезд ушел, и с площадки последнего вагона закутанная в платок проводница сердито махнула им желто-зеленым флажком.

Ветерок разогнал белые облака паровозного пара, развеял запах смазки и горелого угля, и они увидели друг друга. Кроме них, никого больше не было на этом забытом полустанке в чистом поле.

Несколько хибар, сбившись в кучу, составляли разом и поселок, и станцию.

Они огляделись и увидели один другого. Были они в одинаковых формах, оба при чемоданчиках и солдатских вещмешках. Расстояние между ними — прикинули оба на глазок — составляло метров двести. Видно, один ехал в головном, другой трясся поближе к хвостовому вагону.

Торжественной встречи не ожидалось. И, сказавши про себя: «Ага, ясно», они пошли навстречу друг другу по заросшему травой междупутью, кое-где засыпанному для порядка серым гравием.

Сошлись, остановились лицом к лицу, поставили чемоданчики, протянули руки. В одинаковых шинелях с лейтенантскими погонами, в одинаковых фуражках с птичкой и голубым околышем...

- Сергей!
- Вазген!

— Прибыл для прохождения дальнейшей службы в Н-ский авиационный полк ПВО?

— Так точно! — широко улыбнулся Вазген.

— Летаешь или так... по матчасти?

— Летаю, летаю... — будто испуганно воскликнул Вазген.

— Значит, вместе летать будем, — постановил Сафонов. — Из Армении сам?

Вазген кивнул.

— Вот зараза, — с досадой махнул рукой Сафонов. — Двое суток вместе на этом «барыге» пилили. Раньше бы познакомились...

— Ну да, — мягко улыбнулся Вазген. — Конечно, жалко.

— Ладно, пошли узнаем, как дальше добираться.

И зашагали, хрустя сапогами по влажному гравию, в сторону жилья. Погода стояла паршивая, слякотная, чувствовалось, что зима не за горами.

— Веселенькое небо, скажи? Видимость — шиш да маленько.

— Это как? — не понял Вазген.

— Не разгуляешься, говорю, не полетаешь.

— Ты с какого года? — спросил Вазген.

— С тридцать первого. А ты?

— И я с тридцать первого. Отец жив?

— Да нет, — помотал головой Сафонов. — У меня никого... Я сын полка вообще-то.

— А у меня мама осталась, — сказал Вазген. — И брат. А папа — под Кенигсбергом...

Замолчали и некоторое время шагали рядом, помахивая чемоданчиками: высокий статный Сафонов, Вазген пониже, но как бы покрепче и постарше, как часто бывает с ребятами с Кавказа.

Дислокация полка и аэродрома была вещью глубоко секретной, и оба чувствовали замешательство: как расспрашивать гражданских?

Но первое гражданское лицо — старуха в телогрейке и скособоченной путевой фуражке опередила вопрос.

— Нюрка! — крикнула она хриплым голосом. — Еще летчики, вишь! Растолкуй им!

Нюркой оказалась старуха помоложе, только без фуражки с перекрешенными молоточками.

— Поезд-то опоздал, — сказала она, что для них не было новостью. — За вами, видать, полуторку-то присылали?

— Видать, за нами, — сказал Сафонов.

— Ждала-ждала, да и уехала полуторка-то ваша. А теперь-то, вишь, — опять вступила первая, — дело табак. Это вам, солдатики, километров двадцать по грейдеру бухать. А то и приютим до утра...

Они переглянулись.

— У тебя когда предписание явиться? — спросил Вазген.

— У меня сегодня.

— И у меня!

Посмотрели в глаза друг другу и улыбнулись. Двадцать километров? Смехота!

— Спасибо вам, тетеньки. — Сафонов приложил руку к козырьку. — Ждать нам нельзя никак, дотопаем!

— Водички, может, дать? Попейте на дорожку-то, — сказала тетка Нюрка.

— Это можно, — благодарно кивнул Вазген.

И вслед за женщинами, под яростный лай худющего пса, прошли в дом.

Нищета в избе была страшная, совсем как в войну, будто не минуло после нее уже восемь лет. На полу сидел и катал чурки чей-то пацаненок лет пяти. И, выпив воды, оба младших лейтенанта, не сговариваясь, развязали мешки и выложили, что получено было ими как дорожное довольствие из повышенного летного пайка: галеты, консервы «Печень трески», плитки толстого горького шоколада.

Поднялись разом, отдали честь и один за другим, ощущая не то стыд, не то вину, распрощались и поспешили из избы.

В расположение в/ч 17337 — в степной военный городок у деревни Архарово — они дошагали, когда

давно стемнело. Представились, доложились дежурному офицеру, и уже как бы само собой разумеющимся было, что рядом оказались их койки в жилсекции офицерской казармы, и шкафчики рядом, и шинели с фуражками на соседних вешалках.

А утром, оформив положенные документы, лейтенанты Сафонов и Айрапетян были зачислены в тридцать третий гвардейский авиационный полк противовоздушной обороны.

Гарнизон, куда прибыли Сергей и Вазген, был еще молод — ему только-только исполнилось три года.

Здесь стояли два полка истребительной авиации, работавшие с одной взлетно-посадочной полосы уже вполне современно оборудованного аэродрома, который обеспечивал удобные подходы с северо-запада и юго-востока и мог принимать летающую технику днем, ночью и в СМУ — сложных метеоусловиях.

Но первые четыре дня по прибытии в полк оба лейтенанта только знакомились с товарищами и входили в жизнь нового мужского сообщества.

Почти все здесь были молоды — того требовала новейшая авиамедицина, вводившая строгие ограничения для пилотов скоростных реактивных машин. Впрочем, на верхнем ярусе полковой иерархии плечом к плечу стояли дюжие сорока — сорокапятiletние «старикки», классные пилоты, прошедшие войну. Среди них — трое Героев Советского Союза: сам командир полка, полковник Игнат Артюхин, замкомполка и начштаба.

С первого дня новоиспеченные реактивщики Сафонов и его новый друг Вазген поняли, что им по-настоящему повезло. Атмосфера в полку была строгая, но веселая, с тем все пронизывающим задором отважной молодости, о какой и мечтали они, решив стать летчиками.

А городок военный — пресловутая «точка», поставленная судьбой в голой холмистой степи, был

мал и неказист. Штук десять двухэтажных казарм, вернее сказать, каменных бараков коридорного типа, построенных пленными немцами, жались вплотную к проволочному ограждению летного поля. Тут же теснились домишки штаба, строение корпуса наземной подготовки, штурманская, столовка на сотню мест и что-то наподобие клуба с маленькой библиотекой. Как хочешь, так и живи. Живи да летай.

Но дня четыре они все ходили, разговаривали со «старожилами», заводили приятелей, с нетерпением ожидая, когда наконец какой-нибудь добрый ветер разнесет и разгонит тучи и зануды синоптики откроют летные дни.

Вечером четвертого дня ветер переменял направление, раздул и наполнил сачок черно-белого ветроуказателя-«колдуна», и во время ужина они поняли: возможно, завтра утром их выпустят в небо. Проверят в деле — как учили и чему выучили, с какой летной сноровкой отправили служить.

Оба испытывали обычное пилотское волнение, которого они еще не умели умирять. И перед летным днем оба долго не могли заснуть — все крутились на койках или лежали, широко раскрытыми глазами глядя в черный потолок.

Знали — налет у каждого курам на смех, часов двести на простеньких поршневых, да по «полтиннику с копейками» на реактивных. Главную школу судьба определила им пройти здесь.

Так и сказал им Артюхин, когда, гуляя с группой новоприбывших выпускников летных училищ, в полкилометре от городка как бы случайно, но, видно, не без тайного мудрого умысла привел на поле, с торчащими над холмиками пятью красными фанерными пирамидками со звездочками наверху.

Под пирамидками лежали такие же, как они, сверстники, недавние курсанты. Постояли, помолчали, отдали честь.

А когда возвращались, Артюхин, вдруг приоста-

новившись, собрал их вокруг, человек двадцать пять, и сказал просто:

— Вот что, соколы мои! От земли до неба — ой как далеко! А от неба до земли — и чихнуть не успеешь. Кого-то отсеем — тут не учебка, тут армия. Кого-то оставим. Не хотите с теми лежать — учитесь как звери. Там, наверху, вас никто не спасет. Только сами, парни, только сами... Техника новая, дураков не прощает. Так что двигайте шариками и решайте.

И точно, ветер не обманул, назавтра распогодилось, и на аэродроме расчехляли самолеты.

После побудки, гимнастики и пробежки, после легкого завтрака Артюхин построил свое пополнение на летном поле.

— Сегодня летаем, — объявил торжественно. — Кто готов — шаг вперед!

Только в строю Вазген и Сергей оказались порознь — развела судьбина по росту. Но оба они, словно чувствуя плечом друг друга, выступили перед строем.

Комполка, красивый, статный, седоволосый — и правда, орел, — прошелся вдоль строя. Небо над ними было невыносимой, неслыханной голубизны, в нем был тот особенный стеклянный блеск, какой появляется только поздней осенью. И глаза у обоих — у Сергея и Артюхина — были как это небо, когда комполка вдруг остановился и твердо глянул на нового подчиненного.

— Сафонов!

— Я!

— Ну что, лейтенант, сходим?

Сафонов улыбнулся. Что-то было у них общее в лицах, как у отца с сыном, что ли? А может, что другое, чего «рожденным ползать» не понять?

Солнце, солнце, солнце... Вокруг уже свистели, грохотали и шелестели двигателями несколько будто отлитых из чистого серебра тупорыленьких истреби-

телей «МИГ-15». Три «спарки» — тренировочные машины с удлиненными фонарями сдвоенных кабин для инструктора и стажера, штук пять одноместных, боевых.

Подскочив и став навытяжку, один из механиков доложил о готовности первой «спарки» с бортовым номером «17».

— Прощу! — кивнул Артюхин.

И Сафонов, напялив и застегнув шлемофон, забрался в тесную кабину, подвел и приладил патрубок кислородного прибора, закрепил привязную систему, попрыгал на парашюте. Артюхин молча наблюдал, как он готовится к полету, а после залез в задний, инструкторский, отсек.

— Давай, лейтенант, удивляй! Показывай, чем вас там в Каче накачали.

Сергей пробежал в памяти все пункты предвзлетной инструкции, еще раз глянул на карту и, как положено, сунул за голенище сапога. Связался с руководителем полетов на командно-диспетчерском пункте:

— «Семнадцатый» к взлету готов!

— Руление на ВПП разрешаю! — проскрежетало в наушниках.

— Ну, давай, выруливай потихоньку, — успокаивающим, теплым голосом проговорил Артюхин в ларингофон СПУ — самолетного переговорного устройства.

Окинув взглядом приборы, весь потный от предвзлетного возбуждения, Сафонов ткнул кнопку запуска, двинул вперед желтую головку сектора тяги и, чувствуя нарастание мощного усилия толкающей вперед раскаленной струи, отпустил тормоза.

Истребитель легко покатиł по плитам рулежной дорожки, выбежал на уходящую к горизонту широкую серую бетонку взлетной полосы, развернулся по курсу и замер на старте.

— Разрешите взлет!

— Проверь рули, закрылки... Взлет разрешаю! — буднично приказали с КДП.

— Молодчага! Пока отлично, — ободряюще воскликнул Артюхин, и нотки его голоса словно переполнили Сергея небывалой радостной уверенностью. Он ощутил спокойную силу, надежную прочность слитного единства, которое составилось из него самого, командира-инструктора и маленького самолета.

Сектор тяги до упора вперед! Подталкивающая сила будто за шкурку потянула назад, вдавив затылок и спину в высокую спинку кресла. Самолет стремительно разогнался.

Так, так... Взгляд вперед и чуть влево, по кромке полосы... Сергей с усилием потянул к себе черную ручку управления, и горизонт пропал. Самолет, грохоча, круто уходил вверх, вонзаясь в синеву.

12

Таких «точек», как та, куда попали поздней осенью пятьдесят третьего года молодые летчики Сергей Сафонов и Вазген Айрапетян, — военных аэродромов и танкодромов, армейских складов и бензохранилищ, несчетных воинских частей, артиллерийских стрельбищ и полигонов, ракетных стартовых площадок и запретных пустынных зон для испытания в действии новейших систем оружия — в те годы было разбросано по всей стране великое множество, и число их с каждым годом неудержимо росло.

А ведь были и куда более важные и интересные оборонные «точки» — там, где рождалось оружие будущего: бесчисленные загадочные «почтовые ящики» — военные научно-проектные конструкторские бюро и «номерные» институты, секретные наземные

и подземные заводы, громадные монтажные комплексы, строящиеся стоянки и причалы первых атомных подводных лодок и станции дальнего обнаружения подлетающих целей...

Да и могло ли быть иначе, если значение, авторитет и престиж страны измерялся исключительно количеством боевых самолетов и бронетанковых дивизий, численностью флотов и военных округов, мощью крейсеров и дальностью действия радиолокационных комплексов...

И хотя подлинные цифры составляли величайшую стратегическую тайну, тем не менее весь мир должен был быть уверен: всякого такого у нас не только достаточно, но даже и с избытком хватит на всех, так что всякий агрессор, прежде чем покуситься на священные рубежи...

Все это не могло не будоражить воображение людей, которым по долгу службы вменялось в обязанность иметь самую точную картину происходящего в лагере противника.

Противник же как с одной, так и с другой стороны был на редкость скрытен и делиться секретами не спешил, что взаимного любопытства отнюдь не охлаждало.

И если гора не спешила идти со своими секретами к Магомету, то Магомет без лишнего шума отправлялся к горе — любой ценой потихоньку вызнать то, о чем помалкивали в стане неприятеля.

Ну и в копеечку же влетала и тем и другим эта охота!..

Она составляла одну из самых важных — и опять же секретных — статей расхода в их бюджетах.

На ее темную ночную тропу выходили самые умные, проникательные, отважные и догадливые представители враждующих наций. А уж как работали эти люди, как и чем рисковали, на какие только дерзкие изобретательные уловки не шли ради своей тайной добычи — и говорить нечего...

О, разведка... самая деликатная и щекотливая, извечная и бессмертная человеческая профессия!

Ты, которая чуть ли не от сотворения мира (а мы склонны допустить, что первым шпионом-профессионалом в истории мироздания был не кто иной, как нелегально засланный сатаной в Эдемский сад коварный Змей, сумевший посредством жалкого ядовитого яблока провести первую в истории вербовку и затянуть в свои сети наивную Праматерь-Еву), ты всегда старалась быть впереди своего века и раньше всех остальных не только разузнавать о новейших чудесах разума, науки и техники, но и употреблять их для своих неслышных и невидных нужд...

Не стали исключением и те дни, о которых наш рассказ...

13

Согласитесь: в простых объяснениях непонятного есть что-то ужасно скучное...

Чудесное влечет нас, манит, быть может — снова простое объяснение! — лишь потому, что так мы возвращаем себе свою искреннюю детскую веру в невероятное.

Теперь, когда по белу свету расплодилось множество всевозможных UFO-логических обществ, ассоциаций, газеток и журналов... когда проходят внушительные симпозиумы, собирающие горячих приверженцев «теории тарелок»... когда UFO-логия сделалась почти религией и проблема эта из досужего чудачества выросла в могучую индустрию, приносящую «фанатикам идеи» вполне земные и легко опознаваемые (впрочем, действительно стремительно улетающие) объекты, любая, даже са-

мая робкая попытка подвергнуть сомнению достоверность загалактического происхождения предмета их культа довольно небезопасна.

Мало того, что обвинят в бескрылом конформизме, объявят догматиком, рабом плоско-ограниченной науки (причем непременно вспомнят обиженных генетиков и кибернетиков), окатят презрением, как твердолобого ретрограда, могут и камнями побить.

Надо сразу оговориться: пишуший эти строки вовсе не думает, будто UFO, сиречь по-нашенски НЛО, вовсе не существуют.

Напротив, он полагает, что нечто уму непостижимое, возможно, и наличествует.

Однако не может он умолчать и о том, что касаясь этих самых «объектов» и прочей «летающей посуды» ему доподлинно известно и имеет — увы, как это ни прискорбно — вполне «приземленное» объяснение.

Вспомним: апологеты UFO-мании, которых хлебом не корми, только дай поведать городам и весям об истории зарождения сего феномена, дружно сходятся на том, что информационный ураган вокруг «летающих блюдец» впервые захлестнул мир в середине сороковых годов.

Причем связывают они это с самыми разными техногенными проявлениями земной цивилизации. С открытиями, которые, впервые заявив о себе именно в тот период, явились столь мощными раздражителями, что привлекли даже внимание инопланетян, прилетевших выяснить, кто это тут отправляет в верхние слои атмосферы первые ракеты, самовольно испускает в небо мощные волны радиотелескопов и подмигивает на всю Вселенную вспышками атомных взрывов.

Вряд ли можно доказательно оспорить эти гадательные положения новейшей из доморощенных наук.

Однако неплохо бы вспомнить удивительное совпадение во времени двух безусловно реальных яв-

лений — «тарелочного» бума, словно в одночасье охватившего человечество, и новейшего метода разведки, изобретенного в ведомстве Аллена с его благословения и под его руководством.

А было так. Все сороковые годы в разных странах, несмотря на мировую войну, шли интенсивные научные изыскания в самых разных дисциплинах и областях знаний, связанных с надеждами смиренного человечества придумать еще что-нибудь новенькое по части эффективного истребления себе подобных.

При этом совершались и открытия, причем сплошь и рядом открытия побочные и вполне, как полагали тогда, бесполезные с точки зрения их убийственного использования.

Одним из таких малоперспективных открытий было обнаружение на очень больших высотах в стратосфере устойчивых ветров, неделями и месяцами дующих в одном направлении, подобно великим океанским течениям.

Ну какое, казалось бы, дело нам — куда там дуют эти заоблачные ветры? Однако башковитые изобретательные ребята из громадного научно-технического отдела ЦРУ равнодушными к сему известию не остались. И вскоре на стол Аллена — тогда еще не директора управления, а лишь начальника экспертно-аналитического дивизиона — был положен скромный машинописный листок, содержащий гениально простую и остроумную идею подчинения стратосферных вихрей пытливому разуму человеческому.

И Аллен, лишь единожды пробежав глазами коротенький текст, прищелкнул языком, сложил колечко из большого и указательного пальцев и немедленно поставил визу, начертав в углу красными чернилами: «Восхищен! Немедленно приступайте к реализации! А. Д 14. 10. 1946».

... Не прошло и трех месяцев, как глубокой ночью

на одном из шоссе в американской оккупационной зоне побежденной Германии остановился небольшой военный пикап.

Несколько людей в форме и в штатском некоторое время возились с какими-то баллонами, установленными в коротеньком кузове пикапа, причем возня их сопровождалась подозрительным шипением, лязгом железок и ругательствами.

Если бы какой-нибудь мирный житель, подойдя поближе, присмотрелся к тому, чем заняты эти вполне серьезные господа, он был бы немало озадачен: ребята надували шарик — по виду самый обыкновенный резиновый шарик, из тех, что мамы покупают своим дитятам в луна-парках.

Наконец нужный вентиль исторг из требуемого баллона необходимый газ, шарик на глазах раздулся до диаметра велосипедного колеса и принялся неистово вырываться из рук трех дюжих мужчин, удерживавших его за длинный шнур, на котором болталась гирлянда из нескольких увесистых металлических цилиндриков.

Один из мужчин нажал кнопку на одном из цилиндриков и негромко крикнул с заметным тexasским акцентом:

— Раз, два, три... О'кей! — И шар взвился в черное небо.

Ночь была лунная, и примерно с минуту стоящим на земле казалось, будто с их легкой руки на небо взошла вторая луна. Но вскоре шарик уменьшился до размеров подброшенной десятицентовой монетки и через несколько минут стал неразличим невооруженным глазом.

Казалось бы, не произошло ровным счетом ничего примечательного. Аэрологические шары-зонды с разными приборами еще с двадцатых годов стали обыденностью для метеорологов и геофизиков всего мира. Поэтому таинственность этого запуска может показаться странной и необоснованной.

Однако как был бы удивлен тот же воображаемый мирный житель, вздумавший вертеться под ногами у серьезных пассажиров пикапа, если бы узнал, что шарик, сделанный из сверхпрочной оболочки, поднявшись на высоту тридцать восемь километров, вдруг раздулся от перепада давлений настолько, что стал размером с небольшой крестьянский дом и, подхваченный воздушным потоком, полетел прямо-хонько в сторону Польской Народной Республики, над которой и произвел весьма сложные автоматические манипуляции, связанные с обнаружением на далекой земле нескольких аэродромов и радиолокационных установок.

Затем, через шесть часов после запуска, он был подхвачен ветром другого направления и отнесен в небо над Норвегией, где оболочка вдруг сама собой лопнула, резиновые лохмотья разлетелись в разные стороны, и гирлянда цилиндриков понеслась обратно к грешной земле, все набирая скорость.

Утреннее солнце над Норвегией уже светило всю, когда из верхнего цилиндрика падающей гирлянды с коротким сердитым хлопком выскочил и раскрылся маленький красный парашют. И одновременно в наушниках нескольких людей на земле часто запиликал радиосигнал. И этот голос радиоприбора вызвал во всех услышавших его бурную радость, торжествующие крики и рукопожатия.

Сила ума человеческого вновь доказала свои неслыханные возможности. И одним из первых, кто узнал об этом, разумеется, был Аллен, находившийся в тот час за много тысяч километров от Норвегии.

С той ночи и с того дня полеты секретных разведывательных шаров стали делом чрезвычайно частым.

Шары запускались самых разных типов и конструкций — родные братья самого первого, точь-в-точь похожие на маленькую луну, продолго-

ватые, яйцеобразные, длинные, как сосиски, связанные цепочками, как титанические бусы, с самораскрывающимися плоскостями воздушных рулей, серебристые, желтые, абсолютно черные, несущие радиоизмерительные приборы, магнитометры, крохотные магнитофоны, сверхдальнобойную фотоаппаратуру. Спецснаряжение и оборудование отдельных шаров доходило по весу до десятков килограммов.

Их запускали с поверхности земли, с горных хребтов, с островов, с корабельных палуб и высотных самолетов...

И они улетали, поднимались, находили свои далекие поднебесные пути, лопались, взрывались, терялись, но так или иначе приносили информацию, о какой и мечтать не могли пешие разведчики.

Ну а что же те, что по роду службы были поставлены пуще глаза стеречь родное советское и народно-демократическое небо? Что-нибудь расчухали? Хотя бы встревожились?

Стыдно сказать, но поначалу — ничуть. Года два и ухом не вели, знать не зная, какая пакость преспокойно курсирует у них над головами.

Шары не фиксировались локаторами, а если и попадали на радарные экраны, принимались за случайные помехи.

А воздушные вихри у границы стратосферы порой имели ураганную силу, шары заносило невесть куда, и порой их явление воочию наблюдалось целыми городами и поселками, к вящему изумлению невольных свидетелей всевозможных фокусов и чудес.

То они казались на земле громадными за счет рефракции атмосферы... То на глазах у всех вдруг исчезали, когда лопались их оболочки... То светились ослепительным красным светом в лучах давным-давно канувшего закатного солнца... То начинали внезапно метаться и скакать из стороны в сторону вопреки всем мыслимым законам перемещения мате-

риальных тел, когда наблюдатели созерцали их пируэты сквозь множество слоев дрожащих и неспокойных воздушных струй...

И как-то так необъяснимо совпало, что именно тогда в газетах и по радио десятков стран вдруг заговорили о необъяснимых небесных явлениях, о пресловутых «тарелочках» или «блюдцах».

Их своими глазами видели и даже фотографировали — и под присягой подтверждали это, предъявляя снимки! — сотни наблюдателей на всех континентах — то ли мистификаторы-авантюристы, то ли просто отъявленные вруны и безумцы мифоманы, но чаще всего — честнейшие, добропорядочные особы обоего пола. Так что отделить правду от чепухи, шуточные розыгрыши от реальной проблемы, имеющей важное военно-стратегическое значение, стало решительно невозможно.

Правда, потом бывало и много газетного шума и крика на Востоке — когда шары имели неосторожность лопаться не там, где надо, залетать не туда, куда намечалось, и коварные цилиндрики попадали во все не в те руки, которым предназначались...

Но кто помнит о таких мелочах?

В общем, остается только догадываться, как вышло так, что реальные шпионские шары и полумифические смехотворные «блюдца» одновременно стали не то напастью, не то пунктом помешательства вконец свихнувшегося человечества.

Впрочем, несколько человек могли бы дать на эти вопросы абсолютно исчерпывающие ответы...

Но время шло, и наступил момент, когда шаров-шпионов стало явно не хватать.

При всех своих возможностях они могли действовать все-таки в ограниченных районах и теряться куда чаще, чем предполагалось.

Идея начинала изживать себя.

Обычные самолеты с разведывательным оборудованием не могли залетать далеко в глубь вражеской

территории, их легко догоняли и без жалости сбивали русские истребители-перехватчики. Счет таких потерь шел на многие десятки.

Требовались новые методы, новые пути и новые устройства, способные летать куда угодно и где угодно, не теряясь и не попадая в руки неприятелю.

14

Миллионы лет назад, там, где ныне юго-восток благословенного штата Калифорния, плескалось обширное полноводное озеро.

Еще не было великолепных дорог, богатых поместий, Голливуда, городов Лос-Анджелес и Сакраменто, да что там! — и человека еще не было, и только весьма неприглядные твари ползали по берегу, издавая кошмарные звуки, а раскинувшееся на огромной площади водное зеркало из тысячелетия в тысячелетие безмолвно отражало безмолвные небеса.

Но совершилось нечто, и в балансе неутомимых природных сил вдруг обнаружился разноречивый в извечных устремлениях солнца, воздуха и воды — величественное озеро начало неуклонно, неудержимо иссыхать и мелеть. Вода уходила, испарялась, превращалась в облака. Никаким ливням не удавалось восполнить падение уровня озерных вод.

И через тысячи лет там, где когда-то поплескивали голубые волны животворной влаги, распласталась уходящая до горизонта абсолютно плоская иссушенная серая равнина — спеченное солнцем из частиц мертвого ила бывшее дно бывшего озера, идеально ровная каменистая поверхность, настолько прочная и твердая, что ее не смогли повредить десятки землетрясений.

Время шло...

Нежданно-негаданно, силою вещей, завелся на земле человек. Еще через сколько-то тысяч лет он стал называться американцем, который вокруг каменистого дна бывшего озера проложил великолепные дороги, там и сям раскидал богатые поместья, возвел города Лос-Анджелес, Сакраменто и Сан-Хосе, землю назвал Калифорнией, а безбрежная поверхность пустынной равнины так и лежала не освоенной предприимчивым народом.

Бог весть сколько продлилось бы еще это абсолютно нетерпимое положение, если бы в конце сороковых годов нашего века на том месте, где когда-то с неприятным утробным урчанием ползали мерзкие доисторические твари, не появились двое людей. Один — в великолепном белом костюме-тройке, второй — в зеленоватой форме генерала Военно-Воздушных Сил Соединенных Штатов.

Окинув открывшийся пейзаж многоопытным взглядом, они понимающе переглянулись, а затем уселись на заднее сиденье большого серого «паккарда» и укатили.

Именно с этого момента, как считают знающие люди, началась история самого большого, самого лучшего естественного аэродрома на планете, подаренного отважным американским летунам самой природой.

Будто выглаженное циклопическим утюгом, дно высохшего озера в самом деле являло собой уникальную естественную взлетно-посадочную площадку, простертую на много миль во все стороны света.

Здесь можно было легко садиться и взлетать в любом направлении на аппарате любого типа и на любой скорости. В сущности, это был рай для настоящих умелых летчиков, которым ни к чему было думать ни о концах взлетных полос, ни об ошибках при расчете посадок.

Именно здесь была создана сверхсекретная база

военно-воздушных сил, на которой проводились испытания самых удивительных самолетов, которые когда-либо знала авиация.

Необыкновенное, романтическое время!..

Полеты — куда рискованней и опасней, чем самые смелые трюки цирковых вольтижеров... Дерзкие прорывы за незримые барьеры небывалых скоростей и высот...

Невероятные впечатления отважных пилотов-первопроходцев, их сумасшедшие глаза маньяков скорости, их судьбы, их удивительные лица, их смерти...

Очень мало кто знал в те годы, что там, на юго-востоке Калифорнии, тайно рождается будущее авиации, ее не завтрашний и не послезавтрашний, а куда более отдаленный в будущее, поразительный день...

И уж наверняка никто еще тогда в Америке ведать не ведал, что творилось в те же самые дни на другом краю света, на противоположной стороне земли — где-то немного севернее дельты реки Волги и восточнее притока ее — реки Ахтубы.

Но если бы посвященный в дела новой жизни калифорнийского озера ненароком кинул взгляд на выжженные приволжские степи, он бы раскрыл рот от изумления: происходящее там было как две капли воды похоже на совершившееся в Америке.

Правда, тут, на юге России, у местечка с милым названием Капустин Яр, не нашлось такого дара небес, как высохшее озеро.

И потому посреди голой степи возводились параллельно сооружения для испытательных полетов машин, способных преодолевать пространство и простор двумя принципиально разными способами. Наиновейшим и пока во многом неизвестным науке — тем самым, что в конце войны ужасал лон-

донцев свистом приближающихся немецких реактивных снарядов, и вторым — старым, верным — на крыльях.

Возводились стартовые комплексы для ракет и реактивных снарядов на точках, обозначенных шифрами «площадка-десять», «площадка-тридцать»...

А километрах этак в двадцати от стройки ракетного полигона укладывались бетонные плиты и протягивались многокилометровые взлетно-посадочные полосы на объекте, получившем наименование «площадка-сорок»...

Здесь собирались испытывать особо секретные перспективные самолеты, каких еще не знал и при виде которых впоследствии должен был ахнуть — да ведь и ахнул не раз! — весь просвещенный авиационный мир.

И точь-в-точь как в далекой Калифорнии, приволжское строительство велось в обстановке сверхстрожайшей секретности.

Однако в России для верности закрытым и запретным был объявлен огромный район, сопоставимый размерами с небольшой европейской страной.

15

Только иронией судьбы, вероятно, и можно объяснить тот нигде не отмеченный факт, что в один и тот же день, лишь с разницей в двенадцать часов, ровно в девять ноль-ноль по местному времени, в двух противоположных точках земного шара, скользя роликами по направляющим, разошлись гигантские створки ворот двух на удивление похожих ангаров и на свет божий выглянули носы двух на удивление непохожих самолетов.

Оба они должны были родиться в этот день, ро-

диться как летучие сгустки энергии, силы и скорости, и вокруг них толпилось и хлопотало великое множество взволнованных «повивальных папок».

Правда, были и различия совершенно в духе тех народов, которые производили на свет эти новые летающие существа.

Так, в Калифорнии самолет из ангара вытягивал тросом аккуратный красненький тягач, а в Капустинном Яре новорожденного извлекали из ангара посредством выталкивания вручную, силою мускулов множества крепких загорелых мужиков, как голых по пояс, так и в гимнастерках и замасленных теннисках.

Возможно, читатель спросит, почему столь различны были способы, употребленные этими акушерами?

Честно отвечу: не знаю.

Тем более что тут же, под боком, у кап-яровского ангара имелось сколько угодно подходящих грузовиков, вполне способных исполнить ту роль, что и красный буксирчик. Порой трудно понять истоки народных традиций, привычек и ухваток... Они вне логики, вне представлений сухого, скучного здравого смысла.

Так или иначе, в начале десятого оба самолета стояли на площадках перед ангарами и ждали своих «крестных отцов»...

И если самолет, выкаченный вручную, под неизменное в веках «Эх, ухнем!», являл собою хотя и новейший, но вполне обычный на вид серебристый реактивный истребитель с косо отброшенными назад крыльями и высоким килем хвостового оперения, то конструкция, застывшая на земле американской, требует более подробного описания.

Это был довольно чудной самолет, совершенно черный, с узкой сигарой недлинного фюзеляжа и непомерного размаха, словно приставленными от другой машины крыльями. Он опирался на стран-

ные колеса, наподобие велосипедных. В его корпусе, который оканчивался фигурно вырезанным отверстием реактивного сопла, был запрятан удивительный сверхлегкий двигатель огромной силы, которую он мог развивать, потребляя невероятно мало горючего.

У каждого из самолетов теперь стояли лишь по два человека, причем и там и там один из двоих был облачен в сложное высотное снаряжение.

А другие выглядели так: тот, что в России, невысокий крепыш-кавказец, с яркими, навывкате темно-карими глазами, был в генеральской форме и говорил с заметным армянским акцентом; а в Америке рядом с летчиком-испытателем стоял не кто иной, как Келли Джонатан.

Разные люди, разные страны, разные судьбы и разные языки, но чувства всех четверых были абсолютно одинаковы, схожи в неуловимых мелочах.

— Ну, давай, Шура! — взволнованным теплым голосом проговорил наконец генерал-инженер на «площадке-сорок». — Все, как мы говорили.

Он явно хотел скрыть и унять тревогу, чтоб вселить уверенность в пилота, но резко усилившийся акцент выдавал подлинное состояние его горячей южной натуры.

— Давай, дорогой! А если что... покидай сразу, не думай ни о чем, слышишь?

— Слышу, — кивнул испытатель с сосредоточенным строгим лицом хирурга, готового приступить к небывало сложной операции. — Не волнуйтесь, Артем Иванович! Все будет как надо.

Последний взгляд глаза в глаза, и летчик полез по стремянке в открытое гнездо кабины, уселся и задраил над собой блестящее остекление «фонаря».

Он знал, что стояло за последними словами конструктора: держаться до последней... самой послед-

ней... самой-самой последней из всех последних возможностей и в случае чего спасать и выручать машину на пределе и за пределами своих сил.

— Ладно, Чак, — сказал Келли Джонатан своему шеф-пилоту Чарльзу Ингеру, который «крестил» в небе все его самолеты и превзошел все рекорды, какие знала история. — Взлетайте с Богом! Он должен вести себя пай-мальчиком. Помните то, что я столько раз вам говорил: у него невероятно чувствительное управление, опасайтесь резких эволюций. Но если вдруг... спасайтесь без размышлений! Вы мне нужней, чем он. И помните: через месяц у нас их будет еще два.

Пилот точно так же поднялся и устроился в кабине, а Келли Джонатан по своему обычаю суеверно побрел вдоль края взлетной полосы к той точке, где, по его расчетам, должен был оторваться и уйти в небо самолет. Там его ждал маленький джип. Он сел за руль и, сделав круг, откатил примерно на четверть мили от разметки полосы — ярко-белого пунктира, нанесенного прямо на серый окаменелый ил бывшего озера.

Чак Ингер нажал кнопку, и отверстия маленькие жабры по бокам фюзеляжа с жадным всхлипом стали засасывать воздух. Черный самолет зашелестел мотором и, покачивая невероятно длинными крыльями, пополз на старт.

Около сотни людей неотрывно смотрели на него с тревогой, верой и ожиданием. Они стояли у ворот ангара, на его крыше, у окон приаэродромных построек, на невысокой башенке диспетчеров взлета и посадки.

Через несколько секунд мир должен был вступить в иную эру, провозвестником которой было это черное тело, готовое расстаться с землей и встретиться с небом.

Самолет легко побежал по полосе. У его мотора был на редкость негромкий голос. Пробежав с пол-

мили, он легко и плавно поднялся над полосой и, медленно набирая высоту, поплыл над серой равниной.

Теперь, когда он был далеко и истаявал в небе, он был похож не на моторный самолет, а на легкокрылый спортивный планер, отважный искатель возносящихся потоков, дающих силу его длинным плоскостям беззвучно скользить в свободных голубых волнах, поднимаясь все выше и выше.

А русский летчик Шура Шаповалов ровно через двенадцать часов того же дня с чудовищным грохотом врезался в белоснежные кручи облаков, плывущих от Каспия к Волге, легко пронизал их и в считанные минуты достиг высоты десять километров. Вошел в горизонтальный полет, выполнил небольшую горку, пологое пике, живо вникая каждой клеткой своего существа в это железное существо, неудержимо уносившее его вперед в потемневшем густо-синем июньском небе.

Он почувствовал сразу — машина удалась. Ее характер мог обнаружить еще сотни причуд, которые надо было выявить и угадать, но она родилась, чтобы жить, мчаться и побеждать.

Задание первого вылета, как всегда, было предельно простым. После пробежек по полосе, нескольких аккуратных бережных отрывов — «подлетов» и нежных касаний колесами шасси бетонной полосы — набрать высоту, сделать один или два круга на усмотрение испытателя, вернуться в зону подхода, по пологому невидимому склону посадочной глиссады спуститься обратно и, до предела сбавив скорость, коснуться земли.

Это и сделал Шаповалов спокойно и мастерски, как всегда. И когда серебряный истребитель пробежал последние метры, к нему со всех ног неслись люди, счастливые, улыбающиеся, бесконечно усталые, и у многих в руках атели букеты диких тюльпанов, которые сказочным ярким пожаром опаляли все степи вокруг на многие километры.

Потом сильные руки по старому обычаю подкидывали вверх виновников торжества — пилота, Генерального конструктора, ведущих инженеров и со звоном разбили «на счастье» бутылку шампанского о штангу стойки переднего шасси.

А Чарльз Ингер, сделав огромный круг на средней высоте, согласно своему заданию за двадцать миль до посадки выключил двигатель и начал тестирование машины в режиме свободного парения, как обычный планер. Она и была рассчитана на полеты в самых разных режимах, с двигателем и без него, на полной тяге и на одной десятой.

Она должна была уметь куда больше того, на что мог быть способен обыкновенный самолет. Предельно чуткие рули легко переключивали ее странное черное тело с крыла на крыло, вводили в вираж, в спираль... громадный запас летучей подъемной силы делал ее послушной игрушкой в руках пилота.

И так, не включая двигателя, лишь на своих длинных крыльях, машина снизилась до земли и пошла на посадку.

Колес шасси у нее больше не было. Ради предельной разгрузки Келли Джонатан придумал очередной трюк — после отрыва от земли весь узел шасси отцеплялся и сбрасывался на полосу. Садилась машина на специальные полозья, и свою первую посадку она выполнила безупречно. Лишь за полозьями, вмиг раскалившимися докрасна, поднялся длинный шлейф дыма и пыли.

И здесь были объятия и крепкие тычки здоровенных кулаков в бок, и бутылка коллекционного виски «Белая Лошадь», которую Келли Джонатан традиционно поднес своему шеф-пилоту в знак благодарности за крещение очередной новой машины.

Это виски они не пили.

Шестнадцать бутылок было выставлено в особом баре в их конструкторском бюро.

В этот день к ним прибавилась семнадцатая. От-

ведать на вкус, какова она, эта резвая белая лошадь, им предстояло не скоро, не раньше, чем оба они, Келли Джонатан и Чак Ингер, уйдут на покой.

Таким был тот июньский день пятьдесят четвертого года, когда впервые в небе оставили незримый след две летающие машины, которым еще предстояло встретиться над землей.

16

Самолет, которому предстояло сыграть главную роль в реализации проекта «Ночной кондор», получил в «Локхид эйркрафт» условное обозначение «U-2».

Вплоть до завершения испытаний трех первых опытных образцов он оставался абсолютно не известным для всех, кто не принимал прямого участия в его создании.

Испытания прошли успешно, если не считать нескольких более или менее серьезных отказов двигателей и семи более или менее серьезных предпосылок к гибели машин. Как и предсказывал Келли, лошадка оказалась не слишком норовистой и, если отчаянные ковбой не взнуздывали ее слишком резко, великолепно держалась в воздухе, подтверждая верность алгебраических формул.

Через год с небольшим Чарльз Ингер совершил завершающий зачетный полет с полным комплектом штатного спецоборудования на борту — генеральную репетицию реального применения самолета «U-2».

Поднявшись в пять утра, он приземлился на ту же взлетную полосу около семи часов вечера, пробыв в

воздухе десять часов. На высоте около двадцати двух километров он пересек все Соединенные Штаты по прямой курсом 78, достиг столицы государства города Вашингтона, округ Колумбия, и той же трассой вернулся к точке вылета.

Под его крылом остались территории восьми штатов, закрытые зоны шестнадцати армейских баз, семнадцать гражданских и девять военных аэродромов, а также множество прочих стратегических объектов, которых не найти на обычных картах.

Все они, включая здание Капитолия, Белый Дом, корпуса ЦРУ и Пентагон, были отчетливо зафиксированы сверхчувствительной фотоаппаратурой разведчика. На магнитную пленку легли бесчисленные сигналы множества радиослужб и локационных станций, которые засекали приборы необыкновенной машины.

Стратегический самолет-разведчик «U-2» полностью доказал и подтвердил свою уникальную способность вести работу по определению и локализации важных наземных объектов без малейшего риска для себя.

Самолет был готов. Пришла пора запускать его в серию. Чтобы сбить с толку разведку противника, заказчиком объявили Национальное агентство по авионавтике и исследованию космического пространства, а самолет — предназначенным для метеорологических и геофизических исследований.

Это был хитрый ход Аллена, сделанный им исключительно для подстраховки: в то время о появлении этой машины на всем белом свете знало не более ста пятидесяти человек, включая президента, министра обороны, командующего военно-воздушными и военно-морскими силами и начальника Объединенного комитета начальников штабов.

Достаточно сказать, что даже вице-президент и государственный секретарь до поры до времени понятия не имели о том, что разведка Америки обрела столь эффективный инструмент шпионажа.

На следующий день после полета Чарльза Ин-

гера, расшифровки всех данных самописцев и проявки фотопленок семи бортовых фотокамер панорамной и целевой аэрофотосъемки Аллен издал две директивы: о запуске самолета в начальную серию в количестве шести экземпляров и о наборе двенадцати летчиков-разведчиков в авиагруппу под кодовым обозначением 10-10.

Итак, новейшее средство воздушной разведки было придумано, создано, испытано и готово к действию. Но до поры до времени оно не использовалось и ждало своего часа...

Наконец наступил момент, когда Аллену стало ясно, что час введения в действие проекта «Ночной кондор» наступил.

Этого потребовала кардинально изменившаяся расстановка сил в мире: по данным разведки, поступившим из СССР, русские создали мощную межконтинентальную ракету и готовились к ее летным испытаниям.

И он отправился для получения соответствующих санкций к тому единственному человеку, который мог принять окончательное решение по любому вопросу.

17

Вновь они сидели друг против друга в Овальном кабинете. Аллен ждал ответа президента и молча курил трубку, пока Айк ходил из угла в угол в тяжелом раздумье.

— Вы по-прежнему уверены в необходимости этих акций, Аллен? — Президент задержал шаг и остановился около него, с тревогой глядя сверху вниз.

— В тысячу раз больше, чем когда мы впервые обсуждали этот вопрос. Мы просто обязаны приструнить русских. Это аспект политический. Но...

— Продолжайте!

— Но есть и чисто практическая сторона дела — беспрепятственное получение бесценной информации. В Кремле будут лишь вспоминать всех своих матерей и кусать локти, когда машина Келли станет для них кошмарной реальностью.

— Вы полагаете? А русский ответ? Вы думаете, они так с этим смирятся? Не обольщайтесь!

— Под Астраханью они заканчивают испытания новой машины Микояна. Как мы предполагаем, они намерены оснащать ими свои авиачасти противовоздушной обороны. Истребитель не получил пока официального обозначения. У нас он проходит пока под кодом «Фигурант», но, скорее всего, он будет называться «МИГ-19».

— Да, я помню, — сказал президент, — фронтовой... многоцелевой... быстрее звука... Хотя — ничего общего с нашими последними машинами, особенно со «старфайтером» Келли. Априори — вчерашний день.

— Весь вопрос в том, сумеют ли они вооружить его подвесными ракетами «воздух — воздух». И если сумеют, то когда и какими? И с какой дальностью стрельбы? Для перехватчика, вооруженного двумя-тремя пушками и с потолком в семнадцать километров, машина Келли будет практически неуязвима.

— Вы уверены?

— Убежден в этом. Русские пока ничего не знают и еще очень долго не узнают о ней и потому ориентируют своих конструкторов на совершенно иные задачи и типы самолетов. Но даже когда до них дойдет, какой игрушкой мы располагаем, слишком много воды утечет, прежде чем они сумеют должным образом отреагировать и что-то ей противопоставить. Нам гарантированы минимум пять — семь лет абсолютного господства в воздухе.

— Что ж. Это действительно обнадеживает, — после долгого молчания сказал президент. — Как вы думаете, в чем причина внезапного резкого отставания русских? Ведь во время войны и по танкам, и по самолетам мы шли голова в голову.

— Будем честны, Айк. К началу сорок пятого они обошли нас, но потом почему-то слишком уверовали в германский гений. Вместо того чтобы идти вперед и развивать блестящие идеи своих конструкторов — того же Микояна, Сухого и сверхзасекреченного итальянца, почему-то начали копировать наши и немецкие машины, хотя вполне могли делать свои и даже успешнее нас. Именно здесь они. потеряли темп и инициативу.

— Ну а сейчас? — спросил президент.

— У меня несколько версий. — Аллен глубоко затыкнулся, пустил изящное кольцо голубого дыма и проследил взглядом его плавное восхождение к высокому потолку. — Чтобы гений стал гением, ему нужна свобода ощущать себя таковым. А у них все сковано страхом. Страх парализует интеллект. И на этом пункте, запомните мои слова, хотя, быть. может, мы оба уже не сможем это увидеть и проверить, на этом пункте они потеряют все.

— В масштабах Истории вы недооцениваете их, Аллен.

— Возможно. Зато я способен делать прогнозы и оценивать факты с позиций здравого смысла. Таланту нужна смелость. Первые враги таланта — связанные руки, неуверенность и страх. А у них любой смельчак, мыслящий вне заданных стандартов, автоматически отправляется в лагерь. Но главное — у них теперь есть не только Бомба, но и Ракета! Это совершенно меняет всю картину в мире, и прежде всего — наше положение. Пройдет немного времени, и наша территория окажется для них в пределах досягаемости!

— И что вы предлагаете, Аллен? — нахмурился президент.

— Нам пора учиться жить согласно реалиям

атомной эры, Айк. Согласно возможностям новейшей техники и науки. И если у нас есть какие-то преимущества, было бы грешно не использовать их во благо нации.

— Что вы имеете в виду?

— А вот — не угодно ли взглянуть... — И Аллен достал из своего чемоданчика толстый бумажный пакет.

Президент повертел пакет в руках и вытряс на стол стопку блестящих, глянцевых фотографий.

На них виднелись какие-то смутные черно-белые изображения, похожие на репродукции абстрактной живописи, — беспорядочно разбросанные темные пятна, извилистые линии, разбитые на квадратики плоскости.

Президент недоумевающе поднял голову.

— Так. Аэрофотосъемка. И что дальше?

— Прошу обратить ваше внимание, господин президент, вот на это пятнышко чуть темнее остальных рядом с этой речушкой.

— И что это? Дайте привязку, Аллен.

— Это территория вашего гольф-клуба «Аугуста», Айк. Ваша любимая дубовая роща у поля для гольфа за особняком. Снято с высоты пятнадцать тысяч футов.

— Откровенно говоря, ничего впечатляющего. Обычные съемки местности.

— Совершенно с вами согласен, сэр. А теперь взгляните вот на этот снимок... — И Аллен достал из внутреннего кармана пиджака еще одну фотографию.

Понять сразу, что там было изображено, оказалось непросто. Но, надев очки и присмотревшись, президент неожиданно распознал на снимке нечто напоминающее ветви дерева, а чуть в стороне — светлую скамейку, а на ней — маленького человечка... снятого как бы в плане, с верхней точки... да-да... теперь он ясно различал плечи, голову и ноги... причем человек держал в руках белый квадратик, вероятно — газету...

Снято все это было словно прямо из точки зенита — не то с высокого балкона, не то с верхушки того же дерева, причем фотографом не слишком умелым: изображение было несколько размытым, чуточку не в фокусе — по крайней мере разобрать, какую именно газету читал фотографируемый, было затруднительно.

— И что дальше? — повторил президент и удивленно посмотрел на своего старого друга. — Кто это?

— Это... простите, но это... вы, господин президент. Там же, в «Аугусте». С высоты шестьдесят шесть тысяч футов. Или, если угодно, с двадцати километров.

— Не может быть!

— Причем снято сквозь легкую облачную дымку в инфракрасных лучах. Такую фотоаппаратуру разработали мои люди. Но это далеко не предел. Через год мы сможем с высоты шестьдесят тысяч футов отличать русского полковника от капитана по звездочкам на их погонах.

— Но это же просто... просто какое-то чудо!..

— Атомный век, Айк. Атомный век.

— Ну что же... — пробормотал президент, и глаза его вспыхнули азартным блеском. — Ну что же...

Все-таки прежде всего он был и оставался военным. Он сразу понял, что могут дать такие фотопейзажи.

13

За те триста лет, что на берегу Гудзона рос, двигаясь вширь и ввысь, этот город, его проклинали и благословляли, ненавидели и воспевали, вероятно, миллионы людей.

Многолюдный, многоязычный, устремленный в небеса бесчисленными сталагмитами небоскребов, похожий на суровый некрополь, беспощадный и милостивый Нью-Йорк, названный почему-то Большим Яблоком, дал приют и убежище множеству гениев, составивших честь и славу своим культурам на земле Америки.

И, вероятно, мало кто за всю историю воспел его с такой силой и с таким взволнованным вниманием, как мистер Р. А.

Больше четверти века прожил он в этом городе. И за эти двадцать пять лет научился жить с ним как с живым существом, как с близким родственником, которого любишь и которому предан, несмотря ни на что.

Этот город множество раз грозил мистеру Р. А. гибелью. И он же принес ему известность и славу — потому что здесь действительно умели ценить всякий настоящий талант.

Из множества даров, которыми щедро наградила его природа, мистер Р. А. избрал для сердца и пропитания любимейшее: запечатление мира Божия на пленках, пластинках и фотобумаге посредством чудесного процесса превращений молекул хлора, брома и серебра из черного в белое и из белого в черное, а также в миллионы оттенков радужного спектра, явивших людям удивительное искусство светописи.

Воистину призванный господом Богом для увековечения на плоскости эмульсии Его творения, мистер Р. А. прочно вошел в немногочисленную плеяду лучших фотографов Америки как несравненный портретист и поэт Нью-Йорка.

Десятки международных выставок, награды, дипломы и призы... Восторженные отзывы в прессе, участие в жюри самых престижных фотоконкурсов... Все это принесли ему его снимки.

Самые лучшие, самые престижные издания, если хотели отобразить на своих обложках или разворотах облик великого человека-современника или необык-

новенные силуэты Нью-Йорка, не ломали голову, куда обращаться.

В колоссальной фототеке мистера Р. А. их бильд-редакторы и дизайнеры всегда могли найти именно то, что впоследствии становилось для миллионов людей на всех континентах как бы абсолютным воплощением Личности или эмблемой этого Города.

Мистер Р. А. был эмоционален, порывист, эксцентричен.

Лет пятидесяти пяти, невысокий, подвижный, он постоянно менял внешний облик. То облачался в костюмы от лучших домов Парижа и Милана, а то фланировал по городу в самом затрапезном виде с треногой штатива и драгоценной камерой «Линхоф» на плече.

Он говорил по-китайски, по-итальянски, по-польски, по-русски, не считая четырех основных языков Европы и, быть может, потому необыкновенно легко находил общий язык с любым жителем великого Вавилона, выбираясь живым-невредимым из перепалок, в которых, вероятно, любой другой непременно расстался бы не только с многотысячным «Линхофом», но и с самой жизнью.

Но главное — у него всюду непонятным образом заводились приятели и друзья.

Их были сотни — не просто знакомых, но людей, которые сделали бы для него то, чего не сделали бы ни для кого другого, потому что все они знали тепло его сильной руки и готовность помочь — без лишних слов и расчета на благодарность.

Он виртуозно водил автомобиль, легко, как заправский моряк, управлялся с любой моторной лодкой, не испытывал головокружений и страха высоты, когда, обвязавшись страховочным поясом и канатом, возносился с «зеркалкой» над Нью-Йорком на стреле грандиозного порталного крана...

А после очередной рискованной съемки лишь выкуривал сигаретку и на безумной скорости улетал в

своим желтым спортивным «ягуаре» в одно из своих четырех маленьких ателье, спеша скорей проявить негативы, незримо хранящие новые фантастические пейзажи сверхмегаполиса.

И лишь войдя туда и крепко-накрепко заперев дверь, он становился тем и таким, каким его не знал почти никто в Западном полушарии.

Стройный, сухощавый, в ореоле седины вокруг высокого лба, он проходил в спальню и устало откидывался на неширокой кушетке, глядя куда-то вдаль сквозь стены, сквозь пространства, в иные времена... туда, где он не был еще мистером Р. А., а именовался товарищем Р. А., особо секретным сотрудником стратегического направления внешней разведки той громадной организации, которая подчинялась поначалу Дзержинскому, а после все меняла и меняла начальников да названия — десятки аббревиатур...

Он был агентом «глубокого заложения», «консервированным» на много лет после сложнейшей многоэтапной заброски и начавшим свою деятельность в самый разгар Великой депрессии, за год до начала многолетнего президентства Рузвельта.

Человек необычайной, уникальной воли и редкой силы аналитического ума, он был и оставался художником во всем, даже в том главном, страшном и тайном, что составляло суть его подлинной деятельности. Ему было необыкновенно интересно жить, участвовать в запутанном действе жизни и распутывать тайные нити сюжетов тех пьес, в которых он играл.

В конце тридцатых, когда имя его замелькало и зазвучало на всю Америку, когда его снимки сделались украшением «Тайма», «Лайфа» и «Нейшнл джеографик» и он как бы силою вещей вошел в когорту лучших фотомастеров Америки, он уже был тем, кем должен был стать, — ведущим агентом советской стратегической разведки с особым статусом

независимого от всех резидента, который отчитывался только перед высшим руководителем учреждения.

Его личный псевдоним был Стэнли, и дело его хранилось отдельно от остальных в особых папках и особом сейфе, к которым не имел права прикасаться никто, кроме тех, с кем он напрямую поддерживал связь.

Информация, которая сходилась к нему от всех агентурных источников и, пройдя фильтры его оценки и анализа, по каналам доставки уходила в Москву, считалась в Центре поистине бесценной. Она охватывала практически все аспекты и стороны жизни Америки, будь то армия и вооружение, научные изыскания, инженерные открытия, политика, экономика — одним словом, все, что составляет многосложный организм нации и государства.

Легенда, по которой он жил, маска свободного художника, экстраординарной личности из круга преуспевающей нью-йоркской богемы, сам род деятельности, подразумевавший нескончаемую череду встреч, путешествий, контактов, общений, самых неожиданных человеческих соприкосновений, давали ему возможность проникать куда угодно, бывать везде, видеться в течение одного дня с несметным количеством самых разных людей. И это невероятно облегчало его главную работу и помогало использовать, незаметно вовлекать в сферу своих задач именно тех, кто его интересовал.

Ничем не связанный, свободный охотник за фотосюжетами, он мог туманным утром, поплеывая в Гудзон, трепаться с докерами грузового порта, в середине того же дня устанавливать свет в павильоне и замерять рулеткой расстояние до плоскости пленки, фотографируя для обложки «Тайма» знаменитого сенатора, а вечером быть на приеме в честь генерала,

только что вернувшегося с Европейского театра военных действий.

Любое общение приносило информацию. Любой разговор был тем квадратиком золотой смальты, из несметного множества которых составляется красочная мозаика. Тут все шло в дело, ничто не было лишним.

Лишь два человека во всей Америке знали, кем был на самом деле мистер Р. А. И лишь от них, но всецело, зависела его жизнь. В том же учреждении, которое направило его сюда, в течение многих лет о нем знали лишь высшие руководители ведомства.

За все эти годы на него не пало и тени подозрения.

Мало того, на двенадцатом году жизни в Америке, во время войны, он с видимой неохотой, через силу, но все же дал согласие сотрудничать с секретными службами США как тайный агент-контрразведчик, действующий сразу против нескольких разведок противника — немецкой, японской и прежде всего, разумеется, против собственной, что было поистине громадным, небывалым успехом тех, кто готовил и засылал его в эту нескончаемую заокеанскую «командировку»...

Нам трудно понять, оценить и осмыслить всю сложность такой жизни. Мало кому дано осознать, какое напряжение должен был испытывать его мозг, его сердце и душа. Впрочем, и людей таких рождалось немного во все времена, быть может, всего несколько сотен или тысяч за всю долгую человеческую историю.

Разумеется, его необыкновенная тайная жизнь могла бы стать темой и материалом для другой захватывающей книги.

Но сегодня мы приоткрываем плотную завесу лишь над одним эпизодом его судьбы, который, правда, имел для него громадной важности последствия.

Их отбирали, проверяли и отсеивали долго и тщательно, ничуть не менее придирчиво, чем через несколько лет стали отбирать лучших военных летчиков в первый отряд астронавтов.

Но если людей для космоса проверяли в основном с точки зрения надежности здоровья, находчивости, устойчивости психики и способности принимать верные решения в предельно сжатые промежутки времени, то эту дюжину летчиков «просматривали» совсем другие люди и на другой предмет. Им должна была быть доверена тайна, которую они имели право разгласить лишь архангелу Гавриилу, стоящему на часах у райских врат.

Эта проверка твердости характера, выдержки и способности держать язык за зубами перед лицом смерти заняла не один месяц. Даже летное мастерство, абсолютно необходимое каждому из них, имело меньшее значение, чем это умение хранить секрет своей новой деятельности.

Им устраивали жестокие испытания, исследовали на «детекторе лжи», их пугали самыми страшными карами, но до поры до времени не сообщали, на какую работу они приглашены и чем именно им предстоит заниматься.

Их было двенадцать: восемь основных летчиков и четверо резервных. И одним из основных по воле судьбы суждено было стать лейтенанту военно-воздушных сил Фрэнсису Гарри Пауэрсу, молодому здоровяку из городка Паунда, штат Вирджиния.

Этот человек показался наиболее привлекательным строгой комиссии по отбору претендентов в группу 10-10.

Собранный, молчаливый, получивший награды за мужество в воздухе, он одним из первых был допу-

щен к ознакомлению с тем летательным аппаратом, который им предстояло осваивать.

Случилось так, что инструктором Фрэнсиса стал не кто иной, как сам Чарльз Ингер.

— Вот на этом, — Чарльз Ингер подвел Пауэрса к двухместному варианту, — мы будем учиться. Залезайте в кабину, лейтенант. К завтрашнему утру вы должны знать ее назубок. И запомните одно: эта штука легка и чувствительна, как самый легкий планер. А вы ведь неплохой планерист, не так ли, лейтенант?

Пауэрс немного смущенно улыбнулся в ответ и, поднявшись по стремянке, занял место в тесной кабине.

Здесь все было просто, удобно, разумно. Никаких лишних циферблатов, переключателей и рычагов. Маленький черный штурвал, изящная рукоятка дросселя тяги двигателя... Но почему-то смутная тревога вдруг надвинулась на него...

Ранним утром следующего дня они уже были с Чарльзом Ингером на высоте около десяти километров.

— Вы приятно пилотируете, Пауэрс, — одобрительно заметил инструктор, — Мало рывков, плавно работаете педалями. Я бы взял вас в свою конюшню. А теперь, парень, пошли в высоту, поглядим, куда забросит нас этот дьявол.

Благодаря особой сверхлегкой конструкции, когда даже в монтаже элементов использовались самые легкие болты и гайки, «дьявол» был поразительно послушен едва приметному движению руки. И когда Гарри отдал до конца вперед рукоятку тяги, выведя двигатель на полную мощность, машина начала необычайно быстро и плавно воспарять в вышину.

Лейтенант Пауэрс летал на многих самолетах, но ни один не заносил его в такую высь, и то, что открывалось за стеклом кабины, было жутковато и

маняще интересно. Из густо-синего небо становилось все более лиловым, все более темным. Был полдень, но вдруг он отчетливо различил впереди по курсу россыпи звезд. А небо сгущалось, мрачнело, и ему казалось, что он пробил головой какой-то незримый стеклянный люк и выглянул из пелены атмосферы прямо в космос, в другой мир, в иное измерение.

Он бросил взгляд на альтиметр — семьдесят две тысячи футов. Фрэнсис не поверил глазам, приник ближе к круглому циферблату. В ушах раздался негромкий смешок Ингера.

— Вот-вот, малыш, и я точно так же не поверил глазам, когда забрался сюда впервые. Это и правда чертовский аппарат.

А самолет все карабкался и карабкался вверх, и двигатель сзади шелестел легко, как вентилятор под потолком, и солнце в вышине за спиной было такой нестерпимой яркости и силы, какого он никогда не видел за всю свою жизнь.

И Пауэрсу вдруг сделалось на удивление досадно, что никому и никогда там, внизу, он не расскажет о том, что увидел, узнал и ощутил здесь, в незримой перемычке между воздушной средой и безграничным мировым пространством, что тайна его прорыва сюда так и умрет вместе с ним. Он взглянул вниз, на землю и различил кривизну горизонта, который светился яркой, небывало чистой лазурью над облаками, и ему почему-то захотелось не то смеяться, не то плакать.

— А?! Неплохо? Вы чувствуете, лейтенант? — раздался в ушах мягкий тexasский говорок Чарльза Ингера.

Пауэрс не ответил, а лишь кивнул, не имея слов и словно разбуженный этим голосом в наушниках. Он совсем забыл на какое-то время, что остался не один на один с черным космосом, полоской синего нижнего неба над облачной землей, что они летели вдвоем.

Как и собирался Аллен, свой кабинет директора ЦРУ в главном здании ведомства он обставил, сообразуясь со своими привычками и вкусами. Интуиция подсказывала, что просидеть в этом кабинете ему придется долго, вероятно много лет, и он оборудовал его капитально и с размахом.

Это была огромная угловая комната с окнами, смотрящими на Потомак, длинная, светлая, дающая простор воображению.

Он заказал себе большое кожаное кресло с подставкой для ног, обширный стол, за которым ему надлежало величественно восседать на фоне звездно-полосатого флага, и стол с телефонами экстренной связи.

Прямо перед глазами он распорядился повесить громадную штабную армейскую карту с непроницаемым занавесом, который сходился и расходился от нажатия кнопки на столе, открывая или закрывая тот или иной фрагмент нашего мира.

Вдоль стены, противоположной столу, протянулись длинные стеллажи, уставленные папками, книгами, фотографиями, коробками с разными смесями курительных табаков и несколькими пепельницами, куда, прохаживаясь, можно было выбивать трубки.

На том же этаже находился и зал заседаний. Там не было ничего, кроме длинного дубового стола, вдоль которого по обеим сторонам имелись неудобные жесткие стулья, что, как полагал Аллен, должно было лишать участвующих удовольствия затягивать деловые встречи, упиваясь собственным красноречием, во главе стола возвышалось его кресло председательствующего, и на стене висел большой экран для просмотра оперативных кинокадров и проекции карт и диапозитивов.

Этот зал заседаний, кабинет Аллена, архив и секретно-шифровальный отдел были сердцем и мозгом его грозного учреждения, тем местом, где изо дня в день решались важнейшие вопросы настоящего и будущего планеты.

Именно здесь в самом начале пятидесят пятого года состоялся знаменательный разговор директора ЦРУ с одним из его сотрудников, по имени Макс Маллиген.

Маллиген много лет работал на «русском направлении» и прекрасно ориентировался в тонкой щепетильной сфере, где сходились и пересекались интересы людей, решавших проблемы перспективной стратегии, дипломатии и разведки.

Кроме того, он входил в узкий круг лиц, непосредственно занятых разработкой и подготовкой специальных мероприятий в рамках программы применения сверхсекретного самолета.

Он сам попросил аудиенции у директора, и, когда уже заканчивал излагать суть своего предложения, Аллен нахмурился и начал раздраженно выстукивать пальцами по краю стола что-то вроде вальса «Голубой Дунай», что обычно было грозным предостережением для его подчиненных.

Маллиген — человек нервный, страдавший давним гастритом, а также кучей прочих малоприятных расстройств, неизбежно преследующих разработчиков запутанных шпионских операций, едва заслышав первые такты всеми любимого вальса, тотчас сбился, побледнел и смолк, глядя как загипнотизированный на пальцы, способные менять политические режимы, опрокидывать троны и восстанавливать династии.

— Ну? Так что же вы замолчали? — угрожающе подался вперед Аллен. — Я вас слушаю, слушаю, Маллиген!

Растерянный Маллиген хотел было продолжить, но Аллен перебил его.

— Как?! — воскликнул он. — Как это могло произойти, Маллиген?!

— Ч-что, сэр?

— Как могло произойти, Маллиген, что вы, вы, а не я сумели найти эту жемчужину? И почему вы докладываете мне об этом сегодня, а не вчера или позавчера? Не пеняйте мне, друг мой, но, боюсь, придется вас уволить!

— Но за что, сэр? — потеряв голос и втянув голову в щуплые плечи, затравленно воскликнул Маллиген.

— Да за то, что вы скрывали свою гениальность и тем самым косвенно работали на Советы! — рывкнул Аллен ихвати

цо его расплылось в обворожительной улыбке и, как обычно в минуты восхищения, он сложил колечко из большого и указательного пальцев. — Черт вас возьми, Макс, да вы хоть понимаете, какую блестящую комедию мы сможем разыграть по вашей пьесе! Уж мы заставим нашего толстого Никиту попрыгать в Женеве.

— Значит, вы одобряете мой план, сэр? — оживая на глазах и не веря себе, пробормотал Маллиген.

— Одобрю?! — засмеялся Аллен. — Да вы, Маллиген, кажется, и в самом деле недопонимаете, что вы придумали. Насколько это изящно и насколько беспронигрышно. Я немедленно доложу о вашем предложении моему брату и президенту. Назначая вас руководителем группы по детальной проработке всех аспектов вашего плана...

— О, господин директор...

Аллен поднялся из-за стола и возвестил торжественно:

— Маллиген! Рад пригласить вас на партию в теннис.

Это было знаком высочайшего расположения и великой честью для каждого сотрудника Аллена, и это знали все.

— Благодарю, — почти испуганно и все еще не вполне придя в себя, проговорил Маллиген. — Но... я не играю в теннис, сэр!

— Но в Женеве-то вы были?

— Да, сэ, В Женеве был. Почти три года назад, незадолго до президентских выборов пятьдесят второго.

— Ну так собирайтесь туда снова, приятель. Вам понравилась Женева? Вот и отлично! Вы будете включены в группу экспертов-советников нашего президента на переговорах глав четырех великих держав.

21

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 17 января 1955 г.*

«Стыдно признаться, но я в самом деле испытал что-то вроде зависти, услышав сегодня утром план, изложенный Маллигеном.

Похоже, он и правда недооценивает того, что сам придумал, или не способен различить зерно, из которого может произрасти целый каскад великолепных комбинаций в ходе нашей предстоящей женевской партии с русскими.

Главное — чтобы этот план оказался для них полной неожиданностью и застал Хрущева врасплох.

Очень любопытно, как на все это посмотрит, что противопоставит и как сумеет выкрутиться, будучи прижатым к стене, наш толстенький кремлевский миротворец?

Тут не надо быть пророком — ответ предвижу заранее. Он предрешен. Но, Творец мой, какую пропагандистскую хоральную мессу мы сумеем разыграть по этой невинной партитуре!

И что самое главное: после заранее предрешенного исхода переговоров мы фактически получим карт-бланш для начала практического осуществления нашего грандиозного проекта «Ночной кондор».

Разумеется, попытка предложить русским план Маллигена будет с нашей стороны чистой воды фарисейством. Но благодаря ему мы сумеем набрать та-

кие очки в глазах всех этих олухов, ратующих за мир во всем мире, что разобьем господина Никиту в пух и прах в первом же сете.

Когда я час назад на прогулке поделился всем этим с Джиллингсом, он хохотал как сумасшедший и был в полном восторге от этой маленькой ловушки для красных.

И это замечательно: его реакции давно стали для меня пробным камнем и лакмусовой бумажкой при оценке достоинств и недостатков тех или иных моих замыслов и концепций.

На радостях у меня совершенно прошла рука и я почти забыл о печени.

Боже, могу вообразить заранее, насколько труднее будет мне растолковать и внушить всю эту идею Айку, чем скромному и неведомому миру Роберту Джиллингсу, который все схватывает на лету.

Кстати, именно Роберту пришла в голову мысль назвать задумку Маллигена планом «открытого» или «свободного неба».

Немного поспорив, мы сошлись на том, что формула «открытое небо» звучит благороднее и привлекательнее.

Браво, Маллиген! Браво, Джиллингс!

Старый хрыч Аллен тоже достоин похвалы, но, увы, он уже вышел из возраста дурацкого тщеславия. Или только притворяется?

Куда важнее другое: сумеет ли понять и поддержать этот небесный план наш почтенный Генерал — глава нации?»

22

Погода все дни, что продолжалась Женевская встреча в верхах, стояла великолепная.

И теплый ветерок, и свежесть от прекрасного озера, и удивительная чистота швейцарского воздуха, и

запах роз, казалось, находились в полной гармонии с основной и единственной темой переговоров глав четырех великих держав — СССР, США, Франции и Великобритании.

Еще недавние союзники по антигитлеровской коалиции, они решали теперь, ровно через десять лет после окончания войны, как жить им всем дальше в новой исторической реальности, в новой эпохе и новом мировом политическом пространстве, где повсюду, включая каждую из стран-участниц, произошли глубокие перемены.

Подробно и величаво, никуда не торопясь, они обсуждали дела европейские, дела азиатские, дела общемировые, но самым главным было — совместными усилиями найти универсальный способ избежать атомной войны.

Весь мир жил этой встречей и ждал от нее невероятного многого.

Переговоры начинались в одиннадцать утра и продолжались несколько часов. Затем участники удалялись на консультации и аналитические совещания со своими советниками, помощниками и экспертами. В это же время группами по связям с прессой каждой из делегаций составлялись взаимно согласованные тексты предварительных коммюнике и сообщений для газет и информационных агентств.

А вечером главы четырех держав встречались вновь и их беседы возобновлялись, но уже в иной тональности и в другой, не столь официальной атмосфере, как бы в уютной домашней обстановке, когда несколько прекрасно одетых пожилых мужчин могли неспешно обсудить какие-то общие стариковские дела.

Советскую делегацию возглавляли Хрущев и Булганин. И всюду они были неразлучны — еще больше раздобревший Никита Сергеевич и почтенный Николай Александрович с коротенькой остроугольной бородкой, которая делала его похожим на персонажа-интеллигента — старого доктора или адвоката из какой-то старой пьесы об ушедших милых временах.

...Чудный июльский вечер опустился на Женеву, когда все участники встречи, за которой, затаив дыхание, следили на всех континентах, в очередной раз вышли в тенистый сад и расположились в живой зеленой беседке, рассевшись в белых плетеных креслах.

Как всегда, целой роте фоторепортеров было дано пять минут для съемки. Мастера своего дела, они использовали каждое мгновение, предвкушая эффектные снимки.

Выхваченные молниями фотовспышек белые силуэты творцов новейшей истории на фоне темноты прошлого должны были выглядеть символично, как и положено миротворцам-лоцманам, пытающимся провести мировой корабль ночным проливом через бесчисленные рифы и мели. Фотографы с невероятной быстротой нащелкали десятки кадров и были удалены из сада.

Никита Сергеевич поначалу испытывал некоторое беспокойство — как-никак, это были его первые переговоры такого масштаба с законами Запада, где он выступал не вторым или третьим из числа «сопровождающих лиц», а самолично выдвинулся на первый план и стоял, можно сказать, на передовой, на линии огня, как представитель великой и могучей своей державы. Но под конец первого дня встречи совершенно освоился со своей ролью и получал от нее нескрываемое удовольствие. Не так страшен черт и... чего там! Не боги горшки обжигают!..

Чувствуя себя как рыба в воде и сознавая всю громаду ответственности, он крепко ухватился за вожжи, не давая тройке партнеров загнать себя в угол и обвести вокруг пальца.

Держался он уверенно и в то же время осмотрительно, давая понять, что политик он серьезный, не склонный пороть горячку и принимать необдуманные решения.

Булганин же, старый чекист со стажем, по обыкновению много на себя старался не брать, норовил

оставаться в тени, чтобы в случае чего, как прекрасно понимал Хрущев, не держать ответ за какую-нибудь ошибку.

— Господа! — взял слово президент США. — Все эти дни мы только и говорим о создании надежных механизмов поддержания стабильности и сохранения мира. Не ошибусь, если замечу, что ключевым словом нашей встречи и основной проблемой, которую мы решаем, стало взаимное доверие. Думаю, со мной согласятся все присутствующие. Не так ли, господин Хрущев?

Неизменный и незаменимый молоденький переводчик МИДа Виктор Суходрев торопливо переложил на русский слова Айка.

— Для того мы и приехали, — важно кивнул Хрущев. — На недоверии далеко не уедешь. Это господин президент очень правильно заметил.

— Не сомневался, что буду понят, — широко улыбнулся Аик. — А потому без колебаний хотел бы поставить на обсуждение наше новое предложение.

— Мы вас слушаем. — Хрущеву явно все больше и больше нравилась его роль, и он все больше входил во вкус, стараясь, однако, быть начеку и не потерять бдительности.

— Да, господа, — продолжил президент, — мы живем в разделенном мире, и у всех нас есть свои тайны, свои большие и маленькие секреты. Все мы развиваем свои вооруженные силы, строим новые научные центры и так далее. Но о каком доверии можно говорить, если сегодня мы не в состоянии достаточно надежно контролировать действия друг друга?

— И что же вы предлагаете? — быстро переводя острый взгляд с одного на другого, спросил Хрущев. — Так-то оно так, только мы знаем, чем этот контроль пахнет, и шпионов на свою землю не пустим, вы это учтите.

— Ну разумеется, господин Хрущев, на вашем месте так рассуждал бы всякий. Это вполне естественно.

— Так какого рода контроль вы предлагаете применить, господин президент? — с невинным видом спросил английский премьер-министр Иден.

— Мы привезли сюда, — сказал Айк, — на наш взгляд, блестящую идею, которая, если она будет принята к действию, станет надежным инструментом взаимного контроля.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Хрущев, — очень интересно...

— И ваши, и наши границы закрыты, — продолжил Айк, — но воздушный океан не имеет границ.

— Это почему же не имеет? — удивился Никита Сергеевич. — Еще как имеет, и вы это очень хорошо знаете — вон сколько ваших «варвар любопытных» побивали!

— Итак, приступаю к изложению нашего плана, — торжественно улыбаясь, объявил президент США. — Вы совершенно правы, господин Хрущев! За последние десять лет, и это, конечно, не будет новостью для всех здесь присутствующих, имело место множество печальных инцидентов, связанных с самолетами и их попытками несанкционированного вторжения как в ваше, так и в наше воздушное пространство с целью проведения аэроразведки. В результате погибло много самолетов и много людей. Всякий раз виновная сторона неуклюже пыталась обелить себя, либо просто отказываясь признать своими уничтоженные машины, либо ссылаясь на всевозможные внешние причины. То на ошибки компаса, то на погоду, хотя это всегда выглядело жалко и было шито белыми нитками.

— Вот это вы правильно говорите, — решительно тряхнул головой Хрущев. — А что касается сбитых самолетов, то мы что землю свою, что небо, что воды охраняем и защищаем, как и положено великой державе. Мы в обиду себя не дадим и друзей

своих в беде не оставим. Так что сбивали и сбивать будем, будьте уверены, это я вам точно обещаю.

— Наш план, — все так же торжественно улыбаясь, продолжил Аик, — и состоит в том, чтобы покончить наконец с этой нелепой недружественной практикой. Мы выдвигаем принцип, построенный на полном взаимном доверии, принцип свободного беспрепятственного пролета в любое время любых летательных аппаратов над любой географической точкой противной стороны...

Переводчик Хрущева был предельно внимателен, стараясь как можно точнее передать каждый смысловой оттенок того, что он слышал из уст президента:

— ...что позволит в любой момент, применяя все имеющиеся в распоряжении каждой из сторон технические средства, проводить на паритетных началах авиационную инспекцию тех районов и объектов, которые вызывают тревогу и беспокойство.

Этот принцип свободного неограниченного перемещения над территориями других стран мы назвали планом «открытого неба» и предлагаем безотлагательно заключить соответствующий договор. Тогда сами собой отпадут бессмысленные сложности, кончатся претензии друг к другу, каждый будет знать друг о друге именно то и ровно столько, сколько сочтет нужным.

Принятие и подписание такого документа способствовало бы значительному ослаблению недоверия и напряженности как между нашими странами, так и между нашими оборонительными блоками — Северо-Атлантическим и Варшавским пактами. Надеюсь на ваше пристальное благожелательное внимание к нашему предложению.

Президент закончил и ждал реакции своих высоких собеседников.

Хрущев думал...

По линии стратегической разведки он получил извещение Стэнли о возможности такого предложения, и вот оно поступило.

Тут скрывался хитрый подвох, замеченный им сразу, но он все же хотел задать президенту еще несколько уточняющих и проясняющих вопросов...

Как вдруг заговорил Булганин.

Хрущев чуть не поперхнулся, и кровь ударила ему в голову, когда он услышал вкрадчивый голос Председателя Совета Министров, «крупного военного деятеля» в маршальском звании.

— А что, — улыбнулся Николай Александрович, — а ведь и правда неплохо придумано. Уж доверять так доверять! Полное, так сказать, равновесие. Добрые, так сказать, соседи, ничего не скрываем, милости просим, так сказать, вы к нам, мы к вам, посмотрели, что там надо, узнали... По-моему, хорошая мысль.

Коротким взглядом-молнией Хрущев успел запретить толмачу Суходреву переводить маршальскую околесицу, но переводчики президента и премьер-министров Англии и Франции уже вовсю лопотали на ушко своим патронам то, что бухнул русский премьер, не поглядевши в святцы.

Президент широко улыбнулся, и на его приветливом лице отобразилось нескрываемое удовлетворение.

— Отрадно видеть такую живую позитивную реакцию советского руководства на наше предложение. Это свидетельствует о том, что вы, как и мы, приехали сюда действительно с искренними серьезными намерениями переломить опасную ситуацию в Европе и на всей планете. Что и вы не на словах, а

на деле готовы заняться реализацией наших совместных мирных инициатив.

Хрущев быстро поднялся из легкого кресла, сделал несколько шажков вдоль зеленой лиственной стены живой беседки и остановился метрах в двух напротив президента Соединенных Штатов.

— Открытое небо, говорите? На слух оно, конечно, звучит красиво. Только тут, господин президент, подумать надо. Подумать... А договор заключить — это мы всегда успеем. Прошу извинить, но советская делегация хотела бы устроить небольшой перерыв и провести короткое совещание.

Все поднялись из кресел и сошлись в центре беседки.

— Поскольку время нашей беседы по протоколу полностью не использовано, быть может, мы за счет сегодняшнего вечера несколько удлиним завтрашнее заседание? — неуверенно предложил Иден.

— Вот это верная мысль, — одобрительно кивнул Хрущев. — Умные вы люди, англичане. Тут дело такое... Как у нас говорят — утро вечера мудренее. Вы нас поймите: предложение неожиданное, надо помозговать. Такие вещи не решаются на бегу, не делаются с кондачка.

Последние слова главы советской делегации создали известные проблемы для всех переводчиков, но Никите Сергеевичу уже было не до них.

Разъяренный, он быстро двигался туда, где их ждали машины. Поджидавшие журналисты, расталкивая друг друга, попытались обступить советских лидеров, и хотя люди охраны мягко отсекли их, однако все заметили мрачное выражение лица Хрущева и не то растерянное, не то виновато-смущенное лицо доброго русского барина Булганина, поспешавшего за Первым секретарем.

Булганин хотел сесть в одну машину с Хрущевым, но как-то так вышло, словно само собой, что ему это

не удалось, и он почувствовал себя униженно и неловко.

А лимузин Хрущева, окруженный эскортом мотоциклистов, быстро двигался по широкому проспекту в сторону посольства СССР, где была их резиденция.

Машина двигалась необыкновенно мягко, словно по гладкому ковру.

Прекрасный город открывался за толстыми стеклами автомобиля, но Хрущев смотрел на все вокруг, угрюмо нахмурясь.

Нет, его не проведешь! Уж он-то отлично знал, что почем, и что вся эта сказочная благодать и невиданно ухоженная, богатая и легкая жизнь добыта безжалостной эксплуатацией человека человеком, и что все эти буржуазные красоты взялись не с неба, как манна небесная, а возникли от бессовестных спекуляций чужими капиталами, нажитыми за счет обнищания широких масс трудящихся в странах хваленной западной демократии.

Ему было тошно, как бывает тошно всякому, кого предали, кого подставили и продали союзники в карточной игре.

И когда в резиденции, где, он знал, все проверено-перепроверено насчет всяких там телефонномикрофонов вражеских разведслужб, он увидел Булганина и они остались наедине, в особой комнате для секретных переговоров, Хрущев за словом в карман не полез, резал правду-матку наотмашь.

— Ты, Коля, куда лезешь? Может, ты самый умный? Так я тебя, друг дорогой, в два счета разочарую. Они нас, видишь ли, на арапа берут, а ты, маршал, и рад? Я вот не маршал, а всего-то генерал, да и генерал-то больше по названию, а эту ихнюю придумку с пол-оборота раскусил.

— Ну, Никита Сергеевич... Чего уж прямо так, — бормотал Булганин. — Есть там зерно. По-моему, есть.

— Зерно? — взвился Хрущев. — Это что ж за зерно такое? Где оно, покажи мне, умник великий! В жо-

пе у тебя зерно, товарищ Булганин! И любой пацан тебе это скажет.

Он схватил лист бумаги из пачки, лежащей на небольшом столе, выхватил из кармана китайскую ручку с золотым пером — подарок товарища Чжоу Эньлая — и резким росчерком изобразил какую-то замысловатую фигурину, похожую не то на лося, не то на корову.

Заробевший Булганин, отлично знавший весельчака Никиту в самые разные моменты, насупясь, следил за кончиком золотого пера.

Левее и правее неведомой фигуры Хрущев также одним росчерком изобразил еще что-то, похожее на две картофелины, и поднял белые от ярости глаза на Булганина.

— Ну, маршал, соображаешь?

Булганин молчал.

— Молчишь? — зловеще хохотнул Хрущев. — Ну и молчи. Гляди и кумекай. Это вот — карта. Это вот, — он ткнул в центральную фигуру с такой силой, что из ручки полетели синие кляксы, — это вот мы, это вот, — он ткнул в картофелины по бокам, — они, американцы. Проясняется маленько?

Булганин молчал.

— Дорогой мой, — фыркнул и всплеснул руками Хрущев, — тебя ж партия поставила страной руководить, великой страной! Гляди: это вот — океан, и это — океан, а вот это, — и он, не жалея пера, с силой застучал золотым кончиком по всему периметру за границами весьма вольно изображенного СССР, — а вот это базы ихние, аэродромы. Гляди: Норвегия, Дания, Англия, Германия, Италия, Турция... Пакистан... И всюду их самолеты. И так — до Японии и Аляски. А на островах? И вот, вот!!! — Прорывая бумагу, он в бешенстве провел от точек стрелы, злобно направленные к СССР, — Вот оно, их «открытое небо», вот она, их инспекция! Чтoб шпионить в открытую с нашего позволения! Миротворцы проклятые!

— Ну, — сказал Булганин, — и что?

— Слушай, товарищ Булганин, — прищурился Хрущев, — ты родился такой или притворяешься? Да тебя бы Сталин с Берией за этакое «ну» знаешь, куда бы отправили? Все бы близко было. Повторяю: вот мы, вот они, вот океаны — Атлантический, Тихий, Ледовитый! Ты к ним инспектировать на чем полетишь? На хрене на своем? Мы-то у них тут, под боком, а у нас — ни самолетов таких, ни аэродромов. Хоть бы один островок поганенький. Зашибись, а не достанешь. Вот он и фокус весь с их «открытым небом». И какую закуску они нам завтра устроят, как умоют нас на весь честной свет — сто лет не оботремся.

— Так что же будет? — с испугом спросил Булганин.

— Будет что? Был у нас в селе жид Пиня, Пинхус Циперович, в шинке водкой торговал. Так Пиня был умный. К нему придут, спросят: «Пиня, что же будет?» А Пиня отвечает: «Что будет? Шкварки. Что же еще-таки может быть? Таки шкварки и будут». Вот и тебе, товарищ маршал, при таком большом уме другого ждать нечего. Таки шкварки и будут.

Хрущев не ошибся. На следующий день уже весь мир знал о предложенном американцами плане «открытого неба» и о том, что русские встретили его более чем благожелательно, а Председатель Совета Министров Николай Булганин даже дал понять остальным участникам встречи в верхах о принципиальном согласии советской делегации заключить соответствующий договор.

Стремительность, с которой эта ложная информация распространилась по свету, заполнила первые страницы крупнейших газет и постоянно повторялась по радио, подтвердила худшие опасения Никиты Сергеевича. Кто только мог, на все голоса расхваливал уступчивость и конструктивный подход лидеров СССР в деле построения нового мира — мира сотрудничества, открытости и доверия.

«Вопреки пессимистическим прогнозам таких авторитетных обозревателей, как Рестон и Сульцбергер, русские готовы доказать, что их стремление к миру — не пустая риторика и не пропаганда. Они действительно хотят мира, который нужен всем, вне зависимости от систем, формаций, идеологий. Оливковая ветвь в руках Булганина и Хрущева смотрится куда приятнее, нежели автомат или бомба в руке Сталина или Мао».

«Вашингтон пост»

«Если это не искреннее желание изменить курс, то тогда что это? Похоже, Москва решила раздёрнуть непроницаемый «железный» занавес, который поднимается все же не до самого неба. Наконец-то народы, с ужасом глядящие в поднебесье в ожидании атомных бомбардировщиков, смогут удостовериться, что небо над ними чисто и не таит угрозу».

«Фигаро» (Париж)

«Неожиданное согласие московских правителей принять план «открытого неба», выдвинутый американцами, может кардинально изменить всю расстановку сил в мире. Взаимное доверие вчерашних непримиримых противников, если оно в самом деле станет реальностью, предполагает и дальнейшие шаги Кремля, направленные на ослабление международной напряженности. Если так пойдет дальше и настоящий прецедент станет руководством к действию, недалек день, когда можно будет решить и другие проблемы, прежде всего Германии и Западного Берлина, сокращения вооружений, противостояния НАТО и стран Варшавского Договора. Политическая мудрость Булганина и Хрущева обнадеживает все народы».

«Гардиан» (Лондон)

...Хрущев отшвырнул газеты... Переводчики бережно сложили их и унесли с глаз долой.

— Поймали они нас! — воскликнул Никита Сергеевич. — А мы попались! Вляпались, как мухи в мед. Вот сволочи! Была же договоренность не трубить раньше времени. Это они нарочно все так подстроили, чтобы нас перед всем миром сукиными детьми выставить.

Булганин молчал, понимая всю справедливость его упреков.

— Ну, и как теперь быть? Как, говорю, выходить из положения? Ведь теперь они на коне. Миротворцы, мать их так, спасители человечества! А мы кто? Теперь всякая собака станет гавкать на нас. Лицемеры! Согласились — и на попятную? Больше всех о мире кричат, а как до дела, мол, так пожалуйста!

Как всегда в минуты волнения, он вскочил со стула и несколько раз прошелся по гостинной резиденции.

— Делать нечего. Коли вляпались в лужу, придется пузыри пускать. Поехали, маршал!

Через час на очередном заседании Женевской встречи глав четырех держав советской делегацией было распространено официальное заявление о неприемлемости для СССР плана «открытого неба», который сделал бы узаконенным международный шпионаж.

— Мы глубоко разочарованы и опечалены таким поворотом событий, — со скорбью в голосе, но жестко и холодно провозгласил в микрофон президент США. — В очередной раз советская сторона лишает всех нас возможности выбраться из замкнутого круга подозрительности и недоверия, вместо того чтобы наконец пойти по дороге добрососедства и мира... В целом мы высоко оцениваем эту встречу и считаем ее безусловно полезной. Как бы то ни было, благодаря ей климат в мире делается мягче, но результаты ее были бы куда весомее, если бы со

стороны СССР не было проявлено столь очевидное нежелание понять все выгоды, которые сулило всему миру принятие плана «открытого неба». Мы сожалеем и не хотим скрывать этого.

Хрущев прослушал это заявление с хмурым непроницаемым лицом.

Возражать он не стал — он слишком хорошо знал, что последует дальше. Он умел «держаться удар» и умел проигрывать,

В тот же вечер президент США позвонил в Вашингтон директору ЦРУ.

— Все отлично, Аллен. Как вы уже знаете, все произошло именно так, как мы предполагали и задумывали. Они наотрез отказались, и теперь у нас развязаны руки. Мы предлагали им цивилизованный взаимовыгодный вариант, они отвергли его. Пусть пеняют теперь на себя.

Аллен на том конце провода, за океаном, отлично понял, что стояло за словами Айка.

С этой минуты проект «Ночной кондор» вступал в действие и из области теории переходил в разряд практических оперативных задач.

24

За тот первый год, что Вазген и Сергей прослужили в полку, многое изменилось. Одно осталось неизменным — их дружба, что зародилась тогда, в осеннем тумане на безлюдном полустанке, где они впервые увидели друг друга и пошли навстречу.

Из начинающих за год оба выросли в летном мастерстве. И если асами и летчиками-снайперами еще не стали, то, во всяком случае, уже летали наравне с

остальными, и командование уже без опаски ночью и днем выпускало их в небо.

Сверхзвуковой «МИГ-19», еще когда обещанный войскам ПВО, на вооружение в строевые части все не поступал, и летчикам полка приходилось летать все на тех же тупорыленьких «МИГах-пятнадцатых» и «семнадцатых», да на нескольких вертких машинках Сухого «СУ-7Б». Не разлетишься.

Старшие однополчане полюбили ребят, помогали как могли и чем могли. И понемногу, все больше доверяя, рассказывали им то, что в общем-то разглашать права не имели, благо здесь, на семи ветрах, всем жилось одинаково несладко и трое офицеров спецчасти, «секретчики» из КГБ, ни под кого рыть не собирались, были свои парни, люди как люди.

Так Сергей и Вазген узнали то, о чем ни в каких газетах не писали и ни на каких политзанятиях не обсуждалось. И рассказы эти, простые, правдивые и страшные, делали их представления о жизни и о работе куда сложнее и противоречивей, чем бодрые лозунги и плакаты в Ленинской комнате.

Так, им довелось узнать, что большинство «стариков» — пилотов и технарей понюхали пороху не только на той войне, где погибли их отцы.

Оказывается, им пришлось повоевать и в Корее, на этих самых «курносых» «МИГах-пятнадцатых»...

И что там они под видом летчиков товарища Ким Ир Сена взаправду сражались в небе с недавними союзниками-американцами, летавшими на внешне почти таких же истребителях «F-86 Сейбр».

Что именно там, в жидком, неверном воздухе Кореи, шло испытание как тех, так и других машин в реальных боевых условиях и что наша техника, родимая «материальная часть», этот экзамен провалила решительно по всем статьям, хотя пилоты превосходили летчиков-янки мужеством, мастерством пилотажа, боевым опытом. Что осрамились мы там страшно и потери понесли ужасные, неслыхан-

ные потери, отчего по всей России с пятидесятого по пятьдесят третий год вдруг несчетно прибавилось пилотских холмиков с безликой подписью под именем: «...погиб при выполнении служебных обязанностей».

— Но как? — спрашивали ребята, успевшие полюбить свои толстенькие симпатичные «миги». — Как же так, почему?

— Техника!.. — с какой-то обреченной покорностью разводили руками ветераны. — Техника и еще раз техника. Знали бы вы, каких мужиков там наш полк потерял! И за Берлин бились, и за Прагу. Когда такой разрыв в технике, для летуна мозги да руки — последний шанс. Так что точите мастерство, парни, точите! Третьего не дано.

И они «точили» как могли. А оттуда, из-за кордона, просачивались все новые вести.

Все новые сверхзвуковые машины вступали в строй и у тех же американцев, и у французов, и у англичан...

Знать все это и летать было непросто. К тому же имелась информация, что там, на прогнившем Западе, который, как им внушали ежедневно, вот-вот должен был развалиться сам по себе, имелась совсем другая техническая оснастка систем навигации и радиоуправления машин с земли, которая резко облегчала, быть может, самую трудную и опасную человеческую работу — работу военных истребителей-перехватчиков.

И они ждали, ждали прихода новых машин — как новой эпохи, как новой судьбы.

Жизнь летчиков текла размеренно, а если прямо сказать, довольно монотонно и уныло. А до любого города от их секретной «точки» во все стороны, куда ни кинь, не меньше полусотни километров. Не ближний свет... И вечерами порой становилось тоскливо, хоть плачь.

Отлетав свои часы, после доклада в штабе и раз-

бора полетов, сдав оружие и карты в спецчасть и поплескавшись под душем, Вазген с Сергеем уходили в поля, в холмы, гуляли, разговаривали, тосковали.

Молодые парни, на двадцать третьем году жизни, здоровяки, да что там! — красавцы, по которым должны были сохнуть во всех градах и весях великого Союза их возможные невесты и жены, они еще не знали того, чего так ждала молодая плоть, к чему тайно, мучительно стремилось естество.

Но было что-то и в том, и в другом, и в большинстве их сверстников, что запрещало войти в ту жизнь и перейти грань без «хорошей большой любви», которой они хотели непременно дожидаться ради чего-то очень важного и необходимого в самих себе.

А разговоры... Что ж, конечно, разговоры об этом бывали у них часто. Да и могло ли их не быть?

— Эх, — говорил Вазген, — слушай, Сережка, все тут, конечно, хорошо, только девушек мало.

— Мало! — смеялся Сафонов. — Ну ты даешь! Совсем же нету!

— Да, — грустно кивал Вазген, — так и жизнь пройдет.

— Не пройдет, — с непонятной уверенностью мотал головой Сергей. — Не пройдет, не боись...

И однажды Вазген понял причину его уверенности. И может быть, за все время их дружбы ему впервые сделалось горько и обидно — он даже как будто почувствовал себя обманутым.

Вазген был в наряде, когда командир полка решил вывести группу молодых офицеров в город на «культуру» — на концерт со знаменитыми московскими артистами, который должны были вести Тарапунька и Штепсель.

— Да ну! — сказал Сафонов. — Не поеду я без тебя.

Айрапетян разозлился:

— Слушай, не дури. Езжай и не думай. Двое суток я в наряде, чего тебе тут пылиться?

Одним словом, уломал. Комполка расщедрился,

выделил маленький автобус и, громко распевая не слишком стройным хором известную песню о стальной птице, которая пролетит там, где не проползет тяжелый танк и бронепоезд не промчится, особенно жарко и убежденно нажимая на слова: «А если надо, жизнь отдаст, как отдал капитан Гастелло», они уехали в сторону Свердловска.

Вазген заступил на дежурство, еще с двумя лейтенантами обошел территорию гарнизона, а когда вышагивал в сторону штаба, его догнал и, козырнув, остановил рядовой-почтарь:

— Товарищ старший лейтенант! Письма получите.

Конвертов было четыре, один верхний — ему, от мамы, три других — Сергею, из того городка, где он вырос после войны и где учился в суворовском.

Письма были — он понял по обратному адресу — от какой-то Тани Соколовой, и все было бы ничего, все было бы понятно, но на уголках конвертов значились номера соответственно 48, 49 и 50 — школьным девичьим почерком.

Опешив, смотрел он на эти конверты и номера. Как же так? Если все у них с другом в открытую... Да и с какой стати было скрывать? Какая-то темная, едкая тяжесть опустилась на него, забралась в сердце. Что же тогда их дружба? Если письма приходили весь год, все под номерами — и таился, молчал... Как понять?

А до конца наряда еще было двое суток, и автобус возвратился лишь к вечеру следующего дня. Горячий Вазген не умел ни играть, ни притворяться и встретил друга угрюмо, отводя глаза.

— Там, это... — сказал он и показал рукой на подушку. — В общем, пляши. Письма там тебе. Сразу три...

В его больших темных глазах Сафонов прочитал укор. И вспыхнул Сергей, сжал руку Вазгена.

— Подожди... Сейчас объясню.

— Не надо! — отдернул руку Вазген, рванул козырек фуражки на нос и, громче обычного стуча сапогами, вышел из офицерского общежития.

— Вот черт! — с досадой воскликнул Сафонов и тяжело плюхнулся на койку, сжимая в руке три конверта. И чего, правда, он таил это, зачем молчал?

Но он знал зачем. Мог ответить — почему.

Раз в неделю, притаившись в библиотеке или оставшись в классе после занятий, он писал туда, в далекий городок, очередное горячее, полное свежих, чистых чувств, веселое письмо...

А после подолгу все ждал ответа и не мог дождаться, и тосковал, и постоянно ощущал муку непреодолимого огромного расстояния, зная, как она хороша, как увиваются за ней и сколько там, в их городке, отличных парней, что гражданских, что курсантов.

И каждый раз, когда она мешкала с ответом, думал, что все, что не будет больше писем от нее, нашла себе, закрутила, о нем и думать забыла, конец...

Он знать не знал, что делалось там на самом деле. И как было бы тут не поделиться своим волнением и тревогой с самым близким из друзей?

А что таких друзей, как Вазген, — всегда понимающих, чутких, удивительно деликатных — у него не было раньше и не будет больше никогда, Сафонов не сомневался.

Но... Не то застенчивость какая-то, не то суеверная боязнь спугнуть свое счастье заставляли стискивать зубы и ждать какого-то решения своей участи.

Любила она его, не любила — письма от нее были его главной радостью, потому что у Вазгена были мама, младший брат, дяди, тети, целая куча родни, у него не было никого — только его полк и Вазген.

А был Сафонов красив удалой мужской красотой, и засматривались на него многие, а может, и мечтали о нем. Широкоплечий, статный, белозубый, очень сильный, а уж в сверкающей парадной форме да с кортиком... просто смерть девушкам!

...Дня два друзья молча переживали размолвку, а по ночам, лежа рядом на койках, вздыхали, крутились под одеялами, то поворачивались друг к другу, будто желая поговорить, то снова поворачивались спинами.

Не выдержал Сафонов.

На третье утро молчания, когда они, вскочив раньше всех, перед физподготовкой и кроссом плескались в умывалке, оба голые по пояс, в одних черных трусах, Сергей, вытираясь полотенцем, вдруг ухватил крепкого, будто отлитого из смуглого чугуна и сплошь поросшего черной шерстью невысокого Вазгена, стиснул изо всех сил.

Тот затрепыхался и тоже железным обручем обхватил плечи и грудь Сергея.

Пыхтя и сопя, они некоторое время толкались и мяли друг друга, пока Вазген наконец не рванулся, гордо и оскорбленно выговорив в пространство:

— Дурак! Вот же дурак!

— Ну, дурак, — послушно согласился Сергей. — Не спорю!

Вазген смотрел в окно умывалки.

— Ну ладно, — виновато-примирительно буркнул Сафонов и несильно ткнул друга под дых. — Слышишь, ну?

— Какой же дурак! — с изумлением повторил Вазген.

— Штепсель! — улыбнулся своей неотразимой улыбкой Сафонов. — Штепсель, не гавкай!

— Вот черт, — улыбнулся Вазген.

— Я тебе все расскажу, — сказал Сафонов. — Все расскажу, ты не думай. Тут такая история...

Теперь и правда он мог все рассказать. В письме номер пятьдесят... а все три последних письма поразили его неожиданным, невероятным потоком сбивчивых, долгожданных, неповторимых слов любви, нежной преданности, словно прорвало ее наконец, словно сама она вдруг поняла свою душу и изумилась всему, что накопилось в душе, да, так вот, в письме номер пятьдесят, самом коротком из всех,

которые он когда-нибудь от нее получал, Таня писала, что да, да, да, она хочет быть его женой, что она будет его женой, что никто ей, кроме него, не нужен и она только ждет, когда он придет за ней и увезет ее в свой городок, в свой гарнизон, к черту на кулички.

25

Всей жизнью от самой юности своей Никита Сергеевич Хрущев был приучен относиться с недоверчивым подозрением ко всему западному, буржуазному, а стало быть, враждебному.

Так был он воспитан, тем вскормлен и вознесен учением партии: всегда, всюду и со всеми оттуда, со всякой заграницей нужен глаз да глаз.

Ничего хорошего ждать от них не приходилось.

Он и не ждал.

Всегда был настороже, готовый мгновенно перейти в яростную контратаку, чтоб дать отпор всем их проискам. Однако, не без труда признаваясь в том себе, официальные встречи со всякими их деятелями с недавних пор полюбил ужасно, пристрастился к ним, как к доброму веселящему вину.

За последние три года, будто вынырнув из черного омута угрюмой сталинской поры, он полюбил эти встречи, приемы, беседы, но особенно полюбил поездки и визиты в разные страны, которые успели преобразиться, принарядиться и приукраситься за послевоенное десятилетие.

И сам он становился другим — разговорчивым, вольным на острое, смачное слово, находчивым, озорным, веселым хлебосольным хозяином могучей страны.

Он легко и с приятностью входил в эту новую свою роль — и менялся, будто снимал тесные не-

гнувшиеся доспехи и наряжался в мягкий костюм, который не сковывал свободной размашистости движений души и тела, легко перекатывался круглым улыбчивым колом, умевшим когда надо и зубы показать, да так глянуть, да так гикнуть, что иным и дурно делалось.

Вышло в точности как думал: после Двадцатого съезда и его февральского доклада, который враз будто порывом ветра вымел завалы сора и грязи прошлого и разорвал колючую проволоку на заборах лагпунктов бесчисленных лагерей, он в один день вырос в гиганта, подмявшего и отодвинувшего всех товарищей из высшего руководства.

Все поблекли, скукожились, потеряли величие рядом с отчаянным смельчаком, заговорившим о том, о чем все боялись и думать, во весь голос сказавшим от лица партии то слово, которого ждала, не смея услышать, вся страна.

Да, он сказал, сумел выговорить его! И теперь уже ничего нельзя было поворотить назад: слово не воробей, оно вылетело, вырвалось из его горла, поднялось в небо и росло на глазах у всех.

И во всем этом был он, пришло время его звездного часа, его славы, доблести и героизма, его чертовского мужества и триумфа перед мрачной, каменной мордой сплоченного тысячелицевого Аппарата.

Потому-то к приему в американском посольстве четвертого июля пятьдесят шестого года, в день ста-восьмидесятилетия Соединенных Штатов, он готовился загодя и особенно тщательно.

По такому случаю был сшит даже новый иссиня-черный парадный костюм — он еле вытерпел четыре примерки, но пиджак удался, сидел как влитой, да и широкие брюки удались, отлично скрадывали неудержимо растущее брюхо.

В официальном приглашении, доставленном в Кремль, Чрезвычайный и Полномочный Посол мистер Болен от лица правительства Соединенных Штатов просил высокое руководство страны пребывания почтить своим присутствием торжественный прием.

Пришлось подумать и о туалете «первой леди Страны Советов», как, хохотнув, назвал он свою благоверную.

— Вот что, Нина Петровна, придется и тебе, матушка, справлять обнову. Скажи янки спасибо, империалистам проклятым.

Что правда, то правда, гардероб Нины Петровны хоть и был небеден и числом немал, однако давно и явно вышел из моды. Да и с модой, по совести сказать, никогда не соотносился.

Отродясь не хороводилась она с тряпками, тут соблюдалась партийная скромность и стиль был принят самый безликий, так называемый «деловой», опять же — партийный.

Как уж там расфуфыривались иные прочие жены — другой вопрос. Особыми франтихами почитались дородные супруги высших военных, что же до жены первого лица, тут до сей поры никакие излишества не допускались.

Но теперь он решил сломать старые правила. А что? И мы не лыком шиты, господа империалисты! Нос вам, конечно, по галантерейной части не утрем, однако ж и серыми мышками не будем.

Так что и Нине Петровне прямо из Лондона, в обстановке строжайшей тайны, через ведомство председателя КГБ Серова было куплено и доставлено роскошное серое шерстяное платье, которое в Москве только чуть подогнули по фигуре.

Как увидел в нем жену — только вздохнул и — крикнул: умеют же собаки-капиталисты!

Помолодела жена, похорошела, маленько губки подкрасила — робко, чуть приметно, опасаясь его гнева. И вдруг жалко ее стало. И себя почему-то тоже жалко. Подошел, обнял крепко, прижал ее голову к себе, погладил по волосам. Отвыкшая от его ласки, она вздохнула, не то от радости, не то от боли. И на прием в большой черной бронированной машине с толстенными зеленоватыми стеклами они ехали разволнованные, оживленные, как и положено в день праздника.

Уже была написана поздравительная речь и подготовлены остроумные тосты с хитрыми намеками и прибаутками. К тому же на прием были приглашены лучшие артисты: Уланова, Лемешев с Козловским, Ойстрах, Любовь Орлова со своим Александровым. Все предвещало чудесный вечер.

Так оно и оказалось.

Посол Болен, весь штат советников и атташе посольства с радушной почтительностью встречали высоких гостей. Все приехали одновременно — Маленков, Булганин, Молотов, и Микоян, и Жуков со своей красавицей, и Ворошилов...

Под стрекот кинокамер, щелчки фотоаппаратов, как всегда, окруженные оравой журналистов, они чинно вошли в старинный особняк резиденции посла.

Все шло замечательно. Хрущев выступил с подготовленной речью, где пожелал счастья и процветания трудолюбивому американскому народу и высказал надежду на улучшение отношений между двумя великими мировыми державами и за прекращение «холодной войны», затем с ответными речами к главе партии и государства СССР и всем гостям обратились заместитель государственного секретаря и сам посол.

Личный переводчик Витя Суходрев торопливой четкой скороговоркой синхронно перелагал на русский все, что с вежливыми светскими улыбками зачитывали они по своим бумажкам, а он слушал с улыбкой, чуть кивал головой и окидывал многолюдный зал веселыми хитрыми глазами.

Торжественная часть церемонии была завершена, но Никита Сергеевич вдруг вновь выступил вперед и постучал по микрофону.

— Я вот что сказать хотел, — он прищурился, задорно глядя на американских сановников. — Ваш президент — генерал, да и я тоже генерал, мы союзники, навоевались досыта, но оба мы теперь разгули-

ваем в штатском. Это хороший пример, вот так бы всем военным — скинуть бы мундиры, вот и было бы разоружение и мирное сосуществование всех народов!.. Правильно я говорю, товарищ Жуков?

Но Жуков со знакомым всему миру властным, непроницаемым лицом только чуть пожал плечами и ничего не ответил.

На миг возникло замешательство, но Никита Сергеевич, будто не заметив неловкости, подхватил под руку посла Болена и не как гость, а, скорее, как хозяин, повел того к накрытому столу.

Маленький оркестр сыграл гимны Соединенных Штатов и СССР, и торжественное застолье началось.

Хрущев был весел, давно его не видели таким, а Нина Петровна казалась смущенной и растерянной в еще не привычной для нее великосветской обстановке, среди блестящих журналистов, дипломатов и их ослепительных жен в длинных вечерних платьях и радужно сверкающих бриллиантах.

Никита Сергеевич произносил тост за тостом, дружелюбно и метко поддевая американцев и пересыпая каждую здравицу крепкими прибаутками — одна остроумней и задиристей другой. Суходрев торопливо переводил, умудряясь сохранять даже непере译имые нюансы русских шуток, и сидящие за столом раз за разом раскатывались одобрительным хохотом вместе с толпившейся поодаль прожженной журналистской братией.

Его несло, он был в ударе, все больше хмелея, но не от вина — тут, в стане противника, он был начеку и ни за что не дал бы себе разгуляться сверх положенной меры, — а от всеобщего внимания к себе, от нацеленных на него сотен глаз, ждущих все новых штучек, столь непривычных в устах суровых кремлевских лидеров.

Он говорил, хитро прищурился озорной глаз, и будто в упор не замечал холодных постных лиц сво-

их товарищей по Секретариату ЦК и представителей дипломатических миссий из братских стран социализма — немцев, поляков, чехов.

А они поглядывали на него не то с невольной завистью, не то с молчаливым затаенным осуждением. Особенно мрачным казался Молотов: он сидел, угрюмо пригнув крутолобую голову, и, раздраженно глядя перед собой через стекла круглого пенсне, сосредоточенно разбирался с закусками на тарелке.

По протоколу прием должен был закончиться в половине одиннадцатого вечера, времени еще было много. Хрущев вставал, выходил из-за стола, прохаживался по залу, сопровождаемый неотступными репортерами, посмеивался, подмигивал, кое-кому грозил пальцем, вызывая всеобщее удовольствие своей простосердечной крестьянской непосредственностью, — настроение у него было превосходное и становилось все лучше.

На втором часу приема, когда, высоко подняв тонкий хрустальный фужер, он вновь с лукавой усмешкой произносил очередной тост за здоровье невесты — старушки Америки и бравого жениха — тридцатидевятилетнего красного молодца-богатыря СССР, за их будущие совет да любовь в духе Жены, он вдруг краем глаза заметил, что к сидящему напротив невозмутимому Жукову быстро приблизился один из его помощников-адъютантов и, наклонившись, что-то коротко прошептал на ухо.

Судя по всему, сообщение было чрезвычайной важности — обычно непреклонно-монументальное лицо Жукова на миг исказила нескрываемая тревога, он нахмурился, и его высокий лоб прорезала глубокая вертикальная морщина.

Жуков что-то быстро сказал генералу-порученцу — явно отдал какой-то приказ и силой твердого, волевого взгляда притянул к себе Хрущева.

Никита Сергеевич кое-как выпутался из своего заковыристого каламбура и под аплодисменты всех гостей с бокалом в руке пошел вдоль стола к Жуко-

ву, и тот сразу встал и тяжелой кавалерийской поступью, тоже с бокалом шампанского двинулся на встречу Первому секретарю.

Они сошлись, чокнулись бокалами, и под звон хрусталя Георгий Константинович быстрым шепотом выговорил:

— Отойдем!

Как будто негромко беседуя, они отошли в угол к дальней стене зала. Жуков уже справился с собой, и лицо его вновь было привычно жестко и бесстрастно, и, словно ощутив непроницаемо-твердое поле неприступности, ни один из журналистов не смел нарушить их уединение.

Чуть улыбаясь и немного рассеянно глядя в сторону, Хрущев еле слышно проговорил:

— Слушаю!

— В двадцать пятнадцать нашими средствами ПВО засечен неизвестный самолет.

— Ну и что?! Сажайте, сбивайте! Эка невидаль!

— Сбить невозможно. Уже пытались — не удалось.

— То есть как?

— Самолет идет на небывало большой высоте — двадцать три километра. У нас нет средств его уничтожить.

— Да вы понимаете... Вы понимаете! — чувствуя, что багровеет лицом и затылком, Хрущев повернулся спиной ко всем сидящим в зале. — Да я вас всех... знаете?! Приказываю — сбить!

— Доста-ать самолета-ет нельзя-я! — резко отчеканил Жуков.

— Где он сейчас?!

— Пересек границу, вероятно, в районе Гродно, замечен на траверзе Могилева. Десять минут назад прошел Смоленск.

— Так куда его несет?! — Никита Сергеевич уже сам понял ответ и ощутил мокрый холод, окативший спину.

Твердо, не отводя ледяных глаз и не раздумывая, Жуков сказал:

— На Москву.

Мы вряд ли способны даже вообразить, что почувствовал в тот час первый человек СССР, застигнутый ужасным известием фактически на вражеской территории, в окружении противника.

Каково было ему, руководителю великой страны, поставленному волей партии быть ее главным полномочным представителем и первым защитником в условиях «беспощадного капиталистического окружения»?!

Что испытывал он в те минуты на чужом пиру в кругу злых недругов, когда по их дурацким правилам хорошего тона надо было шутить, улыбаться, поздравлять, впопад отвечать и острить в ответ на все их шпильки и коварные выпады, внезапно узнав, что вот в эти самые мгновения к столице вверенного ему государства со скоростью семьсот километров в час за просто и безнаказанно приближается с неведомой целью вражеский самолет?

Прием в посольстве был в разгаре, и пока только Хрущев с Жуковым да их помощники знали, какая страшная угроза нависла над Москвой.

Ох, недаром, недаром его учили сызмальства не верить ни в чем проклятым империалистам, во всем видеть и угадывать злобные козни этой зажавшейся сытой нечисти!

А он-то к ним с добром, с открытой душой! Видно, враги на то и рассчитывали — только и ждали момента торжества, когда увидят их растерянные, искаженные страхом и волнением лица.

Но что было делать теперь?

Признать себя идиотами, застигнутыми врасплох? Показать волнение и страх? Потерять лицо при всех этих холеных мистерах и миссис и ни с того ни с

сего, с бухты-барухты, без объяснений покинуть по-сольский особняк? Нет уж, держите карман шире, господин Болен!

В одно мгновение им овладела небывалая, неслыханная ярость. Ну конечно! Самолет послали нарочно именно в этот час! Именно тогда, когда они должны были находиться здесь на праздничном приеме!

Эти ловкачи все рассчитали по минутам и нарочно заманили его сюда вместе со всем руководством!

О, то был змеиный расчет — дьявольская хитрость, на которую они попались — точь-в-точь как тогда, на рассвете двадцать второго июня!

— Что будем делать?! — грозно надвинулся он на Жукова, понимая, что причина их уединенного разговора, скорей всего, для многих тут не представляет тайны и все только и ждут с жадным интересом, как будет дальше развиваться эта захватывающая комедия, где ему выпало играть главную смешную роль. — Ваши предложения?!

26

Все было как в знаменитой страшилке: в черном-пречерном небе, над черной-пречерной землей, человек в черном высотном комбинезоне и черных перчатках вел черный-пречерный самолет... Все лицо его, кроме глаз, было закрыто черными патрубками и ремнями, но и на глазах его были большие черные очки...

Он был в полете уже четвертый час.

Закинув утомленные руки за голову, он безмятежно смотрел вперед за остекление кабины и на легкие самостоятельные покачивания маленького черного штурвала.

Самолет одолевал пространство, повинуюсь сложной умной механике автопилота, выдерживая строгую прямую между Смоленском и столицей страны, с вызывающей наглостью поправ все писанные и неписанные земные и небесные законы.

Суверенитет чужого государства, международные обязательства, элементарная мораль, запрещающая любому незнакомцу без санкции хозяев проникать в их жилища, то есть совершать преступление, за которые на родине пилота разрешалось стрелять без предупреждения и даже убивать на месте незваных гостей, — все эти людские установления были отброшены за ненадобностью: пилоту было дано задание, и он его выполнял.

Он знал, что таких полетов в мирное время в глубокий тыл противника до него никто и никогда не совершал, что, если он выполнит его — это задание станет последним в его послужном списке, он сможет, если захочет, навсегда оставить свою опасную службу и жизнь его будет безбедной до конца дней.

Впрочем, полет мог оказаться последним и по другой причине.

Потому что в случае отказа двигателя или системы управления он был обязан, нажав особую кнопку, запрятанную под специальной заглушкой, чуть уколоть себя короткой толстой иглой — желательно в шею или щеку над раструбом кислородного прибора.

Не позднее чем через пять секунд солнце тихо и безболезненно угасло бы для него навсегда, а еще через минуту сработало бы устройство, приведенное в действие нажатием кнопки, и самолет разнесло бы на мельчайшие частицы взрывным устройством, не оставляющим следов.

Потому что самолет этот был рожден, чтобы невидимым черным демоном неба пролетать громадные расстояния на невероятных высотах, и должен был оставаться им для всего мира как можно дольше.

Вполне возможно, его давно обнаружили и «вели» русские радарные станции, но пилот лишь надменно усмехался под кислородной маской.

Он знал, что если его и наблюдали, то этот бесстрастный полет в глубоком тылу всех зон ответственности вражеской противовоздушной обороны мог вызвать на земле только корчи бессильной ярости и бессмысленные проклятия.

Еще нигде и ни у кого в мире не имелось средств уничтожения таких воздушных целей.

Чуть теплились циферблаты приборов...

И смотреть на них пилоту было приятно и уютно. Чувство абсолютной защищенности и неуязвимости доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие и отбрасывало мысли о смерти. Тем более в день великого юбилея его великой свободной страны.

То, что первый полет приурочили именно к этому дню, носило равно издевательский и символический характер, и в этом неслучайном совпадении явственно ощущалось характерное язвительное чувство юмора того пожилого джентльмена с трубкой, который напутствовал его, посылая в этот полет.

Он взглянул на хронометры, легко произвел текущий штурманский расчет.

До цели осталось семнадцать-восемнадцать минут, и он включил основное оборудование: остро-направленную антенну приводного радиокompаса, который должен был вывести прямо на цель.

Солнце уходило в сияющие слои облаков, а на огромной высоте под аспидно-черным ночным небом было еще непривычно и необъяснимо светло, как в хирургической операционной с черными стенами и потолком.

В июле на широте и долготе Москвы ночь приходит много позднее, и внизу на земле, там, где раскинулся огромный город, еще стояли теплые мглистые сумерки...

День был будний, среда, но народу на улицах в центре города было еще много: трудящиеся отдыхали после рабочего дня. Девушки в широких юбках и молодые люди в теннисках и брюках-клев прогуливались и смеялись в тени деревьев Тверского бульвара. Милиционеры в белоснежных кителях и портупеях через плечо вели наружное патрулирование на своих участках и, козырнув, делали гражданам замечания, если те кидали окурки мимо больших урн, покрашенных серебряной краской.

Старушки и старички не спешили в свои коммуналки и, сидя у фонтана в знаменитом скверике напротив Большого театра, судачили о том о сем, осторожно обсуждая невероятные перемены во всем, всюду и везде. Тут же примостились студенты в стареньких куртках с отложными воротниками и насмешливо рассматривали кучку «стиляг» в коротких узеньких брючках и клетчатых рубашках навыпуск — выражение лиц у тех было нездешнее, «заграничное», и они усиленно подчеркивали это как только могли...

И никто, ни один человек даже представить не мог, какая паника в эти самые минуты охватила великое множество серьезнейших учреждений, так или иначе ответственных за неприкосновенность небесных сфер и жизненную безопасность этого города.

На ноги были подняты тысячи людей в военной форме и в штатском, но толком никто ничего не знал, механически исполняя бесчисленные инструкции, приводимые в действие сигналом общей тревоги под грифом «три нуля».

Неизвестный самолет вошел в особую зону особого контроля, держа курс на центр столицы. Это было даже не ЧП, это было нечто куда более страшное, непредставимое, позорное, ломающее все тактические схемы защиты Москвы от нападения с воздуха.

Отчаянные крики, взаимоисключающие приказы и распоряжения в телефонные трубки, обугленные нервы, самоубийственная кутерьма всевозможных предложений, одно нелепей и бессмысленней другого...

А город жил, гулял, дышал, сплетничал.

Галина Уланова, переодевшись для выступления, исполняла перед собравшимися в посольском особняке короткую коронную сценку из «Жизели» Адана, когда в скверике у Большого театра вдруг появился невысокий подвыпивший человечек с тяжелой хозяйственной сумкой, из которой торчали какие-то инструменты, мотки проволоки и надкушенный батон хлеба.

Он был в благодушнейшем настроении и, пару раз извинившись, спросил у сидящих на скамьях вокруг фонтана, который час. Ему было на вид лет пятьдесят, обычный подгулявший пьянчужка-пролетарий, ласково озирающий вечерний город, шумящий фонтан, стайку стилиг, «Победы», «зимы» и «Москвичи», бегущие по Моховой мимо Малого театра и «Метрополя».

Посидев некоторое время в умильном созерцании, он вновь с подчеркнутой хмельной вежливостью осведомился у сидящих рядом студентов о времени, как будто это было теперь для него важнейшим вопросом существования.

В эту самую минуту с другой стороны в известный сквер на площади Свердлова вошли несколько подтянутых молодых мужчин, причем двое из них вдруг почему-то тоже захмелели и, громко переговариваясь, неспешно двинулись враскачку в направлении скамьи, где расположился пьяненький со своей

сумкой, а еще трое или четверо начали медленно приближаться к той же скамье сзади, справа и слева, постепенно сжимая круг.

Но пьяненький как будто и не видел их. Все так же улыбаясь своим мыслям, он вдруг полез в свою сумку, наклонился, порылся в ней и достал початую бутылочку «Московской особой».

Извлек, поглядел на свет и уж поднес было к губам блеснувшее горлышко, но отхлебывать почему-то не стал.

С неправдоподобной, невероятной для пьяного ловкостью, словно перевернувшись в воздухе, перескочил через спинку скамейки, умелым финтом обошел двух молодых людей, попытавшихся преградить ему путь, перескочил через чугунную загородку и в мгновение ока оказался за рулем новенькой «Победы» с работающим мотором.

Машина рванула с места, на глазах у оторопевших преследователей махнула на Пушкинскую и скрылась из виду.

Отчаянно матерясь, молодые люди рассыпались по площади и сошлись вновь у скамьи, где вот только что сидел тот, кого они пытались захватить с поличным и упустили как разнесчастные любители-простофили.

— Под трибунал пойдете! — дрожа от яростного возбуждения, крикнул один из тех, что прикидывались пьяными.

Остальные молчали и даже в сумраке вечера было заметно, что все они побелели от ужаса.

А многоопытные граждане мгновенно, шестым чувством определив, кто эти жилистые юноши, какого рода-племени и занятий, с привычной, усвоенной годами поспешностью кинулись врассыпную, и несколько ближних скамеек в одну минуту опустели.

Все так же шумел фонтан... Старший из молодых людей, тот, что грозил трибуналом, торопливо сунулся в оставленную тем странным пьяным хозяйственную сумку.

— А-а-а, черт! Ну конечно! Теперь всем нам хана, растяпам!

На дне сумки, под клещами-молотками, мотками провода и батонном за рубль тридцать пять оказался небольшой увесистый ящичек вроде лампового вольтметра, от которого к ближайшим кустам тянулась тоненькая медная проволочка не более двух метров длиной.

Приборчик был заграничный, с иностранными буквами, и на его панели мерно мигала оранжевая неоновая лампочка.

— Передатчик! — отчаянно вскрикнул старший группы захвата. — Не успели — обдурил он нас!

А лампочка все подмигивала раз за разом.

— У-у!.. — старший в отчаянии оборвал проводок антенны. Он все никак не мог найти рычажка выключателя и, чтоб прервать мигание этого насмешливого огненного сердечка, с силой шарахнул нехороший приборчик о скамью.

Лампочка погасла.

Но было уже поздно! Поздно!

Через считанные минуты к скверу у Большого театра подкатил и резко осадил небольшой военный фургон — передвижной пеленгатор.

Из него повыскакивали люди в военной форме и, стуча сапогами по аллее, присыпанной кирпичной крошкой, кинулись туда, где стояли растерянные незадачливые ловцы маленького пьянчужки.

И при виде этих, бегущих, старший группы окинул тоскливым глазом все, до чего мог дотянуться взгляд. темно-синее небо, колонны Большого, квадригу коней над его фронтоном и весело бросил остальным:

— Ладно, ребята, пока!

Быстро метнулся за густой куст давно облетевшей сирени, остановился во мгле, порывисто достал из кармана пистолет «ТТ», вскинул флажок предохранителя, прижал дуло к виску и выстрелил.

Пилот неизвестного сверхвысотного самолета нажал кнопку на черной рогулине штурвала и отключил систему автоуправления.

Теперь все зависело от точности его рук, от верной настройки прибора, который должен был по сигналу с земли притянуть его как магнитом к нужной точке земного пространства и вывести прямо на цель — к самому центру великого древнего города, который он видел лишь на картинках и в кино и в котором ему не суждено было никогда оказаться впоследствии.

Под ним было двадцать три километра бездны, двадцать три километра черного мрака, из которого вдруг выступило и забрезжило багрово-оранжевое сияние — освещенный огнями вечерний город, который весь, от края до края, больше тридцати километров в поперечнике с юга на север и с запада на восток, лежал перед глазами, похожий не то на горсть углей догорающего костра, не то на включенную электроплитку.

Это смещение цветов обычных бело-желтых электрических огней происходило оттого, что сквозь толщу воздушных слоев к нему доходили ввысь лишь оранжевые и красные лучи спектра — все остальные поглощало пространство.

И это было странно, жутко. В таком небывалом образе города ему чудилось что-то сатанинское, словно летел он над кратером действующего вулкана или над окном в преисподнюю.

Он глянул на хронометр и включил сверхчуткий радиоконпас.

И тотчас, буквально через минуту-полторы, уловив направляющий импульс, стрелка прибора указала курс — 9340'.

Сигнал наземного корректировщика наведения — короткие частые импульсы передатчика-радиомаяка не подвели. Пилот вышел прямо на центр, на то пугающее грозное место, откуда, как он знал, исходила главная опасность миру и которое там, на земле, обычно принято было называть «священным сердцем нашей великой Родины».

На земле же отчаяние достигло наивысшей точки. Кто-то отдал дурацкий приказ, и по небу забегали,

заметались нелепые голубые световые столбы десятков прожекторов.

А в районе Кунцева и на Ленинских горах, там, где выстроились за глухими заборами неприступные правительственные особняки, вдруг ни с того ни с сего, к великому изумлению горожан, загрохотали в небо замаскированные зенитные батареи, призванные разгонять и не подпускать бомбардировщики к местам обитания властителей страны.

А пилот, зная не зная, что по нему ведется этот нелепый огонь наобум, нажал несколько кнопок и рычажков на приборной доске. В днище черного самолета раскрылись небольшие люки, и из них на землю уставились вниз холодные линзы инфракрасных стереофотоаппаратов.

Нагретый солнцем город еще излучал тепло... еще горячи были железные крыши, асфальт и брусчатка Красной площади... тепловые лучи испускали капоты бегущих машин, электролампочки, тела прохожих... И все это входило и оставалось в частицах эмульсии особых пленок в фотокамерах самолета-невидимки.

28

Всю жизнь он любил посмеяться, позубоскалить, любил подтрунивать и насмешничать. Но самому показаться смешным, да еще и перед разными тут... капиталистами — ему было невмоготу, даже в голову такое не приходило.

Он и правда ощущал себя плотью от плоти народной и в самом деле не отделял собственной чести и достоинства от престижа своей страны.

И теперь, когда он достиг вершины и стал в ней первым человеком, вожаком-победителем своей цеховской кремлевской ватаги, неуважение к самому

себе приравнивал к неуважению к стране, а всякое пренебрежение к ведомому им государству считал плевком себе в лицо.

Он вообще легко распалялся по поводу и без повода, а отходил долго и обидчиков своих помнил долго и не прощал, не спускал никому и никогда. Тут давала себя знать школа Усатого, его железная выучка — все-таки недаром пестовали больше сорока лет в его, сталинской партии.

Но чтобы вот *такое*, да вот *так*, да с этакой наглой подлянкой... чтоб не кого-нибудь, а его сделали ходячим посмешищем на глазах у всех, у всего мира...

Он умел многое читать по глазам и только теперь, кажется, раскумекал, что значил хитренький вороватый блеск в узких глазках посла Чарльза Болен! Только теперь, похоже, сообразил, какой сюрприз устроили себе на праздник все эти гладкие прохвосты — и Айк, и этот их... длинный Аллен, коновод цэрэушников.

Или даже сам посол ни сном ни духом не ведал?.. И что за самолет такой взялся? Неужто бывают такие? Ах, мерзавцы!

И в то же время, кляня и матеря столь ненавидимое им империалистическое отребье, он, помимо воли, как всегда, думал о других своих врагах, не менее грозных, тем более что все они были тут, рядышком, и опасаться их требовалось куда больше, чем тех, за Одером и за океаном.

И уж кому-кому, а этим-то, своим, верить нельзя было и вот на столечко, на полмизинца. Это он по себе знал — как-никак все на одну складку, из одной купели.

Лишь теперь, оказавшись за столом в длинном кабинете Ночного Хозяина, у его заветной «вертушки» с гербом на диске, он в полной мере смог понять его вечную злобную подозрительность.

Постоянно доносили — да он и не сомневался: все они наверняка втихомолку шушукались, сговари-

вались, сколачивали группки, наверняка ждали и искали повода, чтоб обставить и свалить его.

И теперь этот неизвестный самолет, даже если он и не имел приказа швырять бомбы на Кремль, неизбежно кидал тяжеленную гирищу на чашу весов «товарищей-соратников», что только и ждали момента в надежде подловить его и удушить.

У него тоже имелся свой мешочек компромата на каждого из них... небольшая такая торбочка, которая потянула бы на дно и разьевшегося Маленкова, и верного пса Лазаря, и зайку Вячеслав-Михалыча с его безбрежным партстажем...

— Ваши предложения?!

Ожидая ответа, он неотрывно смотрел в мрачное лицо Жукова, словно ждал от того какой-то спасительной находки и вдруг как молнией тряхануло: а что, если и нет никакого самолета?! Что, ежели вся эта катавасия — капкан для него, убийственная подстава и отместка — и за его победу над ними, и за ту речь на Двенадцатом съезде?..

Все эти мысли раскаленным вихрем пронеслись в его круглой плешивой голове, он чувствовал, как щеки трясет от бешенства и тревоги.

И еще чувствовал: их разговор наедине с Жуковым затянулся сверх всякой меры, а между тем никто, ни одна собака кругом не должна была и на долю секунды заподозрить, что глава всего лагеря социализма раздавлен и выбит из седла.

— Слушай, Георгий Константинович, — вдруг, изменив тон, чуть слышно хохотнул он. — А ничего там эти твои... ясны соколы не напутали? Откуда вдруг самолет такой? Вроде и самолетов-то таких нету. Может, показалось?

И тотчас пожалел о сказанном. Лицо Жукова, и без того всегда суровое и грозное, на мгновение стало таким, каким оно слишком хорошо запомнилось Хрущеву в войну, когда простым членом Военного совета он стоял перед ним навытяжку, робея и

боясь дохнуть под ледяным взглядом великого маршала.

— Мы не ребята, — тихо, отдельно, с еле сдерживаемым бешенством начальника, распекающего недоумка-подчиненного проговорил Жуков. — Я тут не для того, чтобы байки рассказывать! Стало быть, есть у них такой самолет, появился! А мы проморгали! И через двадцать — тридцать минут он будет у нас над головой.

Это был щелчок по носу, небрежный щелчок полководца, давно разобравшегося, кто есть кто и кто чего стоит в списке личного состава, невзирая на все должности и командные посты.

Под его тяжелым взглядом в душе Первого секретаря все бушевало и клокотало — второй раз за этот вечер этот каменный Жуков показал без утайки, что он думает о нем. Второй раз за два часа спокойно и бестрепетно осмелился поставить его на место.

И Никита Сергеевич знал, что не простит ему этого никогда, припомнит непременно. И что этот час его невыносимого бессильного унижения аукнется тому неизбежно и скоро.

— Какие приняты меры? — спросил он нарочито строго и начальственно, вдруг перейдя на «вы». — Извольте доложить!..

— Все необходимые меры были приняты.

— Так уж и все!.. Ладно... Поглядим, что за меры. Пока — ни звука, никому.

И, круто повернувшись, весело помахивая пустым фужером, двинулся к столу, туда, где сидела жена. И тотчас его обступили американские журналисты. Но он отмахнулся от них, подставил фужер под струю шампанского.

— Хочу еще тост сказать, — возвысил он голос, и вышколенный Суходрев вытянулся наизготовку за его спиной, чтобы оглашать перевод.

— День сегодня, конечно, удивительный. И небо ясное, — заговорил он, обводя глазами всех сидящих вдоль длинного стола. — В такие дни у некоторых господ иногда голова кружится от избытка са-

моуверенности. Это, знаете, как от кислорода — жить без него нельзя, а коли слишком много — можно и запьянеть. Кое-кто у вас, кажется, наглотался кислорода и сделался болен. Вот, вижу, господин Болен сразу меня понял, кто да отчего сделался болен, у кого там, на слишком большой высоте, кислородный приборчик отказал...

Посол с изумлением слушал своего высокого гостя и, похоже, ровным счетом ничего не понимал. Или просто притворялся, делал вид, будто не понимает?..

А советский лидер продолжал в том же загадочном духе:

— Да, так вот хочу напомнить некоторым господам — мы тут у себя, и мы не бедные родственники на званом ужине у богатого дядюшки. И кто болен, а кто здоров, это еще история покажет.

И выпил до дна. Этот тост, хотя и сказанный его привычно-веселым и нарочито бодрым, задиристым тоном, все же многим показался не совсем понятным и слишком отличным от всего, что этот толстый лысый человек говорил раньше в этот вечер: и о президенте США, и о духе Женевы.

Но в тот час еще никто и подумать не мог о причинах столь заметной и необъяснимой перемены в словах и голосе советского премьера. Все сочли, что просто он по русскому обычаю выпил несколько больше, чем следовало.

Только одна Нина Петровна, лучше всех зная мужа, чувствовала приближение чего-то ужасного и заранее робела перед приступом его гнева.

29

Шел одиннадцатый час вечера по московскому времени, когда, отсняв сотни снимков, пилот черного самолета произвел над Москвой крутой раз-

ворот, переключил автопилот на новый курс и полетел на северо-восток, курсом 321, держа путь на один из малоприметных аэродромов в Норвегии.

В этот час с красным гневным лицом Никита Сергеевич Хрущев вместе с сопровождавшими его товарищами, из последних сил храня дипломатическую учтивость, простился с хозяином посольского особняка и, крепко прихватив под руку растерянно улыбающуюся супругу, покинул вражескую территорию.

Он тяжело плюхнулся в свой черный лимузин-броневик, потянув с собой за руку Жукова. А Нину Петровну вверил охране, непреклонно ткнув указательным пальцем в другую машину и бросив сквозь зубы:

— Сегодня не жди!

И уж там-то, в темноте машины, за розовыми шелковыми занавесками мягко катящегося лимузина, он дал себе волю, показал свой нрав и характер!.. А что до Жукова, так даже с его присутствием он мог сейчас не считаться, кроя всех янки, всю эту буржуазную гниль и сволочь, а заодно и наших остолопов таким матом, от которого, кажется, все вокруг должно было сгореть и разлететься в клочья.

— На срам выставили?! — гремел он своим чуть надтреснутым тенорком. — Дураками! Над кем изгаляться вздумали, сукины дети!! «Открытое небо», «открытое небо»! Ишь удумали, сволочи: наше небо открыть решили?! Ну уж ... вам! Увидят они у меня «открытое небо»!

Они были отделены от водителя и начальника охраны Литовченко толстой стеклянной перегородкой и те не могли слышать того, что раздавалось позади них в темном салоне.

Жуков холодно молчал — то ли слушал, то ли пропускал мимо ушей. И это молчание вдруг довело главу страны буквально до белого каления.

Он слишком хорошо понимал, ни на час не забывал, что обязан Жукову всем: положением, постами, властью, переменной судьбы... Что тот, по сути де-

да, и вручил ему этот ярлык на великое княжение, повязав и устранив Лаврентия. А быть кому-то обязанным в его положении — иначе он и думать не мог — означало быть зависимым.

Стало быть, шабаш, хватит! Слишком от многих ему теперь приходилось зависеть. От немецких товарищей, от польских товарищей, от товарища Мао... Надоело! Сами с усами!

По крайней мере, у себя дома он имел силу, чтоб раз и навсегда избавиться от всех, от кого чувствовал зависимость.

Пора было наводить в своем хозяйстве окончательный порядок — гнать к чертям собачьим любого и каждого, кто мог представлять хотя бы крохотную опасность.

А Жуков молчал, с суровым величием глядя в окно на ночной город. Может быть, и молчал оттого, что читал все его мысли и думал с горькой печалью о превратностях судеб сильных мира сего.

— Куда мы едем? — спросил Жуков. — Я должен быть в Главном штабе ПВО.

— А! Вот туда и поедем, — со зловещим воодушевлением воскликнул Хрущев. — Хочу в глаза им всем посмотреть!

В этот момент загудел аппарат правительственного радиотелефона. Хрущев мрачно сдернул трубку:

— Слушаю!

С минуту, не веря ушам своим, он силился осознать и понять услышанное. И вдруг, побагровев, заверещал, зашелся в крике, затопал ногами, да так, что даже Жуков чуть отпрянул.

— Ш-то-о?! Всех!.. Всех к чертовой матери! Сам погоны посрываю! Завтра! Завтра же! Будешь у меня в военной прокуратуре плясать!

Только сейчас он узнал из доклада и про прожектора, и про пальбу из зениток!

Это ж подумать только! Получалось, что американцы, смеясь в глаза и держа за полного дурака, в честь своего праздника заставили его устроить в Москве салют-фейерверк по всем правилам искусства!

— Товарищ Жуков! — срывающимся от бешенства голосом воскликнул он. — Так вот, значит, какие вы «приняли меры»?! Вы, что ли, отдали приказ из зениток палить?!

— Я дурацких приказов не даю! — грубо и, прямо скажем, совершенно недопустимым тоном отрезал Жуков.

И Никита Сергеевич запнулся, поняв, что не прижмет и не согнет его никогда. Что ж... Значит, так тому и быть. Двум медведям в кремлевской берлоге места нету...

Но злоключения этого сумасшедшего дня на том не кончились и имели такое же гнусное продолжение.

Уже глубокой ночью, после дикого разноса, самолично учиненного на центральном командном пункте Главного штаба ПВО страны, после того как, внезапно появившись в громадном здании на Пироговке, он с пылу с жару, не желая слушать никаких объяснений, поснимал с должностей и приказал арестовать и отдать под суд четверых дежурных полковников и одного генерала, насупленный и бледный, Никита Сергеевич отправился домой.

Но тут ему стрельнуло в голову — и на подъезде к Ленинским горам в третьем часу ночи он поднял с постели Громыко, который, понятно, уже все знал, и велел незамедлительно подготовить резкую ноту протеста правительству Соединенных Штатов и не позднее десяти часов наступившего дня вручить ее господину послу Чарльзу Болену...

Далее — непонятное...

Сегодня уже никто не в состоянии ответить на вопрос, как могло случиться, что вопреки всем правилам дипломатического этикета этот документ

появился во всех утренних московских газетах еще до его формального вручения в посольстве.

Документ же был таков, что, когда Никита Сергеевич своими глазами прочел его в «Правде», ему едва не сделалось дурно от фантастической глупости и нелепости этого текста, который претендовал на то, чтобы «спасти лицо» и авторитет страны.

То есть, другими словами, — лично его авторитет. Напечатано же было следующее:

НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВУ США

Как точно установлено советскими компетентными органами, 4 июля с. г. в 8 часов 15 минут вечера воздушное пространство СССР было грубо нарушено американским двухмоторным средним бомбардировщиком, вылетевшим с одного из аэродромов Западной Германии.

Демонстрируя наглое пренебрежение общепринятыми нормами международного права, этот самолет находился в воздушном пространстве СССР в общей сложности 4 часа 38 минут и пролетел в районе города Москвы.

Эта беспрецедентная выходка вызвала глубокую озабоченность и законное возмущение советского руководства.

Такая реакция понятна: самочинное появление иностранных самолетов над столицей СССР имело место лишь в годы войны с фашистской Германией. Оно является вопиющим и в высшей степени оскорбительным актом со стороны одного государства по отношению к другому суверенному государству в мирное время.

4 июля 1956 года в Соединенных Штатах Америки отмечалось 180-летие со дня подписания Декларации независимости.

Советские вооруженные силы имели полную возможность обезвредить и уничтожить самолет-нарушитель. Однако, принимая во внимание знаменательную дату в истории США и исходя из сообра-

жении гуманности, по распоряжению правительства СССР отказались от намерения уничтожить этот самолет, что, как известно, всегда успешно осуществлялось во многих других случаях нарушения воздушных границ нашей страны иностранными самолетами-разведчиками.

Исходя из вышеизложенного, МИД СССР от лица Советского правительства уполномочен заявить следующее.

Применяя в одностороннем порядке вне каких-либо договоренностей широко разрекламированный хваленый принцип «открытого неба», отвергнутый советской стороной как насквозь фальшивый еще в прошлом году в Женеве, американская сторона берет на себя огромную ответственность за возможные последствия своих дерзких авантур, ставящих мир на грань вооруженного конфликта и ядерной катастрофы.

Советское руководство предупреждает: в случае, если подобные инциденты не прекратятся и будут иметь место в дальнейшем, советская сторона оставляет за собой право действовать по своему усмотрению и решительно пресекать бандитские полеты над своей территорией, что полностью согласуется со всеми международными документами, регламентирующими защиту и неприкосновенность воздушного пространства суверенных государств.

5 июля 1956 г. Москва.

Хрущев в бешенстве бросил газету на стол.

Он готов был разорвать ее в клочья, истоптать ногами, как истоптал бы того, кто снова и уже намеренно — он не сомневался — выставил его перед всей планетой самонадеянным вруном и дураком-фанфароном.

Что за бомбардировщик такой? Какие два мотора?

К чему эти идиотские подробности, лишь под-

тверждающие, что на самом деле нам не известно ни шиша?

Какая и откуда эта «точная осведомленность»?

Что ни слово — все пальцем в небо!

А ведь еще поди докажи, что летало и правда что-то американское!..

Он давно уже был не в том политическом возрасте, чтобы хотя бы на минутку допустить, будто такие скандальные, анекдотические «ляпы» могут происходить случайно, сами по себе. Нет уж, извиняйте! Тут ощущалась умная, хитрая, многоопытная рука.

Тотчас припомнился насупленный Молотов, колдующий над тарелкой на давешнем приеме. Наверняка он-то и присоветовал такой текстик, чтоб подкузьмить этого выскочку Никиту.

Ах, тяжела, до чего ж тяжела ты, шапка этого... как его там... Мономаха!

А под вечер того же дня, когда была опубликована идиотская, предательская нота, грянул новый удар, который ошеломил настолько, что едва не уложил с инфарктом.

Еще Громыко с текстом ноты не доехал до посольской резиденции Болена, как по каналам связи Министерства обороны пришло новое донесение.

Ранним утром неизвестный самолет, возможно тот же самый, так же нагло и безбоязненно прошел на высоте двадцать два километра над самым центром Ленинграда, прямо над Невским проспектом, Дворцовой площадью и Адмиралтейством, сделал круг над секретным Балтийским заводом, где строились в доках не только мирные ледоколы, а кое-что и посерьезней, и так же беспрепятственно долетел до Пскова, а оттуда убрался в сторону Финляндии.

Как и в Москве, в городе на Неве его полет и точное наведение корректировал по радио с земли вражеский лазутчик, который, точно так же как накануне в столице у Большого театра, схвачен не был,

потому что и там в последний момент его упустили растяпы-чекисты.

Это перешло уже все мыслимые границы. С тупой солдафонской прямоотой ему показывали, *кто* командует парадом в этом мире и *кто* безраздельно господствует в воздухе.

Сказать, что в эти дни Хрущев был мрачен как туча, значило не сказать ничего.

Самые близкие помощники, самые доверенные и проверенные боялись лишний раз позвонить, попасться на глаза. Почти двое суток без сна ощутимо вымотали его — все-таки годы давали о себе знать наперекор всей его мощной шахтерской закваске.

Со сталинских времен, когда Усатый, ежеминутно грозя гибелью, на глазах у всех изгалялся и превращал его в шута горохового, приказывая на своих жестоких кунцевских пьянках выплясывать гопака да трепака, никто так не глумился над ним.

Моральный урон, нанесенный СССР и ему самому, был сокрушителен, как ни отмахивайся, как ни замазывай. Осунувшийся, он бродил спозаранку по громадному участку в Петрово-Дальнем, когда помощник Лебедев срочно вызвал его к телефону, и он уже почти не удивился, услышав сообщение Жукова.

— Докладываю: двадцать минут назад он пролетел над Киевом.

Ничего не сказав в ответ, ни о чем не спросив, он, по-сталински значительно помолчав, опустил на рычаг трубку «вертушки».

30

Как помнит читатель, все случившееся Никита Сергеевич Хрущев, помимо чистой политики, расценил как оскорбление, нанесенное лично ему американским президентом.

Но даже третий полет — над стратегическими объектами в районе Львова и над Киевом — не стал «последней каплей», поднявшей главу Советского Союза на дыбы и превратившей его в разъяренного зверя...

Апофеозом надругательства стал ярко-красный конверт, подброшенный — нет, куда бы вы думали? Да-да, прямехонько за ограду известного голубенького особняка Управления КГБ по Москве и Московской области, что в начале улицы Дзержинского. Его нашли спозаранку дежурные и, конечно, первым делом вызвали минеров.

Однако «бомба», которая там оказалась, была во сто крат страшней любой вредоносной фугаски.

На столе начальника московского управления лежали фотографии, и вызванные специалисты по расшифровке и анализу аэрофотоснимков без запинки заявили, что это детальные изображения Красной площади и Кремля внутри его зубчатой крепостной стены — вот это... Мавзолей, смотрите, товарищ генерал... это Арсенал... а это... да да... «Минин и Пожарский», несомненно... а это... это часовые у входа в Усыпальницу вождей... С какой высоты снято? Ну... с высоты примерно... м-мм...

Тут эксперты замялись и цифры называли крайне неуверенно и гадательно. Сошлись, что метров с восьмисот, а потом, мол, до предела увеличили при фотопечати... Однако их мнение начальника сейчас не очень интересовало. Он лучше экспертов знал, откуда сделаны снимки и с какой высоты.

У него была своя печаль — да какая! В отличие от экспертов, он знал, что на красном конверте красовалась надпись черным карандашом. Всего три слова:

ГОСПОДИНУ НИКИТЕ ХРУЩЕВУ

И конверт, и надпись, и грифель карандаша, и страшные фотографии явно происходили из извест-

ного посольства на Садовом кольце и носили вопиюще вызывающий характер. Однако ж не пойман — не вор. Доказательств прямых на то не было, как, кстати, не имелось никаких доказательств и вещественных подтверждений, что и самолеты, вторгавшиеся в наше пространство, были действительно американские, а не французские или португальские.

Начальнику было очень нехорошо.

Уже появление такого письмеца говорило само за себя, что работает его ведомство из рук вон плохо. Да и что скажешь в ответ — все тут, налицо.

Не отследили момента заброски конверта на запретную территорию... Не «провели» «почтальона» от точки до точки... Упустили и трижды позволили уйти вражескому радисту-корректировщику!.. Дали застрелиться сотруднику — возможно, предателю и соучастнику этих бандитов! Сплошной брак!

Хотя... хотя конверт мог быть подброшен и кем-то из мнимых «своих»... стало быть, завелась гниль среди его подчиненных, а это уже означало такое, о чем жутко было и помыслить...

И ведь вынести, спрятать, уничтожить этот жуткий конверт уже было невозможно... Все зафиксировано, все отмечено, приобщено и подшито...

Оставалось одно — доставить письмо самому «адресату», разумеется, через высшее лицо чекистской иерархии, а там будь что будет. Положиться на судьбу, сидеть и просто ждать решения своей участи.

Согласно некоему высшему установлению все в нашей жизни тяготеет к какой-то скрытой симметрии, и черное непременно оттеняется белым, ничтожное — великим, трагическое — комичным...

Но коромысло весов Судьбы всегда лукаво, всегда с перекосом, его баланс сомнителен и условен, во все не точен и отнюдь не справедлив, причем тяжело и ужасное, как правило, перевешивает то, что могло бы вызвать улыбку.

Впрочем, какая же тут новость? Жить на нашем

свете без утешительных пилюль было бы попросту невозможно. К тому же давно и не нами сказано: «Каждому свое», и в то время, когда одним выпадает веселие сердца, другие пьют горькую чашу и со вздохом пожинаят печаль.

Потому неудивительно, что в те дни, когда Москва после наглых вторжений неизвестного самолета-лазутчика переживала шок унижения по всем линиям обороны в сфере политической, психологической, идеологической, военно-технической и прочая, и прочая... и неуклюже пыталась любой ценой сохранить лицо, в городе на Потомаке от души ликовали, понимающе перемигивались и пожимали руки.

И вызвано это было, как нетрудно догадаться, не только феноменальным успехом первых рейдов «U-2», сколько официальной публичной реакцией советских лидеров, выраженной в их фантастической ноте протеста, которой они сами себя высекли перед всем белым светом.

Столь грозная по слогу, но абсолютно беспомощная по существу, она заставила всласть поохотать всех, кто так или иначе приложил руку к осуществлению первых полетов новейшего самолета Келли Джонатана на те самые задания, ради которых он и был создан.

О! Результаты их превзошли все самые дерзкие ожидания! И сомневаться в том не приходилось — не где-нибудь, а в самом Кремле подтвердили это совершенно определенно: красные собственноручно расписались в том, что не знают о жемчужине американского разведывательного авиастроения ровным счетом ничего.

Конструктор машины, да и все в «Локхид эйркрафт» ходили в именинниках, а неугомонный и дерзновенный творческий гений Келли Джонатана уже был растревожен грезами о новой небывалой машине — стратегическом разведчике со скоростью, втрое превышающей звуковую...

Ну а пилот-первопроходец, сумевший столь удач-

но пустить пробный шар своим безупречным полетом в День независимости, получал шуточные поздравления коллег из группы 10-10 в связи с повышением и переводом на загадочные «средние двухмоторные бомбардировщики»...

Одним словом, настроения в весьма узких кругах, приближенных к тайне самолетов «U-2», можно без ущерба для истины назвать эйфорией победителей-триумфаторов.

Да и чему тут удивляться?!

За три первых испытательных полета, которые носили скорее демонстративно-политический, чем разведывательный характер и преследовали скорее цели устрашения и морального подавления противника, чем чисто военные, их феноменальной аппаратуре удалось собрать информацию такой уникальной ценности, какая не могла и присниться заказчикам и вдохновителям проекта «Ночной кондор» даже в самых радужных снах.

Самолет не просто оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Он действительно открыл новую страницу в истории мировой разведки.

31

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 8 июля 1956 г.*

«Четвертый день чувствую себя молодоженом в начале медового месяца. Главное дело сделано — первая брачная ночь позади, а впереди — только радости супружества.

Не смог побороть искушения и послал письмо толстому Никите со свадебными фотографиями. Единственное, о чем сожалею, — что не смогу увидеть его физиономию, когда он вскроет конверт.

Несмотря на огромную занятость, постоянно думаю о будущем этого самолета, о том, какие возможности он нам сулит и о перспективах всего проекта «Ночной кондор». Ясно одно — он должен стать не только средством получения оперативно-тактических сведений, но и мощным фактором стратегической геополитики.

Много сил и мыслей уносят иранские дела, положение в Германии, попытки проникнуть в Оперативное управление командования Варшавского Договора.

Но больше всего, разумеется, меня сейчас волнует и тревожит, как развернутся события в Будапеште. Куда качнется венгерский маятник?

О, если бы нам удалось раскачать и вырвать хотя бы один зуб из пасти восточно-европейского тигра!

По донесениям моих людей, большинство венгров готовы к решительным действиям и переменам. Все зависит от того, как поведет себя и насколько решительным окажется их московский хозяин.

Вчера на прогулке мы попробовали с Джиллингсом хотя бы в общих чертах набросать картину недалекого будущего. Он полагает, что Советы уже достаточно вымотаны абсолютно безнадежной гонкой в области вооружений и нуждаются в передышке. Их сельское хозяйство медленно, но неуклонно приходит в упадок, и нынешняя кампания по освоению заброшенных гиблых земель в Казахстане и Южной Сибири неопровержимо подтверждает это.

Возможно, в глубине души это начинает понимать и Хрущев, но он, как всегда, пытается громоздить Оссу на Пелион, составляет и разваливает свои партийные карточные домики, вместо того чтобы распустить крестьянские «коммуны» и дать своим землепашцам возможность обрабатывать большие наделы и продавать хлеб по рыночным ценам.

Но это было бы концом всего их сорокалетнего химерического предприятия. И он скорее, точь-в-точь как Сталин, уморит народ голодом, чем откажется от утопических фетишей.

Англичане сообщили мне, что на контакт с ними вышел крупный советский чиновник из Комитета по науке. Имя его пока не разглашается, и он проходит как «Полковник-аноним».

Такая откровенность моих коллег из МИ-5 вполне объяснима.

Получаемая от «анонима» информация может быть полезной для англичан лишь в том случае, если она доступна нам как их сюзерену в структуре Атлантического пакта. Этот человек имеет доступ к информации уникального стратегического значения, и я сделаю все, чтобы максимально использовать этот фантастический канал.

Вместе с тем меня не оставляет чувство, будто что-то подгнило и в моем собственном королевстве. Не могу исключить, что и в нашем Эльсиноре завелся свой Полоний. Возможно, это мое старческое больное воображение. И тем не менее внутренний голос последние годы нашептывает мне, что в плотине образовалась дыра, через которую вытекают важнейшие секреты.

Так, Айк уверяет, что, судя по всему, Хрущев в Женеве в июле пятьдесят пятого уже был заранее оповещен о нашем плане «открытого неба». О, сколько бы я дал, чтобы найти эту предательскую брешь!

Когда вчера на прогулке я высказал эти свои опасения Джиллингсу, он тотчас согласился со мной.

Все-таки без Роберта моя работа не имела бы для меня такой прелести.

Может быть, в сотый раз у нас зашел разговор о переводе Роберта на высокий пост в Управление стратегического анализа. Он, как всегда, засмеялся и сказал, что если и пойдет туда, то только главным лифтером, ибо никто не поднимается так высоко.

Устал...

Отправляюсь ко сну.

С нетерпением жду ответа на свое письмо от мистера Хрущева».

На четвертый день после уже известных событий начала июля тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, в воскресенье, Никита Сергеевич поднялся очень рано и, как всегда, погулял около часа по дорожкам бескрайнего поместья вокруг дома на даче в Петрово-Дальнем. В эту ночь он снова почти не спал — настолько разбередил себя мыслями.

Да неужто?! Неужто такие жертвы принесены, неужто надо было сына-летчика потерять, чтобы теперь всякая шваль могла летать когда захочет туда-сюда прямо над Москвой, как у себя в какой-нибудь Флориде?!

О том, какой урон это могло принести обороноспособности страны, и думать было страшно человеку в его положении.

Подтверждение этих ночных мыслей не замедлило явиться.

Позвонили из будки дежурного.

Подбежавший охранник позвал к телефону. Прибыл председатель КГБ Серов и срочно просил принять его.

Час от часу не легче! Не иначе — стряслась еще какая-нибудь пакость.

Никита Сергеевич пригласил его в кабинет на второй этаж, и Серов достал и протянул большой красный конверт из плотной бумаги. Юлить он не стал, доложил все просто, сжато, никого не выгораживая, принимая основную вину на себя.

Хрущев достал фотографии, покрутил и так и этак, тяжело опустился в кресло за рабочим столом. Тут можно было орать, бесноваться, биться головой о стену, но он решил со всем этим повременить.

Снял трубку «вертушки» и приказал хоть из-под земли достать всех из списка номер одиннадцать, живых или мертвых, но чтобы к часу дня все были в

наличии. И, отправив Серова в Москву, вновь вышел на участок под высокие сосны.

Он уже знал, куда пошлет свои громы и молнии с кремлевского Олимпа, а потому с утра молчал, чтоб не растратить понапрасну злость, не расплескать гнев, чтоб накопить его побольше, как в конденсаторе.

И тот день надолго, не на один год, запомнился в среде людей определенной категории, как впоследствии совсем другие люди из иной среды со смешанным чувством ужаса и изумления вспоминали и выставку картин в Манеже, и незабвенную встречу в Доме приемов на Ленинских горах, где он прилюдно, никого не стесняясь, орал и куражился, как дикий барин в кабаке.

Но если разнос художников и поэтов попал на страницы газет, то эта встреча так и осталась лишь в памяти ее участников.

Мысль собрать их пришла ему в голову еще дня два назад, но он выжидал, а теперь решил «навести шорох», да такой, чтоб до могилы не забылось.

Ничего не скажешь, веселенький же получился денек для всех этих всемирно известных и глубоко засекреченных людей, осиянных славой, осыпанных почестями и геройскими звездами!

Лишь считанные единицы из них были заблаговременно оповещены и вызваны ранним утром по телефону. До большинства же приказ явиться незамедлительно в Кремль не дошел по причине воскресного дня, и их в буквальном смысле слова кинулись разыскивать и отлавливать специальные гонцы — в гостях, на дачах, у друзей и приятельниц, а за самыми именитыми, находившимися в отъезде, были даже посланы самолеты.

Мчались «Победы», летели длинные «зимы» и «зисы», распугивали сиренами и желтыми фарами под радиаторами. Людей выдергивали от застолий, вытаскивали из гамаков, давая всего пятнадцать —

двадцать минут, чтоб могли помыться-побриться-переодеться, и увозили, не сообщая, куда и из-за чего вся эта сумасшедшая спешка.

Вероятно, больше других не повезло Лавочкину. Несмотря на выходной и в связи с отличной погодой на этот день был намечен первый вылет его новой опытной машины на аэродроме Летно-испытательного института в Жуковском. Однако все планы конструктора были порушены — догнали прямо на шоссе, между Отдыхом и Ильинкой, и без объяснений завернули обратно в Москву.

Наконец нашли, разыскали, собрали и доставили почти всех, кто числился в списке 11: весь цвет отечественной авиационной и ракетно-зенитно-артиллерийской мысли — генеральных и главных конструкторов, министров и заместителей министров, начальников главков, высший генералитет с голубыми лампасами, ведущих летчиков-испытателей.

Как и всегда, как с тех еще достопамятных времен, рассадили по ранжиру: великих бессмертных вокруг длинного стола, народец помельче — за столом у стены, на «царское место», ближе всех к столу самого премьера — старика патриарха Андрея Николаевича.

Это спешное, для всех неожиданное, без всякой подготовки устроенное совещание не предвещало ничего доброго. Явно случилось что-то из ряда вон выходящее.

Поначалу никто не связал главный и единственный вопрос этой встречи с давешней нотой. Да и понятно: нот таких тогда печаталось сколько угодно, инциденты в воздухе случались часто. Всего несколько человек знали или догадывались, о чем пойдет разговор.

Было два часа дня, а хозяин кабинета все не появлялся, и это тоже казалось необычным. Еще с до-

военных времен все бывавшие в этом кабинете усвоили четкое правило хозяина предыдущего: большие совещания начинать минута в минуту. Между тем Никита Сергеевич был здесь, за стеной, но совещания все не начинал, тянул.

Пригнув голову, ходил из угла в угол по комнате спецсвязи и все сильнее взвинчивал себя, разводил пары, чтоб предстать перед ними в должной кондиции. Он нарочно почти не ел с утра, отказался и от обеда: откушав, он всегда делался добрее, а это с нынешними планами никак не вязалось.

Вообще эти чертовы полеты что-то сильно изменили в нем. Потрясение было столь сильно, что оставило свербящую зарубку навсегда.

«Хватит чикаться с ними со всеми, — говорил он себе. — Власть — на то она и власть, чтоб боялись, чтоб пискнуть не смели. Чем Усатый тридцать лет продержался? Только этим и продержался. Коли не боятся — стало быть, это не власть».

Наконец, ощутив в себе должный «градус», он решительно направился к двери и, насупившись, выкатился в кабинет. И все заметили, как сильно он сдал буквально за считанные дни.

Большинство собравшихся поднялись — точь-в-точь как школьники при появлении учителя. Лишь несколько стариков, включая и Туполева на месте старейшины, остались сидеть, провожая глазами широкую плотную фигуру Никиты Сергеевича.

А он, пробежав вдоль стола, вернулся, занял свое место, но тотчас вновь вскочил, мрачно буркнул:

— Здравствуйте, товарищи. Прошу садиться.

И смолк, обводя всех колючим, недобрим взглядом. О, они помнили, почти все помнили леденящий, пронизывающий взгляд желтых рысьих глаз на рябом кавказском лице, который вгонял в паралич любого храбреца!

Взгляд нынешнего был куда жиже, но и он мог принести немало бед, в доли секунды изменив судьбу и перечеркнув будущее.

— Я собрал вас в связи с возмутительным фак-

том, о котором вы все должны, конечно, знать. А вот по глазам вижу, что не все знают. Хотя знать обязаны!!! — взревел он и со всей силы стукнул кулаком по столу. — Это что ж получается? Вражеский самолет, как у себя дома, долетает до Москвы, до Ленинграда, до Киева — и как будто так и надо! Три дня я ждал — хоть бы кто-нибудь, хоть один человек позвонил бы, заволновался, поинтересовался, предложил бы помощь! Как деньги просить у правительства — так все вы тут как тут! Все вы плакаться большие мастера! А что мы имеем? И с кого я должен спрашивать?

Громко пыхтя от возмущения, он выскочил из-за стола, быстрыми шажками пробежался вдоль него и вернулся туда, где стоял.

— Это что же получается?! — завопил он, как куркуль на нерадивых батраков. — Партия вам дала *все!* Народ из кожи вон лезет, дети вон... в Сибири, во Владивостоке без сахара сидят! Спрашивается — почему? Чтобы вам все отдать, чтоб оборону крепить! А эти сволочи летают да плюют нам на головы, мне вот на лысину плюют по вашей милости! Так вот и ответьте мне: как такое может быть? Как могло случиться, что они делают самолеты, на которые мы можем только смотреть да слюни пускать?! Объясните!

— Ну, это все-таки не совсем так, Никита Сергеевич, — протестующе покачал головой Туполев, — далеко не так.

— Знаете, Андрей Николаевич, вы пока подождите, — грубо перебил его Хрущев. — У нас к вам претензий нет. Вы истребители не делаете. Я вас сюда, если хотите, как главного эксперта, как верховного судью позвал. А вот товарищ Микоян, товарищ Сухой, товарищ Яковлев, товарищ Лавочкин и товарищ Дементьев пускай по этому вопросу выскажутся, чтобы всем нам понятно было, откуда вдруг у них такие самолеты взялись, а у нас только дуля в кармане! Министр Дементьев! Чего сидите? Давайте объясните!..

Бледный Дементьев поспешно встал и развел руками:

— Виноваты, товарищ Первый секретарь. Но думаю, надо разведчиков спросить наших. Считаю, тут их недоработка.

— А вы с больной головы на здоровую не перекладывайте!.. Хотя и им тоже на орехи достанется! Ладно — с них свой спрос. Им тоже ответ держать. А вот вы тут не увиливайте! Так! Ясно! Вижу, нечего вам сказать. Тогда сидите и молчите! Послушаем командующего ПВО, может, он прояснит картину. Давайте излагайте!

Командующий встал — заслуженный полковник, герой войны — и низким, охрипшим от волнения голосом начал доклад:

— Все три самолета-нарушителя были засечены нашими наземными службами радиолокационного наблюдения задолго до подлета к границе и вхождения в наше воздушное пространство. Были подняты дежурные группы перехватчиков. Летчики сделали все возможное и невозможное, рискуя собственной жизнью. Но во всех случаях нарушители шли выше двадцати километров. Мы были бессильны.

— Это я и без вас знаю, — отмахнулся Хрущев. — Вы вот лучше полюбуйтесь, какой мне сегодня подарочек преподнесли!

И он поднял и показал всем сильно увеличенную фотографию из тех, что прислали ему в красном конверте неизвестные «доброжелатели».

— Это знаете, что такое? — спросил он ехидно. И тут же заорал во всю мочь: — Красная площадь! С двадцати километров! Сами фотографы прислали — мол, не рыпайтесь, господин Хрущев, а утрите и молчите! Вот какие у нас самолеты, вот какие фотоаппараты! Вы у нас теперь в руках, что захотим, то и сделаем! Так что? Будем, значит, молчать и утираться? А чтоб дать им по сусалам, кишка, значит, тонка? Товарищ Сухой! И вы, товарищ Микоян! Это вы у нас короли перехватчиков? Растолкуйте тогда, зачем нам ваши КБ, ваши самолеты. Какого ляха на

вас миллиарды швырять? Может, распустить вас к чертовой матери? Идите, пашите землю, коль на другое мозги слабоваты!..

Седой, подтянутый, всегда подчеркнута корректный Павел Осипович Сухой спокойно поднялся, и все взгляды одновременно сошлись на нем. В любой самый горячий и напряженный спор он умел внести деловую ясность.

— Мы можем теперь до бесконечности размахивать кулаками и винить друг друга во всех грехах. Но надо к вопросу подойти трезво и разумно. Некой иностранной державе, обладающей огромным научно-техническим потенциалом, удалось создать летательный аппарат с невероятными характеристиками. Это факт. А другой факт, как он ни печален, выглядит так: в ближайшие годы ничего соответствующего и даже близкого мы, может быть, создать и не сможем. Чудес не бывает. Ошибка не в просчетах отдельных конструкторов или конструкторских бюро, а в самой стратегии развития нашей авиационной промышленности.

— То есть вы хотите сказать, — вскинулся Хрущев, — что это не вы, а партия и правительство виноваты? Ловко!

— Да! Генеральную линию в науке и технике определяем не мы. Мы высказываем идеи, выдвигаем предложения, но разве нам принадлежит последнее слово?

— Ну-ну, продолжайте, — зло прищурился Хрущев. — Значит, антипартийную линию ведем? Здорово!

— Дело не в линии, а в дальновидности и интуиции. Вот здесь сидит Роберт Людвигович Бартини. Еще в сорок девятом году его коллектив разработал проект сверхзвукового перехватчика с блестящими летно-тактическими данными. И уж не знаю, в какой раз Бартини не дали возможности построить и испытать его, видно, кому-то шибко бдительному не понравились его фамилия, имя и отчество. Проект зарубили, кинули в корзину. Думаю, скорее все-

го за эти семь лет мы смогли бы довести машину и сегодня имели бы на вооружении великолепный самолет, способный дать достойный ответ любому нарушителю.

— Ну ладно, а сейчас-то что делать прикажете?

— Делать выводы и учиться на ошибках, — жестко сказал Сухой и сел

— Та-а-к, спасибо... Утешили, нечего сказать! — Хрущев вперил взгляд в резкое восточное лицо Микояна. — Ну, а вы, Артем Иванович, чем обнадёжите?

— Ничем, — мотнул головой Микоян. — Сейчас мы доводим наш «МИГ-19», или «изделие 380», на выходе следующая машина с двойной скоростью звука, но и она будет малоэффективна против такого самолета без управляемых ракетных снарядов. А в целом я полностью согласен с каждым словом Павла Осиповича.

— Согла-а-сен, — передразнил Хрущев. — Ишь ты! Конкуренты-конкуренты, а как прижали — живо спелись!

— Я говорю только о реальном положении дел, — твердо сказал Микоян.

Хрущев поднял с места и грубо потребовал объяснений еще у нескольких человек из высшей элиты советского авиационного мира. Все сходились на одном: момент упущен, а значит, на долгое время страна ничего не сможет противопоставить потенциальному агрессору.

— Поздравляю, дорогие товарищи! — зло воскликнул Хрущев. — От души поздравляю! Какие же вы все коммунисты? Значит, так вы думаете о народе?

— Есть крепости, которые не могут взять даже большевики, — не без яда заметил беспартийный Туполев.

Только он один мог позволить себе подобную шпильку в столь высоком собрании.

...Хрущев почувствовал: заряды его гнева пролетели мимо, не достигнув цели. Пламень выгорел входную, истлел и испарился. Угрозами и криком тут взять было невозможно.

Если все эти конструкторы были так дружны и единомысленны, значит — все, тупик. Никакими лозунгами нельзя было одолеть их правды, правды точного научного знания.

— Что же, — сказал он, — выходит, руки вверх? Проиграли? Получается — только в поддавки нам с ними резаться?

Он грузно, опустошенно опустился в кресло. Еще недавно полыхавший взгляд его погас. Некоторое время все сидели в молчании.

Вдруг встал Королев — тоже повидавший виды на своем веку, едва не загнувшийся от лагерной дистрофии и чудом спасенный ракетный гений.

— Я бы не спешил говорить о проигрыше, — своим мягким распевным южнорусским говором начал он. — Да, с самолетами в скором времени нам вряд ли удастся перескочить этот барьер. Тут нужен рывок, для рывка нужен разбег, для разбега — время и силы. Есть другой вариант, по нашей части. КБ Грушина третий год доводит зенитную ракету класса «земля — воздух», с дальностью стрельбы тридцать километров. Работа идет туго, но сулит отличные перспективы. Если поднажать, сосредоточить усилия, дать Грушину больше людей и денег...

— Ага, и денег... — понимающе кивнул Хрущев.

— Да, и денег, — будто не заметив иронии, продолжил Сергей Павлович, — дать возможность ему строить больше опытных образцов, проводить больше экспериментальных пусков, довести до ума двигателя второй ступени и систему управления — уверен, уже через два года такой ракете не будет аналогов во всем мире.

— Не хвались, идучи на рать... — зло усмехнулся Хрущев. — А какие гарантии? Обещать-то вы все мастера.

Королев нахмурился. Он тоже был горяч и, если надо, за словом в карман не лез.

— Мое слово — гарантия, — сказал он, повысив голос. — Можете занести в протокол. Будет хорошая головка самонаведения и дистанционный взрыватель — через два года ракета Грушина будет шелкать любой самолет на высоте до тридцати пяти километров.

— Что ж, — сказал Хрущев. — Если другого выхода нет, что ж делать... Ну а вы что скажете в заключение, Андрей Николаевич? — обратился он к Туполеву.

Патриарх значительно помолчал, пожевал губами и вдруг, легко и привычно матюгнувшись, высказал свое резюме:

— А что ж, ... ! По-моему, небесполезные посиделки. Теперь бы и водки выпить, а?

Хрущев усмехнулся.

— Черт с вами. Хитрецы вы все! Гении... Ладно, водку так водку.

Такого поворота событий и финала совещания он не предусмотрел, так что официантам в банкетном зале пришлось посуетиться.

Но минут через двадцать Хрущев уже чокался с участниками совещания, все еще хмуро улыбался, хотя мысленно и внушал себе ежесекундно, что нужна строгость, строгость и строгость.

Ему явно полегчало, забрезжила надежда, он в первый раз за все эти дни смог перевести дух.

33

Приезда лейтенанта Сафонова с невестой в полку Игната Артюхина ждали как семейного праздника.

Отпуская подчиненного, командир поставил условие — расписываться только тут и свадьбу играть всем полком.

— Всех вези! — говорил комполка, напутствуя Сергея. — Кто там есть у нее — мать, отец, брат... Всех!

— Да ну, — смутился Сергей, — далеко же, товарищ полковник. Куда...

— Чудак ты, Сафонов! Не было у нас еще полковых свадеб, понимаешь? Не пришлось! Да и сам подумай, — понизив голос, говорил командир, — из вас, молодых, у меня семеро — круглые сироты, нигде никого... Не тебе объяснять, сам знаешь. Может, подружки там у нее какие-нибудь... И их давай, понял? Бери и тащи, не смущайся! И денег соберем, и стол накроем, и дорогу оплатим. Такую свадьбу грохнем — на сто лет память будет!

И точно. Сафонов уехал, а к встрече молодых готовились, как к большому смотру высокого начальства — только что не белили-красили и не посыпали плац строевой подготовки промытым песком.

А дней через пять Вазген Айрапетян был отправлен на «газике» штаба встречать лучшего друга с Татьяной.

И вот снова он бродил по тому Богом забытому полустанку, и все было как тогда, два года назад, когда они с Сергеем впервые увидели друг друга.

Вазген прохаживался, насвистывал, сузив темные глаза, всматривался в даль, где должен был показаться дымок паровоза, нюхал цветы: большой букет полевых цветов сам же и нарвал неподалеку в ложбине за насыпью, вдруг сообразив и хлопнув себя по лбу: «А цветы-то! А букет!..»

Поезд, как всегда, опаздывал, и Вазген проходил так лишний час.

День выдался серенький, но летный. Несколько раз над ним прогрохотали истребители их полка, но он не видел их — промчались за облаками.

И вот наконец снова, как тогда, загрохотали, залязгали мимо огромные красные колеса паровоза... Окутало белыми облаками и баннным запахом пара,

угля, машинной смазки, пробежали мимо зеленые вагоны, поезд дернулся и остановился. Вазген увидел растерянное, взволнованное лицо Сергея, мелькнувшее в проеме открытой двери, гортанно выкрикнул имя друга, побежал вслед за вагоном.

Поезд замер — и, легко спрыгнув с железной лесенки на скрипучий гравий насыпи, Сергей протянул руки, помогая соскочить стройной девушке в широком голубом платье и белом платочке.

За ней спустились женщина и еще три или четыре девушки. Последним сиганул вниз пацан лет тринадцати, видимо — братишка. А Вазген уже был рядом, он уже подбегал, протягивая свой букет, как вдруг увидел лицо, глаза и улыбку нареченной своего друга, его Тани.

И чуть сознание не потерял, словно ударился на бегу об это поразившее его женское лицо — так хороша она была, так нужна, так необходима ему, кажется, всю его жизнь от самого рождения — она одна, и больше никто, она, и только она.

Вазгена буквально зашатало, но он справился с собой. Глухим, сразу севшим голосом еле выговорил какие-то положенные слова приветствия, сунул невесте букет, подхватил чемоданы, узлы, рукой показал на «газик» с брезентовым верхом. Потом заботливо усадил мать Татьяны рядом с собой, уселся за баранку и рванул вездеход с места.

Круто вырулил на грунтовку, надавил на газ, понесся и вдруг неожиданно для себя самого громко и хрипло запел по-армянски веселую свадебную песню, радуясь тому, что надо неотрывно смотреть вперед, объезжать колдобины, не оборачиваясь, чтоб еще взглянуть на Сerezжину Татьяну.

А там, за спиной, смеялись, взвизгивали, толкались — они набились вповалку, еле поместились. «Газик» бойко бежал, подскакивал, подпрыгивал, а он все пел и пел...

— Ишь друг-то у тебя какой веселый, — смея-

лась, оборачиваясь назад, будущая теща Сафонова. — Ты-то все писал про него. А что поет — не писал.

— Дая и сам не знал, что он поет так, — улыбался Сафонов.

— Вазген, переведи, — перекрывая задорный рык мотора, крикнула Татьяна, и звук ее голоса был как голос его матери, когда он, маленький, крутился у нее в ногах.

— Ну вот, — крикнул он, чуть сбросив скорость, — это такая песня, у нас на свадьбах поют. Жених приходит к отцу невесты, говорит: «Отдай за меня». А тот говорит: «Бери меч, сразимся с тобой, покажи, как будешь жену защищать». Побились, побились, говорит: «Хорошо». Жених к матери: «Отдай ее за меня». Она говорит: «Купи мне платок, посмотри, как будешь одевать ее». Принес платок. Мать говорит: «Красивый. Теперь ее спроси, пойдет ли за тебя». А она говорит, ну, невеста: «Принеси мне виноград, вот узнаю, как будешь любить меня». Он принес виноград ей, большую гроздь, каждая виноградинка — звезда с неба. Поняла она, как любит ее. Вот такая песня.

Он говорил это быстро, обычно чуть приметный акцент вдруг резко усилился. Сергей слушал и как будто не узнавал друга. А когда приехали через час и Вазген, устало бросив руки на баранку, с минуту молча смотрел вперед, за исцарапанное ветровое стекло вездеходика, а после с грустной ласковой улыбкой обернулся к ним, Сергея поразили его глаза, их незнакомая печаль.

И все три дня, что готовились к свадьбе, Вазген Айрапетян ходил как оглушенный чем-то, как человек, получивший тяжкое известие и изо всех сил пытающийся держаться.

За день до свадьбы он выполнял учебно-тренировочный полет по программе упражнений высшего пилотажа.

И, зная, что там, на земле, у забора аэродрома, на него смотрят снизу десятки людей, что среди них — та, которая так поразила его неопытное горячее сердце, он сделал то, чего не делал никогда, и если бы за неделю до этого ему кто-нибудь сказал, что он пойдет на такое, Вазген сам бы не поверил.

Он был в кабине одноместного «МИГа-17».

Впившись в ручку управления верткой серебристой машинки с красными звездами на крыльях, фюзеляже и отброшенном назад высоком киле хвостового оперения, он вдруг резко «отдал» левую педаль и на скорости пятьсот двадцать километров крутанул такую «бочку» на пять витков, какая ни в какие программы не входила...

А после, заставив охнуть и замереть всех на земле, рванул и вздыбил истребитель почти вертикально вверх...

Завалил через крыло, так что в глазах погасло, и с высоты около трех тысяч метров ушел в крутое пике... и только в трех-четыре сотнях метров от земли буквально выдернул самолет из уже неизбежного столкновения с бетонкой.

Вытянул так, что снова почти потерял сознание от перегрузки, явственно слыша, как угрожающе затрещали узлы конструкции на пределе расчетной прочности.

А после как ни в чем не бывало сделал круг и, замкнув «коробочку», прошел глиссадой и красиво, безупречно чисто завершил полет.

И только тогда, будто очнувшись, расслышал в наушниках шлемофона отчаянный мат и свирепые угрозы командира полка, руководившего полетами.

Он и правда мог разбиться и загубить праздник им всем, на земле.

В какой-то миг на долю секунды он ощутил землисто-горький привкус смерти на губах — она мелькнула и прошла совсем рядом, и он уже ждал самых страшных, самых суровых и беспощадных кар командования за вопиющее нарушение полетного задания, был готов ко всему: к аресту, отстранению

от полетов на неизвестное время, даже к разжалованию и трибуналу.

Но когда взмыленный, красный от возбуждения и стыда, угрюмо глядя исподлобья, он вытянулся у самолета перед взбешенными комэском, начштаба и командиром полка, Артюхин, вопреки ожиданиям Вазгена, словно что-то поняв или догадавшись о чем-то, вдруг негромко рыкнул:

— Ко мне!

И когда они оказались лицом к лицу, едва выговорил, тяжело дыша:

— Силен! Силен, старший лейтенант! Научился! — И добавил едва слышным скрежещущим гневным шепотом: — Еще один раз такое — и...

Что именно последует тогда, комполка недоговорил. Но Вазген и так понял его, без слов.

Он вообще многое понял в эти две или три минуты, пока стоял, отдавая рапорт о выполнении учебного полета.

Все это было слишком не похоже на всегда грозно-строгое, когда касалось безопасности полетов, Артюхина. Только здесь, очутившись на земле, Вазген понял, что пережил и почувствовал их герой-полковник, наблюдая его смертельные номера.

И его буквально замутило от стыда и презрения к себе.

— Извините, товарищ полковник, — сказал он, и голос его задрожал. — Прошу наказать по всей строгости.

— Круго-ом ма-арш! — рявкнул Артюхин и угрозил подчиненному огромным кулаком.

Как и обещал комполка Артюхин, свадьбу однополчанину закатили мировую, такую, что и правда осталась в памяти у всех навсегда.

Столы расставили в спортзале, как и положено у пилотов, посадочным знаком — белой классической буквой «Т». Не поскупились, скинулись всем полком. Начфин раскошелился — выписал добрую сумму,

чтоб и стол был на высоте, и подарки молодым. На готовку, на сервировку поставили лучших умелиц-рукодельниц, офицерских жен, женщин бывалых, во всем знающих толк.

Полковник Артюхин, при всех орденах и со Звездой Героя на кителе, с дородной своей супругой Зиной, Мамой-Зиной, были Сергеем посаженными отцом и матерью.

Съездили в город, расписались чин чином и вернулись в гарнизон.

Маленький полковой оркестрик рванул торжественный марш, и Сергей, красный от смущения, бережно вывел молодую жену из автобуса.

Был август, яркий солнечный день...

Есть в таких минутах всегда что-то тревожно-волнующее. Когда, подобно живому существу, в новую жизнь вступают сразу двое, чтоб быть вместе и вовек не расстаться, когда всякому смотрящему на них, таких счастливых и разволнованных, невольно думается об их будущем, о том, что уготовано им судьбой.

Хороша была эта пара!

Молодой муж, стройный и статный, в летной офицерской форме, и она, под стать ему, темноволосяя, нежная, растерянная и влюбленная.

Все от души любовались ими.

И Вазген любовался тоже. В отличие от всех остальных то был для него один из самых трудных дней, когда сердце распалось надвое, одним — радовался за друга, другим — терзался и горевал, исходил едва выносимой болью, которой никто не должен был заметить, разгадать.

За те три дня, что прошли с той минуты, когда в проеме вагонной двери он впервые увидел невесту Сафонова, Вазген на глазах как-то заметно возмужал, осунулся, потемнел лицом.

Но — держался. И обнял Сергея крепко. И Татьяне руку пожал, бережно и осторожно, едва устояв на ногах.

И пошла свадьба, завертелось все, закружилось...

Тепло, дружно, родственно, а народу за столами — не перечесть, весь полк. Заздравные тосты, музыка, выкрики: «Горько!», робкие поцелуи, подарки... У всех за столом в простых граненых стаканчиках — только легкое вино: авиация, ни-ни! А после — танцы, и снова «Горько!», и снова поцелуи...

А там и песни запели — свои, родные, какие всегда на русских свадьбах поют какой уж век, и новые, советских композиторов, с патефонных пластинок.

Вдруг у многих голоса обнаружили, и грянул полк молодецким хохотом, когда, крепко обхватив могучую свою супругу за мощные плечи и озорно подмигнув, вдруг сам комполка полковник Артюхин вывел ласковым баритоном:

Моя любовь не струйка ды-ыма,
Что тает вдруг в сиянье дня...

И Мама-Зина хохотала, и отпихивалась, и грозила мужу...

Вазген сидел в отдалении, в самом конце длинного «Т». Опустив голову, молча комкал, перебирал пальцами край белой скатерти.

Мать-командирша, пышнотелая Зина Артюхина, как бы между делом присела рядом, заглянула в глаза. Она лишь немного покраснелась от выпитого, но, как и все за длинным столом — все сто с лишним человек, почти не захмелела.

— Что, Вазгенчик, — сказала тихо, — очень больно, сынок? Ты терпи. Тут, знаешь, деваться некуда.

Он отвернулся, но, поборов себя, показал большие темные глаза, переполненные растерянной тоской.

— Вижу я все, — сказала она. — В первый день поняла. Ты сильный, Вазген. Ты сможешь...

Незаметно подошел командир полка. Звякнув

наградами, сел на длинную скамью, помолчал... Потом сказал глуховато, с грубоватой задушевностью:

— И твое счастье придет, не думай. Обязательно придет, коли живы будем. Держись, мужик. И Серегу не огорчай. Судьба не дура, знает, что делает.

Полковой оркестрик задудел, забухал не то «Амурские», не то «Дунайские волны»... Вазген поднялся, одернул китель и четким строевым шагом пошел туда, где сидели молодые.

— Я же говорю — мужик, — сказал Артюхин жене. — И летать будет как бог, да и сейчас уже на крыле.

— Ты взыскание-то всыпал ему? — спросила супруга.

— Взглядом, — сказал Артюхин.

— Жалко его очень, — вздохнула она. — Все сердце изболелось.

— Что говорить, — кивнул командир полка. — А Сережка какую девчонку-то отхватил!

— Видно — золото. Дай-то Бог им! Лариску нашу помнишь, Кошелеву? Ну, ту, на Третьем Украинском... Похожа, да?

— Похожа, точно, — кивнул он. — А ведь правда, как похожа!

— Так жалко ее, Лариску, — сказала Зинаида. — Такая красавица была.

— Всех жалко, — сказал он. — Хоть и свадьба, давай, Зин, помянем всех потихоньку.

Они выпили молча.

А Вазген, переведя дух, остановился напротив молодых, церемонно кивнул:

— Прошу разрешить на вальс.

Сафонов улыбнулся.

Татьяна легко поднялась, Вазген подхватил ее и быстро, почти неслышно в мягких сапогах, закружил жену друга, словно приподняв над полом.

И так ладно, так слитно выходила у них каждая

фигура, будто прокружились в вальсе всю жизнь, и так серьезно и бережно поддерживал он ее руку, так взволнованно смотрел куда-то за ее плечо...

Но музыканты отыграли, отзвучал последний такт, и невысокий Вазген, подхватив партнершу под руку, так же бережно и торжественно провел ее по всему залу и вернул мужу.

Сафонов обнял его, усадил рядом, налил вина — жене, другу, себе. Они чокнулись все трое и выпили — видно, за что-то очень важное для них.

— Сможет, — сказала Зинаида Артюхина мужу.

— Похоже, что так, — кивнул командир полка.

И долго это было все и, как всегда — пролетело вдруг, отыграло... Только, кажется, началось, а вот уж и вечер, а там уж и звезды вдруг загорелись одна за другой над головой.

А потом была ночь. И звезды были совсем как на юге, и кузнечики ночные верещали в степи на сто голосов.

Молодым выделили комнатку, целых одиннадцать метров, в офицерском домике на восемь семей, да не просто комнатку, а с полной обстановкой, с железной кроватью с панцирной сеткой, с шифоньерчиком, круглым столом из шахматной комнаты, четырьмя стульями и тумбочкой у кровати.

А цветов, а букетов — поставили во всех углах! А занавески крахмальные! А постель брачная для первой ночи! Обо всем подумали женщины полка, ни о чем не забыли.

А в центре стола, покрытого китайской скатертью, расшитой рыбками и журавлями, полковник Артюхин своей командирской рукой поместил самый главный подарок — модель истребителя «МИГ-19», который все они ждали, хотя еще не видели в глаза, только на фотографиях.

Отлично выполненная серебристая птичка на уп-

руго выгнутой, устремленной ввысь подставке из прозрачного оргстекла с гравированной надписью: «Преодолеть пространство и простор! Сереже и Тане Сафоновым в день свадьбы от командования полка».

Здесь и остались они вдвоем, усталые, счастливо измученные, растроганные и благодарные всем, кто устроил им этот праздник, подарил этот день, какого не знали оба они за всю свою жизнь. И за комнатку эту, и за возможность просто быть рядом, просто видеть друг друга, еще не зная ничего и не умея того, чего так давно ждала, искала, так надеялась встретить и перед чем так робела каждая клетка их существа.

Очень долго они просто сидели и смотрели друг на друга, боясь сделать первый шаг, страшась сделать что-то не так, ошибиться в движении, в слове.

Но потом как-то необъяснимо, непостижимо друг для друга оказались сидящими рядом, потом оказались в объятиях друг друга, потом очутились с темноты и увидели себя словно выхваченными лучом неведомого неземного света в нескончаемо долгом поцелуе, потом... потом... потом...

Молодые, сильные, полные здоровья, нетронутые грязью жестокого мира, сумевшие донести и сохранить себя до этой ночи, они отдались легко, покорно и естественно власти природы, которая все знала и умела за них.

И словно зная о высшем таинстве, совершавшемся в эту ночь, будто затаив дыхание, был тих маленький приаэродромный городок, затерявшийся среди холмов в огромной степи. Только светились пунктирно синими точками две линии вдоль взлетно-посадочной полосы, только мигали и гасли, мигали и гасли в темноте и тишине красные точки огней на неутомимо вращающихся локаторах.

Звезды сияли, кузнечики звенели в траве...

Вдали от городка, в темноте, сидел Вазген и считал падающие звезды.

Их оказалось на удивление много в ту августовскую ночь. Он давно бросил загадывать желания и к рассвету сбился со счета.

34

Они сидели вдвоем перед камином в темном холле особняка Рэйн-Хаус и смотрели на потрескивающий огонь.

Аллен, как всегда, посасывал трубку, а некурящий Джиллингс вдыхал запах его дивного табака. Оба молчали.

Джиллингс искоса поглядывал на патрона, размышляя о том, насколько все-таки неудержимо быстро улетает время.

За минувшие годы оба они изменились — и сам Аллен, и Джиллингс. Директор ЦРУ еще больше поседел, несколько похудел, начал чуть короче постригать усы и еще больше стал походить на почтенного университетского профессора. А Роберт Джиллингс, напротив, несколько располнел, обрюзг.

Время от времени Джиллингс поднимался и, поворошив угли длинными щипцами, вновь раздувал огонь.

А Аллен вспоминал тот вечер, когда в этих самых креслах они сидели здесь с конструктором Келли Джонатаном и он впервые видел, еще в модели, этот невероятный «U-2», который творил теперь над Россией, Польшей, Восточной Германией и красным Китаем свои поднебесные чудеса.

— А вы помните, Роберт, — сказал Аллен, — что через два месяца ровно двадцать пять лет, как два старых хрыча бегут в одной упряжке?

Друг и охранник чуть улыбнулся.

— О, есть что вспомнить, сэр!

Эти минуты общения с Джиллингсом давным-давно стали для Аллена насущно необходимы — они давали свободу и свежесть его мысли, позволяли проверить концепции и идеи в живом обмене мнениями, быть может, с самым умным и рассудительным человеком, какого он встретил в жизни.

Сколько раз за эти годы он предлагал Джиллингсу высокие посты, которые позволили бы тому сделать в дальнейшем блестящую политическую карьеру, но все эти годы философ-телохранитель лишь отмахивался, неизменно повторяя одно и то же:

— Ах, сэр, человеку может быть хорошо лишь там, где ему действительно хорошо.

И в конце концов Аллен отступился.

За все эти двадцать пять лет они ни разу не поссорились, даже ни разу не разозлились друг на друга.

И это было поистине удивительно для Аллена с его импульсивным, раздражительным характером, которого почти всегда выводили из себя самые разные собеседники единственно тем, что постоянно отставали от бега его мысли, уступали в скорости умственных процессов.

Подумать только, лишь один Роберт поспевал! Не задерживал, не затормаживал импульсов мысли, шел наравне. Да и понятно — ведь они давно жили в одном ритме, в одном биотемпе.

...И если бы Аллен знал, что этот человек, сидящий сейчас рядом с ним, через тринадцать лет, на четвертый день после его, Аллена, похорон, приведя в идеальный порядок все секретные, особо секретные и сверхсекретные бумаги своего шефа, официально передаст их на хранение в Национальный архив непосредственно президенту Соединенных Штатов и в тот же вечер покончит с собой на том берегу небольшого озера, куда его друг и начальник приезжал подумать, глядя на поплавок, он, вероятно, с еще большим теплом и доверием относился бы к этому грузному неторопливому мыслителю, который на протяжении стольких лет был ему ближе всех ты-

сяч и тысяч людей, чужих и родных по крови, с которыми свела судьба.

— Ну как вам эти фотографии? Налюбовались? — спросил Джиллингс.

— О да! — усмехнулся Аллен. — Знаете, Роберт, о чем я думал, глядя на них? Ничто так не уродует лицо человеческое, — он улыбнулся, — разумеется, это не касается нас с вами, — как причастность политике.

— Жить в этом мире — значит терять иллюзии, — вздохнул Джиллингс.

— Именно это я имел в виду, — кивнул Аллен. — Вероятно, сам Господь устроил так, что политика всегда и всюду неизбежно должна идти рука об руку с преступлением. А это ложится на лица — как загар в Аризоне. Остается навсегда.

— Не трогайте Господа. Не вменяйте Всевышнему мерзостей сатанинских. От любого политика за три мили разит серным дымом, а не ладаном.

— Согласен, Роберт. Я созерцал физиономии этих безбожников и никак не мог ответить самому себе, чего больше в этих лицах — от «Капричос» Гойи или карикатур Домье? В них масса злодейства при удивительной бедности мысли, скудости чувств и ординарности натур... За исключением, быть может, лишь двух или трех. Да и из этих один уже обречен.

— Вы кого имеете в виду, сэр?

Аллен вытащил трубку изо рта, пустил кольцо дыма и, не отрывая глаз от огня в камине, произнес одно слово:

— Жуков...

Они снова замолчали. А перед глазами Аллена еще проходили вереницей те лица, о которых они вели разговор.

Часа за три до того как они расположились в креслах и повели свой неспешный раздумчивый диалог, Аллен попросил Джиллингса заправить в проекционный аппарат кассету на тридцать два фотодиапозитива и остался один. Он раздвинул штор-

ки перед небольшим экраном, включил проектор и погасил свет.

Эти часы наедине с лицами его союзников и противников давали огромную пищу уму, задавали вектор потоку идей, помогали в поиске нетривиальных решений.

Он мог получить подробнейшее досье на каждого из тех, чьи лица возникали в темноте на светлом квадрате экрана, да и пролистывал эти пухлые папки уже множество раз.

Но чтение по глазам, по выражениям лиц, по изгибам губ и вырезам ноздрей давало ему несравненно больше.

Аллен всегда свято верил изречению: «Только люди ограниченные не судят по внешности». Камертоном, мерилком и точкой отсчета здесь было его собственное лицо.

Свои фотографии разных лет и разных периодов он тоже нередко высвечивал на этом экране, зорко высматривая и улавливая перемены в нем, как Дориан Грей на своем страшном портрете...

Но в этот вечер на него с экрана смотрел совсем другой человек.

Никита Хрущев.

Аллен прекрасно знал это лицо — всегда такое разное, но всегда полное неумной, азартной, все сметающей жадной власти, которую излучали хитро прищуренные пронзительные глаза. Понять, вызнать, вытянуть главную правду души из этого лица, из этих глаз было почти невозможно.

Но одно было совершенно точно: образ этого лидера уже не источал того иррационального демонического ужаса, как любое изображение его усатого предшественника.

В этом круглом русском мужике уже не было никакой гипнотической силы...

А это значило, что их власть, достигнув наивысшей точки в лице Сталина, достигнув своего пика,

как бы надорвалась и начала неуклонное движение вниз, к упадку, к вырождению и саморазрушению и, вероятно, еще долгому тлению, но в любом случае к тому, ради чего он, Аллен, изощрялся всю свою жизнь, заслужив прозвище «Моцарта шпионажа».

Потом перед ним прошли остальные, которых просто немыслимо было назвать «истеблишментом» или «элитой» при таких беспородных лицах и первобытном стадном устройстве их власти, где полагалось немедленно пожирать низверженного вожака...

Покуривая трубку, он щелкал кнопкой, меняя лица на экране...

Примечательно — все эти мужские и одно женское лицо были на удивление унылы и смертельно скучны.

Но главное — такие похожие и непохожие — все они смотрели в никуда. При всей их власти и могуществе он отчетливо ощущал в них тайный страх обреченных.

А где-то за пределами этой шеренги угрюмых, твердолобых, алчных до власти, абсолютно беспощадных, невежественных людей, вероятно, уже жили, подрастали и соответственно воспитывались в особых красных инкубаторах их будущие преемники, чья наследственная беспородность должна была проявиться куда сильнее и непременно выказать себя в ходе будущей истории.

Аллен ничуть не обольщался, когда точно так же впивался глазами и в лица собственных американских «делателей истории», спроецированные лучом света и линзами на том же экране, будь то сенаторы, конгрессмены, губернаторы штатов, руководители ведомств и кабинетов министров.

Среди своих тоже преобладали мерзко-расчетливые, своекорыстные лица политиканов, точно так же способных ради собственных амбиций, не задумыва-

ясь, пойти на любую безбожную гнусность и нарушить без малейших угрызений совести любую из десяти библейских заповедей.

Он и сам был не ангел и не голубь. Лишь он сам знал до конца — *какой* тянулся за ним след...

Но одним он отличался от большинства людей, игравших в Большом Казино Капитолия или Белого Дома. С юных лет его совсем не манила и не прельщала власть как таковая, власть ради власти.

Хотя при некотором упорстве и желании он мог бы подняться очень высоко, прямо на вашингтонский олимп, в известный особняк на Пенсильвания-авеню.

Аллен в самом деле был «рыцарем идеи» и, безусловно, по меркам огромного большинства людей, явил себя миру свирепым монстром, готовым решительно на все, чтобы идею свою осуществить.

Эти же, на экране, первые из кремлевской шеренги, служили только самим себе. Людям с такими лицами самой биологией было отказано в способности видеть перспективы истории, и потому они должны были проиграть.

На то была своя *диалектика* — их любимый предмет, с которым они, украв понятие у греков и Гегеля, делали что хотели соответственно своим узко-клановым прихотям и интересам.

Так что все и правда подчинялось «объективным законам».

А объективный закон гласил, что Хрущеву органически недоступен аристократический *теннис*, что его удел — эта их народная забава, когда со всего маху швыряют дубиной по деревянным цилиндрикам... кажется — «городки».

Как Ленин, а потом и Сталин, Хрущев и все его сподвижники были уверены, что мир развивается, двигаясь путем *силы*, а не *знания*.

Его же задача заключалась в том, чтобы как можно дольше укреплять и поддерживать в них это заблуждение.

...На него смотрели с экрана самодовольные посредственности, пробившиеся к своим штурвалам и рычагам, за которые они держались в полном смысле слова *мертвой хваткой*, готовые за свое право властвовать *убивать* кого и сколько угодно или — *погибнуть*.

Быть может, поэтому, впиваясь глазами в эти скучные, бесцветные, мрачные лица, он в полной мере осознавал, какую опасность они представляют для всего, что им непонятно, недоступно и враждебно.

Ему же было предписано Провидением свести эту опасность к минимуму и заманить их в яму.

35

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 7 августа 1956 г.*

«Наша главная стратегическая задача — вопреки всей пустой политической риторике, всей болтовне дипломатов в ООН, вопреки мифическому «духу Женевы», вопреки всем громогласным анафемам и проклятьям коммунизму изо всех наших сил тайно поддерживать этот режим в том виде и состоянии, каков он есть.

Да-да, как ни парадоксально, от нас требуется именно это!

Проводя на публику для отвода глаз и одурачивания противника эти так называемые «подрывные акции», на самом деле мы должны искусственно продлевать дни этого режима, чтобы в конце концов плод созрел, перезрел, подгнил и пал сам по себе, силою вещей, без нашего бессмысленного силового вмешательства.

Ибо ничто, никакая ядерная война и никакие блокады не способны так обессилить и обескровить

их, как они сами, как их тупое, невежественное правление. Все, что нам надо, они сделают быстрее и успешнее нас. Только не надо им мешать!

Во имя будущего мы должны дать им возможность беспрепятственно показать себя теми, кто они есть: бездарными хозяевами, болтунами, шарлатанами и лгунами.

И одновременно — всеми доступными и недоступными средствами препятствовать проникновению в их правящие сферы людей действительно умных, способных мыслить не понятиями их мелочной кремлевской тактики, а в категориях большой стратегии развивающегося мира...»

Лишь один человек на фотографиях был резко отличен от остальных. У него были другие глаза, другой взгляд, абсолютно иной масштаб личности, и к тому же он по праву считался и был самым удачливым полководцем современности.

Это был действительно Противник!

Только в нем, если бы этот человек достиг высшей власти, при его здравомыслии и силе характера, могла бы заключаться действительная опасность для Америки оказаться лицом к лицу не с властью самодуров и хвастливых ничтожеств.

И именно поэтому теперь ему, Аллену, надлежало сделать все, чтобы вывести этого полководца из кремлевской игры.

Аллен снова высветил фотографию Хрущева.

У него имелся подробнейший «психологический портрет личности» Никиты Сергеевича, составленный учеными-специалистами, работавшими в его ведомстве.

Но и без всякого научного отчета было видно, что втравить в бессмысленное состязание этого вспыльчивого сумасбродного старика — с его амбициями, хамскими манерами и элементарными азами школьного марксизма под лысиной — не составит большого труда.

Что он непременно даст себя втянуть в смертельную разорительную игру, не разберется, что к чему, и купится на обманку.

36

Они по-прежнему сидели и смотрели на огонь в камине. Сколько вечеров они провели вот так вместе... В Париже, в Швейцарии. Каминьы всюду были разные, изысканные и сложенные из грубо тесанных камней, с решетками и без решеток. Только огонь всюду был одинаков да они сами...

— Почему-то все уверены, — сказал Аллен, вынув погасшую трубку изо рта и чуть улыбнувшись, — что ваш покорный слуга непременно должен быть незаурядным шахматистом. Казалось бы, все логично, но, вообще говоря, Роберт, это не так. По-моему, теннис куда ближе нашей специальности. Суметь предугадать направление подачи противника и отбить так, чтобы он пропустил удар, — вот где полная аналогия. Но знаете, что я действительно люблю в шахматах?

— Возможность просчитывать ходы? — повернулся к нему Джиллингс.

— Ах, бросьте, Роберт! Для вас это слишком банально. Больше всего мне доставляет удовольствие в шахматах возможность поймать соперника на «вилку». Когда одним ходом слона, коня или ферзя я создаю условия для решения сразу нескольких и часто неразрешимых задач. Что может быть прекраснее такой композиции!

— О, сэр, — засмеялся Джиллингс, — это почти то же самое, что одновременно сидеть с друзьями за бутылкой вина, лежать с возлюбленной и делать ставки на скачках.

— Да-да, — сказал Аллен, — вот именно, скач-

ки! Чаще всего я выигрывал, когда ставил на «темных лошадок». И хотя сегодня на календаре середина пятьдесят шестого, самое время подумать о фаворите шестидесятого. Наш нынешний вице-президент...

— О нет, нет, сэр! — протестующе замахал рукой Джиллингс. — Пусть даже за ним стоят весьма почтенные господа и не самые вонючие деньги, лично мне бы не хотелось, чтобы он присягал двадцатого января шестьдесят первого.

— Мне он тоже не по сердцу, — кивнул Аллен. — В нем нет шарма, нет магии цели, он дилетант и не способен решать мировые вопросы. И скажу вам больше, Роберт, наше республиканское правление растратило свой потенциал. Их аккумулятор требует длительной подзарядки. Я провел консультации с целым рядом серьезных мыслителей, мы обсуждали эту проблему с братом — Америке остро требуется свежая идейная кровь. Кстати, как вам этот парень, ну этот... знаете, длинный, рыжий...

— А-а-а, — улыбнулся Джиллингс, подошел к камину, наклонился и, сильно сжав гармошку воздушных мехов, возродил угасающее пламя, — этот чудо-мальчик Джонни, сенатор из Массачусетса? Кстати, сэр, знаете ли вы его прозвище еще со времен Конгресса?

— Нет, не знаю...

— Этого романтика из Бостона его языкастые друзья-конгрессмены, а теперь и сенаторы между собой называют «Золотой головой».

— Но что они имеют в виду? — засмеялся Аллен. — Его золотые мысли или золотые слитки его папаши?

— Полагаю, и то и другое, — серьезно сказал Джиллингс. — Но ведь он же...

— Демократ? — опередив его, быстро отозвался Аллен. — Ах, какая ерунда, Роберт! И то, что он демократ, а не республиканец, и то, что пассажи его выступлений выглядят еще пока наивными миражами. В нем есть очарование, очарование, за которое люди захотят отдать голоса.

— Вы уже приняли решение? — спросил Джиллингс.

— Вернее было бы сказать, что я склоняюсь к нему, и ваше мнение, Роберт, как всегда, оказалось для меня очень кстати. Да... что там у нас в его досье?

— Пока не могу сказать точно, сэр. Но одно несомненно: его авторитет у демократов все растет. К нему начинают прислушиваться все чаще и приглядываться все пристальней.

— Дней через десять, — сказал Аллен, — я хотел бы держать в руках решительно все, что вам удастся наскрести о нем. Там должны быть: биография, грехи молодости, реальные факты, а не сусальные рассказы о военной службе, влиятельные силы закулисной поддержки, его старые и новые враги, ну и, конечно, семья... Выкладывайте все, сомнительное и достоверное, а я продолжу свои тихие консультации. Сколько ему будет в шестидесятом?

— То ли сорок два, то ли сорок три, — ответил Джиллингс. — А что касается семьи, то их клан в некотором смысле замечателен — он подобен неприступному форту, где все братья и сестры под папашину скрипку друг за друга глотки перегрызут.

— Прекрасная семья, — сказал Аллен, — какой пример для всей нации!

— Ну, а «вилка»? — вернулся к прежней теме разговора Джиллингс. — Мы же говорили о «вилке» в шахматах...

— А мы о «вилке» и говорим, — загадочно улыбнулся Аллен, и глаза его чуть сощурились и заблестели, как всегда, когда он задумывал одну из своих многоступенчатых запутанных комбинаций. — Как раз о «вилке» мы и толкуем битый час...

— Сэр?

— Ах, Роберт, какую партию мы разыграем в шестидесятом! Какую восхитительную, классическую комбинацию! Если меня, конечно, не прикончит эта проклятая подагра... Значит, так, дружище... После того как я ознакомлюсь с досье нашего ми-

лого парня из Бостона, я хотел бы сидеть с ним вот в этих креслах и беседовать, как сейчас беседую с вами. И никто, понимаете, Роберт, ни одна живая душа никогда не должна узнать о нашем свидании. Хоть в багажнике его привезите.

— В багажнике не получится, сэр, — заметил Джиллингс. — У него неполадки с позвоночником.

— Так пришлите мне его заказным письмом, — засмеялся Аллеи. — Ну а теперь, старина, предлагаю выпить по чашечке кофе и займемся нашим дневником.

Подагра делала свое дело. Несмотря на все усилия докторов, целебные воды, диету, электропроцедуры, притирания и экзотические мази.

Теннис помогал все меньше, а боли становились все сильнее, особенно вечерами.

Аллен сносил эти муки стоически, но уже около полугода почти не писал сам, а надиктовывал Джиллингсу перед сном несколько страничек своих раздумий, после чего неизменно из тома Шелли извлекалась известная инструкция пылесоса «Вестингауз» и мысли Аллена превращались в криптограмму, которую никто и никогда не смог бы прочесть без этого дурацкого шифровального ключа.

37

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 12 августа 1956 г.*

«После сегодняшнего просмотра унылых личностей русских лидеров (разумеется, я имею в виду здесь не Жукова и даже не самого Хрущева, который мне по-своему даже симпатичен и был бы еще симпатичнее, если бы занимался своим прямым делом,

186

предположим, торговал бы в лавочке икрой и водкой, а не был бы первой фигурой во враждебном лагере, я в какой раз ощутил сложное двойственное чувство...

Возможно, вы, мои будущие потомки, читающие эти строки, вполне искренние и откровенные, ибо я стою перед вечностью и говорю с вами из своего небытия, и усомнитесь в написанном здесь.

Напрасно!

Да: это я говорю с вами, Аллен, которого при его жизни почитали за людоеда.

Я, который в самом деле столько раз за свою жизнь был понуждаем обстоятельствами подтверждать и оправдывать это мнение о себе.

Да, на моей совести, вероятно, тысячи жизней, тысячи жертв. Я не знаю их лиц, и они не являются мне во сне.

Ищу ли я себе оправданий, окидывая взором этот чудовищный век?

Нет, не ищу и не пытаюсь обелить себя перед Творцом. Он Сам призвал меня и возложил на меня миссию. По мере сил я пытался ее выполнять, и если моя колесница по ходу движения переезжала людские тела и судьбы, то как рядовой прохожий я сожалею о них, но как возничий могу лишь развести руками.

Порой я бывал отвратителен себе, но могу утешаться тем, что мои противники, как правило, были несравненно отвратительнее в своих делах и намерениях.

Так вот, источник моего двойственного чувства... Идея «сдерживания коммунизма», которую проповедует мой братец Джо, мне представляется слишком узкой и ограниченной.

Здесь должна быть поставлена радикальная задача, и именно ее я решаю, вероятно, самым тонким и хитрым образом.

Прошу мне верить — я испытываю давнее сострадание к русским и уж тем более к тем, кто угодил под железную пяту сталинского благоденствия. Быть

может, я лучше всех на Западе могу понять, что испытывает всякий русский, а заодно с ним румын, венгр, китаец, восточный немец etc.

Это говорю вам я, так называемый «король шпионов», «магистр рыцарского ордена плаща и кинжала». Так вот...

Осанна! — говорю я, ибо все больше людей начинают осознавать то, что понятно мне уже сорок лет: преуспевающая, мощная Россия была бы для нас самым страшным конкурентом прежде всего благодаря ее мозгам, ее ископаемым и географическому положению.

Так что, строго говоря, эта красная диктатура объективно помогла нам не только сохранить свои позиции, но и продвинуться туда, куда, возможно, мы не смели бы и соваться, если бы не устрашающий красный фактор.

В конечном счете вышло курьезно: они так напугали весь мир своими посулами сталинского счастья, что помогли нам совершить невозможное.

Считается, что после войны они постоянно наращивают свои промышленные и экономические темпы...

Но они оглушают самих себя собственной ложью, и их нынешние так называемые успехи, так называемый «быстрый экономический и промышленный рост» есть великая фикция.

Ибо правда выглядит иначе, чем их хвастливые сводки. Рабский труд уже не сможет одолеть умственного труда, а смесь страха и лжи — самый рыхлый, самый ненадежный состав для фундамента.

Итак, просматривая сегодня в темноте фотографии их лидеров, я сформулировал цели всех наших приоритетных направлений.

Мы заставим их покорно разорить самих себя в безоглядной и непосильной силовой гонке.

Мы будем играть с ними, как хитрый кот с мышкой, будем отступать, наступать, производить обманные движения, угрожать и идти на компромиссы — пока не растратятся все их силы, не иссякнут составы, не оскудеют источники.

Все это, конечно, ударит по их народу... Жаль! Но интересы собственного народа и наших друзей для нас значат все-таки больше.

Мы не можем уподобляться им, для которых благополучие подданных, несмотря на всю словесную трескотню, не значит ровным счетом ничего.

Главная их проблема — то, что они безнадежно бездарны и мелки. Ничтожны настолько, что и сами не понимают этого.

Разумеется, Берия был негодяй из негодяев, но в нем я чувствовал достойного соперника. Его нет уже три года, но русские еще пожинают плоды трудов этого вампира: и русское атомное оружие, и ракеты — его прямая заслуга.

А лучшие из его людей, во всяком случае, внедренные в Штаты в его золотую эпоху, еще где-то здесь, быть может, рядом с нами, в тысячу раз ближе к лужайке Белого Дома, чем мы можем вообразить.

Самая главная проблема текущего дня — столкнуть и низвергнуть того единственного человека, которого сегодня еще боится Хрущев.

Итак, наши действия. Мы разработаем сюжет дезинформации, и — вот она, «вилка», о которой мы так поэтично толковали сегодня с Робертом. Мы как бы получим сверхсекретную информацию от нашей московской агентуры о недовольстве в армии реформами Хрущева, о том, что маршал готов действовать решительно, проявить присущую ему инициативу и произвести известную перестановку на их шахматных полях.

Затем у нас в управлении мы проведем «мозговой штурм» и нечто вроде штабной игры, где якобы придем к выводу, что подобный разворот событий в Кремле вполне правдоподобен.

Ну а дальнейшее — дело техники. Подконтрольное доведение в нужное время наших «сверхсекретных выводов» до их здешних агентов и через них — до Москвы. Классическая схема, которая всегда срабатывала и еще ни разу не подвела.

Полагаю, Хрущев только и ждет чего-то подобно-

го и с радостью проглотит эту наживку. Даже если он и не поверит ни одному слову из сообщений своих резидентов, он все равно ухватится за них и использует к своей выгоде...

Ну а о том, какие выгоды принесет нам подобная комбинация, вряд ли стоит говорить.

Все это, прямо скажем, крайне неприятно. Но ничего не поделаешь — не столько честь, сколько мой долг и ремесло обязывают на подобные неджентльменские шаги.

Бедняга Жуков! Будем ждать».

38

---

*«Строго секретно. Донесение в Центр.
Вашингтон — Москва.*

По каналу «Палома» мною получены сведения, что в ближайшее время через нашу агентурную сеть американскими разведслужбами будет предпринята крупная акция дезинформации.

Будет инсценирована утечка якобы поступивших в ЦРУ секретных сведений, полученных через их агентуру в Москве, о будто бы осуществляемом антигосударственном заговоре ряда высших офицеров Минобороны и Генштаба под руководством маршала Ж. для установления режима единоличной военной диктатуры.

Настоящим удостоверяю, что эти данные не имеют под собой никаких оснований. Этими действиями противник намерен одним шагом по дискредитации и компрометации маршала Ж. и его окружения решить целый ряд крупных стратегических задач, направленных на подрыв обороноспособности СССР и ослабление его геополитического влияния в мире.

В случае, если эта акция дезинформации будет принята к действию и указанные сведения будут доставлены по одному из наших разведканалов в Москву, они должны быть *безусловно проигнорированы* нашим политическим руководством.

Стэнли».

Через два дня председатель КГБ Серов после очередного доклада вручил Хрущеву расшифровку этого документа.

Хрущев надел очки в золотой оправе, пробежал текст глазами.

Затем, блеснув стеклами очков, поднял голову и уставился на Ивана Александровича.

— Как оцениваете эту информацию?

— Полностью согласен.

— Согласны? Ну, хорошо, — сказал Хрущев. — Идите.

Но когда Серов, поклонившись, направился к двери кабинета, остановил его:

— Вот что, товарищ Серов. Этого документа у нас *не было*.

— В каком смысле? — нахмурился Серов.

— Вы вот что, ваньку не валяйте. — Хрущев хмуро взглянул исподлобья. — Вот так: *не было*, и точка. И строжайшая секретность! Довести до сведения каждого, через кого проходил документ. Головой ответите! Поняли!?

Серов *понял*.

— Разрешите идти?

— И еще вот что... — продолжил Никита Сергеевич, и глаза его стали как два серых ледяных камешка. — Этот... ну... который Стэнли... действительно *надежный* человек? Что-то он часто не в свои дела нос сует... А то знаете... как говорится: «доверяй, но проверяй»...

Председатель КГБ молча смотрел на первого человека страны.

— В общем, товарищ Серов, думаю, вы меня

поняли. Нам *сведения* нужны, вражеские *секреты*, а не *советы*.

Первый секретарь ЦК кивнул и махнул рукой.

39

Они лежали на голубом атласном одеяле на широкой тахте у огромного окна, за которым открывался фантастический вид на вечерний Нью-Йорк.

Наступали мягкие сиреневые сумерки, и этот сложный, напряженный колорит неповторимого пейзажа неповторимого города тревожил его, как долгие весенние вечера в ранней юности.

Черные шпили небоскребов, усыпанных сверкающими кристаллами окон и неоновых надписей, казались ему острыми всплесками в кардиограмме грандиозного существа, отходящего ко сну.

И он, вытянувшись, не мигая и почти не дыша, чуть повернув голову, смотрел в окно, боясь шевельнуться.

Ее голова лежала на его закинутой руке, и он с невыразимым горестно-прекрасным волнением ощущал эту чудесную тяжесть...

Она задремала вот только что — всего на несколько минут; так всегда бывало с ней, когда буря стихала и начинался отлив...

Он знал совершенно точно — вот эти мгновения и были абсолютным воплощением земного счастья, и потому дорожил ими не меньше, чем собственной жизнью.

Он не боялся задавать себе прямые вопросы и не страшился так же прямо на них отвечать, потому что и в самом деле знал на них ответы, какие вряд ли вместил бы и совместил в одном сознании любой другой мозг.

Он давно стал в полном смысле американцем, американцем до кончиков ногтей, потому что за двадцать пять лет нелегальной работы всей душой полюбил эту страну.

Полюбил живой, деятельный, бодрый и энергичный пульс ее бытия, и в то же время он сознательно служил ее главным противником, будучи одним из лучших их лазутчиков.

Он полюбил Америку с такой живой силой проникновения в ее душу, быть может, именно потому, что одновременно был и остался русским.

За эти годы он передумал много всего и потому перерос многое и от многого избавился, от того, что и раньше, в юности, воспринимал всегда лишь как пустые химеры, жупелы и фантомы.

И прежде всего для него давно утратили смысл и значение замшелые догмы вульгарной идеологии.

Именно это дала ему Америка. Она подарила неизвестную раньше возможность — свободно, безбоязненно думать и подняться над стереотипами, и если он был благодарен ей, то именно за свое отрешение.

Уже давно он служил не абстрактной идее, не сухим мертворожденным схемам, а высшему балансу сохранения и поддержания таких отношений, такого паритета между соперничающими системами, который исключал бы военное столкновение и избавлял как тех, так и других от смертельного искушения — рискнуть всем, чтобы победить.

Он не обманывал никого — ни своих, ни чужих. По большому счету сами эти понятия утратили для него свое содержание.

Он давно и осознанно служил высшей всеобщей ценности — миру, жизни как таковой. И только в этом видел подлинную задачу разведчика и разведки.

Он слишком хорошо знал, чего стоит как та, так и другая система. Знал их плюсы и минусы несравненно лучше и глубже большинства людей, живущих по обе стороны земного шара, на собственном лич-

ном опыте, а не из умозрительных теорий, узнав как темные, так и светлые составляющие обоих мироукладов.

Он слишком хорошо знал безумство оголтелых политиков и нахрапистых генералов, чтобы позволить им на их примитивном языке элементарных категорий решать мировые вопросы. Его задачей было незримо стоять между ними, ибо те и другие во множестве водились в обоих лагерях. Стоять на незримой разделительной черте и быть силой, разводящей не в меру воинственных драчунов.

Собирая, получая, просеивая всевозможную информацию, он считал своим долгом с ювелирной точностью дозировать, освещать и преподносить ее своему Центру, отделяя истину от обмана, сделав всю свою жизнь непревзойденным номером гениального эквилибриста, неведомо как умудряющегося не падать и еще весело распевать песенку, стоя на множестве поставленных друг на друга предательски скользких шаров.

Когда мы смотрим в цирке такой смертельный номер, нам абсолютно непонятно, как такое вообще возможно и подвластно человеку.

Меж тем глаза наши не лгут, и, восхищенные зрители, мы можем лишь развести руками в полном недоумении и аплодировать.

Точно так же мы можем лишь развести руками, окинув взглядом американскую жизнь великого русского разведчика мистера Р. А., который, посвятив себя, быть может, самому порочному ремеслу, воистину был и остался внутренне удивительно чистым, цельным и нравственным человеком.

Да, он не подличал, не лгал, не изменял, не актерствовал. За все годы в вооруженной Америке — за исключением только военных времен — он ни разу не держал в руках пистолета.

Но он тихо, незримо, без малейшего шанса остаться в истории делал великое дело для этого несущего

разного, запутавшегося, исковерканного животной ненавистью и дикими предрассудками трагикомического мира, как мог и насколько мог изо дня в день и из года в год спасал этот мир от безумства самоуничтожения.

Точно так же не лгал он и ей, своей женщине, единственной близкой и родной душе на этом континенте, которая дремала сейчас на его руке и которая точно так же, как и он сам, ловила каждое мгновение, что они могли быть вместе.

— Я не сплю, — прошептала она, — ты не думай. Это не сон, это что-то совсем другое, уход в другое измерение.

— Я знаю, — прошептал он в ответ и осторожно поднес сигарету ко рту.

— Я знаю, кто ты, — вдруг сказала она.

Он невольно чуть напрягся и молча ждал, что она скажет дальше. Уголки ее рта чуть дернулись в усмешке.

— Не бойся ничего, — сказала она. — Но я правда знаю... Давным-давно.

— И кто же я? — спросил он, поглаживая ее волосы и глядя в гаснущую синеву окна.

— Неужели нужно все произносить вслух? — сказала она.

— И все-таки скажи, — мягко попросил он. — Скажи, Синди, не бойся.

— Могут быть у меня свои тайны от тебя? Ведь у тебя они есть.

Оба замолчали. Он задумчиво курил, зная заранее, что, даже если она и проникла в главную тайну его судьбы, он никогда не сделает того, что предписывалось сделать с любым человеком, который стал бы реальной угрозой его провала.

Но все же он должен был знать наверняка, что теперь она имела в виду.

Она, его любимая женщина, Синди Кларк. Добродетельная законная супруга адмирала Джозефа Кларка, одного из высших офицеров в Объединенном комитете начальников штабов Соединенных

Штатов, — умного, волевого, авторитетного Джозефа Кларка, которого он в душе по-настоящему глубоко уважал и которым гордился бы, будь он солдатом его армии.

40

Кем была ему эта женщина?

Ни малейшего преувеличения не было бы в утверждении, что она стала для него в его здешней ипостаси почти всем: женой, возлюбленной, незаменимой мудрой подругой, веселой советчицей, а может быть, в чем-то и матерью, но только не тем, что обычно именуют любовницей, точно так же как Джозеф Кларк ни минуты не был ему врагом, соперником, благодаря ему, мистеру Р. А., заполучившим рога.

Тут все было в тысячу раз сложнее, тоньше... мучительнее в такой же мере, в какой дурацкая пустенькая песенка становится чудом искусства в причудливой импровизации гениального джазмена.

— Ну, так кто все-таки я такой? — спросил он тихо, целуя ее в шею за ухом.

— Ты? — Она вновь замолчала, приподнялась и, чуть отодвинувшись, в упор посмотрела на него: — Ты — необыкновенный человек, Роджер.

— Ну, — засмеялся он разочарованно, — удивила! Тоже мне открытие. Это в Нью-Йорке каждая собака знает.

— Ты не так меня понял, — усмехнулась она. — Я совсем другое имела в виду. Вы, мистер Р. А., инопланетянин.

— Вот это ближе к правде, — кивнул он. — Гораздо теплее. Ты почти угадала. И что же нам теперь с этим делать?

— Жить, — ответила она. — Жить, жить, как прожили мы эти последние семь лет. Мне даже не может быть поставлена в вину супружеская измена — ведь с инопланетянами это не считается.

В свои сорок два года она была удивительно хороша.

Быть может, и не красавица по стандартам кино или модных журналов, а просто очень интересная, высокая, темноволосая женщина с широкими плечами и узкими бедрами; порывистая, остроумная, горячая, преданная жена и превосходная мать двоих сыновей, как и он сам, посвятившая жизнь фотографии.

Но в отличие от него — поэта, лирика, философа, как его называли — «Уитмена фотографии», Синди Кларк была отважным профессиональным фоторепортером, чьи поразительные документальные снимки вызывали сенсации, из месяца в месяц и изо дня в день появляясь на первых полосах ведущих газет и журналов Америки и Европы.

Фотография, как высокое искусство, как чудо, сохраняющее время, стала тем, что притянуло их друг к другу, как если бы они поняли души друг друга по двухмерным изображениям.

Она — по его знаменитому силуэту Бруклинского моста, выступающего из осеннего тумана, и портретам Рузвельта и Фроста, он — по ее репортажному снимку мальчика-араба из Палестины, с недоверчивым изумлением глядящего на протянутую ему кем-то лепешку.

Оба поняли: и те фотографии, и эта — из палящего пекла неразрешимого конфликта на Святой Земле — не случайные находки. Они поняли и прочли эти изображения как послания друг другу, написанные на особом, только им понятном языке.

За этими снимками им обоим открылось что-то несравнимо более важное в них самих, нежели опыт глаза и радость умелых мастеров от вовремя нажатой спусковой кнопки затвора.

Так возникла эта любовь, быть может, зародив-

шаяся самым невероятным образом за все времена от Адама и Евы.

Они еще не встречались и не видели друг друга, лишь только эти снимки, но они уже выделили друг друга из всех на земле и полюбили — сначала лишь имена на подписях к фотографиям, потом...

Потом была та выставка фотографии в Париже семь лет назад... первый взгляд глаза в глаза — через видоискатели камер... потом совместное возвращение в Америку на громадном английском корабле...

Их положение было странным, по-своему уникальным. Мистеру Р. А. часто казалось, что муж Синди знает о них все, знает доподлинно и давно, но в силу столь же редкого, уникального благородства дает любимой женщине ту полную свободу быть счастливой своим счастьем помимо него самого, какое кажется совершенно невероятным на этой земле.

За окном темнело. Он лег на бок и, подперев голову рукой, смотрел на нее.

Как всегда, Синди читала все его мысли. Почти все...

— Ты знаешь, когда я поняла, что Джо знает о нас? — спросила она тихо. — Когда он увидел тот мой портрет, что ты снял. Он понял все сразу. Понял, кто мы друг другу. Понял по моим глазам на снимке, что было между нами за двадцать минут до того, как ты усадил меня, чтобы запечатлеть такой — навсегда. Знаешь, он большой человек, мой муж. Действительно очень большой человек.

— Я знаю это, — сказал он. — Быть может, даже лучше тебя.

— Бывают отношения, — сказала она, — которые выше людей. — Поцелуй меня.

Нет, она не была красива в вульгарном, расхожем смысле. Она была действительно прекрасна, и он знал, что запомнит ее вот такой до конца дней и

всегда будет благодарен своей жизни и судьбе, что в них вошла она, и что был этот вечер, и многие другие вечера, и ночи в лаборатории, при красном свете...

Но самым дивным в ней был голос — чуть сипловатый низкий голос уроженки Среднего Запада, американки, ведать не ведавшей, что она родилась с русской душой.

— Так где же моя планета?

— Там, там, — сказала она, неопределенно махнув рукой в сторону окна. — Не надо, не спрашивай... Мы ведь никогда не сделаем ничего, что принесло бы несчастье Джо Кларку.

— Никогда, — сказал он твердо. — Клянусь тебе в этом.

Эта женщина, жена крупнейшего военного, могла бы быть для него источником ценнейшей информации...

Но он никогда не использовал ее как «оперативную связь».

Напротив, если к нему и поступали какие-то сведения, которые так или иначе касались ведомства, в котором служил адмирал, и могли быть в принципе получены через него, мистер Р. А. предпринимал все возможное, чтобы так заплести и запутать, так засекретить этот канал информации, чтобы там, в Центре, в Москве, никому бы и в голову не пришло связать ее с именем Кларка.

Репутация адмирала Кларка и его жены должна была остаться безупречной навсегда, даже после его, мистера Р. А., смерти.

Обычно считалось, по крайней мере так говорили и писали корифеи разведки, что у людей его профессии нет, не может и не должно быть святого в душе. Только — Дело.

Вероятно, мистер Р. А. в самом деле был инопланетянином. У него святое — было.

...Эти встречи с Синди Кларк бывали нечасто, всего лишь один-два раза в месяц, и мистер Р. А. жил от одной до другой в волнующем нетерпении, как в молодости. Свидания с ней давали ему чрезвычайно много, приносили ту особую радость, какая нужна любому художнику для вдохновения.

В этот вечер он пошел проводить ее. И как всякий раз перед разлукой, заранее испытывал смятение и горечь от того, что не увидит ее столько дней.

Ну да, будут звонки то с одного континента, то с другого, из тех городов, куда забросит ее репортерская работа...

А пока он уже заранее испытывал тоску одиночества, и внутренний секундомер с беспощадной механической скоростью отсекал частички времени, когда дни могли еще быть рядом.

Эти минуты прощания были особенно тяжелы, и оба чувствовали невероятное, убийственное ускорение бега времени.

Его ателье помещалось на двадцать первом этаже, и скоростной лифт, который, казалось, так медленно, выматывающе медленно четыре часа назад поднимал их вверх, теперь, когда она уходила, низвергался с ужасной, неудержимой скоростью.

Они были вдвоем в огромной кабине, облицованной красным деревом, и видели друг друга в великолепном зеркале.

Очень странная пара!.. Она — темноволосая, высокая, чуть выше его, и он — с белой гривой свободно отброшенных длинных волос. Двое людей, мужчина и женщина, разделенные и неразделимые, молча смотрящие друг на друга.

Внезапно лифт сбавил ход, и они ощутили тяжесть перегрузки, как в садящемся самолете. Лифт остановился на одиннадцатом. В кабину вошли трое — негр-лифтер, рыжеватый молодой человек в несколько мешковатом костюме и нарумяненная старушка с серым карликовым пуделем на руках.

Мистер Р. А. и Синди Кларк едва заметно улыбнулись друг другу. Вошедшие, равнодушно оглядев

их, отвернулись, а рыжеватый молодой человек углубился в изучение собственных ногтей.

Но вот лифт достиг первого этажа, и они вышли в просторный вестибюль и через мгновение оказались на тротуаре у большой темно-вишневой машины.

На улице уже было темно, накрапывал дождь.

— Мне надо заехать кое-куда, — сказал он и, хотя его спортивный желтый автомобиль был припаркован рядом, коснулся дверной ручки ее длинного «бьюика». — Может быть, подвезешь меня?

Она засмеялась своим хриловатым смехом, распахнула перед ним дверцу и села за руль.

Они с мужем жили постоянно в Вашингтоне, а ее нью-йоркская квартира была на Лонг-Айленде — значит, еще минут двадцать они могли побыть вместе в мягкой темноте салона автомобиля.

Синди легко тронулась с места. Ветровое стекло было покрыто мелкими каплями дождя. Она включила стеклоочистители, щетки заходили из стороны в сторону, расчищая два черных полукруга без капель, и они смотрели через них вперед, как бы летя в двух параллельных тоннелях, которые никогда не сойдутся...

— Интересно, — сказала она, — что сейчас делается на твоей планете?

Он ответил не сразу, хотя прекрасно знал, что творилось там.

А он оставил там многое, что так любил прежде и без чего, как ему казалось двадцать пять лет назад, он не сможет жить.

Но вот — смог. И жил... За эти годы он получал известия... Почти все из того, что он любил, и почти все, к кому был привязан, исчезли навсегда. Сначала умерла мама, потом при странных, непроясненных обстоятельствах исчез и был найден мертвым отец, а вскоре внезапно заболела и «сгорела» в три дня сестра. И он почти не сомневался, что их смерти на-

ходились в какой-то неведомой связи с его работой здесь.

Хотя это было странно, шло вразрез общему правилу — блокировать любые «резкие движения» командированных мыслью об оставленных дома родных-заложниках. Оставалось благодарить судьбу, что он не завел своей семьи, что не было детей...

— Послушай, — сказала она, чуть сбавив скорость и обернувшись к нему. — Во всех романах «сайенс фикшн» пришельцы, выполнив задание, всегда возвращаются на свои звезды...

Он, как всегда, удивился, поняв, что она в неисчислимый раз телепатически прочла его тайные мысли.

— ...тебе тоже... придется возвращаться?

— Не знаю, — сказал он, — покажет будущее. Ты же знаешь, ведь обычно мы, инопланетяне, себе не принадлежим.

— Мы принадлежим только Отцу Небесному, — убежденно сказала она. И, порывисто переключив передачу, резко прибавила скорость.

— На моей планете думают иначе, — вздохнул он.

Оба замолчали, глядя вперед.

Они двигались в сплошном потоке автомобилей с включенными подфарниками и алыми стоп-сигналами.

Вереница машин тянулась, извивалась, втекала в другие потоки на мостах и в узких теснинах между громадными многоэтажными небоскребами — тысячи и тысячи людей куда-то неслись, навстречу предназначенному им.

Но ни мистер Р. А., ни его подруга — единственный дорогой человек на этой планете, куда забросила его жизнь, не знали, что за ними неотступно следует другой автомобиль. И что за его рулем, неотрывно сверля глазами два рубиновых стоп-сигнала убегающего вперед «бьюика», сидит тот самый, немного нескладный, рыжеватый молодой человек, что с таким сосредоточенным вниманием рассматривал в лифте свои ногти.

— Так куда тебе нужно? — спросила Синди Кларк.

— Ты знаешь бар «Португалец»? Это по пути, уже близко отсюда.

— Какая-нибудь грязная дыра с дамочками за десять долларов?

— Бери выше, — усмехнулся мистер Р. А. — Здесь до конца, а на перекрестке сверни налево на 22-ю стрит... Мы там были с тобой однажды, лет пять назад... Довольно симпатичное заведение, тебе еще понравился бармен — неужели не помнишь?

— А! — воскликнула она. — Ну, конечно...

И вскоре они остановились напротив здания конца прошлого века — семиэтажного монстра вне всех стилей и направлений в архитектуре, казавшегося убогим сундуком рядом со стройными циклопическими параллелепипедами сорокаэтажных небоскребов.

— Ну вот и все... — сказала она. — Мой инопланетянин сейчас станет заливать боль разлуки паршивым пойлом...

Он не дал ей договорить, прервав на полуслове нежным поцелуем. И, казалось, поцелуй их был вне времени и пространства, вне всего здешнего, земного...

— Там... — сказала она, отрываясь от него и глядя в упор большими темными глазами... — Ну... там... после всего... нам уже не надо будет никогда расставаться... мы будем вечно бродить по пустынным каменистым плато под луной и ты будешь рассказывать мне свою жизнь... Может быть, потому я не слишком боюсь смерти. Мне даже все равно — ад это будет или рай. Лишь бы слышать и видеть тебя...

Он вышел из машины и, обойдя, склонился над открытым передним окном, где она сидела за рулем, подняв к нему глаза.

— Когда ты вернешься? — спросил он тихо, и голос его дрогнул.

— Послезавтра утром вылетаю в Брюссель, потом дня на два в Амстердам. И, знаешь, похоже, сдвинулось с мертвой точки мое дело об аккредитации в Москве. Оказывается, всему виной — мой муж-адмирал. Мне намекнули в консульском отделе. Если муж — адмирал, жена, разумеется, непременно шпионка.

Он засмеялся:

— Что ж, логично. Все власти одинаковы...

— В том-то и беда... Ну все, мой дорогой. Не грусти! Позвоню из Брюсселя.

— А из Амстердама?

— И из Амстердама, — кивнула она и сильно сжала его руку.

— И...

— Ну да, и из Москвы.

— Спасибо, милая. Буду ждать. Звони мне, как только выдастся минутка.

— А ты будешь всю неделю неотлучно сидеть у телефона?!

— Увы, этого обещать не могу. Ну... береги себя. Поцелуй мальчиков. И... чтоб ты засветила все свои пленки!

Это шутливое пожелание на счастье и удачу было их тайным знаком прощания. Она нажала на педаль газа и унеслась в даль темной улицы, и красные стоп-сигналы ее большого «бьюика» через минуту потерялись в мерцающем алом мареве тысяч других...

Он постоял, глядя ей вслед и мысленно моля судьбу дать им встретиться вновь. А потом взглянул на часы и перебежал через улицу по мокрой мостовой, направляясь к зеленым неоновым буквам над входом, составлявшим слово «Португалец».

...Рыжеватый молодой человек остановил свой «форд» чуть дальше того места, где Синди Кларк высадила мистера Р. А.

Но, видя, что они еще разговаривают, тронулся вперед, проехав с четверть мили, развернулся и возвратился назад, остановив машину на противоположной стороне улицы почти напротив входа в бар с зеленой неоновой вывеской.

Они все не кончали разговор, и он украдкой сделал несколько снимков длиннофокусным немецким объективом на специальную французскую сверхчувствительную пленку.

А мистер Р. А. потянул на себя дверь, распахнул и вошел в притемненную прихожую — при этом коротко звякнул старинный колокольчик.

Это был добротный старый бар, в котором умели хранить традиции родоначальников дела, возможно деда или прадеда, а потому все тут было в неизменности с начала века, точно таким, как и в десятые, и в двадцатые, и в сороковые годы.

Массивная стойка темного дерева с мраморной столешницей и таким же темным деревом обитые стены, высокие стулья с гнутыми спинками в знаменитом венском стиле, тяжелые шторы и занавеси зеленого бархата, литые бронзовые канделябры с мягко сияющими цветами-лилиями матовых стеклянных абажуров — все дышало надежной добротностью давно ушедшего прочного времени и, вероятно, должно было вызывать щемящие ностальгические чувства у тех, кто забегал сюда еще мальчишкой.

Мистера Р. А. здесь знали давно и благоговели перед ним после того, как однажды, году в сорок восьмом, убранство «Португальца» было запечатлено его «Линхофом» на черно-белую и цветную пленку, увиденное как бы сквозь расплывчатую дымку умчавшегося времени и напечатанное не где-нибудь, а в «Лайфе», с великолепным, изысканно-меланхоли-

ческим текстом самого Эрни Хема, который тоже любил забрести сюда, чтобы помочить ус в неизменном «кальвадосе».

Та публикация принесла Джошуа Хопкинсу-младшему, хозяину «Португальца», едва ли не мировую славу, и с тех пор великий фотограф и автор блистательного эссе имели здесь бессрочный кредит.

Молодой человек, сидевший за рулем темно-зеленого «форда» неподалеку от входа в бар «Португалец», сладко потянулся, открыл дверцу, вышел из машины, огляделся, немного прошелся, разминая затекшие ноги, снова уселся за руль, мельком бросив взгляд на большие круглые часы на панели приборов, чуть подправил зеркала заднего вида и приготовился ждать ровно столько, сколько потребуется...

При виде мистера Р. А. Джошуа Хопкинс, узкоплечий желтолицый худенький человек с черными усиками, действительно португалец то ли по деду, то ли по прадеду, в своих неизменных красных подтяжках поверх белой рубашки, обрадованно поспешил навстречу почетному гостю.

— Роджер, старина! Я уже думал, вы забыли к нам дорогу!

— Как идут дела? — спросил мистер Р. А., на миг прижав щуплого бармена к груди. — В плюсе, в минусе?

— Дела кое-как, — безнадежно махнул рукой Джошуа. — Эра процветания, она, знаете, где угодно, только не у нас.

— Мне никто не звонил? — спросил мистер Р. А.

— Как же, как же, звонил мистер Чейни, а также мистер Харриуотер — он для верности глянул в записную книжку. — Да, все точно, мистер Харриуотер, звонил в шесть вечера.

— А кто звонил раньше? Старина Чейни или Харриуотер? — как бы между делом поинтересовался мистер Р. А.

— Минуточку... — Джошуа снова сунул нос в свой блокнотик. — Уверяю вас, сэр, абсолютно точно, сначала звонил мистер Чейни.

— Прекрасно! — Мистер Р. А. шелкнул пальцами, как кастаньетами. — Превосходно!

Ни мистера Чейни, ни мистера Харриуотера на самом деле не было на свете.

Это был сигнал, закодированное сообщение. Если бы первым позвонил мифический «Харриуотер», это значило бы, что у Мэйна что-то не связалось и свидание отменяется. Но первым позвонил бесплотный «Чейни», и теперь надо было ждать прихода «человека-звена», который должен был условными фразами передать на словах важное пожелание Центра.

Максуэлл Мэйн, резидент крупной агентурной сети, полковник Дмитрий Антонович Мальков, масштабом и опытом под стать самому мистеру Р. А., был представителем военной разведки североамериканского направления и тоже работал в Соединенных Штатах и Канаде еще с довоенных времен.

Разведчик экстра-класса, незаурядный профессионал с огромным опытом и тонким стратегическим мышлением, он был надежным товарищем и незаменимым партнером-советчиком мистера Р. А. в той смертельной игре, которую они вели.

Но в силу специфики профессии за все эти годы им удалось увидаться и лично пообщаться не более десятка раз.

Того требовала строгая конспирация и поддержание железного «иммунитета» мистера Р. А., который ни в одну сеть не входил и был «автономом», то есть работал сам по себе, выполняя самую трудную работу невидимого дирижера-координатора всех сетей, цепей и ветвей советской разведки на континенте.

...Кто именно будет послан на явку, мистер Р. А. не знал.

Возможно, один из «людей-звеньев», с которыми работал Мэйн прежде. Возможно, кто-то новый из привлеченных Мэйном помощников — неизвестный человек, «глухой почтальон» с книжкой некоей Патрисии Хеллман «Счастье Джудит», обернутой в желтую клетчатую бумагу.

Эта затрепанная книга несуществующего автора, специально набранная и сверстанная в трех экземплярах, переходила из рук в руки при таких свиданиях. Увидев ее в руках вошедшего — если это был новый незнакомый человек, — следовало присесть рядом с ним на табурет у стойки и негромко произнести по-английски как бы в пространство реплику Астрова из чеховского «Дяди Вани»: «А должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!..» — весьма странную, но легко объяснимую в устах человека, часок-другой проторчавшего у стойки...

Если для встречи назначалась эта явка, контакты с агентами обычно происходили в маленьких уютных кабинетах «Португальца», где любили уединяться разнеженные влюбленные.

Но пока нужно было дождаться появления агента и удостоверить его полномочия.

— Джошуа, Бога ради, — сказал мистер Р. А., — что-нибудь промочить горло.

Выкурив сигарету, мистер Р. А. плотно уселся в самом дальнем темном углу за рюмкой «Джонни Уокера» и принялся ждать, думая обо всем сразу: о задании, которое требовалось срочно передать по всем каналам, о Синди Кларк, которая уже, наверное, давно приехала домой, о Москве, куда его неоднократно посылали редакции лучших журналов в связи с крупнейшими историческими событиями и куда он так ни разу и не попал из-за того, что Москва так и не выдала въездную визу продажному «певцу» мнимых красот американской псевдемократии.

Он не спеша потягивал виски и поглядывал на входящих. Пока что никто с желтой книжкой не появлялся.

Вновь подошел Джошуа Хопкинс.

— Вы не скучаете, Роджер?

— Ничуть, Джошуа. Присаживайтесь.

— Сказать по чести, — вздохнул бармен, — я чертовски устал. Коли разобраться, жизнь — дурацкая штука. Послушайте, мне пятьдесят девять лет, из них сорок пять я, как машина, по десять часов в день все смешивал и взбалтывал коктейли и ничуть не преуспел.

— Я думаю, вы ошибаетесь, — сказал мистер Р. А.

— Объясните...

— Вы только представьте армию людей, мужчин и женщин, которые за все эти годы в сырые вечера, как на остров спасения, приходили к вам и отогревались душой и телом, утешались музыкой и вином, заговаривали с соседями, знакомились, быть может, находили здесь любимых и покидали ваш бар счастливее, чем пришли. Черт возьми, Джошуа! Неужели ради этого не стоило жить?

— Вы полагаете?..

— И думать нечего! Просто уверен! Да если бы не проклятое искусство, — разрази меня гром! — я бы тоже держал маленький ресторанчик и, может быть, был бы куда счастливее, чем теперь, — одинокий охотник с тяжелой камерой и треногой на плече. Ей-богу, вы неблагодарны!

— Вы это серьезно? — недоверчиво прищурил узкие глаза Джошуа Хопкинс-младший.

— Клянусь! — поднял в присяге руку мистер Р. А.

— Черт возьми! Вы всегда умеете влить в меня свежую кровь, Роджер!.. И наверное, не только в меня.

— Был бы рад, если это так, — улыбнулся мистер Р. А.

В это время он увидел, что силящая неподалеку

одинокая некрасивая женщина лет тридцати пяти порылась в безвкусной сумочке и достала знакомую книгу в желтой клетчатой обертке.

Довольно странное, грустное создание... Видимо, Мэйн решил на всякий случай под каким-нибудь хитрым предлогом использовать совершенно случайного человека — «глухого почтальона». Это был тревожный знак.

Как раз в этот момент в «Португалец» ввалилась шумная компания — шестеро раскрасневшихся мужчин средних лет, и Хопкинс, извинившись, поспешил к новым гостям.

Мистер Р. А. поднялся, прошелся по бару и задержался у стола, где сидела женщина с книгой.

— Прошу извинить меня, — сказал он с галантной любезностью старого женолюба, — не сочтите назойливым, но вы пробудили мое любопытство. Коли не секрет, что может читать в баре столь прелестная особа в этот хмурый вечер?

Она вскинула испуганные глаза и молча показала титульный лист. Это была та самая книга.

— Мог бы я вас пригласить к своему столику?

По замешательству на ее простодушном личике стало ясно, что она не знает, как поступить — принять приглашение или отказаться. Он решил помочь ей.

— Странно, — заметил он, — конец июля — и такой холод.

Она смотрела на него нерешительно — с выжидательным недоумением и тревогой.

— Подумать только, — продолжил он, — что где-то сейчас есть Африка, а в этой самой Африке сейчас, должно быть... — и он договорил до конца условную фразу пароля.

Но она не отреагировала — видимо, Мэйн не решился открыть проверенный отзыв. Пришлось использовать запасной.

— И где вы уже сейчас читаете? Дошли до половины? Ну как, занято?

Она облегченно улыбнулась и, как было положено, раскрыла книгу на сто девятнадцатой странице. Это и был отзыв.

— Меня зовут Мэри Джейн, — сказала она таинственным шепотом, усаживаясь за его столик в углу. — Я принесла вам записку. От мистера Моргана из третьего отдела.

Он окончательно успокоился. Это был личный кодовый сигнал Мэйна только для него и ни для кого другого.

Никаких записок не должно было быть. Или... случилось что-то непредвиденное, настолько важное, что Мэйн был вынужден пренебречь жестко установленными правилами конспирации и пошел на прямой контакт. Так или не так?

— Записку? — изумился он. — Боже мой, Мэри Джейн! От кого, вы сказали?

— Ну, я не знаю, — забормотала она. — Мне велел передать ее вам Патрик. От мистера Моргана... Ну... Патрик... Патрик! Вы должны знать. Он тоже, как и вы, сэр, работает в ФБР.

— Вот черт! — сказал мистер Р. А. — Патрик! Ну конечно! Ничего не утаишь от этих женщин! Ну давайте, покажите... что там надумал старик Морган?..

Он сидел в самом удобном месте, отсюда был виден весь бар, и никто не мог ни войти незамеченным, ни выйти, ни вести скрытое наблюдение. Он понял, что уединяться в кабинете с этой Мэри Джейн не придется.

Она доверчиво протянула ему книгу. В ней лежала вчетверо сложенная закладка. Он развернул ее. И тотчас понял по условному сдвоенному знаку «g» в обращении, что эти несколько строк на машинке напечатал сам Мальков.

«Родджи! Я достал тот рецепт проявителя, который ты просил во вторник. Разведи в 7 унциях воды, лучше профильтровать. Проявляй 9 минут при обычной температуре. Не откладывая, сообщи ре-

зультат. Я остался доволен. Да! Возьми лучше кислый фиксаж!»

Это означало, как он и думал, чрезвычайное событие, несущее угрозу. Мальков вызывал его на личную встречу немедленно по получении известия.

— Вы не проводите меня? — кокетливо спросила она, когда, забрав у нее книгу и задумчиво сложив листок, он сунул его в карман рыжего твидового пиджака. Эта глупенькая курочка была уверена, что участвует в какой-то важной миссии Федерального бюро расследований.

— Вы нам очень помогли, Мэри Джейн, — внушительно сказал он. — Ну что ж, пойдете.

И, мгновенно преобразившись в подвыпившего возбужденного любителя ночной охоты на ночных «бабочек», он крепко взял ее за локоть и повел за собой. Но вовсе не к входной двери с колокольчиком, а к узенькой дверке за стойкой. Сидящие мужчины проводили его одобрительными понимающими взглядами, хотя все знали, что в баре Хопкинса отродясь не было никаких особых комнаток, как во множестве других подобных заведений.

— Прощайте, Джошуа, и помните, что я вам сказал, — с пьяной назидательностью поднял палец мистер Р. А.

— Честное слово, сэр, вы вернули меня к жизни. Как порой нам, маленьким людям, бывает необходимо мудрое слово!

— Бросьте, бросьте, — махнул рукой мистер Р. А. — О чем вы! Мы же просто старые друзья... До встречи!..

Они шли по темным переходам подсобных помещений, мимо холодильников и штабелей картонных коробок со спиртным. Пахло кухней, жарящимся мясом. И вот они оказались в маленьком темном дворе.

— Как все интересно... — прошептала она. — И страшно...

— Надеюсь, наше сотрудничество продолжится, — внушительно сказал мистер Р. А. и ласково взял Мэри Джейн за подбородок. — Сколько вам обещано за вашу услугу?

— О, сто пятьдесят долларов, сэр! Он понял по интонации, что это для нее большие деньги.

— Мне кажется, вы заслужили премию, — серьезно сказал он. — Держите триста, купите себе что-нибудь веселенькое и ждите наших звонков. И помните — никому... Ни звука! Отныне вы служите не только себе, но и Соединенным Штатам!

— О да, я понимаю, сэр, — прошептала она.

— Бегите. Когда вы снова понадобится, мы найдем вас.

Женщина скользнула к железной калитке и исчезла за оградой. Он остался один.

42

И сразу из темноты возникла приземистая мужская фигура, которую мистер Р. А. тотчас узнал.

Это был сам Мэйн — полковник Мальков. Человек, которому мистер Р. А. доверял, как самому себе. Без такого доверия они не могли бы здесь ни работать, ни жить.

— Здравствуй... — тихо прогудел тот. — Как я рад...

Мужчины крепко обнялись.

— Сколько же мы не виделись?

— Четыре года, — не задумываясь ответил мистер Р. А.

— Пошли быстро отсюда.

За оградой стоял длинный черный «империал». Усевшись за руль, Максвелл Мэйн тотчас завел мотор и медленно покотил по длинному узкому проезду

к освещенной улице, и, на миг осветив фарами, они обогнали женщину, с которой только что расстался мистер Р. А.

— Что случилось, Митя? — взволнованно обернулся он к Малькову.

— Роджер, похож я на паникера? — Мэйн бросил взгляд в зеркало заднего вида. — Но мне кажется, мы на грани провала, причем такого, какой нам и не снился.

Мэйн не был склонен к шуткам.

— С чего ты взял? — глядя вперед на бегущую навстречу черную мокрую мостовую, быстро спросил мистер Р. А.

— Среди многих задач, которые я должен решать, — сказал Мэйн, — есть одна, возможно самая важная.

— Что ты имеешь в виду? — спросил мистер Р. А.

— Сам Лаврентий возложил на меня обязанность обеспечивать твою безопасность...

— Я... догадывался об этом, — благодарно улыбнулся мистер Р. А.

— Так вот, Роджер, за тобой «хвост».

— Ты с ума сошел! — воскликнул мистер Р. А. — За столько лет никогда...

— И тем не менее, — непреклонно мотнул головой Мэйн. — Ошибки нет. За тобой идет человек. Может быть, один, а может быть, и больше. Я точно установил одного.

— Подожди, — сказал мистер Р. А., — тут что-то не так. У меня же нет прямых связей. Ты можешь описать его?

— Он постоянно меняет внешность. Много всякого бродвейского реквизита, но без мишуры выглядит примерно так: около тридцати лет, выше среднего роста, немного рыжеватый, склонный к полноте. Да вот, полюбуйся...

Мэйн сбросил скорость и протянул три маленькие фотографии.

— Смотри-ка! В самом деле, — воскликнул мис-

тер Р. А., едва только бросил на них взгляд, — этот субъект несколько раз попадался мне на глаза, а часа два назад мы с ним вместе ехали в лифте. И он что, ни с кем не меняется на «наружке»?

— Как ни странно, нет.

— И давно он повис на мне?

— Трудно сказать. Я обнаружил его около двух недель назад, а сегодня снова увидел его собственными глазами у «Португальца» — в зеленом «форде-эдсел» пятьдесят пятого года. И представь, оказывается, второй месяц он живет в том же доме, где твое ателье, на двенадцатом этаже. Не исключаю, что он уже побывал у тебя и понюхал твои реактивы. У тебя там есть что-нибудь?

— Ничего абсолютно. Может быть, провокация?

— Тогда чья, зачем, почему? И как он мог выйти на тебя?

— Надо подумать, — сказал мистер Р. А.

Он разорвал фотографии рыжеватого молодого человека на мелкие кусочки и выбросил в поток встречного ветра, влетавшего в приоткрытое окно машины.

Мистер Р. А. и впрямь задумался... История в высшей степени странная. Сомневаться в сказанном Мэйном не приходилось никогда.

Где и когда он мог наследить?

Кто этот парень, из какого ведомства?

Или... Неужели все-таки адмирал Джозеф Кларк решил нанять частного детектива? Но он мог сделать это так давно...

Какой-нибудь маленький шантажист? Маленький бизнес на тайне их отношений с Синди? Хотя какое может быть вымогательство, если для всех окружающих их связывают чисто творческие интересы и они могут торчать вдвоем в темной лаборатории хоть сутки напролет?

Максуэлл Мэйн молча вел машину.

Он тоже видел сегодня издали прощание мистера

Р. А. с его возлюбленной. Мальков знал о связи мистера Р. А. с Синди Кларк и полагал, что эта женщина для него не только возлюбленная, но и важный источник. Он действительно мог так думать. Их часто видели вместе с Синди, они особенно и не таились. В конце концов свобода, которую давал жене Джозеф, была личным выбором адмирала.

— Но это не все, Роджер, — сказал Мэйн. — Боюсь, все гораздо серьезнее и, возможно, лежит в одном контексте.

— Что еще? Выкладывай факты.

— Факты железные, — ответил Мэйн. — За моими людьми тоже пошли «хвосты». А неделю назад я поймал «глаза» за собой.

— Так... — сказал мистер Р. А. — Кажется, приехали. Давай подробности.

— Что ты подумаешь, Роджер, если в центре великого города Нью-Йорка в течение четырех дней тринадцать раз повстречаешь один и тот же автомобиль, причем всякий раз у себя за спиной?

— Я подумаю, что тринадцать — число и правда несчастливое. — Мистер Р. А. помолчал. — А на пешеходных прогулках?

— То же самое... Причем действуют до странности неумело.

— А что говорят другие?

— Пришлось устроить взаимное перекрестное наблюдение. Оказалось, все точно. «Ведут» почти всех... Весь основной состав.

— Ну а сейчас? — Мистер Р. А. обернулся назад.

— Сейчас — никого. Нашу встречу страхуют трое моих. Этот твой рыжий «хвост» остался в своем «форде» у «Португальца», я оторвался от своего пять дней назад.

— Как думаешь, откуда ветер дует?

— Хочешь честно? — обернулся к нему Мэйн и сбросил скорость. — Ума не приложу. Но больше всего это смахивает на измену.

— Результат анализа?

— Как ты знаешь, в моей сети семнадцать «то-

чек», по всему Атлантическому побережью. И хотя я уверен в каждом — работаю с ними столько лет... мне никогда не было так паршиво, Роджер. Что-то сломалось. Но я не знаю, что, где и как чинить.

— Останови машину, — сказал мистер Р. А.

— Да-а, — сказал он, когда, заехав колесами на тротуар, Мальков затормозил в тесном проулке, который отлично просматривался в обе стороны, — ты преподнес мне, конечно, приятный сюрприз. А что в других сетях?

— То-то и оно... То же самое и у Тони, и у Салливана в Лос-Анджелесе, и в Чикаго. Ну а ты сам ничего не замечал?

— Сказать по чести, нет. Но теперь я, конечно, перефокусирую свою оптику. Возможно, «оно» действительно такое маленькое, что без микроскопа и не различишь. Придется присмотреться к этому парнишке. А вообще-то мне тоже паршиво, Митя. И знаешь почему? Москва впервые не поставила меня в известность о смене Черной ладьи.

«Черной ладьей» на их языке именовался резидент-дипломат в нью-йоркском консульстве, представитель высшего руководства Центра.

— То есть как? — опешил Мэйн. — Не может быть!

— Отчего же не может, — пожал плечами мистер Р. А. — Второй месяц там сидит новый человек, некто Харченко. И никто не потрудился меня об этом известить. А ведь раньше без моих рекомендаций никого не назначали.

— Боюсь, дело куда серьезнее, чем даже нам кажется, — сказал Мэйн. — Если действительно измена и кто-то пошел навстречу интересам дядюшки Гувера или дядюшки Аллена, нас ждут веселые времена.

— Согласен, Митя, — кивнул мистер Р. А. — Похоже, деваться некуда. Объявляю общую тревогу.

С этого часа до моего нового приказа все «точки» заморозить. Разработки остановить. Пока — полный штиль. Мертвая тишина. Будем ждать. Посмотрим, как задергаются наши «хвосты» и куда махнут...

— Это невозможно! — твердо сказал Мальков. — Невозможно, о чем ты?

— Нуда, — сказал мистер Р. А., — только-только все как-то наладилось, все связалось по микроэлектронике, по вычислительным машинам, по ракетным делам... Наш старый приятель Келли Джонатан делает сейчас новый самолет, на три тысячи шестьсот километров в час. Стратегический разведчик, восьмое чудо света.

— Келли, Келли! — воскликнул Мальков. — Мне этот Келли Джонатан как заноза в сердце. Ведь, помимо всего, мы здесь сейчас некоторым образом именно из-за него. После этих трех июльских налетов на Москву, Киев и Ленинград Никита кое-кому в Центре так надрал уши, что и здесь отозвалось.

— Не мне тебе говорить, как началась та война, — сказал мистер Р. А. — Семь человек из Японии, Швеции и Германии лупили во все колокола, гнали донесения по всем каналам. *Он* не захотел поверить. Гитлеру *он*, видите ли, верил больше, чем нам. Исход известен...

— Это ты, собственно, к чему? — спросил Мэйн.

— А вот к чему. Все то же, старик! Все то же! В сорок девятом мои люди в Калифорнии добыли материал о тесных контактах Келли Джонатана с дядюшкой Алленом. А мы с тобой знаем, какие демоны рождаются от такой любви. Лично я не сомневаюсь, что там над Москвой летало.

— Ты полагаешь, это...

— Ну конечно! Тот самый самолет, который у них проходит по бюджету НАСА как высотный метеоразведчик. Он делался в такой тайне, что тут никакими ветрами-облачками и не пахло. Но кое-что мне все же удалось раздобыть через Палому. Он сообщил не так много, но мы узнали главное: самолет такой

действительно есть, он строится для нужд разведки, обозначается литерами «U-2», его дальность — восемь тысяч километров и потолок — тридцать три. В начале пятьдесят третьего с пометкой «особо важное» я отправил это донесение в Центр вместе с фотографиями машины...

Под кодовым обозначением «Палома» скрывался тот второй человек, который, помимо самого Мэйна, знал, кем был на самом деле фотограф Р. А., — сверхценный источник, который сотрудничал с ними с конца тридцатых годов, американец, подлинное имя которого они никогда не называли даже в разговорах между собой.

— И что же? — спросил Мэйн.

— Я получил подтверждение, что мое послание получено в Москве, — горько усмехнулся мистер Р. А. — Но они там, видимо, либо не приняли его всерьез, либо затеряли в своих бумажках, либо...

— Либо опять поверили не нам, а кому-то другому.

— Скорее всего, сочли, что характеристики самолета нереальны и мы тут все страдаем «низкопоклонством перед Западом».

— Так вот, — сказал Мэйн, — вчера поступил совершенно истеричный приказ Центра: любой ценой и — слышишь?! — немедленно, в кратчайший срок добыть техническое описание — от заводских чертежей до инструкции по эксплуатации головки самонаведения для ракеты «земля — воздух» с дальностью боя тридцать километров и ультразвукового дистанционного взрывателя.

— Ого! — присвистнул мистер Р. А. — И только-то?! И в кратчайший срок?! — Он ядовито рассмеялся. — Ну, взрыватель, положим, мы еще, может быть, и добудем. А систему наведения... — Он присвистнул.

— Они там, вероятно, думают, что у нас бюро заказов с рассылкой по каталогу, — сказал Мальков.

— Особенно я люблю это их вечное «любой це-

ной!»! — заметил мистер Р. А. — Как будто они знают там, какова эта цена.

— Так как ты думаешь, почему им вдруг теперь так срочно потребовались эти системы наведения и для какой цели? — на миг оторвав взгляд от дороги, иронически спросил Мэйн-Мальков.

— Ну, тут ломать голову не надо! — нервно усмехнулся мистер Р. А. и закурил сигарету. — Если этот дракон запросто долетает до Москвы — что ж гадать? Зашевелились!

— Но как нам-то теперь быть при сложившихся обстоятельствах? — обеспокоенно взглянул на него Мальков.

— А как ты сам считаешь?

— Разумеется, ты прав, Роджер. Сейчас надо зайти и ждать. Немедленно законсервировать все «точки», сменить все явки, пароли, сигналы и тайники. Разобраться, откуда ветер дует, кто там эти ребята на «хвостах» и каковы их намерения. Но *как, как* сейчас мы можем это сделать, если нам поставили такую срочную задачу?

— То-то и оно! — раздраженно кивнул мистер Р. А. — Только деваться нам с тобой, товарищ Мальков, некуда. Давай думать...

— Может быть, нам снова поможет Палома? — спросил Мальков.

— Ну нет, — покачал головой мистер Р. А. — Палома нам нужен для более важных вещей. Тут надо привлекать кого-то из научно-технического направления. К Паломе обратимся только уж в самом крайнем случае...

— Слушай, а что, если... Руди? — спросил Мальков.

— Это идея! — воскликнул мистер Р. А. — Марк именно тот, кто нам нужен! А пока попытаемся сами осторожно выяснить, кто там у нас болтается за спиной. Передай по сети: сейчас главное, чтобы «хвосты» ни в коем случае не заметили, что мы видим их и держим под контролем.

Коле Савкину было хорошо.

Может быть, ему вообще так хорошо никогда еще не было. Даже с девками, до которых он еще с армейских времен был большой охотник. Была там у него одна... в соседнем от их части поселке, потом еще одна...

А уж после, на гражданке — считать не пересчитаешь, причем многие достались ему не за красивые глаза, а только из-за страха, который он умел при надобности внушить, намекая на о-очень большие свои возможности...

Но вот так, вольно, легко, надежно и приятно, ему отродясь не бывало, и присниться такое — не приснилось бы.

Мог ли даже подумать он еще недавно при его-то папе-маме с «Серпа и молота» да дуре-сеструхе, что всего в двадцать восемь с хвостиком будет он, как туз бубновый, раскатывать по Нью-Йорку в шикарной машине, пить неслыханные-ненюханские напитки и вообще окунется в мир хотя и чуждый, насквозь враждебный, прямо скажем, страшный, эксплуататорский, однако же до невозможности приятно и толково устроенный, где, куда ни плюнь, все было удобно, все под рукой и никакого напряжения на что не требовалось — только живи себе да дыши в обе ноздри!

Правда, поначалу сковывал страх — побаивался за свой язык, за акцент свой, потому как произношение — штука трудная, коварная, не всякому по зубам, может выдать...

Но обошлось и тут: кого только не водилось вперемежку в этом городе — и китайцы, и малайцы, и японцы, и итальяшки, и армяшки — и все лопотали как-то на свой лад, так что никто на его english глаза не выкатывал и за полисменом не бежал.

Слух же у него был от рождения очень чуткий, приметливый — еще в годы, когда не был кадровым и сексотил Сурком, так наострил ушки на макушке, только держись! До удивительной способности развил слуховой свой орган, чтоб улавливать не только шепоток там всякий, но и разные интонации — и мелодику разговорную, и то и се... Да к тому ж и способностью к подражанию маманя-папаня не обделили, спасибо им! А уж как «ставили» ему разные выговоры и сленги спецы в их комитетской спецшколе — только рассказать... — и лексикой шпиговали, и речевыми распевами...

Так что уже на пятый свой день в Америке, пока совершенно подавленный тем, что увидел вокруг, катил Коля Савкин — он же, по легенде, мистер Свенн Локк, эстонский выходец из городка Форт-Мэйс, штат Огайо, он же агент нью-йоркской резидентуры Есенин — на шикарных поездах через Средний Запад от штата Нью-Мексико до Нью-Йорка, он намастырился тараторить по-местному будь здоров и, прибыв в пункт назначения, уже запросто мог подойти на 42-й стрит к кому хотел и заговорить с первым встречным-поперечным.

Однако лишне не светился, понимая — ни к чему. У него было тут дело, и этому делу он служил.

Все пока шло и складывалось замечательно, тютелька в тютельку как планировалось в Москве.

И денег выдали столько, сколько б он дома и за три года не нагорбатил, и квартирка уже ждала его тут, и этот вот «форд», какого не было небось и у самого американского посла там... в Москве.

Он был предоставлен самому себе — вплоть до завершения операции. И потому Коля Савкин — Свенн Локк — испытывал какое-то совершенно нереальное, от веку неведомое опьяняющее чувство полной неподконтрольности и упивался им, купался в нем.

Все чувства и помыслы его были — затеряться, смешаться с пылью и шумом этого города, чтобы выполнить задание на «пятерку», а то и на «пятерку с плюсом».

Единственный, с кем он мог тут связаться по особому номеру телефона, был некто Честер Ирвинг, связник резидента, работавшего в нью-йоркском консульстве, который должен был выручить в случае чего, помочь Коле советом и выдать новые инструкции Центра.

Савкин помнил: сто раз предупреждали в разведшколе — в логове врага опасность могла подстергаться где угодно и в любой момент. Эту мысль вбивали в него на десять голосов все его инструкторы, и она, как ему казалось, внедрилась в его извилины глубоко и неискоренимо.

Перед заброской его «прокачали на вшивость», как говорилось на тамошнем жаргоне — «поджарили язык»: устроили инсценировку допроса после возможного «провала», который он выдержал красиво и стойко, как в кино, и был признан готовым к началу работы.

Его обучили всему, что могло пригодиться тут: водить разные машины, фотографировать, ставить спецприборы, работать на связи, выявлять и отсекал наружных наблюдателей, вообще много еще чему полезному научили...

Школа была нелегкой, так что, окончив ее и будучи аттестованным, получив офицерское звание, Коля Савкин ощущал себя уже матерым и битым чекистом-нелегалом, героическим членом «вооруженного отряда партии»...

Савкин сидел в своем зеленом «форде» в полусотне шагов от входа в «Португалец».

Он знал, что здесь у его «подопечного» действует одна из постоянных явок, и хотел посмотреть, с кем тот выйдет на связь.

Савкин вообще знал о своем «подопечном» в тысячу раз больше, чем полагалось бы ему по чину. Впрочем, сам Николай думал иначе, сознавая свою ключевую роль в той захватывающей операции, которую ему поручили провести.

Да, он убедился: не дураки его тайные начальники, далеко не дураки, если сумели по достоинству оценить и его безупречную партийно-комсомольскую биографию, и ту помощь, что он им оказывал, и те донесения, подписанные псевдонимом Сурок, которые он исправно и толково составлял после каждой студенческой вечеринки и поездки с ребятами-однокурсниками за город.

Нынешняя работа чрезвычайно поднимала его в собственных глазах. А впереди — уж он-то знал! — открывались такие перспективы, что дух захватывало!..

Все шло и складывалось как нельзя лучше!

Из всех приятелей, с кем водился в своей недолгой жизни, лишь он один был послан на ответственную заграничную работу, и не в какую-нибудь занюханную Польшу или там Монголию, а сразу на Запад, и не куда-нибудь, а прямо в Америку, прямо в Нью-Йорк... с заданием огромной государственной важности, которое могли доверить не кому попало, а только после тщательного отсева и отбора самого достойного...

Одним словом, судьба шла верным путем. И он готов был не за страх, но за совесть служить любимой партии, которая так оценила и подняла его, готов был из благодарности землю рыть, а если надо будет, так и жизнь отдать за великие идеалы коммунизма.

Воспитанный на романтическом Гайдаре, на «Тимуре и его команде» и на фильме «Подвиг разведчика», Коля Савкин еще мальчишкой тайно мечтал о такой именно необыкновенной судьбе — и она сбывалась, сбывалась!..

После задания — так прямо и сказали перед заброской — он мог рассчитывать и на новое звание, и на награды. Значит, надо было изо всех сил стараться, чтобы понравиться и угодить своему командованию. А чего ждали от него в Москве, Савкин уяснил безошибочно точно...

Мистер Р. А. понимал, разумеется, что мир не стоит на месте:

Понимал, что с теми переменами, которые происходили в той далекой стране, которую Синди Кларк то ли по случайности, то ли осознанно, и в самом деле открыв что-то чутким женским сердцем, называла «его планетой», в том ведомстве, которое тайно послало его сюда, тоже неизбежно должны были происходить события, от которых зависели судьбы и жизни таких людей, как он.

И он не ошибался: в той же мере, как и все остальное, новые веяния затронули и то огромное управление, в ведении которого находилась советская внешняя разведка.

Однако полной картины происходящего в Москве мистер Р. А. представить не мог.

Между тем с очередной сменой руководства как всего ведомства, так и всех его управлений и служб новое начальство решило провести что-то вроде полной инвентаризации всего, всех и вся, что составляло плоть и кровь их учреждения.

Все сделанное за десятилетия прошлыми руководителями, вдруг оказавшимися закоренелыми преступниками и врагами, должно было быть теперь подвергнуто строжайшей проверке и перепроверке с предельной въедливой придирчивостью на предмет обнаружения затаившейся гнили и крамолы: «перевертышей», «изменников», «предателей» и перевербованных двойников.

И пошла работа! С энтузиазмом перетряхивались и пересматривались сотни личных дел «местных» и «дальних» сотрудников. Заново, с подозрительным прищуром и подспудным намерением непременно

обнаружить, выявить, раскопать ошибки, промахи и сознательные предательские намерения в действиях нелегальной агентуры «разоблаченных и осужденных» предшественников пересматривались и сложнейшие сюжеты многолетних тончайших разведывательных операций.

И если даже никаких изъянов не находилось, их видимость старались создать. Причем не столько руководствуясь интересами дела, сколько ради повышения собственных ставок в глазах нового начальства на костях поверженных предшественников, которые, согласно простейшим представлениям подобострастных прислужников «новой метлы», могли быть только «ставленниками врагов».

Не приходится удивляться, что при таком подходе в пятидесятые годы было наломано бог весть сколько дров, наделано невесть сколько грубых, непоправимых ошибок, загублено немало великолепных ажурных «игр».

Но что самое главное и роковое — к сверхсекретным материалам получили доступ случайные неквалифицированные люди, так называемые «анкетно чистые» товарищи, то есть «брошенные на укрепление органов» дилетанты из райкомов партии и комсомола, знать не знавшие и напрочь не понимавшие, насколько это тонкое, многосложное искусство — разведка, какого ума оно требует, какого хладнокровия и изобретательности для внедрения агентуры и добывания «источников», для установления связей, для кропотливого многолетнего развития больших, постоянно действующих, глубочайше законспирированных сетей.

Для всего этого требовалась долгая школа, опыт и огромная как общая, так и профессиональная культура.

То есть все то, чем обладали попавшие под подозрение старые кадры внешней разведки, чью филигранную алгебраическую работу теперь кинулись проверять с простеньким арифметическим аршином десятки новоназначенных контролеров, из кожи вон

стремившихся доказать собственное превосходство над прежними «зубрами» своего ведомства.

Лаврентий Берия был злодеем, но злодеем недюжинного ума, с талантом и размахом, не в пример большинству окружавших его серых партийцев.

С конца тридцатых годов и до последнего дня своей головокружительной и страшной карьеры он распоряжался всей советской стратегической разведкой.

Дела суперэлиты разведки — резидентуры, святая святых любого разведучреждения любой страны, — испокон века хранились в особых папках и особых сейфах, как стратегический золотой запас государства.

Лишь особо доверенные люди из предельно узкого круга сотрудников имели допуск к этим материалам и документам.

Берия понимал, что значит это бесценное сокровище. Он тщательно разобрался с каждым из тех, кто составлял ее костяк, — с автономной резидентурой, где каждый человек в полном смысле слова стоил целой армии.

Это были люди либо сами входившие, либо способные входить в прямое взаимодействие с высшими эшелонами власти тех стран, где они работали, и, получая информацию практически из первых рук, самым существенным образом влиять на ход мировой истории.

С каждым из этих суперагентов Берия держал прямую связь через предельно короткие цепи посредников, он берег этих людей как зеницу ока, отлично понимая, что утрата каждого станет невосполнимой, катастрофической потерей для всего дела.

В числе других материалов к нему попала папка с документами уже расстрелянного тогда начальника Главного разведывательного управления Генштаба Яна Берзина, на которой Берия собственной рукой сделал надпись: *«Люди Бер.»*

Там хранились зашифрованные анкеты нескольких агентов, среди которых был и некто, активно работавший с тридцать первого года в США под псевдонимом Стэнли, — мистер Р. А.

Лучше всех зная устройство собственного аппарата госбезопасности и Управления внешней разведки, эту папку Берия всегда держал при себе или хранил дома в особом тайнике. Он знал — так будет надежнее.

Но в пятьдесят третьем году, после известных событий, она оказалась сначала в его следственном деле, а затем — в специальном архиве, в то время как с агентом Стэнли продолжили работу приемники Берии, уже не звавшие того, что знал он, — колоссального значения этого человека для всего североамериканского направления...

И вот в ходе секретной проверки зарубежной агентуры, получившей в ведомстве негласное название «Жаркая баня», эта папка была извлечена из архива наравне с другими материалами особой важности, и ею занялись люди, понятия не имевшие, что они держат в руках.

Надпись «Люди Бер.» они расшифровали как «Люди *Берии*» и занялись ими особо тщательно...

Именно тогда во все страны, где действовали налаженные агентурные сети, были направлены специальные люди — «ревизоры».

Они имели лишь одно задание — проверить на месте качество работы, достоверность передаваемых сведений, образ жизни и настроения десятков нелегалов и в случае выявления нежелательных фактов по согласованию с Центром «закрывать» точки, организовывать экстренный отзыв и переправку «штрафников» из страны пребывания обратно для дальнейшего разбирательства в Москву, а с кем-то «снимать вопрос» и прямо на месте.

Случилось то, что случается всегда при всякой неразберихе, а уж у нас в России и подавно: испытывать истинный цвет советской разведки были поставлены или самочинно взяли на себя смелость

люди несравнимо меньшего масштаба и кругозора.

А уж что касается большинства тайных «реvisоров», посланных на места, и говорить не приходится: это выглядело примерно так, как если бы капитанам и майорам вменялось в обязанность инспектировать седовласых полковников и генералов, причем если говорить о воинских званиях, о просветах и звездочках на невидимых погонах, то именно так оно и было.

Одним из таких «реvisоров» и был рыжеватый молодой человек по имени Коля Савкин, сидевший в дождливый августовский вечер в темном салоне своей машины невдалеке от входа в бар «Португалец».

45

Как, каким фантастическим образом могло случиться, что недавний выпускник иняза и разведшколы Комитета, не сказать чтобы больно одаренный Коля Савкин, простой парень из рабочей семьи, вчерашний комсомолец, был отправлен и хитрым образом заброшен через Мексику в США с заданием проверить жизнь и деятельность крупнейшего резидента-нелегала мистера Р. А., остается только гадать и разводиться руками.

Скорее всего, это можно было бы счесть просто невероятным — если бы не стало печальным и далеко не единичным фактом дурного, бестолкового времени.

В разведорганы Коля пришел самым обычным путем.

С первого курса он добровольно предложил себя в секретные сотрудники-информаторы на своем английском факультете, благодаря чему и сделал на редкость быструю и успешную карьеру.

Живущий и мыслящий в предельно узком диапазоне понятий, однако чрезвычайно высоко ставящий самого себя, уже хотя бы потому, что был допущен к личному делу такой видной шишки, как Р. А., новопроизведенный капитан Коля Савкин и догадываться не мог, *какого* человека обязан был «просветить» и в случае чего «изобличить».

Разумеется, то, что на эту роль был приглашен именно он, двадцативосьмилетний Коля Савкин, изначально было не чем иным, как тягчайшим государственным преступлением. Как и вся нелепая топорная затея с «контролем» и «рентгеном».

Впрочем, затея, вполне соответствующая всему тому, что творилось в стране, где повсеместно командные высоты захватила невежественная посредственность и где ушлые холуи пытались выращивать кукурузу чуть ли не на Ямале, генетику отвергали, потому что Мендель имел неосторожность быть монахом, где теоретиков науки, «чтоб были ближе к земле», отправляли из академических институтов в глухие деревни, а шарлатан Трофим Лысенко, «народный академик», еще по указанию Сталина был назначен и долгие годы числился высшим авторитетом в биологии.

Капитан Николай Савкин второй месяц вел наблюдение за мистером Р. А., и, скорее всего, будь на его месте действительно стоящий профессионал, был бы давным-давно «установлен» и «дешифрован» величайшим мастером конспирации, каким являлся мистер Р. А.

Курьез в том, что Савкин, множивший глупость за глупостью и совершавший одну оплошность нелепее другой, как-бы выпадал из поля зрения мистера Р. А., чьи сверхтонкие фильтры самой природой были настроены и рассчитаны на совсем другие фигуры.

И потому за полтора месяца наблюдений Коли Савкина, вплоть до известия, сообщенного ему Мэй-

ном, мистер Р. А. действительно ничего не замечал и жил, как жил всегда, опасаясь кого угодно — людей Аллена, людей Гувера, людей из Агентства национальной безопасности, людей из каких угодно иных зарубежных разведок, но...

Он и теперь даже мысли не допускал, что после двадцатипятилетней уникальной работы и громадных, не поддающихся определению успехов может оказаться на подозрении и что какая-то «умная» голова в Москве вздумает проверять его на преданность стране и делу, которым он посвятил жизнь.

Раз отправили проверять, ожидая появления своего «подопечного», думал Савкин, значит, были «сигналы», возникли сомнения, а сомнения — не прыщи, на голом месте не выскочат!

Стало быть, имелось что-то... наверняка имелось... Как пить дать — в пуху было рыльце у его «объекта». А ему надо было только наскрести побольше данных на Р. А. и соответственно расписать все его здешние грехи.

Да, все выходило на удивление гладко и легко!

Приехав, он сразу вышел на того, кого обязан был «просветить», и вот почти полтора месяца «водил» его чисто — тот и ухом не вел...

И что же Коля обнаружил?

Да его «объект», оказывается, ровным счетом ни хрена не делал тут!..

Да-да! Ни тайных встреч ни с кем, ни поручений... Болтался со своей «шарманкой» на штативе по городу, чего-то снимал да пялился на все как малохольный... Разведчик! Не иначе — дурака тут валяет да жирует в свое удовольствие на народные средства! Заслуги у него, видите ли!

А уж как застучал его на шашнях с высокой брюнеткой и зафиксировал их поцелуйчики на пленку — все ясно стало до точки. О-очень недурненько устроился товарищ!

Да, недаром его послали, очень вовремя!

Пора эту лавочку прихлопнуть, да так, чтоб пыль пошла! И он тут разберется, что к чему. Будьте уверены!

Коля Савкин мог по праву гордиться собой и лишь одному удивлялся: что все как бы само идет в руки и делается куда проще, чем можно было предполагать...

Не так, выходит, страшен черт, и не боги горшки обжигают... Перестраховщики они там все в Центре, уж так стращали-перестращали...

Единственное, что лишало его полного чувства удовольствия от этой работы, что разрушало и делало как бы неполноценным образ отважного разведчика, в котором он рисовался себе еще с мальчишеской поры, так это отсутствие под мышкой тяжелого, дарящего чувство безграничной власти пистолета или револьвера.

Однако никакого оружия иметь на задании ему не полагалась. Напротив, запрещалось решительно все, что могло бы навести на мысль о второй, тайной жизни скромного коммивояжера текстильных изделий фирмы «Лемпорт и брат».

Из всех аксессуаров шпионского оснащения при нем всегда должен был находиться лишь один: маленькая герметичная полупрозрачная пластиковая подушечка с иглой на конце — крохотный шприц чуть меньше двухкопеечной монеты.

В случае провала, разоблачения, когда надо было молниеносно уйти в мир иной, не выдав тайны врагу, надлежало особым быстрым движением проколоть вену и выдавить в кровоток весь воздух из подушечки, чтобы создать искусственный тромб — воздушную эмболию и остановить сердце.

Им показывали на спецкурсе, как это надо делать. Они сидели и смотрели, как ассистент кафедры специальных акций привел в класс здорового пса.

Профессор взял точно такую ампулку с иглой и, подняв над головой, как фокусник, воскликнул:

— Показываю! Смотрите все. Находим вену...

У пса был выбрит участок кожи, и профессор задумчиво нащупал нужный сосуд.

— Будьте внимательны, — сказал он, — хотя нам это гораздо проще, потому что у нас кожа голая и нет шерсти. — И засмеялся, блеснув стеклами очков и золотыми зубами.

А затем отработанным, точным движением произвел укол, нажал и сморщил подушечку. Не прошло и минуты, как пес дернулся, завалился на бок, выгнулся кольцом, лапы его беспорядочно забились в конвульсиях и замерли.

— Вот и все, — улыбнулся профессор. — Как видите, легко, быстро и без всяких мучений. Все заняло, — взглянул он на часы, — сорок пять секунд. Так что не сомневайтесь — устройство отработанное и надежное, не пожалеете.

Ассистент привычно ухватил пса за задние ноги и уволок из класса.

И все это, если честно сказать, очень не понравилось Коле Савкину, когда он представил себя на месте этого пса.

— Вам не нужно оружие, — говорили те, кто готовил его перед заброской. — Оно и не потребуется. Ваше оружие — глаза, уши и мозги.

46

Время шло, и, размышляя обо всем этом, Коля по-прежнему сидел в уютной темноте машины марки «форд-эдсел» цвета «весенние джунгли» неподалеку от входа в бар «Португалец», куда часа полтора назад вошел его «объект», резидент Р. А.

За это время Савкин пару раз как бы по ошибке заходил в бар, откуда, как он установил еще утром, имелся, помимо главного, еще и выход в маленький дворик, где стояли большие мусорные ящики.

Он видел издали, что мистер Р. А. сначала сидел и травил какую-то бодягу с хитрым доходягой-барменом, потом подсел к невзрачной бабенке лет за тридцать, вертел при этом какую-то книжку, смотрел на эту уродушку и весь плыл и таял.

Все это вызывало в Коле чувство законного негодования, и ему хотелось завершить свою акцию как можно скорее и тем самым пресечь сладкую жизнь этого подлого персонажа. И в то же время... в то же время...

Он выходил из бара и вновь садился в машину, отлично зная, что деваться мистеру Р. А. решительно некуда: из дворика за домом имелся только один выезд — сюда, на эту же улицу.

В салоне почти не пахло бензином — так, чуть-чуть, даже у бензина здесь был другой запах, не наш, будто жареными семечками, а какими-то духами, какой-то далью, одним словом — за границей. Сво-лочи, что там говорить!

Он ждал и ждал, а тот все не появлялся, ни с бабой своей, ни один. Это сколько же ее уламывать надо, страхолюдину? Да и он, впрочем, не мальчик. Как раз пятьдесят пять с хвостиком, ровесник века.

Выезд из дворика был позади машины Коли Савкина, метрах в двадцати, и он прекрасно видел все в зеркале заднего вида над ветровым стеклом.

Вот из дворика плавно выкатил тяжелый длинный «империл».

Забежав во дворик, когда обследовал территорию, он уже видел у ограды эту машину. В ней сидел за рулем круглорожий мужик вполне бандитского вида с толстой сигарой на отвисшей губе — ни дать ни взять с какой-нибудь карикатуры в «Крокодиле», и вся его ленивая, брезгливо-сытая наружность вызвала в Коле искреннее отвращение.

Он посидел чуть-чуть еще...

Вдруг из того же дворика — нет-нет, он не ошибся, — растерянно озираясь, быстро вышла та самая красуля, которую обхаживал мистер Р. А.

Что-то тут было не так. Коля почувствовал нехорошее дрожание где-то в низу живота.

Он опрометью выскочил из машины и кинулся было вслед женщине, но та взвизгнула и дернула так, что он только рукой махнул и метнулся в дверь под ярко-зеленой светящейся вывеской. Колокольчик звякнул ехидно и насмешливо, и от этого звука Савкину стало очень жалко себя.

Он собрался насколько мог, взял себя в руки и с подчеркнуто небрежным, равнодушным видом в третий раз вошел в бар, что, разумеется, не прошло мимо внимания наметанного глаза Джошуа Хопкинса.

Тот поспешил навстречу вошедшему, широко улыбаясь.

— Могу ли я вам помочь, сэр?

— Тот джентльмен, — чуть пришепетывая от волнения, быстро сказал представитель фирмы «Лемпорт и брат», — такой невысокий джентльмен, который вон там сидел, где он?

Если бы Джошуа Хопкинс-младший не имел того опыта жизни, которым одарила его не самая радостная судьба, возможно, он и не догадался бы сразу, что у этого рыжеватого молодого господина не лучшие намерения в отношении его друга, которому он был стольким обязан.

Но он догадался. Перед ним был явно какой-то прощелыга, скорее всего, шпана, из Восточного Бронкса, вероятно, из поляков.

— О-о, — с любезной презрительностью развел руками Джошуа Хопкинс, — он давным-давно покинул нас.

— Да ладно вам! — зло вскинулся Коля. — Я же знаю, что он тут, я же видел.

— Видели? — изумленно поднял брови хозяин «Португальца». — Разумеется, видели. Вы же заходили уже два раза, но к тому нашему гостю почему-то не подошли... Вы удивляете меня, сэр. Эй, Мэдж!

И тотчас откуда-то из-за темно-зеленой шторы выдвинулся Мэдж, да такого размера, да с таким недвусмысленным выражением лица, чем-то даже по-

хожий на ужасного джинна из фильма «Багдадский вор», что Коля сразу поверил, что мистера Р. А. тут уже можно не искать.

Ушел, негодай! И хитро как улизнул! Действительно мастер. Неужели все-таки заметил за собой наблюдателя?

Машина! — вспомнил он. Тот огромный «империал»! Но где теперь искать его? Прошло минут семь-восемь, а то и больше.

Разумеется, он знал теперь адреса всех квартир-ателье того, по чью душу был послан. И он решил смотаться туда, где находилась основная, постоянная квартира фотографа.

Он успокоился, насколько это было возможно, вернулся к своей машине, завел мотор и, набирая скорость, помчался в сторону Кенсингтон-авеню.

Однако, разволновавшись, он многого не заметил, о многом позабыл — о том, о чем человек его рода деятельности не имеет права забывать ни на секунду.

Он проехал, уходя в ночь, не более двух-трех сотен шагов, когда от бровки тротуара у того же «Португальца» почти бесшумно и плавно сорвался с места и устремился вслед за ним широкий низкий «шевроле», в котором сидели двое мужчин средних лет, похожие друг на друга, как однойцевые близнецы, хотя вовсе не были братьями, — оба в одинаковых плащах и широкополых черных шляпах согласно форменному стилю, утвержденному в их ведомстве его главой директором ФБР мистером Эдвардом Гувером.

47

Сенатор от штата Массачусетс — высокий рыжеволосый человек лет сорока, которого друзья и родные привычно называли Джеком, хотя родители

окрестили его Джоном, работал в своем кабинете в Капитолии.

Он готовил речь, с которой собирался выступить через несколько дней в Комиссии по иностранным делам.

Это должна была быть короткая яркая речь, которая произвела бы впечатление и осталась у всех в памяти. Сейчас он корпел над третьим вариантом, с которым уже повозились его спич-райтеры.

Но текст по-прежнему казался ему слишком пресным и вялым. А в нем должны были быть энергия, напор и странный, неожиданный в устах политика, возвышенный романтизм. Именно эта непривычная интонация искренности и должна была впечатлить слушателей.

Он любил работать с текстами, любил размышлять, любил неожиданные повороты мысли, и, если бы не постоянная тягучая боль в позвоночнике, ему было бы в этот час очень хорошо, потому что этот поиск точных слов и выражений дарил возможность отвлечься от того, что какой уж день тяготило и подавляло его...

В сущности, он мог считать себя на редкость удачливым.

Он выжил на войне, был женат на очень красивой женщине, ни минуты в жизни ему не пришлось думать о хлебе насущном, крошка дочь Кэролайн уже сделала первые шаги и выговорила первые свои слова.

И тем не менее на душе у него было неспокойно. Все женщины, женщины...

Почему-то все считали его страшным бабником, не пропускавшим, как принято говорить, ни одной юбки. Но, по его собственным понятиям, никаким ловеласом он не был, хотя привлекательных, интересных женщин действительно любил и отношения с ними всегда, с юных лет, значили для него много.

Но вопреки молве эти его отношения ни с кем и никогда не были «развлечениями», теми легкими, необязательными «интимными контактами», какими

любили похвастаться большинство друзей, да и почти все мужчины, которых он знал.

Нет-нет, ни одна женщина в его судьбе не была просто эпизодом.

Не была эпизодом и та, о которой он старался не думать, работая над речью.

С ней ни минуты не было просто и легко. Измученная славой истеричка, как считалось, самая красивая женщина Штатов, белокурая эмблема Америки, чудо Голливуда, довольно посредственная актриса с милым детским голоском — эта женщина выпила у него немало крови.

Знал ли кто-нибудь об их давней связи?

Он был женат, она замужем за мировой знаменитостью, и, разумеется, оба старались не афишировать своих отношений.

Но в стране, где едва ли не на каждого велось досье, в этом архидемократическом рае, где параллельно действовали то ли девять, то ли одиннадцать государственных спецслужб, не говоря уж о сотнях частных детективных бюро, уверенным нельзя было быть ни в чем.

Вероятно, кто-то и знал. Возможно, кто-то и выследил и вел наблюдение.

Скорее всего, именно так. Хотя, вообще говоря, какому мужчине возбранялось просто иметь другом женщину?

Разумеется, никому... если бы не их положение — его и ее.

Он знал, что ее психика надломлена непомерной тяжестью всеобщего надрывного поклонения, она знала, что он, несмотря ни на что, чертовски одинок...

В этот вечер сенатор обещал быть у нее, — может быть, в последний раз.

Джек давно уже подумывал разорвать эту психопатическую паутину, чтобы вырваться на свободу из-под гнета тягостных и манящих отношений с истерзанной своими комплексами неотразимой звездой-алкоголичкой.

Но слишком многое держало и не пускало — он был привязан к ней памятью прошлого, жалостью, состраданием, страхом лишиться ее близости...

Ничего не поделаешь, он соберет в кулак всю свою волю, и сегодня вечером они простятся...

Да, это будет нелегко, мучительно для них обоих, но это будет их последняя встреча, их последняя близость...

Он спрятал черновик речи в сейф, позвонил домой жене, чуть сутулясь в невидимом корсете, спустился вниз по мраморным ступеням Капитолия, сел в длинный черный автомобиль и, сопровождаемый двумя телохранителями, отправился в аэропорт, чтобы лететь в Калифорнию к ней, Норме, а завтра на рассвете вернуться сюда, в Вашингтон, округ Колумбия.

Как и многие молодые политики, он хотел стать президентом Соединенных Штатов.

Через четыре года — его атака и осада Белого Дома.

Если этот натиск не принесет успеха, он потом не возьмет его уже никогда. Так подсказывает внутренний голос, а он привык прислушиваться к его негромким словам.

О, он поставил себе самую трудную цель!

Ради того, чтобы достичь ее, требовалось пожертвовать многим, слишком многим... Он сознавал это лучше, чем кто-нибудь другой.

Потому что он хотел стать Первым человеком на планете — на четыре года или на восемь лет.

Молодой рыжеволосый сенатор не просто хотел этого, как многие другие.

Он *знал*, что станет президентом. В шестидесятом году — или никогда. Каким-то шестым, седьмым или десятым чувством он отчетливо провидел это.

Сенатор знал, что она ждет его.

Но еще не представлял, как войдет, как заговорит и как сможет сказать ей то, ради чего пересек всю Америку.

Душа его находилась в смятении, и он дорого бы дал, чтобы оттянуть, отодвинуть куда-то в неопределенное будущее, а еще лучше — отбросить уже в прошлое эту надвигавшуюся встречу.

В длинном сером плаще, красивый, элегантный, он шагал через зал аэровокзала, направляясь к галерее, выходящей прямо на трап самолета, когда к нему приблизились двое высоких пожилых мужчин в превосходно сшитых серых костюмах и светлых шляпах.

Двое личных телохранителей сенатора хотели преградить им путь, но, увидев в руках обоих маленькие золотые значки, только растерянно улыбнулись.

— Добрый день, сенатор! Роберт Джиллингс из ЦРУ, — представился один из них. — Мы имеем информацию, что против вас готовится какая-то свинская штука. Нам поручено оградить вас от любых посягательств.

— Но я улетаю, — улыбнулся Джек. — Какая свинская штука? О чем вы, джентльмены?

— Наша информация абсолютно верна, сэр. Ведь вы летите в... — Он назвал город. — Нам позвонили оттуда наши люди и сообщили, что ваш полет туда небезопасен. Придется его отложить. Вы поступите разумно, если сейчас поедете с нами.

— Куда?

— В Ричмонд, сэр.

— Я не намерен вам подчиняться, — резко сказал Джек.

— Мы отвечаем за вашу жизнь.

Личные телохранители топтались рядом и молчали, но всем видом выражали одобрение словам и действиям этих двоих из ЦРУ.

«Возможно, это судьба, — подумал Джек. — Да-да, судьба. Я в самом деле не готов сегодня к встрече с ней. Я боюсь этой встречи, боюсь ее неизбежных слез, ее стонов, ее мутных глаз, ее опухшего лица. Вероятно, этих ребят посылает мне Бог».

— Ну хорошо, — сказал он и выругался. — Черт

с вами, посланцы дьявола. Тащите меня куда хотите. Это надолго?

— Не более чем на два-три часа, сенатор, включая дорогу. Причем вашей личной охране вовсе нет нужды ехать с нами. Можете их отпустить.

Величественный пожилой мажордом пригасил в особняке Рэйн-Хаус все огни, когда Джиллингс провёл сенатора за руку по темному коридору и он оказался в черной гостиной, где потрескивал огонь в камине.

Перед камином в кресле сидел человек в очках, и когда он поднес ко рту трубку, Джек тотчас узнал его.

— Здравствуйте, сенатор, — сказал Аллен. — Не обессудьте, что не обошлось без наших штучек, — таков наш профессиональный стиль. Я знаю, мы нарушили ваши планы, но бывают вещи более важные, чем романтическое свидание.

Джек внутренне напрягся. Этот человек в кресле, вероятно, знал очень многое, по-видимому, знал все.

— Нам не приходилось раньше встречаться, быть представленными друг другу, — продолжил Аллен. — О нашей сегодняшней встрече и об этом разговоре не знает никто и никто никогда не должен узнать. Мы деловые люди, политики. Я наблюдаю за вами уже довольно продолжительное время.

— И что же, — спросил Джек, — что из того? Я чем-нибудь провинился и взят на заметку как китайский шпион?

— Вовсе нет, — без улыбки ответил Аллен. — Напротив, эти месяцы наблюдений и размышлений привели меня к выводу, что именно вы должны стать следующим президентом Соединенных Штатов. То есть наши цели и интересы сходятся.

— Но я еще сам не принял такого решения, — возразил Джек.

— Нет, приняли, — улыбнулся Аллен. — И это

заметно по всему — по вашим заявлениям, по вашему поведению, по вашему выражению лица, сэр. И вы *должны* стать президентом. Именно *вы* нужны теперь Америке. И через четыре года на выборах вы должны победить. И вы *победите*, если с вами буду я.

— Странно, — сказал Джек. — Вы же республиканец.

— Прежде всего я американец, — веско ответил Аллен. — Как и вы, сэр. Но чтобы я помог вам, вам придется помочь и мне.

— Каким образом? — удивился сенатор.

— У вас есть все, Джек, — мягко улыбнулся Аллен, — решительно все. Вы богаты, умны, прекрасно образованны, вы талантливый публицист... Казалось бы, этого достаточно, чтобы претендовать на высший пост. Мало того, у вас прелестная жена, вы член могучего клана. Но у вас нет главного...

— Чего же? — спросил Джек.

— У вас нет *меня*, моей поддержки, моей тайной тихой поддержки. Знайте, Джек, тот, кому я помогаю, может стать президентом, но тот, кто моей поддержкой не пользуется, не станет им никогда.

— Неужели это в ваших силах?

— Без комментариев, — улыбнулся Аллен. — Человек я скромный, однако позволю себе напомнить некоторые факты. А уж вы судите сами.

В двадцать втором году, когда я только начинал, мне удалось решить тогдашний германский вопрос с большой пользой для Америки. Я дирижировал всей нашей разведкой в Европе, а в сорок четвертом через Канариса организовал покушение на Гитлера. И не моя вина, что безумец чудом остался жив. Я сделал все, чтобы оттянуть открытие второго фронта, и тем самым спас жизни, быть может, миллионам американцев. Быть может, даже вашу жизнь, сэр. Я сбросил опасные для нас режимы в Иране и Гватемале, я подсказал Маршаллу идею его плана, я сделал все, чтобы вышвырнуть красных из европейских парламентов. Я тайно руководил предвыборной

компанией Айка. И, как вы знаете, он победил. А теперь на его месте я хочу видеть *вас*.

— Я благодарен вам, — сказал сенатор. — Разумеется, ваша поддержка может дать всякому претенденту чрезвычайно много. Но что требуется от меня?

— Я мог бы не приглашать вас сюда, — сказал Аллен, — но мне было необходимо увидеть вас вблизи, поговорить с вами наедине. Вы еще совсем молодой человек, я гожусь вам в отцы, и, как отец в сыне, я вижу в вас новое будущее Америки. Такое, какое мне хотелось бы видеть. У вас мощная поддержка, но, по моей информации, против вас, сенатор, действуют не менее мощные враждебные силы.

— Вы имеете в виду нашего Рикки-Никки? — спросил сенатор, разумея нынешнего вице-президента, своего наиболее вероятного будущего соперника-республиканца на выборах.

— Как раз нет, — сказал Аллен. — Я имею достоверную информацию, что вас хотят использовать ваши друзья по партии. Ну, знаете, эти грубые ребята из Техаса, которые так пропахли и пропитались нефтью, что только спичку поднеси! Но они отлично знают... — Аллен говорил, никого не называя по имени, но сенатор с первого слова понял, какой именно конкретный человек имелся в виду — крупнейший функционер его, демократической, партии, который в случае избрания Джека почти неизбежно стал бы вице-президентом, — что с их манерами и образом мыслей попасть в Овальный кабинет почти так же трудно, как верблюду пройти через угольное ушко.

— Выражайтесь прямее, — быстро сказал Джек. — Вы хотите сказать, что эти люди хотят въехать на мне верхом в Белый Дом, а после погонять и стричь меня, как какую-нибудь овцу у себя на ранчо?

— Ну зачем же стричь и погонять, — тихо сказал

Аллен, — когда можно превосходно устроиться в ее хлеву?

— То есть ... — нахмурился Джек.

— Я имею в виду именно то, что вы слышали, сенатор. В этом смысле наша конституция чрезвычайно удобная вещь для тех, кто хотел бы пойти до конца в осуществлении своих вице-президентских прав.

В холле повисла мертвенная тишина.

Они молча смотрели в глаза друг другу в свете каминного огня.

— Да ну что вы! — с трудом выговорил наконец Джек. — Что вы, что вы...

— Вы должны решить этот вопрос внутри своей партии, — убежденно сказал Аллен. — Иначе вы совершите, быть может, фатальную ошибку. И если я делаю ставку на вас, мой долг вас об этом предупредить. К сожалению, я здесь бессилён. Зато у вас есть четыре года для перегруппировки сил в руководстве демократов.

— Я понял, — кивнул сенатор. — Это требует размышлений. Ну а второе?

— Ну, второе вы понимаете и сами.

— Вы могли бы выразиться яснее?..

— Охотно! До предвыборной кампании в шестидесятом вы должны быть чисты, как голубь — образец целомудрия. Было бы грустно и смешно, если бы из-за этой белокурой певички вам пришлось похоронить свою главную мечту.

— Я не склонен обсуждать это, — сказал Джек.

— Не сомневаюсь, — ответил Аллен, — что, как разумный человек, вы сумеете принять единственно возможное решение.

— Но как вы хотите и как вы сможете помочь мне?

— Вы узнаете об этом в свое время, — улыбнулся Аллен. — Вам многое будет казаться странным, необъяснимым, алогичным. Но только потом вам откроется подлинный смысл и значение каких-то вещей. И еще раз — запомните, сенатор, я говорил

с вами доверительно. Я действую согласно собственному плану, и, если о нашем свидании прознает хотя бы одна живая душа, ваши мечты так и останутся мечтами. Меня хорошо иметь другом и союзником, но не наоборот.

— Я догадываюсь об этом, сэр, — сказал Джек. — Но я не ваша собственность.

— Bravo! — сказал Аллен. — Великолепно, что вы понимаете это, сенатор... Вы — собственность нации. Будущее страны.

48

По неопытности капитан Савкин был искренне уверен, что если так гладко прошла заброска и его сразу не сцапали на границе, то уж тут, в этом скопище народу, и вовсе опасаться нечего.

Сотни тысяч машин, сотни тысяч пешеходов, улицы, забегаловки, музейчики, театрики, мосты и мостики, грязноватые станции подземки — куда там!..

Поначалу он проверялся, как учили. Колесил и колесил по улицам, орудовал зеркальцем, шатался пешком, забегал в ресторанчики — нет, никакого «хвоста» за ним не было. Да и откуда бы ему взяться?

А потому он чувствовал себя все спокойней и уверенней: в сущности, он все уже узнал, практически все, что от него требовалось, и был готов на решительные шаги, однако действовать без особого приказа права не имел.

Теперь у него были номера всех телефонов мистера Р. А., а главное — нью-йоркский и вашингтонский адреса и телефоны той темноволосой высокой американки, с которой путался здесь этот изменник и перевертыш.

... В начале сентября пятьдесят шестого года Коля Савкин решился наконец и первый раз позвонил по тому телефону, который хранил в памяти.

Это был номер агента-связника того нового резидента — разведчика под легальной «крышей» дипломата, который только недавно приступил к работе в Америке и опытом зарубежной работы ненамного превосходил самого Колю.

Советник нью-йоркского консульства Иван Макарович Харченко, который проходил у нелегалов под кодовым обозначением «Черная ладья», кадровым разведчиком стал вовсе не случайно.

Во время войны он два с лишним года прослужил в СМЕРШе, а затем все выше поднимался по партийной линии, пока не вырос до инструктора Орготдела ЦК.

Человек он был решительный, всяких там антимоний не признавал, знал одно — задание партии должно быть выполнено любой ценой, без разговоров — и шабаш!

Он был спецсотрудником так называемого «партийного набора», то есть из когорты проверенных-перепроверенных, «своих в доску» товарищей, которыми попробовали было заменить многоопытных кадровых разведчиков-профессионалов после нескольких последовательных чисток органов, связанных со смещением Абакумова, Меркулова, Берии, Игнатьева и прочих.

Как и Коля, Иван Макарович впервые оказался в самой страшной капстране (Чехословакия, Австрия и Венгрия в годы войны, понятно, не в счет), но в отличие от тех людей, которыми теперь должен был руководить, сам товарищ Харченко особо не рисковал.

Он был под защитой дипломатического паспорта и пользовался неприкосновенностью, лишь ограни-

ченный в передвижении по Соединенным Штатам особыми правилами и районами, обозначенными на карте согласно визе «Си-2».

Именно к нему сходилась теперь вся информация от присланных «ревизоров», и именно он на основании их донесений готовил по каждому проверяемому соответствующие сообщения-объективки и предложения для Центра.

И когда внезапно одновременно обнаружилось, что перестали отвечать чуть ли не все «точки», что замолчали, скрылись, ушли на дно и затаились десятки и десятки нелегальных работников, Харченко понял: батюшки-светь, сплошная измена! И эту измену, это чудовищное предательство удалось выявить, обнаружить и разоблачить именно ему!

Разбросанные там и сям, внедренные в разные структуры разведчики, вместо того чтобы беспрекословно выполнять его приказы, вдруг разом замолчали, перестали отвечать на вызовы, не выходили на связь, словно растворились на огромной американской территории от Тихого до Атлантического океана.

А Москва в самой решительной, категорической форме требовала немедленно навести порядок, разъяснить происходящее, дать заключение и рекомендации по дальнейшей работе североамериканской разведсети.

Ладно бы только это, хотя и этого хватило бы, чтоб схлопотать инфаркт или пустить пулю в лоб.

Так нет же!

Центр изо дня в день бомбардировал Харченко яростными приказами сотруднику научно-технической разведки немедленно добыть материалы по сверхвысотному самолету, по новейшим системам наведения и взрывателям зенитно-ракетных комплексов.

Но что мог он, Иван Макарович, в этой ситуации?

Ничего он не мог.

Проклятые оборотни зажрались тут и расплозились по своим щелям, набравши воды в рот. Прибывшие из Москвы «ревизоры» потеряли почти всех их из виду и только даром топтали Американский материк да проедали валюту.

Переметнулись, продались, сволочи!

Да и что тут странного, если почти все они готовились к заброске, а после работали столько лет под недреманным оком всей этой вражьей своры — врагов народа Берзина и самого Берии, как потом выяснилось, английского шпиона?

Всю эту гниль надо было вымести поганой метлой, вернуть обратно в Союз или ликвидировать здесь же, на месте. Вопрос только в том, как их было теперь сыскать.

И когда на Ивана Макаровича вышел связник Честер и по секретному каналу передал отчет о проделанной работе «ревизора» Есенина, который действовал тут, согласно легенде, под именем Свенна Локка и крепко сидел «на хвосте» у своего подопечного Р. А., когда тот изложил свой план дальнейших действий и просьбу дать инструкции по завершению операции, Харченко испытал что-то похожее на счастье.

Хоть кто-то остался на высоте, был готов к работе, умел ловко задумывать операции и только просил на них «добро».

Не мудрствуя лукаво, резидент из консульства передал через связника агенту Есенину, что его план одобрен и он может начинать операцию по своему усмотрению, но лишь в том случае, если сумеет увязать ее с теми задачами, которые поставил Центр: расчет самолета, самонаводящихся головок и взрывателей для зенитных ракет.

В шесть часов вечера следующего дня, когда солнце уже исчезло за стеной небоскребов, мистер Свенн Локк остановил автомобиль неподалеку от

Бруклинского моста, вошел в будку уличного телефона-автомата и набрал номер.

Приданный в помощь Харченко связник дело свое знал и немедленно снял трубку.

— Приветствую вас, сэр! — бодро воскликнул Николай и оглянулся, осмотрев улицу.

Как и следовало ожидать, ровным счетом ничего тревожащего в поле зрения не обнаружилось: несколько мальчишек сосредоточенно изучали устройство кошки да неподалеку в кабине грузовичка целовались и тискались негр и негритянка.

— Ну так как? Вы посмотрели мои образцы? — нетерпеливо спросил он неведомого человека на том конце провода.

— Образцы неплохие, — ответил связник. — Даже очень неплохие. Но хозяин хотел бы посмотреть их сам, так что позвоните еще через пару дней.

Это означало, что закладка в тайник произведена, а ему надо «сделать выемку» не позднее двух часов завтрашнего дня. Там должны были быть микропленки и специальный миниатюрный фотоаппарат — с одобрения Харченко Савкин решил пренебречь указаниями, которые получил перед заброской в Центре.

Мистер Свенн Локк улыбнулся — значит, его план приняли и после трех месяцев осточертевшей беготни за этим гадом-фотографом ему поручалось настоящее дело, требующее хитрости и смекалки.

Насвистывая какой-то приятный блюзовый напевчик, он сел в машину и поехал в сторону 40-й стрит, в свою запасную квартиру в том доме, где находилось одно из ателье мистера Р. А.

На душе было бодро и весело, как в хорошей пионерской песне.

Задание подходило к концу. Надо быстренько закруглиться — и ладушки.

Вряд ли он пробудет здесь еще больше двух-трех недель.

*«СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО!
Разглашение преследуется по закону
об охране национальной безопасности
Соединенных Штатов Америки.
Руководителю группы превентивного
наблюдения неблагонадежных лиц
Федерального бюро расследований
в районе города Нью-Йорка
от штатных агентов X-47 и Y-328.*

ОТЧЕТ

Сэр! Согласно Вашему распоряжению по делу С-172 имеем честь доложить о работе, проделанной в период с 15 июля по 15 сентября 1956 года.

1. Как нами установлено, подозрительное лицо, действующее под именем Свенн А. Локк, коммивояжер фирмы «Лемпорт и брат» (как удалось выяснить, таковая не существует!), по прибытии в Нью-Йорк из Мексики ведет активное наблюдение за гражданином Соединенных Штатов мистером Р. А., известным фотохудожником.

2. За отчетный период указанное лицо провело 51 скрытое наблюдение передвижений и встреч интересующего его объекта, сопровождая его как пешим порядком, так и в автомобиле («форд-эдсел», мод. 1954 г., темно-зеленый; «шевроле-импала», мод. 1954 г., темно-серый; «бьюик-ле-сабр», мод. 1955 г., темно-серый; все автомобили взяты в аренду в фирме «Макмэрфи и Рэндчелл»).

3. 21 августа в период пребывания мистера Р. А. в его ателье по адресу Манхэттен, 40-я стрит, 29-а, наблюдаемый Свенн А. Локк произвел негласное противозаконное проникновение в частное владение —

в принадлежащий мистеру Р. А. небольшой съемочный павильон на Саутгемптон-плаза, 18. Находился там с 21.56 по 23.27. С чем было связано проникновение и чем занимался там наблюдаемый, установить не удалось.

4. Наблюдаемый активно фиксирует на фото- пленку все связи и контакты мистера Р. А.

Среди этих связей: конгрессмен от штата Северная Дакота Митчел Рокуэлл; обозреватели Уолтер Липпман и Джеймс Рестон; сотрудники отдела контрразведки ЦРУ Стив Мэрлин и Франклин Лесото; фотографы Мэтью Спилмер, Натаниэл Хант, Зигмунд Потоцки, Джон Бизерти, Синди Кларк, Хулио Альварес Санчес, Фрида Зильберман; предприниматели Дороти Соупвич, Максвелл Мэйн, Стэнфорд Люс; бармены Ли Мэнсяо, Джошуа Хопкинс; полисмены дорожного надзора Родни Шелтон и Майкл Бэйкер, а также целый ряд неустановленных лиц при случайных уличных контактах.

Общее впечатление:

а. Не вызывает сомнений, что наблюдаемый не является гражданином Соединенных Штатов, на что указывает целый ряд мелких примет и черт поведения (см. примечание 1).

б. Наблюдаемый прошел специальную подготовку, однако не имеет опыта конспиративной работы, так как допускает грубейшие ошибки, выдающие либо новичка, либо дилетанта.

с. Наблюдаемый не имеет опыта обнаружения и фиксации квалифицированного скрытого наблюдения, что позволяет вести с ним любую игру.

Вывод: наблюдаемый, вероятнее всего, является агентом восточной разведслужбы. Необходимо продолжать постоянное усиленное скрытое наблюдение с целью выяснения его намерений, обеспечения личной безопасности мистера Р. А. и установления связей наблюдаемого Свенна А. Локка.

Агенты X-47 и Y-328».

Адмирал Джозеф Мортимер Кларк провожал жену в аэропорту Вирджин-Ханлендс под Вашингтоном.

Это был высокий, немного неуклюжий, сутулый человек лет пятидесяти, потомственный военный моряк, один из наиболее авторитетных высших офицеров Соединенных Штатов.

Только что вернувшись из Москвы, Синди вновь улетала по заданию «Вашингтон пост» в Северную Африку, в Египет.

Самолет должен был уйти в воздух через тридцать минут, но вылет задерживался, и они стояли у огромного стекла, глядя на четырехмоторную «Комету» авиакомпании «Пан-Америкен», около которой возились маленькие человечки в оранжевых и красных комбинезонах.

— Неужели не могли послать кого-нибудь вместо тебя? — вздохнул он.

— Ах, Джо, — усмехнулась она, — мне и самой страшно, но ты же знаешь... Я сама попросила Андерсена послать именно меня. И потом, я ведь буду там не одна. Будет много наших...

— Знаю, знаю... — кивнул он. — Ты говоришь это всякий раз, отправляясь на очередную большую или маленькую войну. Даже я, профессиональный военный, за свою жизнь повидал, наверное, меньше войн, чем ты, женщина.

— Я тоже солдат, Джо... Если бы меня не тошнило от высокопарных выражений, я бы назвала себя маленьким солдатом истины. Это вы, военные, с паршивцами-политиканами завариваете то одну, то другую кашу, а наша работа — рассказывать и показывать людям, что из этого потом выходит. Ну скажи мне, ради Бога, что теперь потребовалось французам, англичанам и израильтянам от Египта?

— Увы, — вздохнул он. — Слишком долгий разговор. На мой взгляд, они в самом деле напрасно затеяли это. Но это война не с только с Насером, но и с Хрущевым. К сожалению, ни французы, ни англичане не уведомили нас о своих планах. Но в любом случае Суэцкий канал стоит того, чтобы ломать копья.

— Ну да, — сказала она, — то же самое ты говорил и о Корее, и об Иране, а потом и о Гватемале. Вы ломаете копья, но мир все тот же — тупой и подлый мир, где одним хочется жить, а другим — убивать и где последнее слово всегда остается за последними, потому что у них в руках эти проклятые копья. Колесо абсурда — вот что такое твой мир...

— Послушай, — сказал он, — поверь мне, что все это я понимаю куда лучше тебя. Только, к несчастью, все было бы гораздо хуже, если бы...

— Да, — сказала она, — я знаю... Было бы хуже. Прости меня, Джо. Мне ужасно тяжело расставаться сегодня с тобой, как никогда.

— Ну и останься, — сказал он. — В конце концов, всегда и все можно объяснить.

— Не все и не всегда, — покачала она головой. — У меня сердце разрывается, когда я думаю о тебе и о наших мальчиках. Черт возьми, Джо, я тоже приняла свою присягу.

— Я знаю, просить бессмысленно, — он посмотрел на нее с грустной нежностью, — но прошу тебя — не суйся под пули, под обстрелы, под бомбежки... Не испытывай судьбу.

— Клянусь, — сказала она и прижала к губам его большую руку.

— Даже самый гениальный кадр, — сказал он, — не стоит твоей жизни.

— Ну разумеется, — засмеялась она, — я взяла свой самый дальнобойный телеобъектив.

— Синди, — сказал он и посмотрел ей в глаза, — он тоже полетит туда?

— Нет, он останется здесь. Так тебе будет спокойнее?

— Смешно сказать... Мне было бы куда спокойнее, если бы он был там рядом с тобой.

— Ты удивительный человек, Джозеф, — сказала она. — Поистине удивительный... Таких больше нет. Ты ни разу даже не спросил меня, а ведь ты не страус, прячущий голову в песок... Я знаю — ты не солгал мне ни разу в жизни, за все двадцать лет. И ни разу не заставил солгать меня. Знаешь, шутки шутками, но я лечу на войну. Я всегда была с тобой очень счастлива. Подчас уважать человека значит даже больше, чем любить его.

— Спасибо, — сказал он. — Все-таки береги себя...

— Попробую...

К ним почтительно приблизился один из помощников адмирала.

— Сэр! Миссис Кларк может проследовать к самолету.

Они обнялись и с полминуты смотрели в глаза друг другу с огромной благодарностью, а после она подхватила дорожную сумку, помощник Кларка взял ее тяжелые кофры с аппаратурой и повел по серым плитам к самолету.

В этот момент адмирал услышал за спиной женский голос:

— Простите, вы мистер Джозеф Кларк?

Он обернулся. Перед ним стояла самая обычная женщина в зеленой шляпке и светлом дорожном костюме.

— Да, это я.

— Довольно странная история, сэр, — сказала она. — Сейчас ко мне подошел какой-то молодой человек и попросил передать для вас записку.

— Не понимаю, — пожал плечами Кларк. — О чем вы? Какой молодой человек? Ну давайте, что там у вас за записка?

Он развернул листок бумаги, и брови его поднялись.

Текст был составлен, как в наивных детективных

фильмах — из наклеенных разноцветных букв, вырезанных из разных журналов. Он гласил:

«Адмирал Кларк!

Если хотите спасти свою карьеру, семью и счет в банке, приезжайте один сегодня в двадцать два ноль-ноль в ресторан «Глоб» на Конститушюшен-авеню, 19. Я подойду к вам сам. Надеюсь, ваша супруга благополучно вернется из Египта. В ваших интересах хранить молчание. Записку уничтожьте».

Кларк сложил записку и поднял глаза.

Женщины перед ним уже не было, но он не сомневался, что сейчас на него устремлены глаза того, кто осмелился обратиться к нему с этим посланием.

Явственно чувствуя на себе пристальный взгляд автора записки, он сунул ее в карман и, вновь отвернувшись к стеклу, успел в последний момент увидеть жену, поднимающуюся по трапу в самолет, который вскоре выполз на взлетную полосу, разбежался и скрылся в небе.

51

Адмирал Кларк был слишком крупной фигурой в Вашингтоне, чтобы к нему могли обратиться вот так, запросто, бесцеремонно и нагло, как тот, кто выклеивал эти дурацкие буквы.

Вместе с тем он был слишком опытным человеком, отлично знакомым с приемами разведки и контрразведки, чтобы испытать хоть малейшую тревогу или угрозу по прочтении этого дурацкого текста.

Человек, написавший его, наверняка не знал и не понимал слишком многого, но прежде всего автор записки не знал самого главного — того, что Джозеф Кларк никогда и ничего не боялся и ему нечего было скрывать.

И когда его длинный черный «форд-континенталь» мягко отъехал от здания аэропорта, адмирал снял трубку телефона и связался с руководителем службы обеспечения личной безопасности высшего состава армии Соединенных Штатов и Федеральным бюро расследований.

«Глоб» был довольно дорогим рестораном в самом центре Вашингтона, и человек, назначивший свидание в нем, вероятно, весьма слабо ориентировался в вопросах конспирации: слишком легко здесь было вести тайное наблюдение, устраивать засады, располагать группы захвата.

Даже Джозеф Кларк, не будучи профессиональным разведчиком или контрразведчиком, тотчас определил это, когда вечером того же дня приехал к месту странного свидания.

Он занял место в углу, заказал джин с тоником и салат по-андалузски и не спеша принялся за еду, имея в запасе около часа для того, чтобы внимательно рассмотреть всех, кто уже был здесь и среди которых, вполне вероятно, мог оказаться тот, кто вызвал его на встречу... Ему было чрезвычайно любопытно, кто и зачем решил использовать его в каких-то своих целях.

Среди сидящих он без труда определил нескольких сотрудников ФБР и представителей военной контрразведки.

Единственное, что казалось ему в высшей степени странным, необъяснимым и даже несколько оскорбительным для его звания, — это тот вопиющий дилетантизм, который выказывал неизвестный.

То, что это не рядовой шантажист, не какой-нибудь бедолага-вымогатель, а человек, действующий в совершенно иных координатах, ему стало ясно с первой секунды, когда до него дошел смысл записки.

Он сидел один в темном углу и не спеша потягивал джин, а мысли его были сразу в нескольких местах —

где-то в Северной Африке, где уже должна была оказаться теперь его жена, с сыновьями, моряками Шестого флота, в Средиземном море, которые выдвигались на боевые рубежи...

Он знал, что каждое слово предстоящего разговора, если он вообще состоится, будет записано сотрудниками спецслужб, и чувствовал себя достаточно уверенно.

Неожиданно к адмиралу приблизился официант с небольшим подносом. На подносе лежал конверт.

— Простите, ваша честь, вам просили передать...

— Мне?.. — поднял брови Кларк. — Откуда вы знаете, кто я? И кто передал это?

— Это письмо принесли часа два назад, сэр. Молодой человек лет тридцати. Он показал мне вашу фотографию, но не в штатском, как сейчас, сэр, а в адмиральской форме. Так что узнать вас было нетрудно.

— Благодарю, — сказал Кларк.

В конверте находились два запечатанных конверта форматом поменьше. На одном значилось «1», на втором — «2».

Может быть, тот, кто затеял с ним эту игру, был и не так глуп, как ему показалось вначале. Бог весть, что могло быть в этих конвертах?

И хотя совесть Кларка была абсолютно спокойна, ему сделалось не по себе оттого, что он сидел теперь в скрещении взглядов восьми или десяти сотрудников контрразведки и что он сам вверг себя в эту довольно щекотливую ситуацию.

Но он был мужественным человеком. Он подумал немного и распечатал сначала конверт под номером «2».

И снова тот же прием — снова выклейка текста из отдельных букв. Новый текст выглядел так:

«И все-таки вы, вероятно, не поняли меня, адмирал. Я просил встречи наедине, но вы нарушили первое условие. Неужели вы настолько равнодушны к своей семье и к своей репутации?»

Кларк задумался... Ему явно хотели попортить

нервы. Внезапно он даже подумал, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Он распечатал первый конверт. И чертыхнулся — в нем находился еще один конверт, еще меньшего формата, на котором также были наклеены буквы. Тот, кто все это замыслил, похоже, наслаждался участием в шпионских играх.

На конверте значилось: «Как я и думал, вы распечатали первым второй конверт. Тем лучше. Поскольку вам известно его содержимое, до вас лучше дойдет то, что вы найдете в этом».

Кларк раздраженно разорвал конверт.

В нем была только маленькая фотография. Он взглянул на нее и тотчас сжал в своем большом кулаке вместе с конвертом, не зная, успели ли заметить это движение все те, кто сидели вокруг него. Оставалась слабая надежда, что не заметили, не успели.

На фотографии были запечатлены Синди Кларк и ее друг фотохудожник мистер Р. А. Они стояли, обнявшись, у окна и смотрели друг на друга так, что никто бы не усомнился в характере их отношений.

Кларк почувствовал, как краска боли, гнева и стыда предательски заливают его лицо. Что-что, а это касалось только его самого и уж наверняка не имело отношения ни к военной контрразведке, ни к ФБР.

Он понял, что не увидит сегодня того, кого ждал.

Ощущая в руке смятый маленький фотоснимок и бумагу конверта, которые буквально жгли его пальцы и ладонь, он просидел еще около получаса после назначенного времени, затем поднялся и не спеша пошел к выходу, думая лишь о том, чтобы как-нибудь незаметно для окружающих избавиться от этого угля, обжигающего руку.

И все-таки, несмотря на то что действия неизвестного слишком смахивали на рядовую уголовщину, Кларку стало здорово не по себе.

Его тревога усилилась, когда утром следующего дня, после того как он уже услышал голос жены, ко-

торая сообщила, что долетела благополучно и попытается добраться от Порт-Саида до Суэца, в гостиной его дома раздался новый звонок, и Джозеф Кларк слышал голос с едва различимым не то польским, не то чешским акцентом:

— Доброе утро, адмирал! Надеюсь, вы неплохо провели эту ночь после ужина в «Глобе»? Простите, что не смог встретиться с вами. Уверен, это еще у нас впереди.

— Что вам нужно? — мрачно спросил Кларк.

— Я уже имел честь изложить вам свои условия, адмирал. Нам надо увидеться наедине, чтобы наша встреча не получила огласки.

— Что дальше? — спросил Кларк.

— Дальнейшее — при встрече. Но уверяю вас, на этом свете достаточно ценителей фотоискусства помимо меня и вас. Так что теперь назначайте свидание сами — там и тогда, где сочтете нужным, но без чужих глаз. Это ведь у нас дело семейное, не так ли?

Как шахматист, попавший в цейтнот, Джозеф Кларк торопливо просчитывал все варианты. Кажется, поначалу он явно недооценил своего невидимого врага.

— Черт с вами, — сказал наконец Кларк, — я готов. Знаете что, приезжайте-ка просто ко мне на виллу. Записывайте адрес...

— Только не вздумайте подшутить надо мной, адмирал. Учтите — вы у меня в руках!

Повесив трубку, адмирал глубоко задумался. Все это было достаточно омерзительно и должно было свестись, возможно, к заурядному шантажу. Но дело могло принять и совершенно другой оборот, и он учитывал это.

Единственное, что отличало его сейчас от любого человека, оказавшегося в сходной ситуации, — это его звание, его положение в военном истеблишменте Америки, но главное — тот огромный массив секретной информации, который он носил в себе и хранил в своих сейфах.

Сохранить все это в неприкосновенности и пол-

ной тайне от противника было для него важнее всего, важнее его собственной судьбы.

Он знал, что чист перед самим собой и своим народом.

Он сражался с японцами на Тихом океане, он топил субмарины с черными крестами на ходовых рубках в Атлантике, он проводил конвои, сопровождавшие караваны судов, тащивших в своих трюмах разобранные американские истребители «Эйробра» для русских летчиков в Мурманск, а потому адмирал Джозеф Кларк понял, как он должен поступить.

52

Нет нужды пояснять, какое впечатление произвело на мистера Р. А. сообщение, полученное им от Мэйна-Малькова о том, что он уже давно находится под скрытым наблюдением.

Расставшись с другом в толчее у Пенсильванского вокзала и поменяв последовательно три такси, фотограф позднею ночью добрался до одной из маленьких гостиниц на Лонг-Айленде в районе Хилсайда, где решил провести безвылазно несколько дней, чтобы все осмыслить и понять, как жить и действовать дальше.

Размышления и тщательный беспристрастный анализ случившегося постепенно привели его к самым неожиданным и неутешительным выводам.

И тогда оттуда, из маленького, убого обставленного гостиничного номера, он составил по своему личному коду и отправил по телефону одиннадцати агентам в разных штатах страны одиннадцать невинных телеграмм-шифровок, из которых в конечном счете сложилось и было передано в Центр сообщение особой важности.

*«Строго секретно. Донесение в Центр.
Нью-Йорк — Москва.*

Согласно полученным неопровержимым данным, за рядом наших агентурных работников и за мной лично установлено жесткое наружное наблюдение. Кем являются эти «наружники», кого представляют и по чьему указанию действуют, неизвестно. В целом отмечается низкий уровень оперативно-конспиративной подготовки. В случае, если Центр располагает какой-либо надежной информацией относительно ведущих наблюдение фигурантов, *прошу срочно уведомить меня об этом по резервному «горячему каналу» (!!!)*. Установить принадлежность и цели наблюдателей самостоятельно не представляется возможным; предполагаю провокационную игру противника.

Сложившуюся ситуацию оцениваю как критическую и опасную в высшей степени (!!!).

Во избежание развала всей сети принял решение до выяснения причин и обстоятельств случившегося временно приостановить работу и сменить реквизиты всех «точек».

Несмотря на вышеизложенное, предпринимаю, все усилия для выполнения вашего последнего задания.

Стэнли».

Донесение это было контрольным.

Мистеру Р. А. надо было выяснить, как после него поведет себя Москва.

По получении ответа Центра ему как бы по ошибке должен был позвонить один из тайных коллег и пятью условными фразами передать смысл содержания шифровки.

Ответ поступил на третий день, однако никаких разъяснений из Москвы не последовало.

В Центре словно оглохли или не желали понимать услышанного, во всяком случае не выразили

решительно никакой обеспокоенности, однако потребовали продолжать разведработу в нормальном режиме.

Это было не просто удивительно, но необъяснимо, ибо противоречило всем мыслимым правилам конспиративной безопасности.

Но мистер Р. А. больше ничему не удивлялся. Он был слишком чуток и опытен, чтобы не владеть искусством извлекать из фактов информацию даже в случае очевидного отсутствия таковой.

Все выстроилось и сомкнулось в одну цепь. Сомнений не осталось: события развивались именно так, как он и ожидал.

А потому, понимая свою ответственность за всех остальных и справедливо полагая, что ему на месте обстановка видится все-таки лучше, чем из Москвы, мистер Р. А. подтвердил свой первый приказ, который, по понятным причинам, был тотчас беспрекословно принят к исполнению его коллегами: до прояснения ситуации североамериканская разведсеть замерла и как бы перестала существовать.

Возможно, кто-нибудь другой на его месте почел бы за благо скрыться и исчезнуть.

Он такой роскоши себе позволить не мог.

Тщательно все взвесив и обдумав, мистер Р. А. на десятые сутки глубокой ночью вновь вошел в свою главную квартиру-ателье на двадцать первом этаже в районе Кенсингтон-авеню, чтобы продолжать прежнюю жизнь и жить, как всегда, будто бы ничего не произошло.

Но вернувшись к себе, мистер Р. А. прежде всего самым внимательным образом, сверху донизу, от угла до угла, обследовал собственное жилище, дабы — найти хоть какие-нибудь следы тайного проникновения чужих людей.

И долго искать не пришлось: он нашел то, что предполагал найти, почти сразу же, отвинтив пластмассовую крышку на микрофоне телефонной трубки.

Этот телефон, собранный собственными руками,

он знал до последнего винтика, до последнего проводка. То, что открылось глазам, поразило наивностью и беззастенчивой прямолинейной грубостью тех, кто повозился с его аппаратом.

Микрофонный модуль был просто целиком заменен на другой.

И когда мистер Р. А. увидел, что вмонтировали визитеры, он понял: ход его размышлений в гостинице, к несчастью, был верен — такие микрофоны-микрпередатчики серийно выпускались одной секретной спецлабораторией в подмосковном городке К.

Однако он продолжил осмотр квартиры и к утру обнаружил еще несколько тайно установленных миниатюрных систем подслушивания, так называемых «жучков», или «клопов», имевших то же самое подмосковное происхождение.

Уж кто-кто, а мистер Р. А. наверняка лучше всех в Соединенных Штатах знал, когда и кем была получена здесь по дипломатической почте эта партия «приборов специального назначения». Стало ясно, через кого они могли попасть к незванным гостям.

«Ну что же, — сказал он себе, — спасибо и на этом. Кажется, кое-что начинает проясняться...»

Туман и правда рассеивался. Осталось только разгадать, зачем пожаловал и с какой целью ведет за ним слежку этот новенький эмиссар Центра.

Хотя и здесь ломать голову уже особенно не приходилось, да и сам по себе этот парнишка, по правде сказать, теперь волновал мистера Р. А. меньше всего.

Надо было незаметно поменяться местами с этим московским гонцом и из объекта наблюдения превратиться в незаметного зоркого наблюдателя.

Свой «хвост» мистер Р. А. поймал в поле зрения на следующее же утро, когда, подняв капот любимого желтого «ягуара», немного повозился с мотором, чтобы подрегулировать зажигание и сменить две свечи.

В это утро он поймал еще парочку электронных

«клопов» под обивкой сиденья и под крышкой клаксона своей спортивной машины и, когда заметил невдалеке того рыжевато-голубого, лишь саркастически-горько усмехнулся про себя, увидев радостное облегчение на лице «охотника», вновь обнаружившего в целостности и сохранности свою исчезнувшую «дичь».

Точно так же как и прежде, мистер Р. А. как будто не обращал на него никакого внимания.

Прогрев мотор, он, как обычно, плавно отъехал от тротуара и тут же развил большую скорость, решив просто покататься по всему Нью-Йорку, не давая возможности этому парню ни приблизиться к нему на скоростных магистралях, ни отставать и терять из виду его приметный «ягуар».

Они ездили так около трех часов, когда мистер Р. А. в конце концов, кажется, заметил именно то, что и предполагал и больше всего опасался заметить.

Теперь следовало безукоризненно провести маневр проверки и самопроверки.

Зная город лучше любого полисмана, он легко оторвался и скрылся от преследователя, бросив машину в неприметном замусоренном дворе на одной из улиц в Ист-Орандже, и, тут же поймав такси, вскоре увидел своего «коллегу».

Сбросив газ и растерянно крутя головой, тот медленно ехал вдоль тротуара, надеясь высмотреть знакомый желтый «ягуар».

Вжавшись в кожаную обивку салона старого такси, мистер Р. А. двигался чуть позади и теперь мог хорошенько рассмотреть незнакомца.

По его нелепому поведению он понял: от этого профана исходила угроза, смертельная опасность, но угроза и опасность совсем иного рода, о которой тот, конечно, и не подозревал, и это было слишком самоочевидно...

Нет-нет, разумеется, ему не показалось, он не ошибся, не мог ошибиться!

Он увидел их вновь.

Попеременно меняясь местами, переходя из ряда в ряд в плотном потоке машин, за этим малым в зеле-

ном «форде» незаметно двигались четыре автомобиля совсем других, куда более опытных и грамотных наблюдателей.

Этот «хвост» был куда серьезнее, и мистер Р. А., мгновенно поняв и оценив случившееся, возблагодарил судьбу и собственную интуицию, что наперекор грозным приказам Москвы успел отдать приказ остановить работу.

В назначенный час Джозеф Кларк приехал на свою виллу в двадцати милях от Вашингтона.

Это был не очень большой, но дорогой особняк конца прошлого века, который принадлежал еще его деду, тоже адмиралу флота Соединенных Штатов.

Он отпустил прислугу и подготовил кабинет для беседы с неизвестным. В трех местах от того кресла, где он предполагал сидеть, он спрятал заряженные револьверы. В осветитель огромного шарообразного аквариума, который стоял рядом с ним, вмонтировал особо чувствительный маленький микрофон армейского диктофона, какие применяются на боевых постах американских подводных лодок.

Он приготовил также кофеварку и приборы и, раскурив сигару, не спеша отправился к воротам, уверенный, что на этот раз его гость не уклонится от встречи.

И верно, с опозданием минут на пятнадцать, что военный человек Кларк отметил про себя как новое свидетельство низкого уровня непрошеного гостя, на дороге появился большой автомобиль и плавно подкатил к воротам поместья.

Из машины вышел рыжеватый молодой человек лет тридцати, и Кларк сразу вспомнил, что действи-

тельно видел его в аэропорту, когда провожал Синди.

— Здравствуйте, адмирал! — весьма бесцеремонно, с непривычной хамоватой наглостью воскликнул незнакомец. Сейчас акцент его чувствовался даже сильнее, чем по телефону.

Адмирал внимательно отслеживал каждую черточку и деталь в поведении, внешнем облике и манерах этого человека.

— Ну что, куда? — с той же фамильярностью спросил гость.

Коле Савкину было легко. Он получил от резидента самые широкие полномочия, а потому не собирался стеснять себя, прекрасно понимая, что этот американец весь в его руках, весь, с потрохами, и деваться ему некуда.

Кларк провел безымянного гостя в кабинет и усадил в кресло перед собой, расположившись там, где и собирался, почти уверенный, что никакие револьверы ему не понадобятся.

Он видел достаточно много людей, достаточно много разных мужчин, чтобы легко определить, какого поля ягодой был субъект, бесцеремонно развалившийся перед ним и глядящий с самодовольной ухмылкой.

— Да, неплохо живете, адмирал, неплохо. Наверное, многие завидуют вам. — Гость развязно рассматривал обстановку кабинета. — Очень жалко было бы все это потерять, не так ли?

Джозеф Кларк выжидательно молчал, рассматривая этого дурно воспитанного человечка.

— Молчите? — хмыкнул тот. — Понятно! Деваться-то вам некуда.

И он достал из кармана и разложил веером на столе перед Кларком еще с десяток фотографий, на которых были изображены Синди и мистер Р. А. — в автомобиле, на набережной, в маленьком ресторанчике... Они шли, держась за руки, стояли обнявшись и снова мчались в открытом спортивном автомобиле мистера Р. А.

Сейчас самым важным для адмирала было выяснить цель этого визита...

Вероятно, этот подонок полагал, будто обманутый муж знать ничего не знает и только теперь впервые благодаря этим снимкам ему открывается истина.

Именно эту роль и решил сыграть Кларк.

Он мрачно смотрел на фотографии, перебирая их одну за другой, затем, на удивление натурально изображая внутреннее потрясение, посмотрел на визитера.

— Где, — сказал он глухо, — где вы взяли это?

— Ну это уж мое дело, адмирал, — засмеялся рыжеватый молодой человек, довольный произведенным эффектом.

— Чего вы хотите?

— Подумайте сами, адмирал. Если ваше беспорочное имя да при вашем-то положении окажется в центре внимания разных буржуазных газет... А если еще эти снимочки напечатают, представляете?

Слово «буржуазный», вылетевшее из уст молодого человека, резануло ухо адмиралу, как визг ножа по стеклу. Как он и предполагал, то не был простой вымогатель. Да и акцент вдруг сразу вспомнился — именно с таким акцентом говорили русские переводчики, с которыми он сталкивался в Мурманском порту.

Но адмирал вел свою роль как заправский комедиант.

— Да, — сказал он. — Я не хотел бы, чтобы это попало в газеты. Короче: сколько стоят эти снимки и негативы? Но чтобы без глупостей, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Желательно сегодня же. Они у вас с собой? Называйте цену.

— О-о-о! Вы богатый человек, — не без тайного завистливого восхищения заметил гость, — очень богатый.

— Называйте сумму, и покончим с этим, — сказал Кларк. — Ну, скажем, пятьдесят тысяч долларов...

Коля Савкин внутренне ахнул. Он знал, что самая

дорогая машина сейчас потянет от силы тысяч на шесть-семь.

— Вы смеетесь надо мной, адмирал. — Гость пренебрежительно фыркнул. — Пятьдесят тысяч! Это смешно!

— Черт с вами! Сто тысяч... Выкладывайте негативы, получайте деньги и проваливайте навсегда. Но не вздумайте продолжать эти игры. Мне ничего не стоит уничтожить вас.

— Сто тысяч — это уже лучше, — заметил молодой человек. — Ровно вдвое лучше, чем пятьдесят. Значит, вы готовы выложить эти деньги? Ну а если так — значит, вы готовы на многое. На очень многое... И как мужчина мужчину я вас понимаю. Только вот беда — прихватить негативы я не догадался, а деньги мне не нужны.

— Что же вам все-таки нужно?

— Да так... — развязно помахал рукой молодой человек, — сущая безделица...

— Ладно, выкладывайте, черт вас побери! — вдруг грозно рявкнул Кларк. — Выкладывайте, пока я не размозжил вашу дурацкую головушку.

— Но-но-но, — помахал пальцем молодой человек. — А ну-ка спрячьте зубы! Вы у меня вот где! — И он показал кулак, поросший рыжеватыми волосками. — Мне нужны не деньги, можете подавиться ими. Мне нужны полные сведения о головке самонаведения и о дистанционном взрывателе для ракет «Ника-Зевс» и «Ника-Геркулес» класса «земля — воздух» — все чертежи, технологии, методы испытаний. Кроме того, вы должны передать мне все материалы по сверхвысотному самолету.

— Так... — сказал Кларк. — Вы хотите, чтобы я стал изменником и шпионом?

— Называйте как хотите, — сказал молодой человек. — У вас все равно нет выбора.

— Вы меня удивляете, — сказал Кларк. — Вы что, так наивны или вы просто дурак?

— Дурак я или не дурак, — усмехнулся молодой человек, — а вот вы здорово вляпались, адмирал.

— Это почему же? — невольно улыбнулся Кларк. — Скорее вы сами. Только что вы призна-

лись, что занимаетесь сбором особо секретной военной информации. Вы шантажируете, вербуете, склоняете к измене и сотрудничеству с вами одного из высших военных. Всего этого вполне достаточно, чтобы здесь же пристрелить вас. Но это не в моих правилах. Я просто передам вас соответствующим учреждениям моей страны, а уж там сумеют определить, кто вы такой и какая вам цена.

— А как же быть с этим? — визитер показал на фотографии.

— А-а-а, это... — небрежно протянул адмирал. — Должен вас разочаровать. Это ровным счетом ничего не значащие, сделанные из-под полы снимки моей жены вместе со старым другом нашего дома, коллегой и соавтором моей супруги-фоторепортера, который, кроме всего прочего, приходится ей не таким уж дальним родственником. Вы просчитались по глупости со своим детским шантажом. Вам попросту неизвестно, что такое честь человека и офицера. Так что можете катиться со своими карточками на все четыре стороны и ждать куда менее приятных свиданий.

— Да-а? — почему-то все так же нагло и без тени смущения насмешливо протянул молодой человек. — Честь офицера, говорите? Нет, адмирал, я пришел к вам не с пустыми руками, и страшать меня нечего. Это у *вас* не связалось, а вовсе не у меня...

Джозеф Кларк засмеялся, а молодой человек вдруг быстро наклонился к нему и так же быстро выговорил, причем знакомый акцент его резко усилился:

— Коллега, говорите?! Друг-соавтор? Близкий родственник? Ха-ха! Да вы знаете, кто он на самом деле? Знаете, с кем и почему путается ваша жена?

Кларк молчал. А тот, с нескрываемой ненавистью глядя ему в глаза, вдруг выпалил:

— Ваш близкий родственник Р. А. — советский резидент! Вы давным-давно у него в руках и поставляете через жену разведанные в Москву!

Кларк поднял изменившиеся глаза на пришельца. Дышать ему стало тяжело:

— Довольно странное заявление, молодой человек, тем более если это правда. В этом случае ваши действия совершенно необъяснимы. Вы решили выдать сообщника?

— Это правда, правда! — злобно выговорил визитер. — И ваше имя в таком скандале стало бы просто атомной бомбой.

— Что ж, вы убедили меня, — помолчав, сказал Джозеф Кларк, — загнали в угол. Надо было, конечно, сразу пристрелить вас, как только стало ясно, что вы подлый шпион. Но теперь деваться мне некуда... Ну хорошо, сейчас я принесу все эти материалы — и убирайтесь. И чтобы духу вашего не было — ни здесь, ни в Америке!

— Вот так-то оно лучше, — глумливо улыбнулся Коля Савкин. — Давно бы так. Тащите все сюда. Аппаратура у меня с собой. Я все пересниму — и точка. Никто ничего не узнает, и мы расстанемся навсегда.

Кларк еще глубже опустил в кресло, как будто вжался в него и словно сразу сделался меньше ростом и заметно осунулся. Губы его дрожали...

Коля не сомневался, что он сломается. И он сломался. Не мог не сломаться... Все вышло точно так, как предсказывал умница Харченко, когда они все-таки тайно встретились позавчера вечером на набережной Ист-Ривер с видом на Статую Свободы.

— Ну, ладно, подождите, — сказал Кларк и тяжелой, шаркающей походкой ушел из кабинета. Его не было довольно долго, но наконец он появился с тремя черными пластиковыми конвертами в руках.

— Вот здесь немного по боеголовке, — сказал он. — Здесь — о взрывателе. О самолете материалов у меня нет. Это, сами понимаете, не мое ведомство.

— Что есть, то есть, — сказал Коля и извлек откуда-то маленький серебряный фотоаппарат «Миннокс», чуть меньше спичечного коробка.

Он фотографировал и фотографировал лист за

листом, страницу за страницей, пока наконец не переснял последний чертеж.

— Вот видите, — сказал он, — а вы боялись! — И спрятал фотоаппарат и несколько маленьких черных кассет с заснятой пленкой в потайной кармашек пиджака. — Вот и все, адмирал. Ну что ж, проводите меня.

— С удовольствием, — кивнул Джозеф Кларк. Они вышли в холл у парадных дверей...

Четверо высоких мужчин одновременно вышли из-за портьер, направив на Колю длинноствольные черные пистолеты.

Коля остолбенел. Он даже не пытался сопротивляться — его словно парализовало. Это было все не то как в кино, не то как во сне. Только сам он был здесь как будто по ошибке.

— Вот они вас и проводят, друг мой, — спокойно сказал Джозеф Кларк. — И запомните навсегда: если умный человек еще может кое-как выдать себя за дурака, то дурак за умного — никогда.

К оцепеневшему Савкину подошли еще двое, помимо тех четверых, что молча держали его на прицеле.

— Лицо, называющее себя именем Свенн Локк, вы арестованы.

Коля почувствовал, что ему предательски изменяет мочевого пузырь.

— Где, где здесь... ну это... уборная? — хрипло проговорил он. Это были его первые слова после ареста.

54

Если бы Коля Савкин узнал, что он «засветился» и фактически «сгорел» буквально на десятой минуте пребывания на благословенной земле Соеди-

ненных Штатов Америки, он наверняка был бы до крайности озадачен.

Как же так, быть того не может! Он был чист, чище любого мужика, сиганувшего из парилки в снег у деревенской бани!

«Железные» документы, все визы, виды, свидетельства, водительские права были первоклассные, подлинные, печати в визах самые что ни на есть разнатуральные.

И тем не менее Колю взяли «на поводок» еще в помещении пограничного пункта на южной границе штата Нью-Мексико, когда он с двумя дорожными чемоданами стоял и ждал оформления своих бумаг перед скучным чиновником федеральной пограничной службы.

Что же заставило этого невзрачного, усталого маленького клерка усомниться в верительных документах мистера Свенна Локка?

Во-первых, заметная для привычного глаза свежесть загара, немислимая для кожи того, кто, судя по документам, провел в разъездах по тропической Мексике ровно четыре месяца в надежде всучить образцы своих тканей тамошним швейным фабрикам.

Но это сушая мелочь по сравнению с тем, что действительно насторожило пожилого пограничного служащего.

Все мы люди, но сколько бы мы ни пересекали границ и сколько бы раз на нас ни уставляли недоверчиво-подозрительных глаз занудные формалисты, от которых зависит — впустить нас в страну или отказать, разрешить беспрепятственно въезд или помурьжить для острастки, мы чувствуем себя не в своей тарелке, неловко, как бы уличенными в чем-то, о чем даже отродясь и не думали. И это чувство робкой зависимости ложится на наши лица, обретающие на миг стыдливо-виноватое выражение.

Эта реакция человеческая настолько обычна, стереотипна и в порядке вещей, что подчеркнуто-бесшестепетная, равнодушная бодрость рыжеватого аме-

риканца, вновь въезжающего на территорию родной страны, на миг уколола канцелярское самолюбие служителя порубежного департамента. Ему даже почудилось в ней недостаточное уважение к святыне закона.

— Подождите, — сказал он сухо и, прихватив все бумаги Свенна Локка, ушел в соседнюю комнату, где сидели напротив друг друга представитель иммиграционной службы и работник департамента таможенного контроля. — Не знаю, — сказал он им, швырнув документы на стол и ткнув пальцем в симпатичное лицо Коли Савкина на фотографии, — не знаю... Но мне не нравится этот тип, хотя к бумажкам не придерешься. И скажите мне, какого дьявола таскаться из Америки в Мексику с образцами мексиканских тканей?

— Наверное, хочет сыграть на ценах, — махнул рукой таможенник. — А через какой пункт он выезжал из Штатов?

— Через Фолкс-Руж.

— Ну так погоди, — сказал представитель иммиграционной службы, — дело минутное.

И точно, через две минуты, созвонившись с коллегами, он получил подтверждение, что такой-то в такой-то день и час пересек границу, держа путь на юг.

— Занятно одно, — заметил он, — туда он ехал на машине, а возвращается пешком порядком.

— Опять же ерунда, — сказал таможенник, — он мог загнать машину, а все деньги спустить на девок. Лично я бы именно так и поступил.

— Ну хорошо, — сказал ответственный за иммиграцию. — Мимо нас ему все равно не прошмырнуть. Попробуем его на зуб, что там за золото.

Но когда мистер Свенн Локк вошел в их комнату, похожую на все скучные канцелярские конторы мира, вдруг что-то царапнуло и многоопытное сердце благодушного таможенника.

В самом деле, в этом парне — объяснить на словах это было почти невозможно — он ощутил нечто..

непривычное, да-да, *неамериканское*. И тотчас понял, что именно.

Мистер Свенн Локк, войдя и спокойно замерев в проеме двери, не улыбнулся на их с коллегой приветливые, добросердечные улыбки!

Да-да, хотите — верьте, хотите — нет, не улыбнулся!

Не предъявил самую главную визитную карточку и вид на жительство американца.

Конечно, как знать? Возможно, у этого малого как раз накануне отдала Богу душу любимая старенькая тетя, однако же факт остается фактом.

И представитель иммиграционной службы, точно так же кивнув, как пограничник, и сухо обронив: «Подождите...» — ушел в третью комнату и, плотно притворив за собой дверь, набрал номер местного отделения Федерального бюро расследований.

— Слушай, Бобби, — сказал он тому, кто снял там трубку. — Можешь считать всех нас тут старыми койотами, но нам не по сердцу пришелся один малый. Что именно? Слушай, Бобби, ты меня знаешь. Если бы я мог ответить, *что именно*, я бы пристрелил его собственноручно, не тратя времени на болтовню с тобой. Сам не знаю, старина, но меня от него стошнило. Вы бы взяли его да посмотрели бы сами. Но издалека, Бобби, слышишь меня? Издалека. Здесь чем-то пахнет... А если я окажусь длинноухим мулом, ставлю выпивку вашей милости, идет?

Звонок этого человека, по странному стечению обстоятельств, совпал вот с чем.

Не далее как за три дня перед тем в местное отделение ФБР — маленький уютный домик на окраине городка — поступила секретная директива из Вашингтона за подписью самого Гувера, а также секретное письмо ЦРУ, в которых всех сотрудников филиалов и отделений бюро обязывали резко усилить внимание, выявлять и брать под наружное наблюдение всех подозрительных, въезжающих на территорию Соединенных Штатов в связи с внезапной

активизацией спецслужб одной иностранной державы по нелегальной инфильтрации своих агентов.

Сколько раз инструкторы специальной разведшколы, готовя Савкина к заброске и работе в этой стране, твердили ему об этой злосчастной улыбке!

Сколько раз повторяли: «Улыбайся, улыбайся!»

Но, видно, так глубоко сидела в нем солидная советская суровость, что не давала быть, когда требовалось, таким, как все эти янки, у которых уголки рта вмиг растягивались будто сами собой, как у кукол на веревочках.

Да и взволнован он был, что говорить. Хоть и казался спокойным.

И потому, непроизвольно оглядываясь и боясь заметить за собой преследователей, он, что называется, в упор не увидел двоих людей, которые действительно почти открыто пошли за ним.

Они препроводили его до самого вокзала, до самого поезда, а там передали по эстафете двум другим, занявшим места в купе того же вагона того же экспресса, который должен был доставить мистера Свенна Локка в Канзас-Сити, где ему предстояло пересесть на другой экспресс, чтобы на третьи сутки оказаться на берегу Гудзона.

55

Та пара сотрудников ФБР, которой поручили сопровождать заподозренного субъекта из великого города Нью-Йорка и вести наблюдение за каждым его шагом, были людьми куда более опытными и умелыми, чем предыдущие.

Но и они поначалу пребывали в полном недоумении — чем мог привлечь внимание этот увалень с двумя чемоданами и приятной мордашкой какой-то неопределимой национальной принадлежности.

Он мог быть равно и чехом, и выходцем из Арканзаса хоть в четвертом поколении.

В нем не было ровным счетом ничего особенного, такой народ только и встретишь в этих дальних поездах — купе второго класса, костюм от «Шерли и Кука», зауряднейшее создание на восемнадцать — двадцать тысяч долларов в год.

В отличие от тех клишированных угрюмых парней, что канонизированы комиксами и Голливудом, эти агенты ФБР были веселые, приятные ребята с великолепно развитым логическим мышлением и умением примечать то, чего, возможно, и не заметил бы на их месте кто-то другой.

Они беспечно попивали кока-колу, громко спорили, смеялись, листали журнальчики, добродушно подмигивали тому, за кем вели наблюдение, и даже, раз-другой заглянув в его купе, предложили сыграть с ними в кости.

Он отчужденно поблагодарил, отказался и отвернулся к окну.

И все-таки было в нем что-то, какое-то непонятное напряжение...

И это, несмотря на всю тривиальность его облика — в конце концов, никто ведь не обязан постоянно сиять, как новенький доллар, — почему-то настораживало их и заставляло присматриваться к нему все пристальней.

И вот наконец-то!

То был всего лишь ничтожный, незначительный жест, но агенты ФБР, коротко переглянувшись, тотчас мгновенно поняли друг друга и, что называется, сделали стойку.

Вероятно, проголодавшись, он двинулся по вагонам, от одной площадки к другой, от тамбура к тамбуру в направлении вагона-ресторана и на одном из переходов, распахнув дверь, откуда двигалась на-

встречу приятная леди лет тридцати, не отступил и не пропустил ее.

Сушья мелочь!

И будь он ковбой из Техаса или со Среднего Запада или какой-нибудь металлист-литейщик из Пенсильвании, возможно, все было бы в порядке вещей.

Но тут было другое, другое... Те не ходили в таких пиджаках и таких галстуках, не носили таких чемоданов, им не хрена было делать в Мексике и Нью-Йорке, и они никогда бы не ехали вторым классом.

Нет, они катили в этом поезде недаром! А в вагоне-ресторане этот паренек опять удивил: вместо обычного стейка, пакетика хлопьев и кока-колы вдруг закатил обед на целых сорок семь долларов и среди бела дня опорожнил добрую рюмку калифорнийского коньяка — напиток явно вечернего и непомерно дорогого по его доходам, причем хлопнул ее залпом, вместо того чтобы продлить наслаждение, как это делали все нормальные люди.

Оба агента ощутили прилив охотничьего азарта. И при возвращении в свой вагон, куда пришли они порознь, с перерывом минут в десять, через третьего своего коллегу, ехавшего в соседнем вагоне, передали сигнал тревоги другим подразделениям и руководству.

А тот, за кем шло наблюдение, довольно неумело пытался отслеживать, нет ли за ним «хвостов», но по-прежнему ничего опасного не видел и не различал, абсолютно не реагируя на тех, кто был рядом, через купе.

Вагон был спальный, и он, закинув руки за голову, лежал на своем диване, задумчиво глядя в потолок. Потом снова смотрел в окно, потом снова лежал, но все не спал, не спал... Наконец двери его купе закрылись, и агенты утратили над ним контроль до утра, хотя спали попеременно и не спускали глаз с его двери.

Но то, что ждало их наутро, превзошло все ожи-

дания. Такого подарка люди их профессии не получали давно, и впоследствии эпизод этот вошел во все учебные наставления по наружной филерской работе тайных агентов Федерального бюро и других спецслужб.

Все шло замечательно.

И здорово переволнованный за этот долгий день Коля Савкин, оказавшись в поезде, начал успокаиваться, а к вечеру успокоился совершенно, видя, что все вокруг тихо-мирно и никто не собирается накидывать на него фэбээровский аркан.

Правда, немного смутили те два разухабистых типа, что ехали в том же вагоне, что и он, и приглашали сыграть в кости. Время от времени они поглядывали на него. Черт их знает, может, даже хотели пригласить его дернуть вместе с ними, хотя опять же неизвестно, было ли у них тут такое в заводе.

Ну, поглядывали и поглядывали — он же тоже на них поглядывал, верно? Но все равно, как ни силился, полночи заснуть не удавалось... Все не верилось и казалось сном, что вот он уже в Америке и дело ладится наилучшим макаром.

Народ сновал мимо его двухместного купе, и старенький сосед его, поклевав носом над биржевыми сводками в какой-то газетенке, давно посапывал, точь-в-точь как какой-нибудь наш российский дедушка из Тамбова или Торопца, а он все не прикрывал дверь, чтобы всякий мог убедиться как в его наличии, так и в невинных намерениях. Но потом, когда все стихло наконец и только колеса таким родным эмпээсовским звуком выстукивали на рельсах, двери задвинул и сладко заснул, не думая больше ни о чём.

Проснулся он рано.

За окном пролетала желто-бурая равнина, а потом зачастили такие миленькие, аккуратные городочки, похожие друг на друга неотличимыми водонапорными башнями и вокзальными перронами,

что душа его буквально воспарила и умчалась вперед, в далекий Нью-Йорк, где ждала его великая работа.

Он вышел в проход и «проверился», осмотрелся... Один из тех двоих уже проснулся и, сидя на откидном креслице, углубился в газету и при его появлении не только не обернулся, но и головы не поднял.

Только сейчас Коля как следует рассмотрел вагон.

Подумать только!

Этот их *второй класс*, весь в бархате, с надраенными бронзовыми канделябрами по стенам, с ковровой дорожкой, по которой двигался проводник, вода щеткой почти бесшумного пылесоса, поразил его.

Какой же тогда *первый класс*, если этот потянет на наш международный, а то и цековский вагон-салон, в каких ему, правда, бывать никогда не доводилось?

— Доброе утро, сэр! — расплылся в улыбке проводник.

И так она была лучезарна, что и он наконец-то невольно и, кажется, впервые за все эти сутки на вражеской чужбине сумел улыбнуться.

Он вернулся к себе, достал из запечатанного стерильного конверта сверкающее, хрустящее полотенце без всяких штампов железной дороги, извлек туалетные принадлежности и отправился в туалетную, чтобы умыться, побриться, непременно надушиться и вообще навести на себя полный лоск, как учили его наставники, снабжая в путь разными сведениями по части правил и культуры быта страны пребывания.

Широкоплечий, ладный, несмотря на некоторую полноту, с накрахмаленным полотенцем вокруг шеи, он пристроился в очередь, дожидаясь, когда сможет уединиться в кабинке.

Перед ним были всего две дамы — одна лет сорока пяти, другая немного помоложе. Они о чем-то

негромко переговаривались, но вдруг замолчали при его появлении.

Они смотрели на него и молчали. Он отвел глаза. Проводник, пылесосивший в проходе, двигался к нему спиной, приближаясь, но, оказавшись рядом, вдруг тоже уставился как-то странно.

— Простите, сэ, — проговорил он тихо и как-то выразительно посмотрел на него.

— Да ладно, ничего! — чувствуя, что выговорились слова эти легко, безнатужно, мотнул головой Савкин.

— Простите, сэ, — повторил проводник как-то более настойчиво и снова что-то такое сделал глазами.

Дамы, стоявшие перед Колей, пожали плечами и отвернулись. Проводник пробормотал что-то нечленораздельное, скорее всего что-то жаргонное, и, как патефон, но с куда большей настойчивостью, повторил свое:

— Простите, сэ-эр!

Тут щелкнула задвижка, Коля сделал шаг вперед, из туалетной выпорхнула бойкая седовласая старушонка, и только тут он, к ужасу своему, увидел на двери начищенную бронзовую табличку: «LADIES».

Будто ошпаренный, шарахнулся он оттуда, юркнул на миг в свое купе, перевел дух и как ни в чем не бывало двинулся в противоположную сторону вагона, к той кабинке, на которой имелась надпись: «GENTLMEN», торжественно возвещавшая о принадлежности сего помещения исключительно сильному полу.

Как, как он мог! Ведь столько раз за вчерашний день видел ее собственными глазами и...

К счастью, никто, кроме этих двух глупых цесарок и проводника, не видел его промашки. Тот, что читал газету, так и сидел спиной, и Коля с неслышанным комфортом расположился в сверкающей чистотой мужской уборной, где трепетали на ветерке, влетавшем из приоткрытого окна, несколько девственно-чистых полотенец и имелось — он гла-

зам не поверил — четыре сорта мыла разных форм и цветов.

Вновь стало хорошо и покойно, и он достал бритвенный прибор — благо тут была и горячая вода.

Откуда было знать ему, что в руке того пассажира, что так вдумчиво читал газету, было сжато крохотное зеркальце и что конфуз его был не просто замечен и отмечен, но немедленно соответственно квалифицирован настоящими профессионалами?..

Как только Савкин скрылся, человек этот подскочил как ужаленный и через мгновение был у себя в купе лицом к лицу со своим приятелем.

— Ты был прав, Джонни! — взволнованно, быстро проговорил он. — Он — не американец!

А уже через час это блистательное открытие стало известно в отделе Главного управления ФБР в Вашингтоне.

56

По дороге, в машине, когда его куда-то везли четверо гигантов в одинаковых темных костюмах и шляпах, Коле Савкину по-прежнему казалось, что он спит и видит отвратительный сон.

Во всех книгах про шпионов, которые он читал раньше, в детстве и в юные годы, прижатые к стенке и загнанные в угол враги непременно «ломались», раскисали и выполняли любое требование отважных советских разведчиков.

Этот проклятый адмирал повел себя как-то неправильно, как, по понятиям Коли, американцы, существа хищные, алчные и трусливые, никак вести себя не могли. *И на тебе!*

Он пробыл в Америке ровно три месяца и тринадцать дней.

Но поскольку по-настоящему его волновал на всем белом свете лишь один-единственный человек — Николай Иванович Савкин, капитан Первого Главного управления, член КПСС, образование высшее, профессия — переводчик, то он ровным счетом ничего не понял в том мире, в котором оказался, в тех людях, которых видел, — одним словом, не разобрался в самом главном, что делает из неумелого новичка серьезного разведчика.

Самое страшное заключалось в том, что Коле Савкину, агенту Есенину, никто не давал санкций раскрывать того, кого он был прислан проверять.

То, что он назвал это имя, полностью-меняло всю ситуацию. Это был не просто провал. Это было раскрытие целой сети. И он понимал, что это могло означать для него.

За подкладкой пиджака был спрятан заветный крохотный шприц, и он подумал было, что пришел час им воспользоваться, но снова вспомнил те «лабораторные занятия», вспомнил пса, которого за лапы вытаскивали из аудитории... Да и как было достать его, этот шприц, если за обе руки его с железной вежливостью придерживали эти непроницаемые «гориллы», а запястья стягивали хорошенькие хромированные наручники, которые при малейшем движении сжимались все сильнее и сильнее?..

Его привезли к воротам огромного здания, и вскоре он уже сидел перед несколькими людьми на стальном вращающемся табурете, прочно вмурованном в бетонный пол.

— Назовите ваше имя, возраст, род занятий, место рождения, место жительства и имена родителей, — спокойно, не повышая голоса, попросил один из сидящих за столом.

Коля безропотно выполнил распоряжение.

— Мое имя Свенн Локк, мне двадцать восемь лет, я коммивояжер текстильной фирмы «Лемпорт и брат», моя семья из Форт-Мэйс, штат Огайо, родителей зовут Эльмар и Ханна, с пятьдесят пятого года

я живу в основном в Нью-Йорке и часто меняю квартиры, что связано с моей работой.

— Мы рады слышать это, — как-то удивительно задушевно сказал тот, кто начал допрос. — И знаете почему?

— Почему? — спросил агент Есенин, он же Свенн Локк, он же Савкин Николай Иванович.

— А потому, друг мой, что вы сами подтвердили, что не являетесь тем, за кого себя выдаете. А теперь прошу меня выслушать чрезвычайно внимательно, так как я в самом деле хочу вам только добра.

Коля жалко усмехнулся. Ощущение нескончаемого, жуткого сна становилось все сильнее, и ему вновь и вновь хотелось ущипнуть себя.

— Итак... — начал допрашивающий. — Вы вступили на территорию Соединенных Штатов одиннадцатого июля этого года.

Коля вздрогнул, и голова его закружилась. *Значит?.. Неужели?!*

— Вы находитесь в Соединенных Штатах нелегально и живете по чужим документам. Мистер Свенн А. Локк, действительный уроженец города Форт-Мэйс в Огайо, погиб год назад в автомобильной катастрофе, при этом непонятным образом исчезли все его документы. Ваши фотографии были предъявлены родителям покойного, но они наотрез отказались опознать в вас своего сына. Мы ведем за вами неусыпное наблюдение три месяца и имеем такое количество доказательств вашей противозаконной деятельности, что их перечисление заняло бы слишком много времени. Мы можем предъявить вам сотни фотографий, оперативные кинокадры, магнитофонные записи, но нужно ли это?

Коле Савкину казалось, что он уже умер, как умер, оказывается, тот, под чьим именем он жил тут, что это его забросило на тот свет, в который он не верил никогда и над которым смеялся и глумился.

Один из допрашивающих, высокий пожилой человек, переглянувшись с остальными, сказал:

— Возможно, мой коллега ошибается... Тогда,

будьте добры, опровергните наши ужасные предположения. Ведь вы из семьи ревностных лютеран? Представьте себе, я тоже лютеранин. Могли бы вы прочесть нашу главную молитву, первую молитву всех христиан — «Отче наш» по-английски и по-эстонски, как это принято в вашей семье? Слушаю вас...

Он говорил почти ласково, с какой-то усталой грустью, и от его голоса Коле, к его собственному удивлению, вдруг стало как-то удивительно хорошо, легко и спокойно...

— Вы молчите... — продолжил тот же человек тихо и участливо. — Ну хорошо. Тогда другой вопрос... Что сделал бы всякий законопослушный американец, если бы вдруг оказался на вашем месте, тем более не зная за собой никакой вины?

Коля мучительно пытался вспомнить: что-то такое им говорили в разведшколе... Но память изменила ему — как отрезало.

— Так вот, — сказал человек с горькой грустью, похожей на сочувствие. — Американец прежде всего потребовал бы своего адвоката и отказался бы отвечать на любые вопросы без его присутствия. Странно, вы прожили здесь двадцать восемь лет и не знаете простейших правил своей страны... Но может быть, вы знаете, что находится вот здесь?

И он выложил перед Колей черные маленькие кассеты с пленкой, его микрофотоаппарат «Минокс», его заветный шприц, который, видно, нашли за подкладкой, и целые пачки фотографий, на которых были изображены в самых разных видах и разных местах Нью-Йорка мистер Р. А., мистер Р. А. с Синди Кларк, сам Коля в вестибюле бара «Португалец», Коля с черной проституткой, Коля с белой проституткой...

Он понял, что надо либо тут же умереть, либо принять их правила игры. Вчерашний героизм и готовность не задумываясь отдать жизнь за любимую родину вдруг куда-то улетучились. Он даже сам не заметил как и куда.

Вновь заговорил тот человек, что начал допрос:

— Вы неглупый, я бы даже сказал, способный молодой человек...

Коля чуть не поперхнулся, не поверив своим ушам: может, издеваются?

А тот продолжал так же невозмутимо:

— Только содержимого этих кассет и вот этой магнитофонной записи вашей беседы с адмиралом Кларком, которую, не скрою, мы организовали с ним вместе, чтобы разобраться наконец, кто же такой этот странный коммивояжер несуществующей фирмы «Лемпорт и брат»... — Человек смолк и с грустью посмотрел на Колю: — Да, так вот... согласно нашим законам, этого вполне достаточно для заключения вас под стражу в лучшем случае минимум на пятьдесят шесть лет. Ну а в худшем... Мне неприятно продолжать, тем более вы понимаете и сами. Это чудовищная, мучительная и позорная смерть. Но вы можете избежать и того и другого. Сейчас мы закончим нашу беседу. Вас доставят в отведенное для вас скромное маленькое помещение, где вы сможете все обдумать, все взвесить. Поразмышляйте о том, что произошло и что ожидает вас, если вы окажетесь без нашей защиты и попадете в руки тех, кто вас сюда послал. Подумайте о новой жизни, которую вы можете начать в Америке практически заново, с нуля... Впрочем, нам пора прощаться.

— Что вам нужно от меня? — едва слышно проговорил Коля.

— Немногое. Чтобы вы рассказали нам то, что знаете, вот и все.

Его отвели в камеру — маленькую уютную комнату, где все сверкало чистотой — и постельное белье, и голубое покрывало, и вмонтированный прямо в стену крохотный холодильник, и белоснежный унитаз, через который — точь-в-точь как в любой гостинице — была протянута белая бумажная лента с надписью «ДЕЗИНФИЦИРОВАНО. СТЕРИЛЬНО».

Он упал на кровать, закинув руки за голову, и стал думать...

И чем больше он думал, тем все глупей и нелепей казалось ему его задание и сам себе он был отвратителен и смешон, а беспощадные люди, заслывшие его сюда, на верную гибель, казались все более чужими, жестокими и равнодушными.

Он понимал как никогда ясно, как страшны могут быть эти люди, для которых его, Колина, жизнь — ничто. Он вдруг догадался, открыл в самом себе, что и сотрудничать с ними начал не только из-за желания быть сильнее и независимее всех вокруг, но главное — от утробного страха перед этими людьми, которые могли сделать с каждым и с ним самим все что угодно, раздавить, как мошку, и не оглянуться — точь-в-точь как он сам предпочитал не оглядываться и не вспоминать, напрочь вычеркивая из памяти лица и голоса тех, на которых строчил когда-то свои складные донесения за подписью «Сурок».

Он всегда *играл*. Всегда только *изображал* преданность идеалам, веру в «наше дело», но в душе-то ведь он знал цену всем этим заклинаниям, которые были надежным, верным пропуском туда, где можно было никого не бояться, держа в страхе всех остальных.

Он всегда и лучше многих видел и понимал, что для его старших товарищей живые люди значили ничуть не больше, чем тот злосчастный пес для их профессора — специалиста по убийствам.

Лютая ненависть, смешанная с животным отвращением ко всем тем, кого положено было называть Центром, захлестнула агента Есенина.

И одновременно... — ему даже чудно было себе в том признаться... — в нем нарастало какое-то жалкое, покорно-благодарное, собачье-любовное преданное чувство к тем людям... к тем людям, которые схватили его и держали здесь пусть взаперти, но, по крайней мере, на безопасном расстоянии и в полной недоступности для тех, кто теперь без колебаний

лишил бы его единственной молодой жизни, которую ему хотелось продлить как можно дольше и как можно дальше от всей этой дурацкой кутерьмы.

Все героическое, гордое, высокое, что он столько лет взвинчивал и вращивал в себе, облезло и соскочило в какие-то считанные минуты.

От всех девизов, которые он исповедовал пионером, комсомольцем, а теперь — скромной человеком-единичкой партии, в нем остался и звучал все громче, как торопливый пульс у горла и в висках, только один:

«Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее н а д о...»

За эти три месяца он вдруг заглянул в самую глубину самого себя и обнаружил там страшные вещи, которые как мог пытался отбросить и захватить в какой-нибудь темный глухой угол...

За эти три месяца он так свыкся с Америкой, так прижился ко всему, что окружало его здесь, к этой удобной, налаженной, во всем и всегда продуманной и комфортной жизни, что надвигавшаяся необходимость расстаться со всем этим — может быть, даже навсегда — уже давно казалась мучительным неправдоподобным крушением...

Утратить все, что было у него тут... чтобы вернуться в Москву, в свою несчастную квартирку с папашей-мамой и старой девой-сеструхой, чтоб пахать годы и годы, теряя здоровье, за убогонькое советское жилье и, в наилучшем случае, две-три тысячи рублей... кататься в автобусах, мечтая когда-нибудь разжиться деньгой на уродский «москвичек»...

Тут у него было уже все, о чем там он не смел бы никогда и мечтать, и — это будет, сразу, все и навсегда...

Нет, нет... все-таки удивительно! Как ни странно, все повернулось так, что жизнь вдруг захотела исполнить его самое тайное, заветное желание.

И поняв это, открывшись в этом самому себе, он уже не сомневался в том, что скажет при встрече этим приятным вежливым господам, как будет дей-

ствовать и о чем говорить, в надежде на то спокойное, прочное существование, которое они сулили ему взамен.

57

Колю вновь привели в то же помещение и усадили на тот же вращающийся табурет. Двухметровые конвоиры отступили на несколько шагов назад и замерли у двери.

За столом, где в прошлый раз сидели те милые вежливые господа, пока никого не было, и Савкин, зябко передергивая плечами, вновь и вновь прокручивал в голове те фразы, которые собирался им сказать. Он прождал их очень долго, не менее часа, не смея даже приподняться, чтобы размять ноги. На занятиях его по-прежнему были наручники.

Но вот наконец открылась боковая дверь и те же люди направились к столу, и Коля сам изумился тому, как обрадовался, увидев их.

Тот, что в первый раз назвал себя лютеранином, теперь сел во главе стола и взглянул в глаза Савкину с серьезным вниманием.

— Вы все обдумали, все оценили, готовы дать предельно подробные чистосердечные показания... Не так ли?

Коля кивнул.

— Я рад, что вижу перед собой сильного игрока, — чуть улыбнулся человек, проводивший допрос. — Вы умеете верно просчитывать варианты. Рассказывайте все по порядку. Чем больше вы вспомните и сообщите, тем лучше будет для вас. Нам нужно знать ровно столько, сколько известно вам: имена, телефоны, должности, адреса... Впрочем, вы и сами понимаете, что может представлять для нас ин-

терес. Вы должны купить себе свободу и жизнь, и этим все сказано.

— Я не знаю, с чего начать... — глухо сказал Савкин. — Много всего...

— Да ведь у вас и времени много, — улыбнулся его собеседник. — Итак, мы слушаем...

И Коля начал рассказ...

Они переспрашивали, кое-что уточняли, кивали, иногда делали записи в блокнотах, хотя на столе медленно вращались огромные бобины двух серых магнитофонов.

Он рассказал все, что знал, назвав имена всех сослуживцев и описав их внешность и привычки, подробно описал два года учебы в разведшколе, четко изложил суть своего задания, не забыв упомянуть ни телефона связника, ни явочных «точек», ни известных ему тайников, ни правил назначения и проведения агентурных встреч, ни имени и служебного положения резидента Ивана Макаровича.

Но странное дело, они задавали вопросы о каких-то ничтожных мелочах, о полузабытых преподавателях стрелкового и парашютного дела, однако ни разу не спросили о самом главном — о том человеке, из-за которого он оказался в Америке. И он никак не мог взять в толк почему.

Словно почувствовав или угадав его недоумение, один из сидящих понимающе кивнул.

— Капитан Савкин, вас, вероятно, занимает, почему мы как будто пропускаем мимо ушей все, что вы сообщаете по поводу мистера Р. А. На то есть несколько причин. Первая из них та, что у вас нет никаких конкретных доказательств его связей с советской разведкой.

— Да как же так! — вскричал Коля. — Я же вам точно все говорю!

Всем опытом жизни Коля был научен тому, что всякое упоминание о компромате на любого человека автоматически ставило того на подозрение без

каких-либо доказательств. А уж в таком-то деле и подавно! И он решительно не мог понять, зачем всем этим тертым-перетертым фэбээровцам или цэ-рэушникам какие-то там дурацкие юридические за-кавыки. Он знал — коли названо имя, гражданин будет взят в «разработку», и никаких гвоздей! На «фильтровку» и «рентген» до седьмого колена... Что-то тут явно было не так у этих американцев, либо они просто-напросто все были отчаянные лопухи.

И вдруг страшная догадка осенила его внезапно просветлевший ум. Ну конечно! Он не ошибся! Он все понял правильно, до самого дна. Этот сука Р. А. был просто-напросто перебежчик, поганый перерожденец, который тут, в Америке, так ничего и не сделал, а потому и не оставил следов. Ясно, все ясно! Его надо было просто сразу прикончить как предателя и рвать когти...

Но вдруг он опомнился, спохватился... Все эти мысли были уже из прошлого, из невозвратного прошлого, из той необратимости, в которую он сам нырнул, затеяв дурацкие игры с шантажом адмирала Кларка.

Теперь он сам, Коля, был для тех, кто посылал его сюда, предателем и иудой, подлежащим безусловному уничтожению.

Впрочем, ему было теперь на все это наплевать. Он перемахнул рубеж и оглядываться не собирался. Спасти его теперь могли только враги.

— Господин... как вас?.. — протянул он руку.

— Меня зовут Джон, — вежливо кивнул «лютеранин».

— Вы же сами понимаете... что мне теперь... У меня же там, в Москве, отец, мать... сестра... Если до наших дойдет — от них и пыли не останется.

— Через несколько дней, — сказал Джон, — сразу в нескольких газетах в сводках происшествий появится короткая информация о вашей смерти в результате несчастного случая. Если хотите, — засмеялся он, — можете сами выбрать способ исчезновения — автомобильная катастрофа, падение с

высоты, приступ аппендицита и неудачная операция, удар электротока... Текст будет проиллюстрирован печальной фотографией. Вот и все. Коммивояжер Свенн А. Локк, он же агент резидентуры Есенин, он же капитан советской разведки Николай Иванович Савкин перестанет существовать. Вы станете кем угодно, и вас уже никто никогда не найдет в каком-нибудь захолустном городке на севере Оклахомы или в отрогах Скалистых гор. У вас будет небольшой дом, приличный автомобиль, известная сумма в банке и полная свобода, за исключением свободы перемещения на ближайшие несколько лет. Потом изменитесь вы, изменится время, изменится мир. Всем станет не до вас. Вот и все. Согласны? В конце концов, вы ведь не первый оказавшийся в таком положении.

— Я... — пробормотал Коля, — я...

Он чувствовал, что пол уплывает куда-то, как огромный плот. Голова его закружилась. Один из гигантов-конвоиров сделал два шага и подал ему стакан воды. Он пил, давась, исподлобья глядя на сидящих и смотрящих на него людей с невыразимой преданной благодарностью.

Он понял, что должен, просто обязан растолковать им, что они ошибаются, что этот проклятый фотограф действительно крупная шишка, как говорили ему в Москве.

— Господа, — воскликнул он, отдавая стакан конвоиру, — вы напрасно не хотите услышать меня. Ну да, у меня нет прямых доказательств. Не мог же я тащить их сюда из Москвы. Но вы сделаете страшную ошибку, если оставите мои слова без внимания.

— Послушайте, Савкин, — довольно бесцеремонно перебил его «лютеранин» Джон. — Это какая-то паранойя. Вы утверждаете, будто Р. А. не кто иной, как тайный агент, засланный в Америку Берзиным, а впоследствии работавший напрямую с Лаврентием Берией, руководившим всей русской стратегической разведкой. Но все люди Берзина и

Берии были давно отозваны либо ликвидированы. Почему же тогда остался Р. А.?

— Да я откуда знаю? — вскричал Коля — Меня затем и послали, чтобы я с ним тут разобрался.

— Господин Савкин, мы не дилетанты. После вашего заявления в ходе беседы с адмиралом Кларком, что мистер Р. А. — резидент, мы более чем внимательно изучили его досье. На нем — ни пятнышка.

— Но он же в т е р с я в доверие к адмиралу Кларку! Завел шашни с его женой — у меня все зафиксировано!

— И адмирал Кларк, и его супруга, и мистер Р. А. — вне подозрений, — сухо и внушительно сказал Джон. — Это честные американцы, добросовестно служащие своему народу. Мистер Р. А. по роду занятий общается с самыми разными людьми. Ему принадлежат не только лучшие виды Нью-Йорка. Он автор классических фотопортретов выдающихся политических деятелей всего мира. Неужели господин Савкин полагает, что все эти лица — агенты мистера Р. А. или его информаторы? Что же касается его отношений с супругой адмирала Кларка, то это проблема частной жизни и не входит в юрисдикцию государства.

— То есть как? — не понял Савкин.

— Именно так. Скажу вам больше — мы склонны считать, что вы преследовали мистера Р. А. и следили за ним лишь для того, чтобы каким-то образом выйти на Кларка. Он был нужен вам лишь как связующее звено... чтобы шантажировать адмирала с целью получения секретных сведений и материалов.

Коля сидел оглушенный и удрученный.

Все здесь было не так, совсем не так, как он знал и как наставляли его.

Они не верили или делали вид, будто не верят ему, а доказать свою правоту он не умел. Похоже, его почему-то просто не желали слышать.

— Не терзайтесь, — утешающе сказал один из сидящих. — Просто ваши бывшие начальники по-

слали вас в командировку — кажется, так это именуется на вашем профессиональном жаргоне? — во все не для того, чтобы вы инспектировали Р. А. Ведь задание добыть технические описания новейшей ракетной боеголовки и взрывателя боезаряда вы получили уже здесь, от вашего резидента?

— Ну да, — ошеломленно сказал Коля, — точно...

— С вами сыграли злую шутку. Проверка и слежка за мистером Р. А. была лишь предлогом. Коля задумался.

Это здорово смахивало на правду. Похоже, московское командование просто подставило его и обмануло. На этом он и решил успокоиться...

58

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 28 октября 1956 г.*

«Не записывал несколько дней — выдалась неделя, насыщенная событиями огромной важности.

В Египте — полномасштабная война с применением всех видов вооружений.

События в Будапеште неуклонно перерастают в общевенгерское восстание против русского присутствия и насаждения их социальной модели.

Ситуация принимает все более острый характер, и совершенно несвоевременная военная акция французов, англичан и евреев против Насера явно рассеивает и отвлекает внимание всего мира от событий в Будапеште в то время, когда оно должно было быть сконцентрировано только на Венгрии!

Прежде чем затевать Суэцкую заваруху, Париж, Лондон и Тель-Авив обязаны были согласовать время ее начала с нами!

Я в ярости и не скрывал этого, излагая свою точку зрения в Белом Доме.

Айк того же мнения. Мало нам возни с врагами, чтобы этикие подножки устраивали друзья.

Проблема Насера, Суэцкого канала, палестинцев и Ближнего Востока никуда не уйдет и не разрешится по крайней мере до конца столетия.

То же, что происходит сейчас в Будапеште, несравненно важнее и может иметь колоссальные последствия, если удастся вырвать мадьяр из ежовых объятий Москвы. Тогда неизбежна цепная реакция в Чехословакии и Польше, а затем и в остальных странах красного альянса.

Разумеется, наш друг Никита не такой простак, и удержать венгров для него не менее важно, чем нам выволить их из сталинского плена.

По данным авиаразведки, в Западной Украине отмечается концентрация войск. Пусть потомки назовут меня чудовищем, а они скорее всего назовут меня именно так, но я обязан употребить все силы, чтобы русские показали себя теперь во всей красе.

Мне жаль венгров, но кровь должна быть пролита.

Нужны святые жертвы во имя будущего.

Чем больше венгерской крови по своему примитивному недомыслию прольет теперь Кремль, тем будет лучше для всех, тем скорее во всем мире наступит отрезвление от соблазнительных марксистских чар.

С сегодняшнего утра предпринимаю все меры, чтобы затушить костер на берегах Нила.

Но эта же сумасшедшая неделя принесла и нечаянную радость.

На адмирала Кларка вышел русский агент, тот самый, которого уже четвертый месяц вели мои люди вместе с людьми Гувера. Мышеловка сработала, и мы его сцапали.

Как я и предполагал, после первых полетов машины Келли Джонатана Хрущев надрал задницу мо-

ему московскому коллеге Серову, с тем чтобы его люди здесь, живые или мертвые, добыли наши новые системы уничтожения высоколетящих целей. И они получили такое задание. Именно за этим попавшийся дурачок и явился позавчера вечером к Кларку.

Адмирал подсунул ему какое-то старье, и мы взяли парня «на горячем».

Он быстро разобрался, что к чему и что здесь, в Штатах, ему будет намного спокойней, даже в тюрьме или под надзором, чем в русской могиле на каком-нибудь пустыре.

Он выложил все, вплоть до имени своего резидента, паролей и сигналов, и мы в любой момент можем накрыть их сеть на Атлантическом побережье.

Он сообщил много интересного и важного. Наконец-то разъяснилось непонятное затишье в лагере русской агентуры — как утверждает этот субъект, наши русские антиподы затеяли проверку и прочистку всех своих здешних лежек и берлог. Превосходная мысль! Здесь открывается поле для грандиозной игры! Мы никого не станем трогать, мы просто возьмем их всех под контроль, чтобы снабжать Москву тухлым товаром.

Хотел бы я знать, кто в Москве инициировал эту операцию?!.. Я бы лично представил его к нашим высшим орденам.

Увы, имя этого гения мне пока неизвестно.

Ясно одно: это кто угодно, только не Иван Серов. Он креатура Берии, а покойник Лаврентий был сам умен как бес и не терпел дураков. Вполне вероятно, что эта акция с проверкой проводится вопреки желанию Серова, а быть может, и намеренно против него самого.

Очевидно, что без Берии они там, в Москве, запутались в собственных сетях.

В любом случае, похоже, все катится к тому, что будет их же собственными руками развалена вся здешняя русская машина разведки. Наша задача —

прикинуться слепоглыми ослами, не шевелить и пальцем и не мешать им довести это дело до конца. То есть, продолжая скрытое наблюдение, не трогать ни одного из здешних русских резидентов, чтоб не встревожить Москву.

Но что самое главное — этот глупец инспектор назвал имя...

И когда я услышал его — мороз прошел по моей старой шкуре. Неужели?! Неужели я волею случая все же вышел на того, кто уже столько лет неотступно следует за мной по пятам и выбивает меч из моей руки?..

Сейчас самое главное — не дать им разгадать, что мы заняли именно такую позицию подконтрольного невмешательства».

59

---

*«Строго секретно. Донесение в Центр.
Нью-Йорк — Москва.»*

Как установлено источником Палома, военно-политические и промышленные круги США и их сателлитов в рамках НАТО вопреки их публичным заявлениям втайне *заинтересованы* в обострении напряженности вокруг венгерских событий и предпринимают провокационные оперативные действия, чтобы вывести ситуацию в Венгрии и Будапеште из-под контроля.

По расчетам их крупнейших аналитиков, и прежде всего высшего руководства ЦРУ, *стратегический урон*, который понесет в исторической перспективе СССР в случае начала прямого вооруженного вмешательства его воинских контингентов с целью подавления народного восстания против режима Ракоши—Гере и устранения Имре Надя, *будет не-*

измеримо выше, чем если он воздержится от этого и переведет ситуацию в сферу ненасильственных политических решений.

Прошу принять к сведению и донести до высшего политического руководства.

Стэнли».

Опять этот Стэнли!

Эта подпись под донесениями уже давно выводила Хрущева из себя. Что-то слишком много он берет на себя, будто здесь дураки сидят. Уж как-нибудь разберемся с кем надо! И с венграми разберемся, а там, глядишь, и с югославами снова задружимся. Советчик, видите ли!

Станный какой-то он, подозрительный, этот Стэнли. Очень подозрительный! И компромат на него имеется — чуть ли не тридцать лет с проклятым мингрелом якшался.

Теперь с ним Серов на связи, уверяет, «сверхценный», «незаменимый»... Уж в чем был прав Папаша, так в этом — незаменимых у нас нет. Будет надо партии и народу — кого хочешь заменим. Да и сам Серов этот, прямо скажем, не подарок. Тоже ведь из-под бериевского крыла...

«Ненасильственных решений...»

Да какая же это политика, если ненасильственно?

Венграм надо показать, кто в доме хозяин, да так показать, чтоб всем в мозжечок на сто лет запало — и немцам в Берлине, и чехам, и болгарам... А особенно — полякам. Если сегодня не показать, завтра все, что в войну да такими жертвами добыли, все на ветер пойдет. С одними монголами останемся.

«Историческая перспектива...», «Стратегический урон...».

Нет, надо, надо, чтоб этим Стэнли занялись всерьез. Да уже и занимаются, кажется... А насчет средств уничтожения этих самолетов — пока никаких известий! Надо так им хвост накрутить, чтоб под-

нажали там. Только действовать надо без Серова, по-тихому и в обход. Вернее будет...

Конечно, мистер Р. А. не знал и не мог знать этих тайных мыслей всемогущего главы СССР, читавшего в числе других и его донесения из Нью-Йорка.

Но все это уже не имело для разведчика большого значения.

Он чувствовал, что некая тонкая, но прочная нить, столько лет соединявшая его с Москвой, надорвана и держится уже лишь на честном слове.

Отстоял у окна своего ателье, глядя на вечерний Нью-Йорк и вспоминая тот вечер, когда Синди была у него здесь в последний раз перед отлетом в Европу. Теперь она была в Африке, и впервые он не имел от нее никаких вестей.

Такое же густо-синее небо догорало над городом...

Он усмехнулся, вновь повторив про себя мелькнувшую в голове идиому родного языка: «держаться на честном слове»...

Какое странное, равно необъяснимое и глубокое выражение. Кажется, за ним стояло слишком много всего. *На честном слове* работал он здесь, *на честном слове* держались их отношения с Центром, *на честном слове* были основаны все связи... И вот теперь наступало то, что должно было неизбежно последовать, как всегда, когда кто-то честному слову изменял.

Он знал — в их многолетних отношениях с Москвой *честное слово* нарушил он, Центр, какие-то люди Центра. Сам же он держался своего *честного слова*, держался до конца.

Накануне он обнаружил, что его рыжеватый соглядатай исчез так же внезапно, как и появился, будто чертик из табакерки. Исчез, сгинул в одночасье, и мистер Р. А. почти не сомневался, где он и что с ним случилось.

На следующий день, ранним утром двадцать седьмого октября, понимая, куда неотвратимо движутся венгерские события и в тайной надежде найти любимую, мистер Р. А. вылетел в Австрию, чтобы оттуда любыми правдами и неправдами добраться до Будапешта, уже не зная, вернется ли в Америку, увидит ли еще когда-нибудь свой Нью-Йорк.

60

После уже известных читателю трех первых полетов самолета «U-2» в глубь СССР, когда пилоты группы 10-10 прошупали русскую систему воздушной обороны и убедились в полной безопасности предстоящих заданий, по личному приказу президента началось систематическое разведывательное аэрокартографирование всей советской территории.

Каждый такой полет весьма щедро оплачивался. Что и немудрено — всякий раз ЦРУ получало совершенно бесценные сведения, которые нельзя было добыть никаким другим образом и которые обошлись бы американской казне при традиционных методах сбора военно-стратегических данных в суммы, какие не шли ни в какое сравнение с гонорарами небесных рейнджеров из группы 10-10.

Новый самолет практически упразднил прежнюю практику засылки в небо противника высотных шаров, большей частью изжили себя за ненужностью и разведывательные полеты на самолетах всех других типов.

Главное достижение ЦРУ состояло в том, что впервые за многие годы американским военным удалось получить точные, достоверные геодезические привязки наземных объектов в СССР с их проекциями на картах.

До конца восьмидесятых годов все советские гражданские географические карты были намеренно грубо искажены, и использование их в реальной навигации или военном деле, тем более в нарождавшуюся эпоху баллистических ракет с прицеливанием за сотни и тысячи километров, было делом совершенно безнадежным...

Появление в небе СССР «U-2» свело к нулю все усилия советского Главного управления геодезии и картографии.

Тайны местоположения множества секретных объектов в одночасье перестали быть тайнами. И это стало настоящей катастрофой для всей развернутой советской системы маскировки, камуфляжа, ложных «точек» и мнимых сооружений.

Шел только пятьдесят шестой, и до первого спутника оставалось еще больше года. Но обе великие соперничающие державы уже всю работу на недалекое будущее, на то время, когда мощные ракеты смогут разгонять и забрасывать на земные орбиты спутники-автоматы со специальной шпионской начинкой и навсегда изменят политическую реальность мира...

Собственно говоря, как в СССР, так и в США именно эта задача доминировала во всех их космических программах.

А уж все прочее — шум и треск пропагандистских машин по поводу «мирного освоения и использования нейтрального космоса» — было не более чем гарниром к вожделенному коронному «блюду» — фото- и радиоэлектронной космической разведки...

Именно космическая разведка, как ничто другое, изменила расстановку сил в мире, психологию политиков, лексику их посланий и заявлений.

Само понятие каких-то секретных наземных объектов ныне утратило всякий смысл.

Какие секреты, если с высоты триста километров теперь научились делать снимки... ну, скажем, автомобилей на улицах Орла или Сан-Франциско, при-

чем на карточках отчетливо различимы цифры их номерных знаков?..

Однако в пятьдесят шестом спутники еще не летали. Но у американцев был самолет-разведчик «U-2».

Как помнит читатель, среди двенадцати первых пилотов, отобранных и прошедших подготовку для полетов по программе проекта «Ночной кондор», был молодой человек несколько выше среднего роста с выразительными чертами лица, чем-то неуловимо похожий на идола эпохи — гения рок-н-ролла Элвиса Пресли.

Но если в лице певца всякий, даже не будучи физиономистом, тотчас угадал бы тяжелый капризный нрав, таящий яростно-опасную, неуправляемую импульсивность избалованного кумира, то ничего подобного в лице молодого военного летчика Фрэнсиса Гарри Пауэрса не было.

Он был человек закрытый, малообщительный, профессионально собранный, молчаливый.

И именно Пауэрс после всех тестов и ознакомительных полетов был признан одним из трех лидеров группы, способным осуществлять самые трудные, рискованные рейды.

Военный летчик Пауэрс к делу своему относился ревностно, что в кругах армейских и околоармейских никогда не остается не замеченным внимательным руководством, а, напротив, берется на карандаш и принимается к сведению.

Сам же Гарри, как звали его в подразделении, став служащим ведомства Аллена и безукоризненно выполняя все поручения руководителя Специального управления ЦРУ по разведывательным полетам мистера Ричарда Биссела, жил как под дамкловым мечом.

Как знать, быть может, те же чувства испытывали все пилоты особого подразделения 10-10, действовавшие в тех кусках мира, которые представляли

специфический интерес для сухопарого джентльмена с небольшими седыми усами, очками без оправы и с легендарной трубкой в углу насмешливого рта?

Но, так или иначе, мастерство пилота Пауэрса привлекло к нему особое внимание. Его стали посылать в наиболее недоступные районы, к наиболее занимательным «точкам» самых глухих углов Советской России.

Один из этих полетов, намеренно приуроченный Алленом и Бисселом к русскому празднику их революции, к седьмому ноября пятьдесят шестого года, едва не стоил ему жизни.

Поднявшись со взлетной полосы одного из аэродромов Турции и сбросив на землю уже ненужное шасси, Гарри набрал безопасную высоту, прошел над Каспийским морем, заснял огромный район секретных полигонов Капустина Яра и взял курс на Западную Украину.

Одним из важнейших достоинств этой машины, особо ценным ее «главными заказчиками», было именно то, что за один полет удавалось охватить громадные площади вражеской территории, отстоящие друг от друга на тысячи километров.

Пауэрс летел, в нужное время ориентируя самолет в нужном направлении и приводя в действие бортовую спецаппаратуру.

Он уже «поймал» на пленки запретные зоны в приграничном районе советско-венгерской границы, куда, как полагали в штабе НАТО, должны были стягиваться дополнительные танковые дивизии русских помимо тех, что уже вошли в восставший Будапешт, когда на высоте около двадцати километров после очередной плановой остановки двигателя и десятиминутного свободного парения турбина не желала после нажатия кнопки возобновить свое негромкое свистящее вращение.

Двигатель больше не запускался, тяги не было, Гарри продолжал скользящий полет в удивительной тишине...

Он вновь и вновь нажимал кнопку запуска — никакого ответа...

Стало невыносимо страшно. Отказал самый надежный, самый легкий, самый экономичный реактивный двигатель.

До аэродрома в Баварии, где ему надлежало приземлиться, лежало огромное расстояние, около тысячи километров.

Никакой связи ни с кем там, где-то вдали... внизу... Словно он был последним живым существом над вымершей планетой... Ледяная влага выступила на лбу, расплылась по спине. Никто не мог спасти его теперь, никто!

Зачем он ввязался в это, зачем так стремился сюда?.. Чтобы испытать до дна этот холодный ужас космической пустоты и одиночества перед смертью?

Или то пришло возмездие за эти преступные полеты над городами и землями практически беззащитного противника, на которого он поглядывал сверху с презрительным чувством неоспоримого превосходства? Еще вчера он не думал об этом, но сейчас, у рубежа жизни и гибели, все прежнее показалось совсем в ином свете...

Шансов на спасение не оставалось. Двигатель не запускался — а за стеклом кабины было около шестидесяти мороза по Цельсию, убийственное сверхнизкое давление и почти полное отсутствие кислорода...

Для пилота любого другого самолета это означало бы гибель.

Но летчику Фрэнсису Гарри Пауэрсу, конструктору Келли Джонатану и воздушному разведчику «U-2» удалось доказать, что машине этой в самом деле нет равных в мире.

С того мгновения, как лопадки турбины замерли, «U-2» превратился из самолета в безмоторный планер, что предусматривалось его особо легкой конструкцией.

Теперь летчик мог рассчитывать только на провидение, на собственное хладнокровие и изумитель-

ную летучесть своего аппарата. Бесшумно скользя в струях разреженного воздуха, чуть маневрируя и балансируя, чуть меняя крены и практически не теряя скорости, феноменальный крылатый аппарат, почти не снижаясь, сумел продержаться в воздухе еще около двух часов!

Но что это были за часы, эти сто тридцать пять минут! Чего стоили они и во что обошлись летчику!

Смерть в небе обыкновенно бывает внезапной и быстрой...

А здесь она неотступно маячила прямо перед ним — долго, невыносимо долго... Но он собрался, все взвесил, произвел расчеты и мобилизовал все свое профессиональное мужество.

Минуты, минуты... минуты... Где-то под ним беззвучно проплывали земли Венгрии, Чехословакии, Восточной Германии...

Все это время Пауэрс строго выдерживал курс и в конце концов, уже почти не веря себе, совершил мастерскую посадку именно там, на том самом малоизвестном спортивном аэродроме восточнее Мюнхена, куда ему и надлежало прибыть по завершении задания!

По всем понятиям он совершил действительно невозможное, и восторг встречавших Гарри Пауэрса, когда они узнали об обстоятельствах полета, вряд ли поддается описанию.

Он доказал, что каждый из летающих на этом самолете, имея запас скорости и высоты, помноженные на выдержку и сноровку, имеет шанс сохранить жизнь себе и своей машине даже в заведомо безвыходном положении.

За этот действительно удивительный полет летчик был награжден, получил внеочередной двухмесячный отпуск и на следующий день, как обычный пассажир, вылетел рейсовым самолетом в Америку.

Несмотря на поздравления коллег, возвращаясь домой, в маленький городок Паунда в штате Вирджиния, Пауэрс чувствовал себя скверно.

Как странно: он избежал смерти, совершил, казалось бы, невозможное, но радости чудесного спасения не испытывал.

Нервное напряжение, которое наваливалось всякий раз, когда он незаконно приближался к чужой границе, теперь сделалось постоянным и неотступным.

Возможно, то были последствия пережитого смертного страха, который неизбежно больше или меньше меняет всякую психику, но отвратительное чувство чего-то гадкого, запретного, воровского уже не оставляло его.

Поэтому, оказавшись дома, он чувствовал себя не в своей тарелке сильнее, чем когда-либо прежде.

Да, жена и родители были рады ему, да, приятели юности встретили его тепло и весело, но радости не было.

Детство его было нелегким. Замкнутый, молчаливый мальчик, он всегда и всем казался немного странным, и единственный человек, которого он любил, был дед, городской почтальон.

Сознание того, что, подписав контракт по проекту «Ночной кондор», он навсегда опутал свою душу страшной тайной, ввязавшись во что-то пусть и необходимое, но не слишком достойное, не покидало его.

«Это деньги, — говорил он себе, — огромные деньги, это просто такая работа...»

Он военный, он действует по приказу, он только придаток этого черного самолета, и, в конце концов, не он затеял все это и ответ держать не ему.

В один из вечеров, дня за два до окончания отпуска, они сидели вдвоем с дедом и молча смотрели какую-то дурацкую викторину по национальному каналу NBC.

Но вдруг дед резко поднялся и выключил телевизор.

— Послушай, Гарри... — Он повернул и придвинул свое кресло так, что они сидели лицом к лицу и смотрели глаза в глаза. — Что с тобой?

Пауэрс отвернулся.

— Ты не можешь мне сказать?

— Не могу.

— Послушай, ты мне здорово не нравишься в этот приезд. Когда ты прилетишь к нам опять?

Деду он хотел бы сказать многое. Открыть сердце, рассказать о своем страхе... Но это стало бы военным преступлением.

— Не знаю, — ответил Гарри, — не знаю когда, дед. Я вообще теперь ничего не знаю. И может быть, когда-нибудь вы получите известие, что я пропал.

— Ты пугаешь меня. Так не бывает.

— Еще как бывает! — усмехнулся Гарри и вдруг явственно вспомнил холодный пот, окативший его с головы до ног под высотным комбинезоном, под герметичным шлемом, когда двигатель не хотел отвечать на нажатие кнопки... — И если вам сообщат, что я исчез, пропал, не ждите и не ищите меня.

Лучше просто забудьте.

Старый почтальон молча смотрел на него...

61

После того как этого рыжеватого глупца шпиона увезли люди из ФБР, Джозеф Кларк некоторое время сидел в кресле, глядя в одну точку.

Неужели? Неужели то, что сказал ему этот очевидный негодяй, может быть правдой и человек, с которым так тесно, так близко связана его семья, просто-напросто низкий шпион, самым подлым и самым грязным способом сумевший вползти в судьбу Синди, да и в его судьбу?

Неужели и Синди была нужна ему лишь как функция, лишь как кукла, а на самом деле он просто-напросто использовал ее, пытаясь подобраться к важнейшим американским секретам? Чудовищно! Просто чудовищно!

И в то же время он помнил лицо этого Р. А., помнил его глаза, один их глубокий, долгий взгляд в глаза друг другу на одном из официальных приемов...

Нет! Этот человек не мог быть подлецом! Да, разумеется, он пришел в их жизнь и был источником его тайных страданий, но он, адмирал Джозеф Кларк, предпочел взять все на себя, чтобы избавить от страданий ту, которую любил больше жизни.

Он знал ее сердце, знал устройство ее души, а потому понимал: ворвавшееся в жизнь их семьи после той встречи с Р. А. в Париже, когда оба они получали Гран-при за лучшие снимки сорок восьмого года, она — за мальчика-палестинца с лепешкой, а он — за портрет Роберта Фроста и «Бруклинский мост» и «Гудзон в тумане», то вспыхнувшее чувство было наверняка сильнее ее.

Это могло бы показаться невероятным, но, увидев Р. А., вместо естественной мужской ненависти к сопернику он, Джозеф Кларк, испытал совсем другие чувства, скорее похожие на благодарность к тому человеку, который сумел дать Синди все то, чего не смог дать ей он сам.

Она была художником, птицей свободной, птицей отважной — ему приходилось видеть ее в деле, на боевых кораблях и при высадке в Нормандии. Он не просто любил ее, он уважал ее как солдата, как своего моряка, которого мог бы послать на любое дело. Он восхищался ею.

Он восхищался ею даже в этой ситуации, невыносимой и страшной для него. Она сделала все, решительно все, чтобы избавить его от мучений, чтобы сохранить семью ради сыновей, ради его репутации, ради чистоты его имени.

Шесть лет назад он увидел снимок, который сделал Р. А., — портрет Синди, смотрящей прямо в глаза тому, кто в этот миг нажал кнопку затвора, — прямой, честный взгляд, полный такой огромной, всепоглощающей женской любви, каким она, при всей любви к нему, не посмотрела на него никогда.

По иронии судьбы на следующий день ему долж-

но было исполниться сорок пять лет. Это был страшный подарок... И что пережил он в тот день рождения, пожалуй, лучше было не вспоминать.

Но на следующий день он сделал то, что обязан был сделать — как муж, мужчина, друг, защитник. Он сделал то, что, вероятно, мало кто смог бы на его месте, — он решил избавить ее от неизбежной лжи.

— Знаешь, — сказал он вечером, — даже не знаю, как начать... Это трудный разговор. Может быть, самый трудный в нашей жизни, Синди.

Он увидел, как вся она напряглась, как побледнела, как зрачки ее глаз расширились, будто в ожидании удара...

— Говори, — сказала она.

— Послушай, Синди, — сказал он глухо. — Ты должна понять меня. Мы живые люди, Синди. Я любил тебя и буду любить всегда.

— Говори же... — сказала она, — говори, Джо. Я приму все, что ты скажешь.

— Синди, — опять повторил он, — я... изменил тебе. И... я люблю эту женщину.

Она смотрела на него, потрясенная, не зная поначалу, верить или не верить, но затем произнесла раздельно и тихо своим низким хрипловатым голосом:

— Я.... поняла, Джо. Я поняла... И никогда не забуду тебе этого. Это мог сделать только ты. Благодарю тебя. Я всегда знала, кто рядом со мной, и я буду с тобой до конца, до той минуты... В общем — пока ты сочтешь это нужным. Но сможем ли мы жить так? Сможешь ли ты?

— Попробуем, — сказал он. — Посмотрим.

И никто на земле, кроме них двоих, не знал о том, как изменилась их жизнь.

Примерно через год он попытался завести роман с одной женщиной на Гуаме, но это было настолько *другое*, настолько далекое от того, что его связывало с женой, что после нескольких встреч он оборвал эту связь, от которой в нем не осталось почти ничего, кроме досады и стыда.

Он был в расцвете сил, мужское одиночество

было не для него, не для его природы. И он нашел себе тихую маленькую женщину-друга под Вашингтоном — милую Шерли Сэндс, с которой можно было славно и бездумно провести вечер, посмеяться, послушать музыку и посмотреть телевизор, чтобы затем вернуться домой и всякий раз вновь со смешанным чувством разрывающей горечи и любви увидеть счастливые глаза Синди, вернувшейся от него.

Но все равно, увидев ее, он всякий раз испытывал накат счастья лишь оттого, что мог просто быть рядом с ней, класть руку ей на плечо, видеть ее глаза...

«Черт возьми, — думал он, — разве этого мало? Ведь всего этого могло просто не быть никогда».

Он закурил уже вторую сигару — прекрасную ароматную «Коронас» и попытался вспомнить, могли за все эти годы хотя бы случайно, мимоходом разгласить какую-нибудь служебную тайну.

Нет, он был абсолютно уверен в этом... Да и жена, он положил бы голову на плаху, скорее бы умерла, чем совершила то, что теперь можно было бы заподозрить.

Значит, он не был информатором Р. А., не был поставщиком сведений, даже если тот и правда был русским резидентом. Единственное, что получил бы Р. А., если он действительно был шпионом, это возможность благодаря знакомству с Синди каким-то образом соприкоснуться с военными кругами. Но он конечно же мог бы добиться этого и помимо нее.

Но значило ли это, что чиста совесть адмирала Кларка и что они с Синди могли продолжать жить, как жили до сих пор?

В мучительных размышлениях обо всем этом прошло два или три дня...

Наконец адмирал Джозеф Кларк попросил принять его заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Хогса. Он подробно изложил всю ситуацию, называя Р. А.

«одним знакомым» и ни разу не упомянув его имени.

После этого адмирал, не выходя из кабинета председателя, прямо на его столе, написал подробное объяснение и рапорт с просьбой об отставке.

Старый мудрый генерал Хогс покачал головой.

— Кто из нас не попадал в такие ситуации, дружище? Разумеется, мы все проверим по линии военной контрразведки, если надо, затребуем все дела... Но я знаю вас, адмирал Кларк. И то, что к каждому из нас хотела бы втереться в доверие какая-нибудь сомнительная персона, более чем естественно. Я не приму вашу отставку. Вы нужны нашему делу, и, пока у вас есть силы, вы обязаны отдавать их стране.

— Благодарю вас, генерал, — кивнул Кларк. — Вот мой рапорт. На нем стоит моя подпись, но нет даты. Пусть он хранится у вас. Если откроется какая-нибудь пакость, я просто приеду к вам и впишу число.

— Что бы ни было, адмирал, лично я никогда не усомнюсь в вашей верности присяге. Уверен, того же мнения будут и остальные. Можете идти...

Кларк вернулся в свой большой кабинет и сел за стол. Он был настолько внутренне подготовлен к тому, что его отставка будет принята, что еще никак не мог войти в более или менее уравновешенное состояние.

Вдруг зазвонил телефон. Сняв трубку, он услышал голос своего секретаря-адъютанта:

— Сэр, вас вызывает Будапешт.

— Будапешт, вы не ошиблись?

Звонок из восставшей венгерской столицы? Он ничего не мог взять в толк.

— Хорошо, соедините меня, — сказал он.

И тут же вдали, через треск тысячекилометровых телефонных линий, услышал голос Синди:

— Джозеф, это я. Я здесь, в Будапеште.

— Как ты оказалась там?

— Я сделала все, зачем меня посылали в Суэц, и

махнула в Будапешт. Я не могла поступить иначе. Здесь происходит что-то невероятное.

— Где найти тебя там? — крикнул он.

— Я сама еще ничего не знаю, Джо. Здесь просто кратер вулкана, и все с минуты на минуту ждут извержения.

— О Боже! — воскликнул он. — Синди, умоляю тебя... Если что-нибудь там начнется — не суйся в самое пекло и улетай! Бои в городе страшнее всякой другой войны.

— Я знаю это не хуже тебя. Здесь и правда страшно. Здесь ненависть пошла на ненависть, ярость на ярость. Они вешают коммунистов прямо на улицах Будапешта. Это безумие... Запах свободы лишил их разума.

— Синди! — крикнул он. — Если начались самосуды — значит, там завтра будут русские танки. Я приказываю тебе улетать! Вспомни о детях!

— Я помню обо всех вас.

— Он там? — спросил адмирал.

— Да, — сказала она. — Он прилетел три дня назад.

На долю секунды Джозеф Кларк испытал облегчение.

— Я жду тебя, — крикнул он.

— Джозеф, это...

Связь оборвалась...

62

Мистер Р. А. третий день был в бушующем Будапеште.

Он хотел увидеть все собственными глазами и запечатлеть на пленку, хотя репортером никогда не был. Но истинная причина его спешного прилета бы-

ла не только в этом. Он не сомневался, что, бросив все в Египте, сюда примчится Синди.

Он слишком знал ее, чтобы сомневаться в этом.

И почти не удивился, когда увидел ее в будапештском корпункте «Ассошиэйтед пресс».

— Боже, Роджер, — даже не улыбнувшись, проговорила она незнакомым безжизненным голосом. — Наконец-то...

— Я здесь уже третий день, — сказал он. — Я искал тебя всюду.

— А я искала тебя. Я прилетела только вчера.

Она сидела — незнакомая, осунувшаяся, потемневшая, с нерасчесанными волосами. На груди ее болтались три фотокамеры без футляров с разной оптикой. В ногах стояли два кофра.

— Я бросила все там, в Египте, только это... Послушай, Роджер, умоляю, объясни, что происходит здесь? Это восстание против тирании, революция, бунт? Или просто гигантская провокация?

— Боюсь, ты ответила на все вопросы сразу, — сказал он. — Я приехал, чтобы понять самые важные вещи для себя.

— Ты художник, — сказала она, — ты поэт... зачем тебе видеть это?

Он засмеялся:

— Мы, инопланетяне, порой безрассудно любопытны...

Она твердо посмотрела ему в глаза:

— Я не люблю твою планету, Роджер. Прости, я не люблю ее... И почему-то безотчетно ее боюсь... Сегодня утром я бродила в толпе. Все люди взвинчены, они как будто пьяны. В толпах шныряют какие-то типы, заводят и подзуживают людей, будоражат, призывают к расправам над коммунистами. И знаешь, Роджер, — приблизила она к нему лицо с широко раскрытыми глазами, — ты знаешь, что сказали мне знающие люди? У этих подстрекателей заметен русский акцент!

— Да, — сказал он. — Я сам видел их, своими глазами. Видел и слышал. И знаешь, Синди, одно-

временно с ними в тех же толпах я видел других подстрекателей. Они нашептывают и горланят то же самое, но у них заметен — а я хорошо знаю венгерский — английский акцент. И тем и тем здесь позарез требуется кровь, и она будет. Ее уже не может не быть, Синди... Умоляю тебя — улетай! Я прошу тебя.

— Ни за что, — сказала она. — Только с тобой. Послушай, Роджер, мне всегда казалось, что ты всемогущ...

— Я не всемогущ, — ответил он тихо и жестко. — Все, что было в моих силах...

Он недоговорил, но она поняла его.

Кончался вечер третьего ноября...

На улицах Будапешта горели костры, местами толпы людей громоздили баррикады, кое-где на столбах раскачивались изуродованные тела повешенных коммунистов, сотрудников госбезопасности и офицеров венгерской армии.

— Боюсь, мне не хватит пленки, — сказала она. — У меня осталось не больше двадцати катушек. Придется где-то здесь добывать.

Перед рассветом четвертого ноября, когда они пытались хоть немного поспать на раскладушках в корпункте «Ассошиэйтед пресс», чуткий слух мистера Р. А. уловил едва различимый нарастающий гул.

Он бросился к окну, распахнул его, и гул сразу усилился, он шел словно со всех сторон — и со стороны Дуная и со стороны Пешта.

Синди вскочила и первым делом набросила ремень фотоаппарата на шею, быстро набила карманы кассетами с пленкой.

— Танки, Роджер, это танки...

И бросилась на улицу.

Они еще не добежали до первого этажа, когда до них донеслась начавшаяся в разных концах города ожесточенная стрельба.

— Вот и все! — крикнул он на бегу. — Все, кто хотел этого, добились своего.

Он догнал ее и схватил за плечи. Но она вырвалась из его объятий.

— Роджер...

Она хотела сказать ему многое, страшно многое, но в этот момент буквально рядом с грохотом разорвалась не то граната, не то танковый снаряд.

Она выбежала на улицу и кинулась по мостовой туда, где ревели двигатели и грохотали железом по камню танковые гусеницы. Навстречу с вытаращенными глазами бежали полураздетые бледные люди. Между домами плыли клубы черного дыма и сизые выхлопы танковых дизелей. Пахло взрывчаткой и смертью.

Из-за угла здания с утробным рокотом выкатился огромный танк, и Синди привычным движением вскинула к глазам свой любимый «Контакт».

— Синди! — закричал он.

Она не увидела второго танка — он мчался с другой стороны, и вид его был ужасен. Угрожающе раскачивался вверх и вниз длинный хобот башенного орудия, из-под гусениц вылетали снопы ослепительных искр, позади оставалось синее облако выхлопных газов.

На броне сидели молодые солдаты в советской полевой форме, в танковых шлемах и касках со звездами. И те же звезды были на башне...

Она успела сделать несколько кадров и, отбежав, обернулась на грохот стремительно надвигающегося бронированного чудовища.

Резким движением взвела курок перевода очередного кадра, нацелив длинный телеобъектив на несущийся танк.

Мистер Р. А. был метрах в двадцати позади.

Он что было сил бросился к ней, когда один из сидящих на броне передернул затвор автомата и навел на Синди вороненый ствол.

Это было похоже на дуэль.

Она опередила его на полсекунды, но он выиграл...

Автомат оглушительно затрещал, и из его дула полетели желтые вспышки. Синди Кларк, неестественно вскинув руки, будто желая что-то крикнуть или остановить струю огненного свинца, упала на камни мостовой.

Мистер Р. А. видел все, от начала до конца. Он успел заметить и нечеловеческую ярость в лице того, кто стрелял. И танк унесся в даль улицы.

Он бросился к ней. Две или три пули попали ей в живот, одна в плечо, еще две или три перебили ноги. Но она была еще жива и в сознании. Он подхватил ее за плечи.

— Не надо, Роджер, так очень больно, — прохрипела она.

Мистер Р. А. положил ее и, не имея сил стоять, просто лег рядом с ней, подложив руку ей под голову, как любила она всегда, когда они были вместе, и молча глядя в посеревшее любимое лицо.

— Я успела... — прошептала она.

Он неотрывно смотрел в ее глаза. Он знал, что вот сейчас он умирает вместе с ней, они умирают вдвоем...

Вот она перестала видеть и слышать. По-прежнему сильно сжимая ее еще теплую руку, он понимал, что она уже не чувствует ничего. Ее не было. А он остался...

Он осторожно закрыл ей глаза, осторожно потянул и снял с ее груди неразлучный потертый «Контактс» и «Лейку» с телеобъективом. Обе камеры остались целы.

Мимо мчались танк за танком.

Их железное стадо пронеслось всего в двух-трех метрах от них, а он сидел и смотрел на нее, на ее закрытые глаза, разметавшиеся по брусчатке темные волосы, на ее сильные руки с синеющими ногтями, на ее светлую куртку, залитую кровью... Он предполагал, что его собственная жизнь может кончиться как угодно, но никогда не думал, что так...

«По сообщению ряда зарубежных агентств, ранним утром четвертого ноября сотни советских танков вошли в Будапешт и заняли все ключевые позиции в городе.

В Будапеште идут уличные бои, сообщается о многочисленных человеческих жертвах. Среди погибших есть иностранцы. Называются имена французского католического священника отца Жана Берсье и известной американской фотожурналистки Синди Кларк.

В настоящее время телефонная и телеграфная связь с Будапештом прервана и оттуда не поступает никаких официальных сообщений. Все известия, приходящие из венгерской столицы, носят обрывочный характер и крайне противоречивы».

Только к вечеру этого дня мистеру Р. А. удалось дозвониться до Вашингтона из американского посольства. Джозеф Кларк еще ничего не знал.

— Мистер Кларк? Это Р. А. Я звоню вам из Будапешта...

— Она жива?

— Нет. Алло, вы слышите меня?

В трубке молчали.

— Алло, адмирал, вы слышите меня?

Ответа не было.

— Алло, алло, мистер Кларк!

— Да-да, я здесь... Это сделали русские?

Р. А. нахмурился и, тоже помолчав несколько секунд, тихо произнес:

— Да.

— Благодарю вас... Мистер Р. А., я знаю, что могу полностью на вас положиться. Выполните все формальности и... вы прилетите вместе с ней?

— Разумеется, — сказал Р. А.

— Вы видели, как это случилось, Роджер?

— Она умерла у меня на руках, — сказал мистер Р. А. — Она просила передать вам, адмирал, что всегда очень любила вас.

— Я это знаю, — сказал Кларк.

Все, что было потом, мистер Р. А. видел как будто сквозь этот синий дым, повисший над улицами после колонны промчавшихся танков. В облаках этой холодной синевы перед ним проносились мужские и женские лица, искаженные отчаянием и гневом, металась флаги, полыхали уличные автобусы.

Беспощадная, безрассудная слепая смерть воцарилась на улицах, на набережных, на всех мостах одного из красивейших городов Европы, она обрушилась как лавина на все города маленькой Венгрии по воле той страны, по воле тех людей, которым он прослужил больше четверти века.

Расстрелы, расстрелы... Даже он, столько раз встречавшийся со смертью один на один, был смят и подавлен этим свирепым разгулом устрашающего насилия. Синева, синева, зыбкая синева в глазах...

Журналистов приняли под защиту десятки посольств, их с Синди убежищем стало посольство Соединенных Штатов.

Он сделал все, что требовалось согласно всем людским законам и установлениям. Проблема состояла в том, что на несколько суток был закрыт будапештский аэропорт. Другой проблемой, не менее трудной в эти дни, оказалось достать гроб. Этот предмет, самый последний из человеческих потребностей, стал в те дни самым большим дефицитом.

Никто не знал толком, сколько людей расстались с жизнью в начале того черного ноября. Одни говорили о двух, другие — о пяти тысячах погибших. Из-за ожесточенных автоматных обстрелов людей приходилось хоронить прямо во дворах и уличных скверах. Многие сотни жителей Будапешта исчезли бесследно и навсегда.

Тело Синди лежало в длинном холщовом мешке на железном столе в холодильнике посольства, на нижнем этаже подвала, и мистер Р. А. по нескольку раз в день спускался к ней в лютый холод и просто стоял, глядя на этот серый мешок.

Благодаря его усилиям и активной помощи сотрудников посольства ему удалось на третий день, что он жил без нее на земле, все же достать какой-то гроб, погрузить тело в американский военно-транспортный самолет и утром седьмого ноября вылететь в Америку.

Они летели над Европой, и, глядя в иллюминатор сухими холодными глазами, он думал о том, как странно проходит для него этот советский праздник и какой мрачный символ заключен для него отныне в этом дне.

Маршрут был долгий. Первая посадка под Мюнхеном, на американской военно-воздушной базе. Здесь с самолетом возились больше трех часов, и, закинув на плечо три тяжелых кофра, один свой и два — Синди Кларк, с ее аппаратурой, записными книжками, двумя сменами белья, носовыми платками, фотографиями адмирала и сыновей, он вышел из самолета, чтобы немного пройтись и размять ноги.

Светило солнце... Но все, что было в мире, теперь утратило для него всякую цену. Он больше не пересекался с миром. Теперь они двигались параллельно, и собственная жизнь, какие-то задачи, цели, мечты, надежды не имели никакого смысла.

И вдруг он увидел самолет.

Он заходил на посадку в голубом немецком небе, и мистер Р. А. тотчас узнал этот короткий черный фюзеляж и непомерной ширины сужающиеся к концам прямые крылья.

Сердце его сжалось. Ну разумеется, это был тот самый самолет, о котором он три года назад извещал Москву, но сигнал его там так и не был услышан.

Самолет выпустил посадочную лыжу, коснулся

бетонной полосы, подпрыгнул, вновь опустился на лыжу и понесся на ней с пронзительным скрежетом, оставляя за собой серый дымный хвост.

К нему почему-то кинулись десятки людей в форме «джи-ай», они окружили машину, что-то возбужденно крича и размахивая руками. Потом вытащили из кабины летчика в черном комбинезоне, а самолет тут же отбуксировали на стоянку, где было еще два таких же, зачехленных тонким серым брезентом, и поспешно зачехлили и этот.

Но мистер Р. А. сумел заметить, что на черном корпусе самолета не было ни единого опознавательного знака. Самолету «Локхид U-2» они не полагались.

Потом были посадки в Англии, в Исландии, в Гренландии, в Канаде. Он сидел, положив руку на крышку гроба, в надежде, что хотя бы одна слеза выкатится из глаз. Но слез не было, и боль не спеша выжигала в нем внутри черную пустоту.

На базе ВВС под Вашингтоном, когда самолет за рулил с полосы к приземистым зданиям, мистер Р. А. увидел Джозефа Кларка в полной парадной форме адмирала и двух мальчиков — шестнадцати и двенадцати лет в строгих черных костюмах и черных галстуках. Еще несколько офицеров стояли поодаль.

Солдаты откинули створку грузового люка и осторожно опустили длинную деревянную коробку, хранящую то, что было Синди Кларк. Адмирал вместе с сыновьями медленно подошел к гробу, постоял, глядя на него, погладил рукой... Мистер Р. А. стоял рядом.

— Спасибо, Роджер, — сказал Джозеф Кларк. — Я знаю, вы сделали все, что могли. Все, что вообще было в силах человеческих... Мир праху ее... Вы непременно должны быть на похоронах. Она мне часто говорила, что, если это случится, я обязан дать вам знать.

Мистер Р. А. молча поклонился и протянул ему ее плащ, дорожную сумку и оба кожаных кофра.

...Простое и безмерное человеческое горе должно было затмить для Джозефа Кларка все.

Но он был солдатом и должен был им оставаться всегда. Во время встречи на аэродроме он с особым вниманием всматривался в лицо Р. А., пытаясь прочесть в нем что-то необычное, выделяющее этого друга погибшей жены из всех остальных. Но не видел ничего, кроме того же безмерного внутреннего страдания, кроме безграничного горя, которое поставило их обоих на одну доску.

Вероятно, Кларку следовало бы быть осторожнее, осмотрительнее после того, что произошло за эти несколько дней. Скорее всего, ему не следовало бы появляться рядом с Р. А. на людях.

Но адмирал пренебрег всеми доводами здравого смысла и потому, уже прощаясь, на глазах у всех, все понимая и зная, чем рискует, вдруг взял мистера Р. А. за руку и попросил задержаться на две минуты.

Вновь, как тогда, на приеме, они смотрели в глаза друг другу... Джозеф Кларк перевел дух, резко нахмурился.

— Послушайте, Роджер. Синди больше нет. Я знаю, кем вы были для нее, а она для вас. И не будем об этом. Но есть вещи, которые выше людей. За время вашего отсутствия до меня дошли ужасные вещи. О вас, Роджер... Я не хотел бы называть вещи прямо своими именами.

— Лучше назовите, — сказал мистер Р. А. — Так будет проще — и... никаких превратных толкований.

— Мне дали понять, Роджер, что вы русский шпион.

Мистер Р. А. молчал.

— Почему вы молчите? — спросил адмирал Кларк. — Вы признаете это?

Мистер Р. А. не произнес ни слова в ответ.

— Ну хорошо, — чувствуя, что теряет самообладание, быстро выговорил Джозеф Кларк. — Если для вас есть что-нибудь святое, поклянитесь ее именем и памятью, что вы не русский лазутчик, что вы не враг моей страны.

И, глядя ему в глаза прямо и жестко, мистер Р. А. твердо сказал:

— Клянусь именем и памятью убитой русскими пулями Синди Кларк, что я не враг Соединенных Штатов, не лазутчик и не шпион.

Мистер Р. А. знал, что теперь, не кривя душой, может сказать это.

— Спасибо, — сказал адмирал и протянул руку.

Мистер Р. А. пожал ее крепко, без колебаний.

64

Вернувшись в Нью-Йорк после торжественных похорон Синди Кларк, мистер Р. А. несколько дней не выходил из дому.

Он мало ел, мало спал, сутками напролет сидел в фотолаборатории перед увеличителем, при красном свете и печатал последние пленки, отснятые его любимой.

Еще никогда он не был так придирчиво-строг, как во время проявления этих пленок. Все они удались. И вот наконец он развернул черную бумагу и достал самую последнюю, ту, что носил все эти дни на груди.

Черный металлический цилиндр кассеты с фирменным значком «Истмен-Кодак» лежал на ладони. Там, в Будапеште, он сам перемотал ее в камере, и вот пришла минута...

Он проявил, зафиксировал, промыл и включил свет. В то утро она успела сделать только пять кадров. На последнем негативе было ощеренное лицо человека в каске и направленный прямо в объектив ствол автомата, из которого уже вырвалось черное облачко.

Он высушил пленку и через полчаса напечатал огромный снимок — шестнадцать на двадцать дюймов и еще мокрым повесил его на стену. Ее убийца... Ее

смерть... Последнее, что видели ее глаза в видоискатель... Последние секунды ее дыхания, ее бытия в мире...

У человека, отнявшего у него Синди, было молодое скуластое лицо, бешено прищуренные глаза, оскаленные зубы. Мистер Р. А. смотрел в это лицо очень долго, смотрел и думал...

Они отняли у него все, отняли всех.

Даже ее отняли у него *они*.

Был один-единственный телефон, единственный номер, по которому он мог напрямую связаться с Мэйном. За двадцать лет номер менялся несколько раз, но мистер Р. А. ни разу не позвонил ему. И вот он набрал этот номер...

Там было занято. Он положил трубку, и в ту же секунду телефон зазвонил. И мистер Р. А. почти не удивился, услышав низкий голос Мэйна:

— Ателье мистера Р. А.? Мне сказали, что вы продаете увеличитель «Лейтц-Омега» пятидесятого года девять на двенадцать дюймов.

— Да, продаю. Но вы знаете, сколько он стоит?

— Догадываюсь. Значит, придется раскошелиться, — сказал Мэйн.

Явка была назначена. То место, о котором знали только они двое.

Выйдя на улицу, мистер Р. А. без труда обнаружил за собой превосходную профессиональную слежку.

Разумеется, это уже не был тот рыжеватый субъект, на которого в свое время обратил его внимание Мэйн. Это были деловые гуверовские ребята, но и от них уйти ему не составило труда. Правда, на это ушло больше полутора часов. Но именно с таким расчетом он и назначил место встречи с коллегой и другом.

То, что вообще за ним после возвращения из Венгрии впервые за четверть века пошли «наружники» ФБР, означало скорый финал, но даже это теперь стало ему безразлично.

...Они сидели на крыше... Был мягкий осенний вечер. Они сидели на крыше небоскреба под желтыми тентами и смотрели на город в огнях. Здесь их никто не мог ни выследить, ни подслушать.

— В таких случаях что-нибудь говорить попросту глупо, — сказал Мэйн. — Я знаю, кем она была для тебя. Этим все сказано.

Оба замолчали.

— Нет, не знаешь, — сказал наконец мистер Р. А. — И никто не знает... Может быть, даже я сам еще не знаю. Послушай, Мальков, Митя... На всей этой земле ты последний, кому я могу сказать все, не сомневаясь, что буду понят...

— Подожди, — остановил его Мэйн. — Ты хоть бы спросил сначала, зачем я вызвал тебя.

— Ну говори...

— Похоже, нас всех провалили. Я и моя группа, быть может, еще уцелели. Но то, что ты провален, сомнений нет. Нас просто раскололи и спокойно «ведут».

— Да, за мной начали таскаться, я вижу их. Но ты с чего это взял? Контрнаблюдение? — хмуро спросил Р. А., закуривая сигарету.

— За день до того как ты улетел в Европу, тот парень, что «вел» тебя, поперся к адмиралу Кларку.

Мистер Р. А. быстро поднял голову и с изумлением уставился на него.

— Продолжай, продолжай...

— Мои ребята пасли его во всех плоскостях. За ним, как привязанные, мотались люди Гувера. А он неотступно следовал за тобой. На вилле Кларка его взяли и увезли в «пансион» ФБР.

— Так вот в чем дело... — вздохнул Р. А. — Теперь понятно. Ну хорошо, что дальше?

— Я решил идти на опережение: мы прихватили кое-кого из этих новоявленных «хвостов» и немного потрясли. Если бы ты знал, Роджер, какого качества этот товар! Короче, поздравляю вас, дорогой товарищ! Москва запакостила все наши сети «контролерами», и они привели парней Гувера и Аллена пря-

мехонько к нашим «точкам». Роджер, нас вздумали проверять на преданность отчизне!

Мистер Р. А. молчал.

— Что ты молчишь? — воскликнул Максвелл Мэйн. — Ведь это измена! Измена там, на высшем ярусе! Ты что, не веришь мне?

— Ну почему же не верю, Митя? — как-то неправдоподобно спокойно сказал мистер Р. А. — Как я могу тебе не верить? Тем более что я сам пришел к тому же выводу. Только это не измена, старик... И боюсь, ты понимаешь это не хуже меня.

— А что тогда?

— Да то-то и оно, — сказал мистер Р. А., — что никакая это не измена, а естественная закономерность, и это надо ясно понять. Нам не верили и не верят. Нас инспектируют и проверяют. *Кто*, Митя, по какому праву? *Кто* эти люди? Двадцать пять лет ходить по острию ножа, чтобы каких-то ничтожных сопляков присылали прошупывать тебя или меня?.. — Он горько усмехнулся. — Ты позвонил мне в ту секунду, когда я набирал твой номер. Я сам хотел вызвать тебя сюда. Я ухожу, Митя...

— То есть... в каком смысле?

— Именно в том, в каком ты понял меня. И согласно нашим кодексам и канонам отныне я предатель и негодяй. Я рядовой перебежчик, товарищ Мальков, и ты, как резидент, узнав об этом, обязан немедленно вывести меня из игры и сообщить в Центр.

Мэйн молчал. А мистер Р. А. продолжил:

— Только не надо говорить, что это я просто устал или что у меня такое обычное для нашего ремесла нервное истощение и кризис. Это не так. Напротив, я чувствую себя на вершине мастерства, я в превосходной форме. Я просто больше *не хочу!* Я не желаю захлебываться в абсурде. Я не Сизиф. Десять лет, как сложнейший кроссворд, я разгадываю комбинации Аллена. Я держу под контролем всю страну, почти половину мира и, насколько хватает моих сил, нейтрализую и блокирую его действия. Но к

кому теперь приходят мои донесения? Кто читает их, кто кладет под сукно, кто швыряет в корзину? Рискуя головой, мы добываем здесь самые страшные секреты практически из первых рук. Но там плюют на все и все делают наоборот, сообразуясь только с собственным разумением вещей. А они ничего не понимают, Митя! Они умеют только орать и погонять. Теперь они практически провалили всех нас, по тупоумию разрушили то удивительное здание, которое мы тут возводили десятилетиями. Я понял, что мы им просто не нужны. Они прекрасно обходятся без нас и наших советов. Да что советы! Два года по просьбе Руди я требую от Центра, чтобы они отозвали его так называемого «помощника», этого психопата Вика. Неужели им не понятно: разведчиком может быть даже слепой и хромой, но не запойный алкоголик?!

— Так что же делать? — мрачно придвинулся к нему грузный Мэйн. — Я вижу и знаю это давно и не хуже тебя. Такого не могло быть раньше и не было никогда. Кем бы ни был Лаврентий, в одном ему не откажешь — с нами он работал блестяще. Падение началось при Абакумове. Потом был Игнатъев. Его я не знал. Но я встречался с Серовым — он умный, сильный человек...

— Ах, Митя! — сказал мистер Р. А. — Что Серов? Серов здесь решительно ни при чем! Разве он решает? А Аллен играет с ними, смеется и дразнит их, заманивает в пропасть, и они — бегут, послушно бегут и тянут за собой страну, неотвратимо ведут ее к полному разорению. И мы это видим отсюда.

— Да, видим, — кивнул Мэйн-Мальков. — Страной должны управлять другие люди, но на поверхности все время выскакивает все та же порода.

— Так вот, Мальков, я больше не желаю участвовать во всем *этом*. В *этом* помогать им я *не хочу!* Я был координатором всех наших людей, которые бились, чтобы расколоть атомный «орешек», я сумел завербовать первую голову здешнего атомного проекта, самого Оппенгеймера. Мне удалось устроить ему тайную поездку в Москву и встречу с самим Бе-

рией. Я был призван в сорок первом, работал в секретных отделах, вышел на высших офицеров и чиновников в Вашингтоне. И всю войну Москва имела детальную картину расклада здешних военно-политических сил. Я без устали, как механизм, продумывал перспективные стратегические схемы развития событий. И я не ошибался — ты знаешь это лучше всех.

— Да! — тяжело вздохнул Мэйн-Мальков. — Я знаю!..

— Послушай, Мальков! По сути дела, уже много лет я веду личный поединок с самим Алленом, и порой мне кажется, что он даже знает или догадывается об этом. Да куда уж дальше — я почти двадцать лет работаю с Паломой!.. Но хватит... Хватит! Хрущева намеренно втравливают в новую гонку, которую не потянуть ни стране, ни народу. Еще пятнадцать — двадцать лет этой власти, и мы выдохнемся вконец. Видеть это, понимать и работать на это я больше не стану. Довольно! Я не игрок. Я художник. Я хочу заниматься искусством. Я хочу написать книгу. Возвращаться туда мне не к кому и незачем. А если я завтра «сгорю» и меня арестуют, хотя на мне нет ничего, кроме этого их рыжего «контролера», — обрезаны все концы, Москва немедленно отречется от меня, как отреклась ото всех других.

— Я понимаю тебя, — сказал Мальков. — Значит, давай решать, как выводить тебя из дела. Я персонально отвечаю за твою безопасность, а теперь и подавно. Если ты просто исчезнешь, они там, в Москве, тебя приговорят и уберут помимо меня. А я этого, как ты сам понимаешь, допустить не могу. Ты знаешь, Роджер, что было бы самым лучшим, самым надежным?

Мистер Р. А. поднял голову.

— Интересно, что же?

— Инсценировать для Москвы твой громкий провал, тем более что, по сути дела, это действительно произошло. Если они смекнут, что сами подставили тебя и провалили, послав этого идиота, им станет не до тебя. Полагаю, нет места надежней

чем старая добрая американская тюрьма, где ты сможешь отдохнуть, успокоить нервы, написать свою книгу. И уж там-то тебя не достанет ни один гонец из Отдела специальных акций. Лично я не вижу другого выхода.

— Это было бы идеально, — сказал мистер Р. А. — Но анекдот в том, что им не на чем меня взять, сколько бы «хвостов» за мной ни тащилось. На мне нет криминала, это признает любой суд.

— Ну, это-то мы сумеем устроить, — засмеялся Мэйн. — Мы сляпаем тебе такое дельце, что тебя примут за маленькую американскую мошку, завербованную Москвой.

— Не хочу и не могу, — сказал мистер Р. А. — Я поклялся, Мэйн, и слова своего не нарушу. Да и вообще, не хочу я быть маленькой американской мошкой, не хочу быть матерым шпионским волком с Лубянки. Я хочу быть самим собой, фотографом Р. А.

— Тогда вот что, — решительно сказал Мэйн. — Мы дадим знать в Москву, что это по их милости нам пришлось остановить и заморозить всю работу, что ты провален и провалил тебя этот их олух-«контролер». Но что, мол, трогать тебя уже нельзя, иначе полетит вся сеть. Они там не захотят взять ответственность на себя и сделают вид, что просто забыли о тебе. Так что живите, мистер Роджер, и занимайтесь своим искусством.

Через час они разошлись, понимая, что, живя в одной стране и в одном городе, возможно, больше не увидятся никогда.

Вернувшись к себе, в то ателье на двадцать первом этаже жилого небоскреба, где была его главная квартира, мистер Р. А. обессиленно упал на тах-

ту. Была уже глубокая ночь. Он лежал, пытаясь заснуть, как вдруг зазвонил междугородный телефон. Три звонка. Пауза. Еще три звонка и еще три.

Это был сигнал, что очередной гонец-связник от Паломы отправлен к нему этим утром.

Он мог уже не выходить на эту встречу. Но он понял, что не может не пойти.

Ранним утром он выехал из дому и через час был в другом своем ателье, которое помещалось в мансарде девятиэтажного дома в Восточном Бронксе.

Две машины наблюдателей катили за ним, но он не пытался уйти от них, как вчера, когда они водили-водили да и потеряли его, пока он вновь не вернулся откуда-то домой уже поздно вечером в своем желтом «ягуаре». Сейчас мистер Р. А. ехал открыто, никуда не спеша. Утро было холодное и солнечное, он любил такую погоду.

Приехав в ателье, он вышел на площадку перед своим окном, выступавшим прямо из красной железной крыши. Здесь у него были маленький садик и небольшая голубятня. Он заглянул туда — гонец-связник был на месте. Мистер Р. А. тонко свистнул. Почтовый голубь вспорхнул и сел ему на руку. Мистер Р. А. осторожно снял с лапки птицы крохотный депешник.

Он вернулся внутрь мансарды, пинцетом извлек микро пленку и вложил ее в особую рамку обычного фотоувеличителя, которая обеспечивала стократное увеличение на экране.

Это была шифровка для Руди-Марка — описание конструкции и электронная схема взрывателя зенитных ракет.

Палома выполнил и это свое обещание, хотя такого рода поручения, касавшиеся каких-то конкретных военно-технических разработок и открытий, в его компетенцию не входили.

Мистер Р. А. знал, что обязан переправить это сообщение Марку. Он вернул микро пленку обратно в депешник и вновь, выйдя на площадку перед мансардой, открыл сетчатую дверцу голубятни.

Четыре голубя подлетели к нему, он поймал одно-

го из них, прикрепил крохотный цилиндр к птичьей лапке и посадил птицу в кофр, где рядом с пристегнутыми фотоаппаратами и объективами была закреплена небольшая клетка.

Перед уходом он решил немного почистить голубятню.

Теперь там осталось только три голубя, и тот, что прилетел от Паломы, был почему-то беспокоен и тербил клювом лапку.

Мистер Р. А. подманил его, снова взял в руки. И только теперь заметил второй депешник, намного меньше первого. Он снял и его и, вернувшись в мансарду, вновь проделал ту же процедуру.

На второй микропленке было всего несколько строчек цифр. В этом сообщении был использован особый код, особый шифр, которым Палома передавал ему обычно самую важную информацию.

Мистер Р. А. достал с книжной полки фоторецептурный справочник и раскрыл там, где между страницами был спрятан «ключ». Это была инструкция пылесоса фирмы «Вестингауз» 1939 года.

Сообщение, полученное мистером Р. А., гласило:

«Есть все основания думать, что он вычислил вас. Все дальнейшее на ваше усмотрение. Палома».

Мистер Р. А. уничтожил текст, вновь спрятал «ключ» и задумался.

Каких еще известий мог он ждать? Все кончено, он вышел за поле. Но сразу оборвать и завершить все эти дела не получалось.

За спиной зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал приятный женский голос:

— Не могли бы вы пригласить мистера Р. А.?

— Да, это я, — сказал он. — Слушаю вас.

— Я Мэри Лауфер, секретарь-референт директора Центрального разведывательного управления мистера Аллена. Готовы ли вы поговорить с ним?

— Да, разумеется, — сказал мистер Р. А.

— Соединяю вас...

В трубке щелкнуло, и мистер Р. А. услышал голос того человека, с которым сражался столько лет:

— Мистер Р. А.? Здравствуйте, рад слышать вас. У меня к вам есть предложение, вернее, просьба. Дело в том, мистер Р. А., что я много лет слежу... — тут Аллен сделал небольшую паузу, — слежу за вашим творчеством. — Он снова значительно помолчал. — Это поистине удивительное творчество. И я, как искусствовед, зная в этом толк, отдаю вам дань.

— Благодарю вас, сэр, — сдержанно ответил мистер Р. А.

— Как бы вы отнеслись к тому, — сказал Аллен, — если бы я попросил вас сделать мой фотопортрет? Пролистывая ваши альбомы, я давно пришел к выводу, что могу обратиться с этим только к вам.

— Ну что же, — сказал мистер Р. А. — Благодарю вас. Это большая честь для меня. Я готов выполнить вашу просьбу в любое время.

— Ну вот и отлично. Я пришлю за вами своего человека.

— Когда, сэр?

— Не станем откладывать это. Давайте дня через два, идет?

Мистер Р. А. положил трубку. Что мог означать этот звонок?

Прихватив кофр с аппаратурой и «связником», тяжелый штатив и большой белый зонт, мистер Р. А. не спеша вышел из дому, поднял верх своего желтого двухместного спортивного «ягуара»-кабриолета, аккуратно уложил вещи в маленький багажник и привычно рванул мощную машину с места.

«Хвост» неотступно следовал за ним, но мистер Р. А. не обращал на это никакого внимания. По пути он заехал в знакомый магазинчик «Райская пташка», где его давно знали.

— Как всегда, сэр? — спросил хозяин магазинчика, стараясь перекрычать пронзительный свист и щебет сотен птиц в клетках.

Мистер Р. А. с улыбкой кивнул и через минуту сел в машину, придерживая бумажный пакет с кормом для птиц.

Через двадцать минут он уже тащил все свое хозяйство по аллеям Сентрал-Парка в сторону озера.

Погода была чудесная, идеальная для съемки. На большой площадке перед озером, где было полно детей, женщин, нарядных ухоженных старушек, он так же неторопливо расставил треногу. Открыл кофр, отстегнул тяжелую «зеркалку» и навинтил камеру на штативную головку. Затем раскрыл и установил над аппаратом большой белый зонт.

Несколько десятков голубей топталось на площадке, они гонялись друг за другом, ворковали, вспархивали, отлетали и возвращались вновь.

То, что собирался теперь сделать мистер Р. А., он проделывал здесь множество раз, наверняка многие уже знали и запомнили его, хотя впервые этот спектакль разыгрывался под наблюдением людей из ФБР и ЦРУ. Но он был спокоен.

Повесив на грудь вторую камеру, он разорвал пакет с кормом и, набрав полную горсть, щедро разбросал по каменным квадратным плитам.

Голуби суетливо и безбоязненно кинулись клевать золотистые зерна, к ним со всех сторон слетались другие.

Мистера Р. А. окружило множество детей, и он не скупясь принялся насыпать корм в подставленные детские ладошки. И в этой шумной толкотне из лежащего на боку кофра с открытой крышкой выбрался еще один голубь и тотчас смешался с остальными.

Мистер Р. А. фотографировал детей и голубей с разных точек. Он опускался на колени, ложился на живот, прижав камеру к глазам...

Вдруг кто-то вспугнул голубей. Шумная стая поднялась в небо, закружилась над парком.

И никто не заметил, как один голубь, отделившись от стаи, быстро полетел на юго-запад, поднимаясь все выше и теряясь из виду.

... Два дня спустя около полудня телефон зазвонил вновь.

— Мистер Р. А.? Меня зовут Роберт Джиллингс. Я друг и помощник мистера Аллена. Вылетайте в Вашингтон рейсом в 13.50. Билеты для вас уже куплены, вы получите их на свое имя в первом окне. Я встречу вас.

Около четырех часов вечера по вашингтонскому времени с большим кофром на плече и тяжелым штативом в чехле мистер Р. А. вышел из самолета и направился к зданию аэровокзала.

Народу было немного, и он сразу увидел того, кто его встречал. Массивный пожилой человек более шести футов росту, отдаленно похожий на расплывшего Спенсера Треси, неторопливо направился ему навстречу.

— Мистер Р. А., не так ли?

— А вы, вероятно, Роберт Джиллингс?

— Совершенно верно. Рад приветствовать вас.

Они прошли к большому черному «кадиллаку». Джиллингс бережно уложил на заднее сиденье все снаряжение мистера Р. А. и сел за руль, предложив гостю место рядом.

Машина плавно тронулась вперед, набирая скорость.

— Ну, здравствуйте, — сказал Джиллингс. — Здравствуйтесь, Роджер. Сколько же мы не встречались? Можете говорить свободно — эта машина чиста как весталка.

— Страшно подумать, — ответил мистер Р. А. — Последний раз это было, если мне не изменяет память, в тридцать восьмом году в Париже, в кафе «Солитюд».

— Да-да, — кивнул Джиллингс. — Старушка Палома была тогда еще куда живей.

— Вы совершили невозможное, Роберт, — сказал мистер Р. А.

— Невозможно то, что не осуществлено, — усмехнулся тот, прибавляя скорость. — А то, что сделано, возможно.

— В вас умер Гегель, — улыбнулся мистер Р. А.

— Вернее сказать, он говорит через меня с того света.

— Зачем он позвал меня? Ему правда потребовался портрет для потомков?

— По чести сказать — не знаю. Но что совершенно точно, тот малый, которого взяли люди Гувера и передали нам, назвал ваше имя. И вот еще что: сдается мне, человек, которому вы переправили схему взрывателя, тоже провален. Полагаю, на него уже вышли через его странного радиста. Послушайте, Роджер, ведь этот радист — алкоголик! Он и проходит у нас как «Толстяк-пропойца»! Этот тип задолжал тут кучу денег, и теперь с ним собираются начать игру, чтобы прижать к стенке и перевербовать. Я не понимаю, чем там думают у вас в Москве, засылая сюда для такой работы таких людей? Не сегодня-завтра он пойдет на контакт и раскроет вашего друга!

— *Пять раз* ваш покорный слуга отправлял шифровки в Центр, требуя, чтобы его отозвали, но он по-прежнему торчит здесь, — вздохнул мистер Р. А. — Я сделал все, что от меня зависело, и я хорошо знаю своего друга: он не допустит ничего, чтобы попасться с поличным. Но, видимо, придется срочно выводить его из дела и переправлять домой.

— Поздно, Роджер! Вам уже не удастся его вытащить, — заметил Роберт Джиллингс.

— И все-таки я попытаюсь сделать все, что смогу, — сказал мистер Р. А., — хотя, как вы понимаете, руки у меня теперь связаны.

— Главное — успеть, пока не заговорил радист, — заметил Джиллингс. — В противном случае мой шеф наверняка устроит громкий процесс и сде-

лает все, чтобы засадить вашего друга лет на тридцать. Вообще-то ведь у алкоголиков... слабое сердце... Возможно, я мог бы...

— Нет, Роберт, — непреклонно покачал головой мистер Р. А. — Вы не должны рисковать собой.

Несколько минут они ехали молча.

— Куда мы едем? — спросил наконец мистер Р. А. — Не иначе, в Рэйн-Хаус?

— Куда же еще, — улыбнулся Джиллингс. — Скажите, как вам дышится после Венгрии?

— А мне не дышится, — сказал мистер Р. А. — По сути дела, я умер там. Меня пристрелили свои.

Джиллингс ничего не ответил.

Они въезжали в Ричмонд.

Аллен попросил мистера Р. А. сделать его портрет на фоне огромной карты в каминном холле особняка.

После того как съемка была завершена и мистер Р. А. выключил софиты, они остались вдвоем в полумраке, в мерцающем свете угасающего огня.

— Ну вот и все, — сказал Аллен. — А теперь давайте потолкуем... Нам с вами ведь есть о чем поговорить.

Мистер Р. А. не ответил, а Аллен раскурил трубку, подбросил поленья, раздул огонь в камине и указал гостю на кресло.

Некоторое время оба молчали, потом Аллен повернулся к мистеру Р. А.

— Много лет, — начал он, — я ощущаю ваше незримое присутствие. Много лет мне противостоит чей-то блестящий интеллект, который умело нейтрализует большинство моих действий, и все эти годы я пытался угадать, кто противостоит мне — тайная организация или отдельная личность.

Мистер Р. А. молчал, внимательно глядя на собеседника.

— И вот это имя было названо. Поначалу я тоже полагал, что это какой-то бред, но потом я попросил доставить мне все ваши альбомы фотографий,

которые вышли в свет у нас и в Европе. Там собраны снимки за двадцать с лишним лет, и, когда я начал сопоставлять места, где они сделаны, имена политиков, запечатленных на ваших портретах, даты съемок и исторические события всего этого периода, мне открылась на удивление стройная внутренняя связь между первым, вторым, третьим и четвертым. Разумеется, доказать тут что-либо невозможно, это лишь моя внутренняя уверенность. Но если связать все это единой нитью общей задачи, все становится достаточно убедительным. Во всяком случае, мне стало очевидно, в чьих интересах мог действовать этот блистательный фотомастер, если бы он имел такую задачу.

Мистер Р. А. внимательно слушал и молчал. А Аллен продолжил:

— И вот вас подставили, бездарно, безмозгло провалили ваши московские заказчики. Я немедленно затребовал ваше досье. Если верить собранным там документам, вы родились в Калифорнии в тысяча девятьсот первом году и жили с родителями в городке Сант-Элизабет в окрестностях Сан-Франциско. Заметьте, в городке, который был полностью уничтожен землетрясением тысяча девятьсот шестого года, когда погибла вся ваша семья и бесследно исчезли не только все семейные документы, но и архивы городской мэрии, а также все свидетели и свидетельства вашего пребывания там. Оставшись сиротой, вы, как следует из досье, были отправлены в Европу, где жили в Голландии, Германии, Франции, учились в тамошних школах и университетах и наконец вернулись на родину в двадцать шестом году. Подтвердить эти сведения весьма затруднительно, но в принципе реально, и я, вероятно, занялся бы этим, но необходимость в этом отпала. Вы слышите меня, мистер Р. А.?

— Ну конечно, сэр. Я слушаю вас с большим вниманием и интересом, но, по правде сказать, пока что ничего не понимаю.

— Во время войны вы были призваны в армию и, как великолепный фотограф, были привлечены к

работе в отделах аэрофотосъемки нашего верховного командования в Европе, на Тихоокеанском флоте и в Вашингтоне. Тогда же вы были привлечены к работе в нашей контрразведке.

— Все это так, сэр, но что из этого следует?

— Сейчас поймете, — чуть улыбнулся Аллен. — Не так давно на ваше имя пришла бандероль «до востребования». Поскольку вы уже были на подозрении и находились в Венгрии, я попросил своих помощников повременить с вручением вам извещения. Мне было любопытно заглянуть в нее раньше вас. Простите, мистер Р. А., это не слишком этично, но я сделал это.

Аллен поднялся, открыл крышку секретера и протянул мистеру Р. А. аккуратно вскрытый небольшой почтовый сверток.

Недоумевая, он взял его в руки, развернул. Там была маленькая плоская коробочка. Он открыл и ее. В его руках оказался сложенный вдвое листок бумаги и маленькая березовая веточка с пожелтевшими листьями. Он развернул листок:

«Мой дорогой инопланетянин! Пишу тебе с твоей планеты. Она прекрасна, как прекрасно все творение Божие. Но как грустна здешняя жизнь! И как мне больно за тебя, если тебе все же придется сюда возвращаться. Посылаю эту осеннюю веточку с твоей планеты. Когда ты ее получишь, она, наверное, уже засохнет. Вдохни ее запах и вспомни обо мне.

Твоя С. 17 сентября 1956 г.»

Мистер Р. А. сложил записку и так же недоумевающе посмотрел на Аллена.

— Довольно странный текст, не правда ли? — заметил Аллен. — Совершенно непонятно, о какой планете идет речь. Бандероль отправлена из Соединенных Штатов, из Вашингтона, двадцать пятого октября. Но написана она рукой покойной миссис Синди Кларк в тот день, когда она еще находилась в Москве!

Мистер Р. А. молчал.

— Довольно! — воскликнул Аллен. — Как и все остальное, это письмо тоже не имеет юридической силы доказательств, да они и не нужны. Хотя в моей инквизиции умеют заставить заговорить любого еретика. Просто я теперь знаю, *кто* вы, и пригласил вас, чтобы сказать вам об этом. Что из этого следует — понятно.

— По-прежнему теряюсь в догадках, о чем идет речь, — спокойно произнес мистер Р. А.

— Поймите, — сказал Аллен. — Я не требую никаких признаний, имен, сообщников и так далее... Это было бы унижительно и для вас, и для меня. Мне ничего не стоило бы просто убить вас. Но я слишком уважаю вас как самого выдающегося противника и соперника, которого когда-либо встречал на своем пути. Полагаю и говорю прямо — скорее всего, я никогда бы не раскрыл вас, если бы не помощь ваших соотечественников. И мне искренне жаль, что вам приходилось работать с такими людьми. Ваша дальнейшая деятельность стратегического агента теперь, когда мне все известно, лишена всякого смысла. Я не хочу преследовать вас, не хочу отдавать под суд и уж тем более никогда не сообщу вашим московским патронам, что вы работали и на нас.

Мистер Р. А. невольно улыбнулся. И Аллен не сдержал ответной улыбки.

— Если вашей роли и значения теперь уже не способны понимать в Москве, — сказал Аллен, — то это, слава Всевышнему, понимаю я. И то, что вы выведены из игры, вероятно, самая большая моя удача. Остается только сожалеть, что вашей страной управляют те люди, которые ею управляют, а не такие, как вы. Однако пройдет совсем немного времени, и они почувствуют, *кого* потеряли. Впрочем, судя по их политике, все ваши усилия уходили впустую, за что я со своей стороны должен быть им от души благодарен. Итак, даже не без некоторой грусти объявляю вам, что ваша миссия здесь завершена.

— Вы опоздали, — сказал мистер Р. А. — Ненадолго, но опоздали. Я завершил эту миссию сам.

— Надеюсь, вы не желаете вернуться на свою «планету»? — спросил Аллен. — Ведь вы там никогда не сможете объяснить, что на самом деле произошло. Вас просто-напросто никто не будет слушать. Между тем уже много лет мы с вами, стоя по разные стороны барьера и считаясь злейшими врагами, делали одно дело.

— Я думаю иначе, — сказал мистер Р. А. — Все ваши действия, мистер Аллен, были направлены на то, чтобы любой ценой нанести урон моей «планете» и ее народу.

— О нет, — воскликнул Аллен. — Только не народу! Режиму, правлению, власти бескультурных себялюбцев и интриганов. Это совсем разные вещи...

— Итак, что же дальше? — спросил мистер Р. А.

— Ровным счетом ничего. Мне вы больше не опасны. Но вы выдающийся фотохудожник Америки, в некотором смысле гордость нации. Будьте ею и в дальнейшем. Вот и все.

— Под вашим неусыпным надзором?

— Постарайтесь забыть об этом. К тому же уверяю вас, вы ничего не заметите, но ваша жизнь и безопасность будут под надежной защитой.

— В таком случае у меня есть просьба к вам, — сказал мистер Р. А. — Честь и имя адмирала Кларка...

— Ну разумеется, — сказал Аллен, — тем более что, как мы только что установили, фотохудожник мистер Р. А. вне подозрений...

Аллен нажал кнопку под каминной доской, и в дверях показался Джиллингс.

— Роберт, будьте добры, проводите нашего гостя.

Роберт Джиллингс и мистер Р. А. вышли из кабинета и направились к машине.

— Ну вот и все. — Мистер Р. А. серьезно взглянул в глаза своему верному другу. — Благодарю вас, мистер Джиллингс.

— Как я понимаю, — тихо сказал Джиллингс, — Палома умерла?

Мистер Р. А. кивнул. Они обменялись рукопожатиями, и огромный черный автомобиль унес мистера Р. А. в ночь.

67

---

*«Донесение в Центр. Строго секретно.
Нью-Йорк — Москва.»*

На основании точно установленных данных, полученных по каналу «Палома», в Москве активно действует крупный разведчик, гражданин СССР, имеющий доступ к наиболее важной военно-стратегической информации. Это лицо одновременно связано с английской Интеллидженс сервис, вероятнее всего с военно-научным отделом службы «МИ-5», и Центральным разведывательным управлением США.

Исходя из вышеизложенного, считаю необходимым провести тщательную негласную проверку всех лиц, *одновременно* связанных с нашими научными кругами, работающими на оборону, высокопоставленными офицерами Генштаба и разведорганами и при этом имеющими возможность легально встречаться с иностранцами и выезжать за рубеж.

Стэнли».

В силу ряда причин это донесение мистера Р. А. оказалось последним и поступило в Москву через много недель после того, как в Центре стало известно, что агент Стэнли провален «контролером» Есениным.

Там прекрасно знали, кто действительно повинен в этой крупнейшей катастрофе разведслужбы и что вины в ней самого Стэнли нет решительно никакой.

Однако уже само имя Стэнли у тех, кто работал с

ним в Москве, вызывало весьма неприятные ассоциации. Кроме того, все знали о давних неприязненных отношениях шефа своего ведомства и главы государства, то есть о шаткости положения Серова.

Поэтому одно из важнейших донесений мистера Р. А. за все годы его работы было воспринято с возмущительной беспечностью, прикрытой лукавым предположением, что проваленный Стэнли теперь-де может быть использован противником как источник дезинформации.

Правда, проверку по донесению провели, однако вовсе не так скрупулезно и тщательно, как на том настаивал Стэнли.

Из-за этой беспечности и ротозейства, абсолютно недопустимых в том учреждении, которое должно было быть в полном смысле щитом и мечом страны, впоследствии разоблаченный англо-американский шпион О.П., вопреки намеренно распространенной версии, активно действовал не полтора-два года, как писали газеты, а намного дольше, что нанесло гигантский, невосполнимый ущерб обороноспособности СССР, ущерб, последствия которого ощущались потом еще много лет.

68

Мистер Р. А. сидел на складном стуле на площадке перед мансардой на девятом этаже и смотрел на город.

Минувшей декабрьской ночью выпал первый снег, и Нью-Йорк в снежной дымке был удивительно прекрасен и не похож на себя — скорее, на неизвестное полотно Альбера Марке.

Было довольно холодно, и мистер Р. А. сидел в теплой альпийской куртке и вязаной спортивной шапочке. Отныне он больше никуда не спешил, ничего не опасался, он просто всматривался в непрестанно

меняющееся бытие, время от времени останавливая отдельные мгновения на черно-белой и цветной пленке.

Он курил тонкую длинную сигарету и обдумывал начало своей книги.

Несколько недель он прожил здесь, почти не выходя из дому, отключив телефон и не сообщаясь с внешним миром.

Он работал. Он работал над портретом Аллена, ибо для настоящего фотомастера этап съемки — не более чем подмалевок для живописца. Главное таинство совершается потом... в багровом адском огне лаборатории или в полной темноте... Он сам знал, что портрет удался, что он создал одну из лучших своих работ, настоящий шедевр, и четыре дня назад отослал его в Вашингтон заказчику.

Он напечатал для себя точно такую же копию размером двадцать пять на тридцать пять дюймов и повесил на одной из стен своего ателье.

Это был поясной черно-белый портрет — Аллен стоял вполоборота с трубкой во рту в наглухо застегнутом сером твидовом пиджаке и галстучке-бабочке на фоне карты мира и с едва заметной печальной усмешкой смотрел в глаза роду людскому через свои старомодные очки, и в его холодных глазах за стеклами была не то скептическая ирония, не то издевка, не то мрачная угроза, не то безмерная усталость. Его худые старческие руки с длинными пальцами, заметно деформированные подагрой, были крепко сцеплены в «замок» и как бы сжимали и удерживали что-то важное, но невидимое.

А от него, вздымаясь над его головой, на испещренную кружками городов, значками, линиями рек, границ и дорог карту падала громадная черная тень, в которой тонуло и скрывалось все...

Мистер Р. А. подолгу стоял перед новым своим творением и смотрел в глаза того, с кем тайно сражался столько лет.

И чем дольше он вглядывался в глубину его зрачков, тем отчетливей понимал, что их схватка не завершена, что объявлено лишь длительное временное

перемирие, потому что их сражение не может кончиться никогда, хотя еще и не знал, какой будет последующая борьба, без которой им обоим, противникам и сотруdnикам, незачем было жить...

В это утро он включил наконец телефон, и вот он зазвонил. Он поднялся, вошел в оконную дверь мансарды и снял трубку.

— Благодарю вас, дорогой друг, — своим глуховатым голосом сказал Аллен. — Я получил его. И вот сейчас смотрю в глаза самому себе. Вряд ли ошибусь, если скажу, что это лучшее ваше творение! Говорю вам это как знаток искусств.

Не отрывая трубку от уха, мистер Р. А. обернулся и тоже взглянул в глаза на портрете Аллена — так он и разговаривал с ним до конца, глядя в эти дьявольски умные глаза.

А Аллен продолжал:

— Это поистине удивительно! Я смотрю на него и вспоминаю всю свою жизнь. Потому что это не просто портрет... это моя самая лучшая, самая точная и подробная биография. Это не снимок... это формула обвинения... Боже, как я ужасен, как коварен и циничен!.. Настолько, что во мне даже нет по поводу этого и тени сожаления. Да, кстати, а эта тень за мной, что как мрачный символ моей роли на земле ложится на полмира! Это то, именно то, что мне хотелось оставить потомкам, — пусть полюбуются, что делало с нами это безумное время... Теперь я ваш должник, мистер Р. А. Сколько я должен вам за работу?

— Я мог бы сказать, что вы не должны мне ничего, сэр, — сказал мистер Р. А., — и что мы в расчете. Но есть одно обстоятельство... вернее, люди, которые могли бы попасть в весьма неприятную историю...

— Я понял вас, — сказал Аллен. — Ни на минуту не сомневался, что, когда речь пойдет об оплате моего заказа, вы первым делом заговорите о чем-то подобном. Я согласен. Обещаю вам, что, как только

подвернется подходящий случай, я предприму все, что в моих силах, чтобы расплатиться с вами. А пока будем считать, что я по-прежнему ваш должник. Я исправно исполняю свои обещания и всегда отдаю долги. Так что... будем ждать.

— Благодарю вас, меня вполне устраивает ваш ответ, — сказал мистер Р. А.

— Признайтесь, вы не скучаете? Ведь у вас, как я знаю, теперь уходят на пенсию после шестидесяти.

— Пока еще не заскучал, — сказал мистер Р. А., — но очень может быть, что и заскучаю.

— Буду вам весьма признателен, если вы уведомите меня об этом, — усмехнулся Аллен.

— Полагаю, вы почувствуете это и без моего уведомления.

— О'кей! Так вот, чтобы вы все-таки подольше не заскучали, прошу вас просмотреть вчерашние газеты — в разделах хроники происшествий. Это к нашему разговору о моих обещаниях и долгах. Одно из них выполнено. Ну что ж, прощайте. Еще раз благодарю вас...

Мистер Р. А. вышел на лестничную площадку, где лежали кипы толстых газет, и перовое, что он увидел в разделе происшествий «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Смерть коммивояжера», была довольно большая четкая фотография молодого человека, лежащего на мостовой в черной лужице у автомобильного колеса.

В том, что он мертв, сомневаться не приходилось.

Короткий текст гласил: «Позавчера около одиннадцати вечера нашел смерть под колесами «шевроле» двадцативосьмилетний коммивояжер фирмы «Лемпорт и брат» мистер Свенн Локк. Несчастный молодой человек сам бросился под автомобиль, что подтверждается многими свидетелями. Ведется расследование».

Мистер Р. А. тотчас узнал его.

Это был тот самый рыжеватый субъект, его «реви-

зор» из Москвы, что был впервые замечен им в кабине лифта, когда они спускались с Синди, а после много недель мотался за ним «хвостом».

Мистер Р. А. отбросил газету.

Он не знал, что именно было обещано этому парню, но, что Аллен слово свое сдержал, было очевидно.

Хотелось верить, что он выполнит все свои обещания.

69

Шел пятый год, как бывший военный летчик Фрэнсис Гарри Пауэрс служил по контракту в ЦРУ, но мир по-прежнему ничего не знал о самолетах «U-2», и они свободно и безнаказанно летали где хотели.

Похоже, в Кремле смирились с этими полетами, начавшимися четыре года назад в день сто восьмидесятой годовщины подписания Декларации независимости — главного национального праздника Соединенных Штатов. Во всяком случае, таких наглых, демонстративно-пренебрежительных жестов, как пролет над Москвой, американцы больше не допускали. Им хватало работы в десятках других районов бескрайней советской территории. И, похоже, многие полеты «U-2» просто не фиксировались советскими средствами обнаружения воздушных целей.

Была весна шестидесятого года, когда Пауэрс получил приказ вылететь из Германии в Турцию и добраться из Анкары до небольшого городка Адана, в окрестностях которого располагался неприметный аэродром, где базировались несколько машин «U-2».

Дорога эта была ему уже хорошо известна. Знакомы были и городок, и летное поле, лежащее в

распадке между несколькими невысокими горами. Гарри стартовал отсюда пять или шесть раз, когда летал фотографировать военные аэродромы и подозрительные строительные площадки в Крыму, на территории Западной Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и на юге России.

За минувшие годы он свыкся с этой работой, никаких памятных происшествий с ним больше не случилось. Он уверился в своих силах, однако смутное душевное беспокойство нет-нет да и возвращалось к нему...

В Турцию предстояло лететь гражданским пассажирским рейсом. Гарри собрал свои нехитрые пожитки и уже готов был покинуть территорию американской авиабазы Мисбах, южнее Мюнхена, когда его пригласили по телефону заглянуть в кабинет 33 в здании оперативного управления и штурманской подготовки.

Полагая, что задержка не будет долгой, он прихватил вещи и зашагал к приземистому бетонному зданию. Он прошел коридорами, поднялся на второй этаж, отыскал дверь с нужным номером. Постучал. И когда никто не ответил, вошел...

Все дальнейшее спуталось в его голове.

Едва он вступил в крохотную комнату, дверь за ним закрылась, свет погас и он оказался в полной темноте. И в тот же миг ощутил, что пол уходит из-под ног, уходит, проваливается неудержимо и что он сам вместе с полом стремительно улетает куда-то вниз. Гарри готов был вскрикнуть, но сдержался.

Пол перестал падать, но Пауэрс по-прежнему находился в кромешной темноте, когда чьи-то руки с силой прижали его к стене и натянули на глаза повязку.

С момента, когда он шагал по коридору, отыскивая указанный по телефону номер на двери, прошло едва ли более двух минут. От неожиданности сердце его колотилось, но за все время он не издал ни звука и не сопротивлялся, сумев побороть естественные

реакции самосохранения. Гарри догадывался, что в том ведомстве, куда он попал и чьим наемником являлся, бывает всякое и что такие сюрпризы никому здесь не в диковинку.

Единственная мысль была более чем тревожна: а вдруг его сочли отработанным материалом и сейчас у него просто отберут жизнь, то есть чернота в глазах уже больше никогда не кончится, обратится смертью.

Однако ни выстрела, ни укола не последовало. Его вели куда-то довольно долго, несколько минут. Он слышал рядом шумное дыхание и шаги нескольких мужчин, чувствовал их железные руки, обонял запахи кожи, табака, оружейной смазки и мужского одеколona.

Наконец его втолкнули куда-то. Теперь он почувствовал запахи автомобиля — бензина, горячей пластмассы, свежей краски, резиновых покрышек.

Тотчас завелся и заработал мотор. На мгновение мелькнула мысль — что, если вдруг каким-то невероятным образом о нем узнали и похитили его русские? Но он сразу отбросил ее. Он ощущал, что его везут куда-то на большой скорости.

— Простите, лейтенант, что мы использовали все эти дурацкие трюки из дешевых шпионских фильмов, — услышал Пауэрс глуховатый мужской голос, когда руки неведомых не то конвоиров, не то провожатых возились с узлом повязки, закрывавшей его глаза.

Наконец проклятая повязка спала. Гарри протер глаза кулаком, потрянул головой, осмотрелся, оглянулся.

Оказывается, его усадили в высокое кресло, перед ним стоял стол, за которым в таком же кресле восседал пожилой джентльмен, неуловимо похожий на кого-то, но он никак не мог взять в толк — на кого.

— Вы вели себя образцово, — сказал неизвест-

ный собеседник. — У вас железные нервы, лейтенант. Из лучшей легированной стали.

— Не думаю, — сказал Пауэрс. — Было бы честнее сказать, что просто я со страху проглотил язык.

Незнакомец улыбнулся:

— Именно так говорят настоящие храбрецы.

По выговору он был несомненно американцем, причем наверняка человеком из каких-то очень высоких сфер. Гарри не мог бы ответить, почему он решил так, однако не сомневался в этом.

— Разумеется, — сказал незнакомец, — вам хотелось бы знать, что все это означает и что с вами произошло. Отвечаю. Вы доставлены в особняк того ведомства, которому служите, и я хотел бы подчеркнуть — служите безупречно! — уже пять лет. Ответ на второй ваш законный вопрос: кто я? Отвечаю. Я — ваш самый главный начальник, и зовут меня... ну, для краткости — просто мистер Аллен. Наша беседа носит абсолютно секретный характер, и я хотел бы, чтобы вы поняли это очень хорошо.

— Да, я давал такую подписку, — кивнул Гарри.

— Нет-нет, лейтенант, то, о чем я буду говорить теперь, носит в тысячу раз более секретный характер. Так вот, я знаю о вас абсолютно все, Гарри. Я знаю о вас больше, чем вы сами знаете о себе...

— Вряд ли, — сказал летчик. — Я измотанный малый с паршивыми нервами, которого вообще-то, будь я на вашем месте, давно пора было бы списать. В каждом полете я теряю двенадцать фунтов, а то и больше.

— И тем не менее, Гарри, — сказал Аллен, — хотите верьте, хотите нет, но дело нам с вами предстоит провернуть настолько серьезное и настолько секретное, что я специально пересек океан, только чтобы увидеться с вами.

— В самом деле, сэр?!

— Я слежу за вами очень внимательно пять лет, я сразу выделил вас из всех остальных, и, в сущности, вы оказались в группе 10-10 не столько ради осуществления ваших блестящих рейдов, сколько для

того задания, которое вам предстоит выполнить теперь...

— Слушаю вас.

— Не стану скрывать, что оно предельно опасно и, вполне вероятно, может закончиться вашей гибелью. Я уважаю вас, действительно уважаю, Гарри. Поэтому говорю все прямо, как оно есть. Вы должны выполнить это задание неукоснительно точно, и тогда оно станет для вас завершающим в карьере пилота «U-2». Но самое главное — никто в мире, нигде, ни у нас в Штатах, ни на острове Барбадос, даже пингвины в Антарктиде не должны узнать содержание этого нашего разговора и того, что эта встреча вообще имела место.

— Что от меня требуется, сэр? — спросил Пауэрс.

— Только одно, — сказал Аллен, — досконально точно, до мелочей следовать инструкции, которую я вам сейчас изложу. Мы договорились играть с вами в открытую. Если вы выполните точно по пунктам мое личное задание и останетесь живы, вас ждет в полном смысле необыкновенная жизнь. Если вы нарушите наш договор хотя бы в одном пункте или просто откажетесь от моего задания, я буду вынужден вас убить.

Аллен смолк, достал и раскурил трубку и продолжил после паузы:

— Говорить такие вещи крайне неприятно, Гарри, но есть в мире цели и ценности, которые значат куда больше, чем отдельная человеческая жизнь. Признаюсь вам, я и сам уже не помню, скольких людей мне пришлось уничтожить ради высших идеалов свободы. Но это всегда были либо враги, либо изменники, либо те, кто уклонился от выполнения моих просьб. Но клянусь вам, Гарри, ни один из тех, кто заключил со мной договор, подобный тому, который сейчас заключаем мы с вами, не был мной обманут. Я честно говорил им, как говорю и вам, что их задания грозят смертью, и многие погибли, выполняя их. Но те, кто остались живы и выполнили

мои инструкции до конца, никогда не пожалели об этом.

— Я понимаю, сэр. — сказал Пауэрс. — Но не кажется ли вам, что мне не дано выбора?

— Совершенно верно, — наклонил голову Аллен. — Выбора у вас нет. Но и у меня — тоже.

Пауэрс засмеялся:

— О каких высоких принципах свободы тогда может идти речь? Я просто ваш заложник. Обыкновенный заложник, и больше ничего.

— Да, да, да! — сказал Аллен. — Все мы заложники. И поверьте мне на слово, на меня охотятся четырнадцать разведок, которым дан только один приказ — привезти голову Аллена на блюде. Разумеется, меня охраняют, как Ирода Великого. Я говорю вам чистую правду.

— Что я должен сделать, сэр?

— Внимание, — поднял руку Аллен, — с этой секунды наш контракт вступает в силу. Так вот, вам надлежит проследовать тем маршрутом, который вам сообщат, затем вы должны быть сбиты их зенитными средствами и оказаться живым и невредимым в руках у русских.

— Я не понял вас, сэр...

— Нет, вы отлично все поняли, — сказал Аллен. — Согласно приказу, который получили все летчики вашей группы, в случае угрозы быть плененным русскими вы обязаны уничтожить самолет и покончить с собой. Для этого вам выдается в полет пистолет и иголка, начиненная ядом кураре...

— Да, мы все это знаем, сэр.

— Так вот, Гарри, поскольку я сам вписал этот пункт в ваши летные предписания, я *отменяю* его. Подчеркиваю, для меня самое главное — чтобы вы непременно остались живы и сделали то, что я вам скажу.

— И что дальше? — спросил Фрэнсис Гарри Пауэрс.

— А вот теперь слушайте... — сказал Аллен.

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 2 апреля 1960 г.*

«Два часа назад мы с Джиллингсом вернулись из Европы. Ужасно болтало в самолете, воздушные ямы едва не вытрясли из бедняги Аллена его демоническую душу. Бедняге Роберту тоже было паршиво — я злорадствовал в душе, как дрянной мальчишка. Однако долетели, и я спешу записать впечатления двух последних дней.

Я летал для встречи с летчиком. При личном общении он мне понравился еще больше, чем по донесениям информаторов, хранящимся в его досье. Кажется, все понял и, думаю, сумеет остаться на высоте до конца. Для чего мне все это нужно, он не узнает никогда. И никто не узнает.

Итак, многолетний марафон под названием «Ночной кондор» приближается к финалу!

Наконец-то все капканы расставлены, все нити у меня в руке. Даже не верится, что все так сложилось и не сорвется в последнее мгновение.

Разумеется, подводить итоги еще рано. Однако кое-что можно и занести в мой личный актив.

Создание и применение этого самолета сделало нас из слепых зрячими. Теперь мы точно знаем, какие точки и объекты могут представлять особый интерес для наземной разведки. В активную разработку приняты районы, о которых мы понятия не имели или знали недопустимо мало до полетов «U-2»: ракетные комплексы под Львовом, ядерный полигон на Новой Земле, ракетно-авиационный испытательный комплекс в районе Капустина Яра, военно-морские базы восточнее Мурманска и на Тихоокеанском побережье, атомный полигон в Казахстане, их главный ракетодром северо-восточнее

Аральского моря, зенитно-ракетные пояса безопасности вокруг Москвы, Киева, Ленинграда и Свердловска...

До полетов «У-2» у нас числилось в разработке около трех тысяч русских стратегических объектов и целей. Теперь их больше двадцати тысяч. И это менее чем за четыре года!

Теперь — о политике.

Поскольку до Хрущева дошла наша дезинформация о заговоре Жукова с целью узурпации власти высшими военными и Жуков был смещен в конце пятидесят седьмого вместе с лучшими генералами, я имею полное право считать это одним из крупнейших своих успехов последних лет.

За эти годы достигнуто главное — Хрущев удержался и укрепил свое положение.

Это означает, что вместе с ним сохраняется и вся их машина власти, состоящая из людей того же уровня, кругозора и склада мышления, что и сам Хрущев.

После множества кремлевских схваток ни один интеллеktуал из громадного штата помощников и советников не был допущен на верхнюю палубу.

Возможно, это и есть самое фатальное в плане перспектив их развития, хотя вряд ли они в состоянии понять, как это скажется на будущем их страны.

Всякий визит в Европу возвращает меня к годам моей молодости... Жаль, на сей раз не удалось заглянуть в Париж, но в этом году надеюсь все же навесить его.

Больше всего мне по сердцу эти миссии инкогнито.

О нашем пребывании не знал никто, а мы были всего шестером — я, Джиллингс и четверо элитарных охранников, из коих две дамы, изображавшие наших с Робертом почтенных супругов.

С тревожным волнением жениха, готовящегося к первой брачной ночи, жду, когда кончится этот нескончаемо длинный апрель».

Рисунок явно удался. Он отошел, взглянул издали. Кажется, все мельчайшие нюансы характера и настроения запечатлелись мягким карандашом на большом листе сероватой ворсистой бумаги.

— Ну как, Полковник? — подала голос модель.

— Для скромного дилетанта, по-моему, блестяще, — засмеялся он.

Модель поднялась и, кряхтя, двинулась к нему через кабинет, разминая затекшие ноги. Моделью был грузный техасец в черной полувоенной форме. Он подошел и, скрестив руки на груди, с интересом уставился на собственное изображение.

— Вы лицемер, Полковник, — заметил он. — Ну какой же вы дилетант? Вы — мастер.

— Мастер! — воскликнул тот, что минуту назад завершил портрет. — Могу извинить это неуместное слово, лишь сделав скидку на ваше полнейшее художественное невежество.

Портретируемый расхохотался и от души хлопнул художника по спине.

— Подпишитесь, Полковник.

— Сколько угодно, — кивнул тот. — Но каким именем, сэр? Ведь у меня столько имен!..

— Действительно... — озадачился техасец. — А поскольку рассчитывать, что вы поставите автографом свое подлинное имя не приходится, валяйте, подписывайтесь как хотите. Ну, как там вас... в газетах.

Художник хитро прищурился и лихо расписался в углу листа.

— Ну-у-у, — разочарованно протянул техасец. — Это же неразборчиво.

— Извольте, — кивнул автор портрета, — будь по-вашему, сэр!

И под первой размашистой подписью вывел

каллиграфическим старомодным почерком: «Полковник Мартин Коллинз», и в скобках — К-373.

— И дату, дату! — воскликнул техасец. И, вновь всмотревшись в лицо на портрете, не без удовольствия мотнул головой. — Экая же сволочь! Хотите виски, Полковник?

— Еще бы! — усмехнулся художник и поставил в углу: «26.04.1960».

— Вот теперь ваш портрет, — сказал техасец, сделав первый глоток, — обрел историческое значение. Когда-нибудь его купят у меня за пятьдесят тысяч монет.

— Надеюсь, — кивнул художник.

Хозяин кабинета осторожно вытащил лист из большого планшета, бережно свернул в трубку, перетянул резинкой и спрятал в тумбе письменного стола. Затем нажал кнопку. Дверь отворилась. На пороге появился гигант полицейский с револьвером и наручниками на толстом ремне.

— Заключенного К-373 — в камеру, — зычным, командно-служебным голосом приказал техасец. — До встречи, Полковник!

Офицер конвоя препроводил заключенного К-373 к месту его содержания. Они прошли длинными переходами, прогрохотали ботинками по нескольким железным лестницам, поднялись на лифте на несколько этажей и наконец оказались перед массивной дверью.

Капрал конвоя отпер замки, с усилием толкнул дверь.

— Есть просьбы, Полковник? — спросил он подчеркнуто вежливо.

— Да, Филипп, — сказал заключенный, которого все здесь называли Полковником. — Я был бы признателен вам, если бы вы поменяли мне книги.

— Я готов, — сказал капрал. — Но знаете, с вашими книгами вечно такая морока! Сразу вряд ли получится. Я раньше уик-энда в город не поеду.

— Это не горит, — улыбнулся Полковник. — Мне ведь, сами понимаете, спешить некуда. Держите книжки.

Капрал принял из рук Полковника стопку книг. Их подбор мог бы удивить кого угодно. Это были Анатоль Франс на французском, Уильям Сароян и Стивен Ликок на английском, «Теория нелинейных квантовых переходов» Гейзенберга на немецком и толстый том «Анны Карениной» на русском.

— Вот список русских книг, — протянул он листок капралу.

— Сигареты — как всегда? — спросил капрал.

— Разумеется...

Затем капрал положил книги на пол и не спеша запер дверь на оба ключа. Он был совершенно спокоен, хотя разом нарушил сразу несколько строжайших служебных инструкций, регламентирующих правила общения и охраны содержащихся под стражей.

Этого узника он знал уже третий год. Это был самый необыкновенный и знаменитый из всех заключенных, каких знавала прежде эта старая Федеральная тюрьма в городе Атланта.

Четыре года назад вызванный в Москву после многократных требований мистера Р. А. (теперь узника К-373) его ближайший помощник-радист Вик — подполковник ПГУ КГБ Рейно Хайханен явился в Париже в американское посольство, где объявил представителям ЦРУ, что является советским агентом. Он выдал своего начальника, Марка, и попросил политического убежища в США.

Через три дня, двадцать первого июня пятьдесят седьмого года, Полковник был схвачен в одной из гостиниц Нью-Йорка после того, как, рискуя жизнью, провел последнюю свою операцию и был зафиксирован в момент передачи каких-то секретных материалов связнику, которому чудом удалось улизнуть.

Судя по оперативной киносъемке, Полковник успел передать тому что-то из рук в руки и ушел от погони, но через считанные часы был все же задержан, а при обыске на его квартире был найден тайник с

шифрованными таблицами, симпатическими чернилами и другими атрибутами, неопровержимо доказывавшими род его занятий.

После задержания и ареста он был предан суду и приговорен к тридцати годам тюрьмы; о процессе над ним писали все газеты западного мира.

Лишь в его собственной стране это судебное разбирательство никак не было отражено тамошней прессой.

Да и как иначе, если в Москве было официально объявлено, что вся эта история с поимкой «шпиона» и судебным процессом сфабрикована американскими спецслужбами от начала до конца и человека такого там никогда и в глаза не видели?

72

Видно, сама судьба распорядилась так, чтобы всенародный Первомайский праздник в семье Сафоновых был еще и праздником семейным. Их сын Саша — Александр Сергеевич — родился в ночь на первое мая пятьдесят седьмого.

— Три года — это же *три года*, понимаешь?! — радостно улыбался Сергей жене. — Надо так отметить, чтоб навсегда запомнил!

— Да ну, — махнула рукой Татьяна, — что ты, Сережка! Три года всего, где он там запомнит!

Сафонов вдруг задумался, и такая знакомая белозубая молодая улыбка сошла с его лица.

— Ты что? — удивилась она.

— Знаешь, а я помню себя в три года, — сказал он. — Хорошо помню. Прямо все как сейчас.

— А что помнишь? — спросила она.

— А вот все и помню, — ответил он. — Идут двое по дороге, он в белом костюме, она в белом платье — и я с ними. Папа и мама, на дороге какой-то... И

солнце такое! А я вроде руку козырьком сложил, сожмурился и смотрю на них.

— Может... приснилось? — вздохнула она

— Да нет, — помотал он головой, — так не приснится.

Ну что ж, сказано — сделано. Отгрохать день рождения сына заодно с Первомаем так отгрохать.

Полетов в ближайшие два дня согласно графику дежурств летных смен не предвиделось, и ранним утром тридцатого апреля Артюхин дал Сафоновым один из полковых «газиков» — смотаться в город, присмотреть и купить хорошего вина, да и для общего первомайского стола кое-чего прикупить.

Полдня прокрутились по Свердловску и сумели добыть все, что хотели, и даже то, на что не надеялись.

И он, и Татьяна знали, как любят и опекают в полку и военном городке их маленькую семью. Это людское внимание страшно много значило для них, и им хотелось назавтра, в их радостный день, хоть как-то отплатить добром жителям гарнизона.

Они жили легко, весело, празднично, потому что были действительно счастливы, как бывают счастливы люди только в молодости, когда суровая жизнь еще не успела нагнать туч, не сделала пасмурной погоду в их доме.

Комполка встретил их поздно вечером, когда Сафонов лихо затормозил у входа в здание штаба. Как всегда по праздникам, в полку была объявлена повышенная боевая готовность, и Артюхин как раз проводил проверку всех служб и постов. Он выглянул из окна второго этажа на шум мотора и, увидев Сафонова, начальственно махнул рукой:

— Старший лейтенант, ко мне!

Сергей взбежал по лесенке наверх и вытянулся перед командиром полка.

— Докладывайте, — с нарочитой строгостью приказал Артюхин. И Сафонов, подчиняясь тону командира, четко перечислил по списку все, что

купили и завезли они в часть. — От имени командования и от себя лично объявляю вам благодарность, — засмеялся Артюхин. — Значит, завтра вечером и день трудящихся и именинника нашего обмоем! Ладно, ступайте отдыхайте, старший лейтенант.

За шесть лет, что служил здесь, Сафонов стал одним из лучших летчиков полка.

На последних учениях они с Вазгеном получили высшие оценки по боевому применению — и за технику пилотирования, и за «фигуры», и за тактику перехвата. Но наивысшие баллы заработали за меткость стрельбы при перехвате цели и в воздушной атаке.

Таких очков, как они, не получил никто в полку, обскакали даже лучших из лучших. Их отметили в приказе командующего войсками ПВО и округа, обоим наградили значками «Летчик-снайпер», и теперь полковник Артюхин с начальником штаба готовили документы на представление старшего лейтенанта Сафонова Сергея Анатольевича к очередному воинскому званию капитана. Вазген был произведен в капитаны еще в начале года.

Вернувшись домой, они вместе отправились к соседке, у которой оставили до возвращения сына Сашку.

Назавтра ему был припасен поистине сказочный подарок — голубой pedalный автомобиль, который пока что был припрятан в дровяном чулане. Настроение у них было чудесное. Да и каким могло оно быть накануне праздника?..

Сели за стол. Не мудрствуя лукаво, Татьяна сделала своим мужикам пышную яичницу и, когда поставила на стол, подмигнула мужу:

— Слушай, давай откроем бутылочку этого вина, попробуем, что за «Изабелла». Говорят, удивительное.

— Ну, давай, — согласился он. — Только по капельке.

— Тебе ж завтра не летать, — сказала она.

— Не летать, точно, но все равно... только по рюмочке. Завтра вечером допьем.

Жена подала ему бутылку. Он легко выдернул пробку и, вдохнув из горлышка аромат темного вина, даже прикрыл от наслаждения глаза.

— Хорошее? — спросила она.

Но он уже разлил по маленьким рюмкам густое темно-красное вино. Оно словно дышало живой гроздью только что снятого с лозы чуть переспелого винограда, и вкус пьянящей влаги, пылающей из темной глубины рюмки маленьким алым угольком, был изумителен, и это ощущение хотелось длить и длить...

— Ой, какое вино! — сказала она. — Просто чудо! Никогда такого не пила. Слушай, Сережка, давай всегда его покупать.

— Давай, — кивнул он, и глаза его заблестели.

— Если будет, конечно, — вздохнула она.

— Да я тебе его хоть из-под земли достану!

Они отпили лишь по глотку и смотрели друг на друга с радостным ожиданием приближающейся ночи.

— Пап, а мне? — потянулся Сашка.

— Рано тебе, — засмеялся Сафонов. — Мал ты еще у меня. Ну ладно, на, чуть-чуть лизни язычком, — и протянул ему свою рюмку.

Сын опасливо пригубил, но вдруг поднял восхищенные глаза и попытался прихлебнуть еще. Отец погрозил пальцем и, смеясь, забрал у него рюмку.

— Ишь ты, губа не дура! Хватит, хватит, хорошенького понемножку.

— Вот вырастешь, — сказала Татьяна, — будешь большой — хоть бутылку тогда выпьем.

А за окном уже стемнело. Поужинав, они вышли втроем на улицу и немного посидели на лавочке около дома. К соседнему «немецкому» домику не спеша шел Вазген Айрапетян.

— Вазген, — крикнула Татьяна, — иди сюда.

Он обернулся, улыбнулся, подошел.

Вазген всегда казался на несколько лет старше

Сафонова, но за минувшие годы эта мнимая разница в возрасте, кажется, еще усилилась. Айрапетян жил по-прежнему одиноко, не женился, и о его личной жизни как-то не принято было заводить разговор. С годами он стал красивее, и в его решительном гордом кавказском лице уже отчетливо различалась зрелая мудрость много пережившего, много перечувствовавшего человека.

— Хороший вечер, — сказал он, опускаясь рядом с ними и усаживая Сашку к себе на колени. — Вы когда вернулись?

— Да часа полтора назад, — ответила Татьяна.

— На дежурстве кто у нас? — спросил Сафонов.

— Первая эскадрилья, — ответил Вазген. — Три пары на оперативном.

— Нормально, — кивнул Сергей.

И снова замолчали летчики. Оба мысленно оказались в «дежурном домике», у самой взлетной полосы, где полностью снаряженные пилоты новеньких «МИГов-19» коротали время, трепались, играли в шахматы и домино, в любую секунду готовые по получении приказа уже через две минуты поднять свои машины в воздух и идти на перехват. Но они были в самом центре России, вдали от границ, и все тревоги их бывали только учебными, других не было никогда.

— Ладно, ребята, с наступающим, — сказал Вазген, поднимаясь и осторожно ставя Сашку Сафонова на землю. — До завтра.

Он пожал руку другу, улыбнулся его жене и, как всегда немного вразвалку, пошел к своему дому.

— Жалко его, — глядя ему вслед, тихо сказала Татьяна, — все один, один. И сколько он будет так один?

— Да... — сказал Сергей. — Видно, не найдет себе никак никого, не встретит.

Они посидели еще немного втроем.

Говорить много они не умели, но чувствовали сильно, полно и глубоко, зная, что вот это все и есть настоящее счастье, которое все ищут и не могут почему-то найти, а оно рядом, почти всегда ближе, чем

думает человек, почти всегда в нем самом, как жизнь и смерть.

Вернувшись в свою маленькую комнату, они уложили сына, и он тотчас заснул.

— А «Изабелла»-то действует, — улыбнулся Сафонов и обнял жену.

А вскоре свет в комнате погас и мягкая темнота скрыла их, лежащих в объятиях.

— Подумать только, — прошептала она, — Сашке нашему завтра уже три года... Как все-таки удивительно встречаются люди. Спасибо, что ты писал мне тогда эти письма. Я ни с кем бы не была так счастлива, как с тобой. Никогда...

Он молчал, все сильнее прижимая ее к себе. На редкость сильный от природы, за годы интенсивных занятий физподготовкой, упражняя тело на батуте, крутя «солнышко» на перекладине, легко пробегая десятикилометровый кросс, легко подбрасывая пудовые гири, он достиг к двадцати шести годам идеального совершенства мужской красоты.

Он многое мог бы рассказать жене, но армия приучила строго хранить военные тайны.

А его тайна состояла в том коротком разговоре, который месяца два назад был у него с комполка Артюхиным и начальником госпиталя после какой-то странной внеплановой летно-медицинской комиссии.

— В общем, так, — сказал тогда Артюхин, — тебя, старший лейтенант, признали годным...

— Куда, для чего, товарищ полковник? — не понял Сафонов.

— Ну... ты же ведь все эти тесты ихние проходил? Получил одни «плюсы». Возможно, отзовут в Москву.

— Да зачем? — повторил Сергей.

— Я сам ничего не знаю, — признался командир полка. — Говорят так: «новую технику осваивать». Но ежели шариками подвигать, можно и догадаться... — И он выразительно взглянул на свежеспеленный потолок кабинета начальника госпиталя.

— Ну да? — вытаращил глаза Сафонов. — Серьезно, что ли?

— Похоже, что так, — сказал их бог и царь, майор медслужбы Снегирев. — Всем ты вышел, Сафонов, только ростом, говорят, великоват. А им сейчас летуны маленькие нужны...

— На то и надежда моя, — сказал Артюхин. — Очень не хочется мне, Сережа, с вами расставаться, кому-то отдавать.

Рассказать любимой жене о том разговоре, после которого он стал как-то особенно внимательно присматриваться к ночным звездам и редким пролетам спутников, хотелось ужасно, но он не мог. Не имел права.

— Как я люблю тебя, — прошептал он в темноте. — Я даже не знал, что можно так любить.

— И я не знала, — так же чуть слышно, горячо и страстно прошептала Татьяна.

Из открытого окна, как в ту их самую первую ночь, после шумной полковой свадьбы, влетали запахи влажной земли и травы. Стояла глубокая ночная тишина, в которой слышалось лишь все учащающееся горячее дыхание...

73

А в это время далеко-далеко от них, в небольшой гостинице при военном аэродроме под Пешаваром, не спал другой человек, тоже летчик.

Он не мог заснуть уже второй или третий час.

Так всегда бывало с ним в ночь накануне этих полетов, но полет, предстоящий теперь, был особым и не шел ни в какое сравнение ни с одним из предыдущих.

Он лежал и не мог сомкнуть глаз, не имея права принять снотворное.

Он мог только думать, вспоминать и надеяться,

как человек, приговоренный врачами к неотвратимой и страшной хирургической операции.

Согласно плану акции, три дня назад он прилетел сюда ночью транспортным самолетом из турецкого городка Адана.

Его «U-2» уже перегнал из Турции на здешний аэродром другой летчик из их подразделения.

Теперь ему надо было как следует выспаться и с первыми лучами солнца выйти на маршрут — пересечь Афганистан, войти в воздушное пространство СССР, пройти над самым большим русским ракетным полигоном, затем повернуть к Уралу, ну а потом...

Этот маршрут был уже освоен им в прошлом году, и в нем не было бы ничего нового, если бы не та встреча и не тот разговор...

Он помнил каждое слово того странного тайного разговора с глазу на глаз с человеком с трубкой и понимал, что у него есть только единственный шанс уцелеть — скрупулезно точно выполнить все инструкции своего «самого главного начальника», как тот назвал себя, или...

Или прямо сейчас вот на этой складной железной армейской койке извлечь двухдюймовую толстую иглу с ядом и решить все проблемы одним уколом в шею или щеку. Он обдумывал сейчас этот возможный выход всерьез, вспоминал деда, всеми любимого старого почтальона, и, представляя его лицо, когда тот узнает, не мог подняться и взять в руку смертоносную иглу.

Да, слишком многое так и осталось необъяснимым после той встречи, прежде всего какие-то неведомые цели того джентльмена с трубкой, который спокойно и привычно сделал его, Гарри Пауэрса, покорной игрушкой в своих безгранично властных руках.

Оставалось положиться на небеса, не сбиться с курса, не наделать непоправимых глупостей.

«Ничего, Гарри, — говорил он себе, — ничего... может быть... как-нибудь».

Он взглянул на часы со светящимися зеленоваты-

ми цифрами и стрелками и вдруг понял, что сейчас его придут будить.

И он не ошибся.

Через четверть часа он уже протирали лицо освежающими гигиеническими салфетками, затемпил специальный концентрированный высокопитательный бульон и натуральные соки, затем, как всегда перед полетом, ему сделали укол препарата фенамина, который превращал всякого в живой сгусток энергии, способный неумоимо сверхпродуктивно работать без перерыва тридцать шесть часов.

Стояла темная южная ночь... Окруженный невысокими горами, лежал в распадке маленький аэродром.

Начинало светать, и с вершин минаретов Пешавара уже скоро должны были затянуть свои протяжные печальные крики десятки муэдзинов.

Все пилоты «U-2» уходили в полет в черных летных высотных комбинезонах и оранжевых гермошлемах. Но почему-то в этот полет наемного пилота ЦРУ Фрэнсиса Гарри Пауэрса облачили в другой наряд. Он видел себя краем зрения в небольшом зеркале — человек в серебристом скафандре и белом куполе шлема с темным забралом светофильтра — довольно жуткая, какая-то инопланетная фигура.

Он пристегнул к поясу бесшумный пистолет, проверил иголку с ядом, запрятанную у самого рта в отвороте комбинезона и, прихватив мешок с остальным летным имуществом, в сопровождении офицеров разведки и начальника группы техобслуживания самолета пошел туда, где ждал его черный «U-2».

Машину уже расчехлили, и в полумраке она была почти не видна. Это был самолет самой последней серии, который он уже облетал, удостоверившись в его великолепной управляемости.

— С Богом, лейтенант! — сказал старший из тех,

что провожали его, руководитель подразделения 10-10 полковник Шелтон. — Через десять часов вас встретят в Норвегии, как Чарльза Линдберга после первого перелета.

— Надеюсь, — кивнул Пауэрс и полез по стремянке в нишу кабины.

Он выставил компасы и хронометры, проверил давление жидкостей и газов в системах. Справа лежали карты, слева — в запечатанном черном пакете — небольшой плакатик, который ему передал из рук в руки сам джентльмен с трубкой.

Этот плакатик перед самым вылетом из Пешавара ему предписывалось прикрепить себе на грудь поверх серебряного скафандра при помощи клейкой ленты.

На нем на четырнадцать языках была выражена просьба оказать помощь потерпевшему аварию пилоту, и только по-русски было написано что-то крупными красными буквами, несколько строк, от которых, как особо подчеркнул тот, что назвал себя Алленом, зависело все, и прежде всего его, Пауэрса, собственная жизнь.

Теперь надо было, сидя в кабине, терпеливо дожидаться первых лучей солнца.

Но вот зазолотились вершины гор.

Гарри получил от руководителя старта последние данные: температуру воздуха, скорость и направление ветра, давление и видимость на первом участке маршрута, тронул рули управления и нажал кнопку запуска двигателя.

Турбина тихо зашумела сзади. Пауэрс снял ногу с тормоза — черный самолет без опознавательных знаков побежал по земле и, держа курс на север, ушел в утреннее небо.

Машина была до предела нагружена топливом для десятичасового полета, но длинные крылья легко оторвали ее от земли. Гарри отцепил и сбросил на землю колеса шасси и потянул машину в высоту.

Стрелка на компасе в кабине его «У-2» будто прилипла к нулю. Летчик Пауэрс летел прямо на север, поднимаясь все выше и выше... Внизу медленно проплывали залитые утренним солнцем вершины горных хребтов. Они возвышались над слоями облаков, лишь иногда в разрывах показывались глубокие пропасти, далекие перевалы, но Гарри едва различал их в глубокой сизой тьме... Территорию Афганистана он прошел на высоте девятнадцать километров и минуты за две до вхождения в воздушное пространство Советского Союза получил последние целеуказания наземной службы наведения.

С этой минуты и до конца полета ему уже не суждено было услышать человеческую речь — вполне вероятно, ему не будет дано ее услышать больше никогда.

74

Появление неказистого мужичка в пивнушке в конце улицы Малышева города Свердловска не вызвало ровным счетом никакого интереса у ее завсегдатаев. Таких посетителей; приходивших отве-дать тамошнего желтоватого, слегка пенистого, горьковатого пойла, было сколько угодно. Приходили, брали кружку-другую и исчезали, не оставив о себе никаких воспоминаний. Так и этот человек ничем не отличался от окружающих — самый обыкновенный, свой брат-работяга с «Уралмаша», «Уралобуви» или какого-нибудь номерного завода, каких понатыкано тут было — считать не пересчитать.

Был он весь какой-то серый — выдавший виды пиджачишко цвета пыли, серая кепчонка в меленькую клетку, видно, отродясь не глаженные штаны, будто и вовсе утратившие всякий цвет, нечищенные полуботинки.

Как и положено чужаку, он принял из рук разливальщицы две захватанные поллитровые кружки, осторожно пронес их через толпу выпивающих и закусывающих после смены, устроился в уголочке, из хозяйственной сумки достал половинку соленого подлещика, задумчиво ободрал кожу с чешуей, отхлебнул, сунул в рот жесткий соленый завиток рыбьей спинки, и на лице его выразилось неземное наслаждение.

Народ вокруг него толпился и шумел, все тут были в своих компаниях, а компаний, собравшихся в кружок — голова к голове — над кружками, набралось полным-полно.

Новый товарищ ни к кому не вязался, кайфовал сам по себе, в свое удовольствие и задумчиво поглядывал за мутноватые стекла оконца пивнушки, носившей громкое название «Павильон».

Так прошло около получаса, когда около него, заискивающе-просительно заглядывая в глаза, закрутились трое приятелей, похожие на него с головы до ног, как бы члены одного с ним «рыцарского ордена» или рода войск.

Быстренько свели компанию, разговорились, познакомились. В хозяйственной сумке у пришельца обнаружилась и «маленькая». Замешали хорошего «ерша», а еще часа через полтора, дружески обнимаясь, покинули «Павильон», и, слегка пошатываясь и любовно поддерживая друг друга, неизвестный посетитель и новый друг его, завсегдатай, отправились домой к последнему, где и продолжили теплое мужское застолье.

То был пир на весь мир — благо в чудо-сумке Василия, как назвал себя неизвестный, оказалась еще пара «маленьких», две банки мелкого частичка в томатном соусе, а у хозяина нашлась и капуста, и вечерашняя картошка, и полбуханки черного.

Появление этого человечка в славном городе Свердловске, индустриальной столице Урала, как уже сказано, ровным счетом ни для кого не стало со-

бытием. Если, конечно, не считать нескольких молодых людей самой неприметной наружности, похожих на родных племянников гражданина по имени Вася, имевших в потайных внутренних карманах солидные красные книжечки удостоверений сотрудников как московского, так и свердловского управлений Комитета государственной безопасности.

Сопровождать «дядю Васю» — между прочим, того самого благодушного пожилого пьянчужку, что так ловко провел июльским вечером пятьдесят шестого целый взвод сотрудников «вооруженного отряда партии» в скверике перед Большим театром, — теперь было поручено лучшим оперативникам.

Передавая гражданина «с рук на руки», они сумели незаметно довести его от Москвы до Челябинска, где он, явно «проверяясь» на наличие «хвостов», проваландался целых три дня, потом сел в разбитый пассажирский поезд и добрался до Свердловска.

Все эти дни он забирался в самые малолюдные, пустынные углы Москвы, Челябинска и Свердловска, менял поезда, выскакивал из автобусов, но так и не смог распознать и приметить превосходных «наружников».

В доме нового друга, обретенного в «Павильоне», он прожил вплоть до вечера двадцать девятого апреля, щедро снабжая гостеприимного хозяина деньгами на водку, огурцы, хлеб и любительскую колбасу по двадцать два рубля за килограмм.

А двадцать девятого, когда стемнело и хозяин мирно захрапел, уронив буйну голову на голый стол, покрытый изрезанной газетой «Уральская правда», гражданин Вася накинул старый клеенчатый плащ своего друга и, прихватив хозяйственную сумку, покинул свое убежище и растворился в ночи.

Он свободно шел по плохо освещенным улицам, уверенный, что «хвосты», если они и были, оборваны и никакой слежки за ним нет.

Однако он ошибался. По разным сторонам улицы за ним, то обгоняя, то отставая, двигались сразу четверо преследователей — двое мужчин, шагавших са-

ми по себе, а также семейная пара с запеленутым младенцем на руках, причем супруги отчаянно бранились, а дитя издавало плач хотя и магнитофонным, но совершенно натуральным голосом.

Через пару кварталов преследователей сменили другие, затем третьи, четвертые.

А когда тот, за кем они шли, уже на окраине города уговорился за бутылку и еще сорок пять рублей с водителем полуторки, ни у кого из них не осталось сомнений, что он держит путь за город — либо на Арамиль, либо на Дуброво.

Невесть откуда появившийся мотоцикл с коляской, на котором сидели трое молодых людей в кепках и телогрейках, устремился в ночь, вослед одинокому красному стоп-сигналу преследуемого маленького грузовика.

75

В связи с первомайскими праздниками повышенная боевая готовность была объявлена во всех воинских частях страны, но прежде всего — в войсках противовоздушной обороны.

И как только на круглом экране-индикаторе радиолокационной станции, размещенной высоко в горах, была замечена и взята на контроль планшетистов крохотная зеленоватая метка воздушной цели, летящей в сторону границы с афганской стороны, командир дивизиона ВНОС — войск наблюдения, оповещения и связи тотчас связался со своим командованием. Он знал, какой последует ответ, и не ошибся.

— Уточнить азимут, высоту, скорость, — отдал приказ вышестоящий начальник. — При нарушении границы — немедленно доложить.

— Есть!

А полковник, получивший донесение подчинен-

ного, немедленно связался по «горячей линии» со всеми вышестоящими ответственными лицами, вплоть до командующего округом.

Эта процедура уже была достаточно отработана за последние три года. В зону контроля и ответственности на недостижимой высоте влетали неизвестные самолеты, навстречу им поднимали дежурные пары перехватчиков, но все это делалось лишь для очистки совести — истребители воспрепятствовать проникновению нарушителей не могли и бесславно возвращались на свои базы.

Так было и теперь, но с одним небольшим нюансом — наступил день Первого мая, второй по значению праздник страны.

В ноль пять тридцать две по московскому времени на высоте двадцать один километр самолет-нарушитель вошел в воздушное пространство СССР, и, согласно приказу, командир высокогорного дивизиона дальнего радиолокационного обнаружения сообщил об этом полковнику.

Все линии связи, уходившие вверх, от начальника к начальнику, от командира к командиру, мгновенно накалились докрасна. А подтверждения о вторжении вражеского самолета приходили со всех новых станций слежения и радиолокационных комплексов, в то время как командующий округом, заслуженный многоопытный генерал армии, все никак не мог соединиться по своей линии с Москвой, с помощниками и адъютантами министра обороны.

Цель на экранах десятков локаторов, попетляв некоторое время в приграничном районе, то исчезая, то вновь возникая на экранах — по-видимому, попеременно включая и выключая какие-то системы постановки помех, наконец взяла курс прямо на главный космический ракетодром страны в Казахстане, северо-восточнее Аральского моря, — на полигон Тюра-Там, где шли последние приготовления к первому запуску самого тяжелого спутника, который когда-либо выводился в космос, — прообраза орбитальных кораблей, предназначенного для запусков космонавтов. Об этом было известно лишь

самому узкому кругу лиц, но посвященные в тайну легко догадывались, что произойдет, если...

А связи все не было, и соответствующее донесение ушло в Москву по телеграфным линиям. Теперь надо было ждать такого же телеграфного ответа. Но вот наконец в трубке раздался бодрый, молодева-тый голос помощника Малиновского. Командующий округом коротко доложил обстановку.

— Ждите на связи, — донеслось из Москвы, — сейчас сообщу товарищу маршалу.

А еще через минуту командующий округом услышал знакомый бас:

— Прошу еще раз доложить обстановку.

Выслушав доклад, Малиновский спросил:

— Сколько ему еще до зоны «Т»?

Так обозначался во всех переговорах космодром Тюра-Там, впоследствии получивший название «Байконур».

— Минут сорок — сорок пять...

— Ясно, — сказал министр обороны. — Контролируйте пролет, ждите моих дальнейших распоряжений. Все.

Министр обороны СССР Родион Яковлевич Малиновский, заслуженный полководец, был человек суровый, угрюмый, крайне строгий. Он немедленно объявил боевую тревогу во всех военных округах, в небе которых мог появиться неизвестный самолет.

И для него эта ситуация уже сделалась до обидного привычной. Но он знал, что осенью прошлого, пятьдесят девятого года во многих местах страны были развернуты и поставлены на боевое дежурство десятки зенитно-ракетных комплексов, оснащенных новейшей ракетой класса «земля — воздух» типа «С-75» конструкции Грушина. Великолепной двухступенчатой ракетой с дальностью боя свыше тридцати километров и инфракрасной головкой самонаведения с автоматическим дистанционным взрывателем, которая показала ошеломляющие результаты на всех испытаниях. Ею были уничтожены

девяносто семь процентов всех целей на всех высотах диапазона боевого применения. Такого средства защиты воздушного пространства и прикрытия городов, военных и промышленных объектов наша армия не имела никогда. Но ракета еще ни разу не была применена в реальной боевой обстановке.

Родион Яковлевич понял, что этот день наступил. Он снял трубку телефона правительственной связи и позвонил Хрущеву.

Хрущева разбудили немедленно, и Никита Сергеевич тотчас догадался, что, если осмелились нарушить его сон в такой день, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее.

Услышав сообщение Малиновского, он понял, что дело и правда крайне серьезное.

Но он терпеть не мог, когда его будили.

— Вы министр обороны, — зло бросил он в трубку, — ну и действуйте! Прямая ваша обязанность.

— Принимаем все меры, — сказал министр обороны.

И лишь только он произнес это, Хрущеву ярко вспомнился тот вечер почти четыре года назад в американском посольстве, когда неведомый самолет летел прямехонько на Москву, а ныне усмиренный и на веки вечные посаженный под домашний арест грозный Жуков все долдонил свое «Принимаем все меры!» и смотрел на него, главу партии и государства, не как исполнительный подчиненный, а как суровый начальник.

Ему вспомнилось все сразу, но главное — то безмерное унижение, беспомощность и позор, которые его заставили испытать на том праздничном приеме, выставив полным олухом перед всем белым светом.

О, как мечтал он все эти годы взять реванш за те страшные, оскорбительные часы! Как ненавидел он тех, кто был тогда свидетелем и понимал его положение, — почти всех из них, кроме старого друга Микояна, ему удалось вышибить из седла.

И вот снова праздник, снова торжества, только не их праздник и не их торжества, а наши, советские, под нашими красными флагами, во славу Родины и Ленина, во славу нашей великой партии, во главе которой он уже восьмой год. И снова, как тогда, опять самолет и опять «Принимаем все меры».

Уже ставшее привычным хозяйское бешенство мгновенно вскипело в крови.

— Где он теперь? — высоким фальцетом вскрикнул Хрущев — он позволял теперь себе кричать на всех без разбора, уже не боясь и не стесняясь никого из «своих». Он приструнил самых бойких и ретивых. Тех, что не дали себя приструнить, вышвыривал без сожаления, коленкой под зад. Другого обращения вся эта мелочь, выросшая у голенища сталинского сапога, не знала и не заслуживала. Он и сам был из них, а потому знал, что иначе нельзя. — Да, где он сейчас?! — повторил он, едва не дав петуха и оттого распалившись еще сильнее. — Вы что молчите, товарищ Малиновский?

— Цель на подходе к зоне «Г».

— Что-о-о-о? — пронзительно завопил Хрущев, так что даже стекла тоненько задрожали в окнах его особняка на Ленинских горах. — Как допустили, мать вашу? Да я вас всех!!! К чертовой матери! Под трибунал! Сбить! *Сбить любой ценой!* Слышите — *любой ценой!* Иначе завтра я вам не только что министерства — полка говенного не дам! Об уничтожении доложить! Встретимся на Мавзолее. Все!

О том, чтобы поспать еще часок, само собой, и мысли уже не было. Он накинул толстую фуфайку и, грозно пригнув лысую голову, пошел вон из дома. Было шесть часов восемь минут утра.

Это стало привычкой — что здесь, что в Петровом-Дальнем, что в Усово, что на всех других его подмосковных дачах — пройтись спозаранку по территории под незримо сопровождающей охраной, обдумать дела нового дня, все предстоящие встречи и заседания.

Теперь на него работало несколько сот самых лучших голов страны — в ЦК, Совмине, Госплане, МИДе. Всем этим умникам он по щедрости своей устроил райскую жизнь, досрочный коммунизм. Но они должны были пахать на него честно, не вилять и не халтурить. А иначе...

Этот новый полет самолета, гостинец на праздник, был не просто оплеухой — за ним могло скрываться нечто куда более грозное и опасное. Если и этот самолет запросто улизнет, как и все остальные, да не когда-нибудь, а в самый светлый праздничный день, — то-то козыри придут на руки всем его врагам! А что враги есть и всегда наготове, он знал наверняка. Он сам прожил при Усатом таким врагом без малого тридцать лет. Уж что-что, а шапка Мономаха любому к лицу. Это всякому известно.

Он обошел огромный участок, поглядел на раскинувшуюся за рекой еще туманную утреннюю Москву. На часах было семь утра... Надо было плотно позавтракать перед парадом и демонстрацией. Он всегда первого мая и седьмого ноября любил заправиться как следует, что чрезвычайно улучшало настроение и поднимало праздничный дух. Но в это утро, первого мая шестидесятого, кусок не лез в горло. Он сидел с женой и дочерью за столом и на чем свет стоит крыл подлюку Айка, который, как ни корми, все в лес смотрит. Как уж он кормил Айка, Никита Сергеевич вряд ли смог бы ответить.

Тут имелось в виду вот что.

Когда осенью прошлого года они с Ниной Петровной столько дней колесили по Америке и столько раз встречались с Айком то в Белом Доме, то в Кемп-Дэвиде, он нарочно ни словом не обмолвился о проклятых полетах. И хотя американцы так ни разу и не признали эти самолеты-призраки своими — и без их признаний было ясно, чья кошка мясо съела. То, что он ничего не сказал тогда Айку, должно было стать для американского президента недвусмысленным жестом доброй воли со стороны советского руководства.

И точно — с августа пятьдесят девятого полеты

не повторялись вплоть... до девятого апреля, когда такой же самолет прохлопали-проморгали раззявы из ПВО, а засекали лишь за десять минут до того, как он удрал в сторону Ирана. А сколько кружил над Союзом, где кружил, что снимал, так и осталось неизвестным.

Промолчали и тогда, сделали вид, будто ни сном ни духом... Вот и распоясался Айк, решил устроить себе цирк. Ну так хватит! Теперь нам есть чем вас достать, господа американцы! А что касается цирка, так любому на планете известно, чей цирк самый лучший в мире.

Лишь бы сбили! Лишь бы только сбили! Лишь бы кусочек от этого самолета остался, чтоб предъявить всему миру и выставить этого лиса Айка тем, кто он есть. Вот когда бы удалось вчистую отыграться за тот позор в их посольстве!..

Не чувствуя вкуса, он быстро жевал бутерброд и громко прихлебывал горячий чай. Домочадцы молчали, зная его норы и не желая стать громоотводом.

— Все, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Поехал.

— Встретимся на приеме? — спросила дочь Юлия.

— Встретимся, встретимся, — угрожающе глядя в окно и будто не слыша ее, кивнул Никита Сергеевич. — Обязательно встретимся!..

76

Пилот Пауэрс продолжал полет в глубь территории Советского Союза.

Около получаса назад забарахлил автопилот, и на короткое время машина вышла из повиновения. Он справился, парировал раскачку и продольные колебания, но возникло почти непреодолимое искушение развернуть самолет на сто восемьдесят градусов и

вернуться в пункт вылета, на аэродром под Пешаваром. Но... все остальные системы работали безупречно, и потом... он не знал, как будет воспринято и к чему приведет его возвращение до завершения миссии. Проще говоря, Гарри Пауэрс не был уверен, что его оставят в живых. Скорее всего, он станет никому не нужным опасным свидетелем. А с ними — разговор короткий.

Может быть, в сотый или тысячный раз он вспомнил глаза человека с трубкой, очень спокойные холодные глаза за стеклами очков без оправы, и сомнений не осталось — ну конечно, если он вернется, его тут же уничтожат.

Путь назад был закрыт. Значит, надо лететь только вперед и, если суждено, довести миссию до конца. На его полетной карте чья-то рука начертила вокруг Свердловска синим карандашом несколько зловещих кругов — вероятные зоны поражения от каких-то новых русских зенитных ракет. Будь теперь обычный полет, во избежание крупных неприятностей их нужно было во что бы то ни стало обойти стороной. Но согласно тайному указанию Аллена Гарри Пауэрсу надлежало действовать прямо противоположным образом... То есть, возможно, стать самоубийцей.

Точная дислокация этих ракетных установок была неизвестна. Войти в район их действия он мог только по радиосигналу с земли, который должен был подать ему в нужный момент корректировщик — разведчик ЦРУ.

Но до этого района еще оставалось около двух часов полета, и ему становилось все страшнее и страшнее перед надвигающейся неизвестностью.

Он был один-одинешенек под этим темным небом, с которого нещадно палило жестокое солнце.

Один-одинешенек над планетой — ничтожная песчинка жизни, брошенная судьбой в клокочущее варево чьих-то амбиций, коварных замыслов, вероломных планов и глобальных игр противостоящих умов.

Через пять — семь минут он должен был выйти к

Аральскому морю и, заняв высоту двадцать один километр, повернуть в сторону объекта особой важности, помеченного на карте ярко-красным кружком, — к ракетно-космическому полигону посреди голой пустынной степи, который он уже фотографировал год назад. Русские и тут разместили эти свои новые ракеты: чья-то рука и здесь начертила несколько кругов синим карандашом...

Как знать, быть может, хронометр на приборной панели и наручные часы отсчитывали его последние минуты — он прощался в душе со всем, что видел сейчас перед собой, покорившись воле рока, который загнал его в эту кабину... Вся его недолгая жизнь пробежала перед ним, и от этих видений становилось все холоднее и страшнее лететь со скоростью четырехста миль в час навстречу возможной гибели. В любую минуту по нему могли открыть огонь, но былой безмятежной уверенности в своей полной недосыгаемости теперь уже не было — времена изменились. Ну что ж...

Он приблизился к заданному району... Согласно плану полета Гарри выключил двигатель и заложил небольшой вираж, выходя прямо на этот объект.

От этой точки до пугающих синих кругов оставалось еще минут пять беззвучного парения со снижением с двадцати трех до двадцати километров...

77

По голосу Хрущева маршал Малиновский сразу почувствовал, что ярость Первого вовсе не наигранна и тот шутить не станет. И он понимал его. Отлично понимал...

Самолет-нарушитель должен был быть сбит или посажен, иначе...

Что могло последовать, Родион Яковлевич знал прекрасно: иначе хоть пулю в лоб пускай. И потому

мгновенно передавшаяся ему ярость руководителя страны, стремительно распространяясь, пошла расходиться кругами, захватывая и втягивая в свои грозные волны все новых и новых военных и штатских людей, от которых зависело, будет ли выполнен непререкаемый приказ самого Хрущева. Тревожное лихорадочное волнение лавиной обрушилось на них...

Самолет только что пролетел над главным космодромом страны, но тамошние ракетчики не успели уничтожить нарушителя, и он взял курс на Урал.

Первое мая тысяча девятьсот шестидесятого года в Москве выдалось ослепительно солнечным и по-весеннему радостным.

Обычно на Первомайские и ноябрьские празднества на Красной площади Никита Сергеевич отправлялся вместе с супругой в одной машине, в своем бронированном «ЗИСе-110». Но сейчас он ехал один, поглядывая через толстое стекло из-за шелковой розовой занавески на празднично украшенный город.

Он видел толпы людей на улицах, которые съезжались и выстраивались в колонны, чтобы через два часа, по завершении военного парада, пройти перед ним мимо Мавзолея. Зеленые, красные, голубые гирлянды, вымпелы, флаги, воздушные шары, огромные транспаранты на грузовиках и портреты, портреты... Парадно-официальные портреты всех тех, кого он оставил и ввел в свой Президиум ЦК. И первыми в рядах надо всеми колоннами — его собственные огромные портреты, сотни и сотни одинаковых Хрущевых смотрели на него со всех сторон.

А он мчался по осевой линии Комсомольского проспекта в сторону Кремля, окруженный машинами охраны, и мысли его были только об одном — *еще летит* или уже *не летит*?

Сегодня, как и на сорокалетие революции в ноябре пятьдесят седьмого, он вновь собирался ошарашить весь мир новейшими ракетами, громадными

тридцатиметровыми сигарами толщиной в два человеческих роста, которые должны были протащить мимо гостевых трибун, мимо всех этих послов, консулов и атташе, на страх и зависть тому же Айку.

Он готовил этот сюрприз, предвкушая соответствующую реакцию во вражеском лагере, аршинные заголовки в их газетах и отчаянные вопли обозревателей и комментаторов по поводу нового прорыва русских на ракетном фронте. Вдруг явившись как из-под земли за две недели до новой Женевской встречи, эти гигантские серо-зеленые колбасы должны были здорово помочь ему на предстоящих переговорах и вправить мозги кое-каким не в меру горячим головам — что в Америке, что в Англии, что во Франции, что в реваншистской Германии. С той же целью как раз на пятнадцатое мая был назначен и запуск пятитонного корабля-спутника согласно программе подготовки первого полета человека в космос. Так что эти господа должны были сделаться куда уступчивее под давлением таких внушительных аргументов.

Сегодняшнее вторжение шпионского самолета могло свести к нулю все его усилия. Что все ракеты, все шумные запуски, если сволочи-американцы точно так же, как все эти годы, могли и теперь, ничем не рискуя, нахально утюжить наше советское небо?

Он был Главнокомандующим, он отвечал за все! И вот теперь его положение, столь упрочившееся к концу пятидесят седьмого, когда он сумел двумя решительными ударами избавиться сначала от Молотова, Маленкова и Кагановича вместе со всеми их приятелями, а осенью — от Жукова, вновь неизбежно должно было пошатнуться и ослабить его позиции в глазах новой кремлевско-цековской поросли, которая жаждала власти ничуть не меньше, чем он сам.

Он должен был показать всем свою силу — и здешним, и тамошним! Самолет должен был быть сбит! Сбит, и точка! Слишком много все это значило теперь лично для него.

Он снял трубку радиотелефона:

— Малиновского!

Министр обороны уже был в Кремле и готовился принимать парад, но и он в этот час думал лишь об одном — о том же, что и Первый секретарь ЦК.

— Ну что там, Родион Яковлевич? — спросил Хрущев, хмуро глядя вперед через ветровое стекло на быстро летящий навстречу солнечный город.

— Летит... — угрюмым басом отозвался Малиновский.

Хрущев молчал, держа трубку у рта.

Он помнил, как действовали на всех и на него самого эти выразительные телефонные паузы товарища Сталина, переполненные такой жуткой угрозой, что не однажды хлопались в обморок даже бывалые полководцы.

Помолчав с минуту и не сказав ни слова, он бросил трубку на рычаг и взглянул в ярко-голубое небо. А что как снова сюда завернет? И при этой мысли его словно окатили ведром ледяной воды.

Окруженный машинами охраны, лимузин быстро катил к Кремлю. Колеса зарокотали по брусчатке въезда перед широкими воротами Боровицкой башни. И всюду зелень, улыбки, солнце, бесчисленные красные флаги... Но у него было черно в глазах, как в день известия о гибели сына.

73

И все же это был на редкость умелый и опытный враг! Трое молодых людей из числа лучших сотрудников Управления контрразведки Комитета госбезопасности смогли убедиться в этом, когда их мотоцикл с коляской оказался около завалившейся в кювет полторки.

Не глуша тарахтящего мотора мотоцикла, они кинулись к кабине, громко переговариваясь и по-

прежнему изображая простых колхозных ребят, ездивших в город, а теперь возвращающихся маленько под хмельком в свою деревню. У них были мощные фонари, но враг, возможно, был где-то рядом, где-то здесь, в холмистой черной степи, всего в сорока километрах от секретных позиций новейших зенитных ракетных установок, поставленных сторожить небо на подступах к Свердловску.

Контрразведчики уже знали, чем занимается этот невзрачный мужичок. Всякий раз, когда новый сверхвысотный самолет-нарушитель брал курс на самые важные, самые секретные объекты, где-то в их округе срабатывали сигнальные радиопередатчики-маячки, по которым пилоты-нарушители получали точные ориентиры наведения на эти точки. И всюду всякий раз, то здесь, то там, обнаруживался след этого неприметного человечка, которого все никак не могли «взять на горячем» и обезвредить самые лучшие группы захвата.

Поочередно чиркая спичками, они рванули дверцу кабины и почти не удивились, найдя там еще теплого, но уже неживого шофера полуторки. Пассажира его и след простыл.

От того момента, как красный огонь стоп-сигнала этого старенького грузовичка вдруг заметался впереди, задержался из стороны в сторону и погас, прошло не больше семи-восьми минут.

Враг не мог уйти далеко, он был где-то рядом, где-то совсем близко, в черноте весенней ночи. И справа, и слева от дороги чернели лесные опушки. Искать и ловить его во тьме уже не имело смысла. Возможно, сейчас он даже следил за ними, слышал их голоса, и он мог перестрелять их без малейшего труда, но, видимо, не хотел рисковать, чтоб не выдать себя.

Скорее всего, за те минуты, что они подъезжали, он успел добежать до высоких елей и скрыться в лесу. Он снова ушел. В какой раз...

— Делать нечего, парни, — тихо сказал один из

молодых контрразведчиков. — В любом случае вся зона на контроле. Как только начнет светать — поднимем вертолеты.

Второй негромко присвистнул:

— О чем ты, Мишка? Холмы, лес... Местность сложного рельефа... Нам его уже не взять. Опять переплюнул нас, сволочь, уж в какой раз!

— Да нет, — заметил третий, — сдается мне, Миша прав. Он же не даром сюда приперся, не даром таскал нас восемь дней. Он «хвоста» не расчухал, я уверен. Его задача нам известна. Стало быть, сегодня у них запланирован новый полет, прямехонько на эти комплексы. Сомнений больше нет, мужики, — где-то в Москве действует крупный зверь, имеющий доступ к сверхсекретной информации. Он и дает наводки этому типу, а тот — самолетам. А наш sereneкий — видно, его агент. Если возьмем его без дырок, он нас и на «москвича» выведет.

— Ну ты махнул! — усмехнулся второй.

— Махнул не махнул, а похоже, так и есть, — сказал третий. — Давай, Миша, выходи на связь.

Тот, кого называли Михаилом, достал из кармана маленькую рацию, приблизил ее к губам, нажал кнопку передатчика и произнес:

— Ямал, Ямал, я Печора, — а затем несколько условных цифр.

Они говорили очень тихо. Тот, о ком шла речь, уже не слышал их. Как и догадывались контрразведчики, он затаился в полукилометре от них, в лесу. Он ждал...

Он умел ждать. Он был блестяще подготовленным разведчиком-диверсантом с огромным стажем, прошедшим выучку еще в разведшколе Канариса. За свою долгую практику он записал на свой счет столько заданий, взрывов и трупов, что и сам бы уже всего не вспомнил. Последние несколько лет он действовал в связке с поистине удивительным агентом, который работал одновременно на Англию и на Штаты, а в Москве занимал крупный пост начальника Ино-

странного отдела Комитета по науке и технике, одновременно являясь полковником ГРУ.

Этот человек сам вышел на того, кто затаился теперь в лесу.

Каким-то неведомым путем он выявил его «халупу» и обнаружил в подмосковном Ногинске. Приехал один, поздним вечером, прекрасно зная, что рискует жизнью. Но заявился он с неслыханным предложением — объединить усилия и в дальнейшем работать вместе.

Звериным чутьем матерого шатуна старый диверсант понял, что тут никакой гэбэшной провокацией не пахнет, что этот человек действует не под влиянием каких-то импульсов, а руководствуясь сугубо идейными соображениями. Они говорили до утра и к рассвету поняли, что свела их сама судьба.

Они поверили друг другу, и их тайная подрасстрельная деятельность пошла несравненно успешней. По крайней мере, ни один из них ни разу не пожалел об этом тайном союзе. Информация, которой они обменивались и которая уходила по их каналам на Запад, была в полном смысле бесценной для английской и американской спецслужб.

О том, чтобы предать, выдать или подвести другого, и речи быть не могло. Пересекаясь, да и то на считанные минуты, всего лишь несколько раз в год, они жили, как сиамские близнецы, в полной зависимости друг от друга...

На эти задания для корректировки разведывательных самолетов его посылал именно тот человек...

Привалившись спиной к стволу дерева, он взглянул на часы. Потом — на точный ручной штурманский компас со светящимися стрелками. Он изучил этот район и знал, что до начала рассвета легко сумеет выбраться из любого оцепления.

Еще не начало светать, когда, поборов легкую дрему, он двинулся в путь. Он шел лесами, время от времени замирая и прислушиваясь. Весенняя тайга

была полна звуков пробуждающейся жизни, но того, чего он мог бы опасаться, он не слышал и спокойно шел, все время сверяясь с компасом и часами.

Меж тем кольцо людей, вызванных ночью по рации, постепенно сжималось. Они знали эту местность еще лучше, чем тот, кого должны были догнать или опередить.

Привычный лесной житель, он превосходно ориентировался в густой тайге и сумел пройти, точно выдерживая направление, больше пятнадцати километров, когда отлично развитым звериным чутьем почувствовал запах тревоги. Никто бы другой на его месте не заподозрил ничего опасного, но он прислушался, напряг слух и уловил...

То был далекий и ни с чем не сравнимый шелест и хруст многих ног.

Он обязан был выполнить это задание. Он не знал многого, но тот, с кем он работал в паре в Москве, как-то с особым нажимом подчеркнул, что такого серьезного дела им выполнять еще не приходилось, и он не хотел подводить напарника.

Он напряг слух... Да, это была погоня, а гнаться здесь могли только за ним. По тайге двигалось много людей, и по тому, что они молчали, он понял, что они тоже — быть может, тем же охотничьим или звериным чутьем — ощущали его близость.

До точки, где он должен был привести в действие свою аппаратуру, оставалось километров двенадцать, и он понял, что дойти туда не успеет. Не суждено.

С того июльского вечера в самом центре Москвы, когда он чуть ли не от здания Комитета госбезопасности сумел послать сигнал подлетающему самолету, он выполнил точно такое же задание еще ровным счетом двадцать раз.

Сегодня было двадцать второе.

Как все люди опасной работы, он был суеверен. «Двадцать второе, — подумал он еще в Москве, уходя на задание. — Двадцать два. Перебор. К добру ли?»

По предыдущим заданиям он знал, что разница в несколько километров для самолета, летящего на огромной высоте, большого значения не имела. Он прошел еще километра полтора. Шаги преследователей понемногу приближались.

Теперь до точки оставалось чуть меньше десяти километров. Он оглянулся и полез на дерево. Это была могучая старая пихта с бесчисленным множеством длинных крепких сучьев, и карабкаться по ней вверх было легко, как по лестнице.

Он взобрался на высоту трехэтажного дома и, чтоб не занемели руки, крепко притянул и привязал себя к стволу толстой веревкой, которую извлек из-за пазухи. Эта веревка часто выручала его в самых разных обстоятельствах, помогла и теперь.

Крепко прижавшись к стволу, он затих, согнув руку так, чтобы перед глазами были часы. До времени сигнала оставалось около часа, и он ждал.

И вот шаги раздались внизу. Он знал, что с земли его увидеть невозможно. Никто и не увидел. Это были простые солдаты с автоматами наперевес, несколько офицеров и гражданские — комитетские «волкодавы».

Они довольно умело двигались тремя цепями, прочесывая тайгу. Он насчитал семнадцать человек, но их было куда больше. Надо было дать им уйти как можно дальше, а после, уже почти ничем не рискуя, спуститься и выбираться к железной дороге.

И когда цепи преследователей скрылись за деревьями и топот их ног совсем затих, он достал из маленького рюкзака небольшой передатчик, привязал его к дереву и вытянул проводок антенны. Проверил питание, настройку. Великолепная американская штучка работала как часы. Он уже много повозился с такими и знал: они никогда не подводят, ни при какой погоде или климате...

Он в последний раз взглянул на часы и запустил часовой механизм передатчика. Теперь он должен был включиться и заработать, испуская короткие мощные сигналы, через сорок восемь минут, когда сам он уже будет далеко.

Выждав еще немного, он отвязался и не спеша спустился вниз, оставив на дереве готовый к автоматическому включению передатчик.

Вот, собственно, и все.

Задание было выполнено.

Теперь надо было суметь вырваться из кольца. На нем больше не было никаких улик, за исключением безотказного «браунинга», одного из трех десятков пистолетов, которые он в свое время раскидал по тайникам по всей стране в больших городах.

Он прошел еще около двух километров, когда вдруг сзади раздался сорванный волнением, хриплый мужской голос:

— Стоять! Ни с места! Козенков, вы арестованы! Он стремительно метнулся в сторону, скрылся за ствол толстой березы, отлично зная, что эти двое сделают все, лишь бы схватить и повязать его живым. Его язык был им куда дороже его жизни, и они, пригнувшись, профессионально петляя, чтобы уйти от выстрела, неслись к нему во всю мочь.

«Козенков!» — ударило в голову. — Значит, «вели» еще с Москвы? И в Челябинске? Значит...»

Он не успел додумать, потому что увидел еще двоих и понял, что не уйдет.

«Вот тебе и перебор, — мелькнуло в голове. — Стало быть, так».

Он был готов к этой минуте ровно пятнадцать лет, с мая сорок пятого. «Ну что же — «очко» так «очко». Он быстро сунул ствол «браунинга» в рот и рванул спусковой крючок.

— И все-таки — ушел! — со всей мочи ударил кулаком по колену тот молодой человек из Комитета, которого ночью его товарищи называли Михаилом. — Ушел-таки, гад!

А часовой механизм передатчика на старой пихте спокойно работал... Но тот, что лежал на забрызганной кровью траве с развороченным черепом, не знал, что, не дойдя те десять километров до заданной точки, он, сам того не желая, спас жизнь американскому летчику Фрэнсису Гарри Пауэрсу, о котором никогда не слышал и которого никогда не видел в глаза.

Как всегда, ровно в десять утра над Красной площадью и всем центром Москвы гулко разлетелся перезвон курантов Спасской башни, и из ее ворот под бравурные звуки огромного сводного военного оркестра, идеально соблюдая дистанцию, словно связанные невидимой нитью, торжественно выехали два открытых автомобиля «ЗИС-110» — один чуть впереди, другой немного поотстав. В переднем, скинув руку к козырьку, стоял принимающий парад министр обороны Малиновский — могучий, дородный, налитой силой суровый воин, заслуженный герой страны.

Голубое небо сияло. Над городом висела легкая утренняя дымка, золотились маковки Василия Блаженного и купола Ивана Великого, на легком ветерке волновались тысячи красных полотнищ, во всем был праздник, радость, весна.

Сверкающие автомобили двигались мимо построенных батальонов, представлявших разные рода войск — пехотинцев, моряков, летчиков, слушателей военных академий, суворовцев и нахимовцев. Блестела влажная брусчатка, расчерченная красными и желтыми линиями для прохождения торжественного марша пешими и моточастями. Свежий весенний воздух целительно вливался в грудь, молодецкие «Ура-а-а!» из тысяч богатырских глоток, раз за разом оглашавшие площадь, вносили в душу бодрый задор силы и уверенности.

Но стоявший на трибуне в светло-сером пальто и светло-серой шляпе Хрущев словно не видел и не слышал ничего. На сердце было мрачно и черно — он весь превратился в мучительно-нетерпеливое ожидание каких-то известий, а их все не было и не было.

Наконец, объехав и поздравив всех участников

парада, министр обороны подкатил к Мавзолею и, позванивая бесчисленными наградами, грузно поднялся на трибуну.

Военные трубачи сыграли звонкий сигнал «Слушайте все!», и тотчас все смолкло на площади.

Родион Яковлевич начал выступление, и его рочущий бас многократным эхом разносился репродукторами на все стороны света. Еще никогда это короткое праздничное обращение министра обороны к армии и стране не казалось Хрущеву таким нескончаемо длинным. Но вот он возгласил завершающее «Ура!», и его подхватили тысячи голосов. За Кремлевской стеной загрохотали салютом орудия, и дым их залпов поплыл облаками, заволакивая древние башни.

— Ну что, товарищ министр, докладывайте, — тихо обратился к маршалу Хрущев.

— Пока ничего... — угрюмо буркнул Малиновский. — Ждем.

— Чего ж тут ждать? — вновь не сдержавшись, вскипел Хрущев. — Приказываю применить все средства, все, что есть! Где он?!

— В семь пятьдесят Москвы был на подлете к Свердловску. Других сведений пока не поступало. Похоже, летчик имеет точные карты с координатами зенитных установок. Он обходит все зоны действия наших ракет.

Хрущев выругался сквозь зубы.

— Ну — смотрите!..

И в этот момент, будто в насмешку, оркестр грянул в чеканном маршевом темпе:

Все вы-ше! И вы-ше! И вы-ыше!

Стрем-и-и-м мы поле-от наших птиц!

Началось прохождение войск. Они вышагивали прекрасно, строго, четко — каждый батальон по четыреста душ как единый организм, как одно огромное отважное сердце.

Подняв руку к полям шляпы, генерал-лейтенант

Хрущев, насупив брови, отдавал честь вверенным ему войскам, а с левой гостевой трибуны на те же стройные батальоны со странной улыбкой смотрел высокий человек лет сорока в великолепном темном костюме.

Полковник ГРУ О.П. был впервые приглашен на парад в качестве почетного гостя как член руководства одного из ведущих ведомств страны — Госкомитета по науке и технике, где возглавлял чрезвычайно ответственный Иностранный отдел, призванный координировать взаимодействие Академии наук, тысяч научно-исследовательских учреждений СССР и дружественных государств, а также внешней научно-технической разведки.

— Олег Владимирович, — обратился к нему один из заместителей председателя Комитета, — вы ведь, кажется, впервые приглашены?

— Да, — кивнул тот. — Все-таки отсюда все видится иначе.

Но мысли его были далеки от Красной площади, где уже проходили последние батальоны марширующих, мысли его были совсем в другом месте.

30

В Главном штабе ПВО страны с предрасветного часа шло непрерывное экстренное оперативное совещание.

Многие помнили взвинченную обстановку почти четыре года назад и понимали, что, если самолет-нарушитель вновь сумеет уйти, полетят многие головы. Может быть, даже и не в переносном смысле.

Но что могли они придумать, что могли предпринять, если новых ракет было еще раз, два и обчелся и они обеспечивали прикрытие лишь ничтожной территории, а из самолетов, способных достать эти летучие призраки, имелся всего один-единствен-

ный экземпляр «Т-431» КБ Сухого — специально дооборудованная рекордная машина на базе новейшего перехватчика «Су-9Б», которых тоже насчитывалось не больше двух десятков на всю страну?

Искусные генералы и молодые полковники ломали головы, выдвигая самые причудливые предложения.

— Если уйдет, не мне вам говорить, что будет, — сказал командующий войсками ПВО маршал Бирюзов. — Хана нам всем будет. И поделом...

— Самолеты надо поднимать, — предложил присутствующий на совещании известный маршал авиации.

— Ну поднимем, и что дальше? — с раздражением взглянул на него командующий ПВО.

Ничего не придумывалось. Новые ракеты имели максимальную дальность стрельбы около тридцати километров, но не было табунщика, который погнал бы самолет-нарушитель прямо в их зоны боевого применения.

Через каждые две-три минуты в огромный кабинет, где проходило совещание, приносили очередную оперативную сводку о продвижении самолета. Он был уже в получасе полета от секретного атомного объекта «Челябинск-12». Было семь часов десять минут утра.

И тогда командующий отдал приказ тому, кто начальствовал над всеми службами ПВО громадной Свердловской области и всего Приуральского военного округа, пожилому генералу, который постоянно находился на селекторной связи и как бы присутствовал на этом совещании.

— Вы слышите меня, Дмитрий Степанович? До Свердловска он долететь не должен! Поднимайте авиацию, гоните его на ракеты. Все поднимайте, все, что в наличии!

Самолеты тут были как мертвому припарки, и все это знали. Генерал на том конце провода понял: не сумеет ничего придумать, его отдавали на заклятие.

И вдруг он вспомнил:

— У меня на одном аэродроме сейчас стоит «Су-9Б». Его перегоняют с завода в часть. Совершенно новый, но на нем нет вооружения.

Сидящие за столом переглянулись.

— Пусть таранит! — решительно рубанул ладонью воздух знаменитый маршал авиации. — Пусть разгонится до максимальной — и на крутую «горку». Может, и достанет.

— Вы слышали предложение товарища маршала? — спросил в микрофон командующий ПВО генерала в Свердловске.

— Так точно, слышу, — глухо донеслось по проводам.

— Отдавайте распоряжение! — сказал командующий ПВО и повесил трубку.

Генерал в Свердловске понял и то, что означал для него этот устный, без подписи, приказ. Он должен был послать какого-то неизвестного ему летчика на верную смерть...

Гвардии капитан Митьков имел приказ перегнать только что построенный и облетанный перехватчик «Су-9Б» с завода в Сибири в одну из строевых частей в Центральном районе России. Он как раз готовился к вылету на следующий промежуточный аэродром, уже за Уральским хребтом, когда его неожиданно вызвали в штаб чужого полка.

— Товарищ гвардии капитан, с вами говорит командующий войсками ПВО Приуральского округа.

— Слушаю, товарищ генерал!

— Через сколько минут вы можете быть в воздухе и выйти на «потолок»?

Митьков понял — произошло что-то чрезвычайное. Он прикинул в уме и ответил:

— Минут через десять. Но у меня нет высотного снаряжения. Я перегонщик.

— Ясно, капитан. Слушайте приказ. На Свердловск идет неизвестный нарушитель. Высота — двадцать тысяч, скорость — семьсот. Ваша задача: получить высотное снаряжение в полку и по наведе-

нию с земли произвести сближение с целью. На высоте, близкой к «потолку», включить форсаж, развить предельную скорость и атаковать его с крутой «горки».

— На моей машине нет вооружения, товарищ генерал.

— Знаю, — глухо сказал командующий ПВО округа. — Все знаю. Пойдешь на таран. Митьков молчал.

— Другого выхода у нас нет, — еще глуше сказал генерал. — Спасибо тебе, капитан. И... прощай.

— Служу Советскому Союзу! — еще даже не до конца понимая, что произошло, сдавленным голосом отозвался Митьков.

Вот и все. Еще две минуты назад он был уверен, что жить ему долго, может быть, очень долго. И вот — все... Жизнь отмерена какими-то минутами, и никто никогда не узнает, что и как было, — ни мама, ни жена, ни дети... Вот и смерть... Он умрет сегодня, сейчас, в тридцать лет, первого мая.

Что ж, он сам выбрал это. Всякий решивший стать солдатом в конечном счете добровольно выбирает смерть.

Командир полка, у которого Митьков был пролетным гостем, слышал их разговор. По челкостям его ходили крутые желваки, глаза сузились до предела, чтобы этот парень, чего доброго, не приметил лишнего. Он тоже был солдатом...

— Давай, капитан, снаряжайся. Пожалуй, мой комбинезон тебе подойдет.

Это был зеленый высотно-компенсирующий противоперегрузочный костюм нового образца — Митьков еще и не видел таких. Его торопливо облачали втроем — двое офицеров и сам командир полка, затянули манжеты и шнуровку, надели и пристегнули шлем, проверили забрало светофильтра — вся процедура заняла от силы минуты три — и бегом бросились к самолету.

Двигатель «Су-9Б» уже запустили наземной установкой, и он приглушенно грохотал в ожидании взлетного режима. Они остановились у красной

стремянки. Говорить в общем-то было нечего, но, будто извиняясь, командир полка сказал:

— Я бы сам пошел, капитан, но не знаю я эту машину, не летал.

Митьков, очень бледный, кивнул в ответ и быстро забрался в кабину, защелкнул прозрачный фонарь. Провожавшие отбежали от самолета.

Митьков связался с командным пунктом, со штабом управления дальнего наведения. Все были готовы работать с ним, чтобы помочь выскочить прямо в точку встречи с нарушителем.

Последний взлет. Без оружия. И посадки не будет...

Дюралевая стрела помчалась по бетону и круто ушла ввысь, ярко блеснув на солнце серебряным треугольником дельтавидного крыла.

— Вот и все, — сказал командир полка, как будто над свежей могилой, — проводили...

Митьков стремительно уходил ввысь. С земли торопливо проходили команды — углы, азимуты, курсы.

«Су-9Б» с грохотом рвался в быстро темнеющее небо, ежесекундно поднимаясь почти на сто метров. Летчик испытывал сильную перегрузку, но он как бы отключил и отбросил все свои чувства.

Он был теперь лишь частью самолета, лишь инструментом управления, который должен был предельно точно выполнять все команды и указания операторов наведения, которые направляли его прямо к смерти.

Эти машины после долгой, тяжелой доводки запустили в серию лишь в конце прошлого года. И теперь, спустя семь месяцев, они были еще наперечет.

Митьков знал, что на рекордном варианте такого же самолета, который в газетах был ради секретности назван «Т-431», испытатель Ильюшин в прошлом году сумел достичь высоты двадцать девять километров. Но то был специальный аппарат с двумя объемистыми подвесными топливными баками. Он же

летел на обычной серийной машине, способной подняться не выше девятнадцати километров.

Что ж, если точно выведут на цель, он и правда мог с разгона догнать неприятеля и разнести его в дым острым носом своей «стрелы».

Команды, команды...

— Доверни десять... Сообщи скорость... курс... остаток топлива...

Он отвечал в ларингофоны сдавленным незнакомым голосом. Жизнь кончалась... Бортового локатора на его машине не было, он мог рассчитывать только на собственные глаза.

— Высота пятнадцать, семнадцать, восемнадцать....

— Давай форсаж!

Грохот двигателя мгновенно усилился почти вдвое, и самолет с огромной силой потянуло вперед, так что капитана Митькова вновь вдавило в кресло.

— Увеличь скорость... Доверни три... Начиная «горку»...

Самолет трясло и швыряло из стороны в сторону. Митьков обеими руками что было сил потянул на себя ручку управления. Машина резко задрала нос, вонзаясь в черно-лиловую небесную глубину.

— Еще увеличь скорость!

— Иду на пределе... Прощайте! Прошу позаботиться о матери и семье!

— Цель видишь?

— Цели не вижу...

— Видишь цель?

— Цели не вижу...

Он лихорадочно осматривал небо слева, справа, впереди по курсу. Небо было пусто.

Земля замолчала. Он несся вверх. Сила инерции забросила его уже на двадцать один километр, когда энергия разгона иссякла и машину понесло к земле.

Цели не было!.. Митьков понял, что земля ошиблась. Станция наведения дала неточные указания и вывела его мимо точки пересечения его курса с курсом цели... «Су-9Б» быстро проваливался вниз.

Митьков чувствовал, что его трясет, но то не бы-

ла тряска самолета — мелко дрожали руки, ноги... Он подошел к самой черте смерти, к последнему барьеру, но остался жив.

Земля молчала. Видно, там тоже поняли, что навели его с ошибкой...

— Девятый, девятый... — послышался наконец в наушниках упавший мертвый голос оператора. — Ты... ты обогнал его.

И еще через минуту, еще более тусклым и безжизненным голосом:

— Он сзади тебя в шестидесяти километрах. Возвращайся на базу.

Наводя на цель, они ошиблись с моментом начала разгона. Форсаж был включен слишком рано, а выход на «горку» он произвел слишком поздно. Разогнавшись, он проскочил под нарушителем и, выскочив за «потолок», ушел слишком далеко вперед...

Повторить все это было уже невозможно: форсажный режим двигателя проглотил почти все топливо. Митьков даже не знал, хватит ли керосина, чтобы вернуться на аэродром вылета. Но, сверившись с картой и произведя расчет, понял, что горючего не хватит. На земле что-то решали... Наконец пришло указание:

— Курс триста тридцать три. Идешь на точку семь.

Это был единственный запасной аэродром, куда он мог еще попытаться дотянуть, — аэродром, где стоял полк, которым командовал Артюхин и где служили Сергей Сафонов и Вазген Айрапетян.

Далеко впереди по курсу, у самого горизонта, Пауэрс увидел густое затемнение воздуха. Такие темные шапки всегда стояли над большими промышленными городами. Пауэрс понял, что летит на Свердловск. До него оставалось около ста пятидесяти километров, и он перенастроил радиокompас на прием наземного сигнала корректировщика.

...Сообщение о том, что летчик «Су-9Б» был на-

веден с ошибкой и не смог встретить в небе и таранить нарушителя, вызвало во всех в штабе ПВО округа шоковое состояние, которое мгновенно перешло в отчаянную судорожную панику. В телефонных трубках раздавались крик, мат, взаимные угрозы, началась форменная чехарда взаимоисключающих путаных приказов.

Буквально ежеминутно звонили из Москвы, из Главного штаба ПВО, из Генерального штаба, из Министерства обороны. Во всех ушах стоял единственный вопрос и командный рев:

— Действуйте! Уничтожьте! Исполнение доложить!

Именно тогда третий час находившийся в своем штабе на постоянном приеме полковник Артюхин получил приказ из округа немедленно поднять в небо пару истребителей «МИГ-19» под управлением лучших летчиков-снайперов, тех самых, что на последних учениях получили высшие оценки за перехват высоколетающих целей.

На празднично украшенную, залитую солнцем Красную площадь выезжали первые машины артиллерии и бронетанковых войск.

Мимо Мавзолея, рокоча двигателями, шли нарядно раскрашенные для парада болотно-зеленые «бэтээры», самоходные артиллерийские установки, боевые машины пехоты, боевые машины десанта...

Легкие танки сменялись средними танками, за ними, грохоча дизелями и заволакивая всю площадь синим дымом и вонью солярки, с оглушительным лязгом стальных гусениц ползли могучие тяжелые танки, из башен которых выглядывали командиры в черных шлемах, отдававшие честь руководителям страны на трибуне усыпальницы Ленина и Сталина.

Хрущев старался не показывать виду, но лицо его было перекошено яростью. Нахлобучив шляпу на самые глаза и подняв в воинском приветствии руку, он стоял, пытаясь унять чудовищный гнев. Настроение

у всех на трибуне было едва ли не похоронное. Ма-линовский, по правую руку от Хрущева, сдвинув брови, смотрел на свое парадное войско.

Известий из Свердловска не было...

31

Они спали, крепко обнявшись, когда в дверь их комнаты в офицерском доме отчаянно заколотил сапогом солдат-вестовой. Они разом вскочили и сели, глядя друг на друга.

— Что-то стряслось, — сказал Сергей.

Он стремительно поднялся, натянул тренировочные штаны, кинулся к двери, открыл. Лицо у солдата было испуганное.

— Тревога, товарищ старший лейтенант! Боевая тревога! Немедленно в штаб!

При слове «тревога» рассуждать не приходилось.

— Куда же тебя? — вскочила Татьяна. — Вы ведь сегодня не дежурные.

— Да я почему знаю?! — махнул он рукой.

— Сереженька, — вскрикнула она, — я боюсь!

— Да ну, перестань. — Он улыбнулся, хотя и в его глазах легко читалось волнение. — Ну все, бегу! — Он мельком глянул на спящего сына, торопливо, впопыхах обнял и поцеловал жену и, сам не зная почему, уже в дверях обернулся и строго наказал ей: — Смотри, Сашку береги!

Еще ничего не понимая, растерянная и дрожащая, она кинулась вслед за ним, глядя, как он убегает в чем был, в одной белой майке и синих спортивных штанах — высокий, широкоплечий, самый любимый... А из соседнего домика туда же, в направлении штаба, на бегу натягивая сапог, спешил Вазген.

...Минуты через три Вазген и Сергей стояли вытяжку перед Артюхиным и начальником штаба.

— Товарищи офицеры! В воздухе вражеский самолет-нарушитель. Боевая задача: перехватить, уничтожить. Из штаба округа мне приказано выпустить в небо именно вас. Снарядиться согласно нормативу. Машины на старте. Ведущий — Айрапетян, ведомый — Сафонов. Выполняйте!

— Есть!

Артюхин не мог скрыть сильного волнения.

За все годы службы здесь это была первая реальная боевая задача на перехват вражеского самолета. Все было как на войне, а потом — как в Корее, где он лично сумел свалить в бою четыре американских «Сейбра».

Но сейчас он никак не мог взять в толк, как сумели пропустить нарушителя аж до самого Урала. Прошляпили небось, как всегда!

Три часа назад его самого подняли по тревоге, и он неотлучно находился в штабе, но все равно как-то не был внутренне готов к тому, что придется принять участие в этой заварухе.

Он знал о многочисленных вторжениях в советское небо какого-то небывалого сверхвысотного разведчика... Может, он и есть? Правда, хотя сведения эти были строго засекречены, Артюхин знал, что в нашем небе таинственный самолет ниже двадцати километров не летает, и потому не мог взять в толк, чем тут могли помочь делу его ребята на «девятнадцатых», с их практическим потолком в семнадцать тысяч метров?

— Товарищ командир полка, на связь!

Артюхин чертыхнулся и кинулся к телефонной трубке. Вызывал дежурный руководитель полетов со стартового командного пункта:

— Товарищ полковник! Получен приказ принять «Су-9Б», заходит к нам, через три минуты будет здесь. Идет почти без топлива. Наша полоса занята.

— А-а-а, черт! — вскрикнул полковник Артюхин. — У меня же две машины на бетонке!

Он невольно метнулся к окну. Точно! Согласно его же приказу на ВПП серебрились два готовых к взлету «МИГа-19» с уже запущенными двигателями.

Принять чужого летчика, сажающегося на «Сухом» с пустыми баками, было некуда. И он отчетливо представил, как через считанные мгновения тот самолет либо грохнется на землю в стороне от полосы, либо на всей скорости врежется в пару истребителей.

Он кубарем скатился со второго этажа, за ним — мгновенно все понявший начальник штаба. Артюхин прыгнул за руль дежурного «газика», взвыл мотором и на предельной скорости погнал юркий вездеходик напрямик к самолетам. До них было с полкилометра.

Он подскочил к ближайшему самолету, начальник штаба — к другому, и оба, взлетев по стремянкам, уселись в кабины. Технари из obsługi кинулись врассыпную, чтобы не угодить под испепеляющие струи, рвущиеся из сдвоенных сопел истребителей.

Мгновенно сняты тормоза, чуть увеличена тяга... Артюхин выкатил свой истребитель на зеленую траву по правую сторону, начштаба — по левую от взлетной полосы. Теперь она была свободна.

Высунувшись из кабин, они почти одновременно увидели крохотный серебряный треугольник, приближавшийся к восточному торцу двухкилометровой бетонки. Ближе, ближе...

Самолет на глазах становился все больше и отчетливее... Вот он коснулся горячих серых плит, бесшумно пробежал, сбавляя скорость, метров семьсот и выпустил большой белый тормозной парашют.

Он закончил пробег и замер совсем близко от них. И по этой странной тихой посадке командир полка понял, что летчик изловчился сесть, полностью выработав горючее, с остановившимся двигателем, и чего стоила ему эта посадка.

— Скорей! — крикнул Артюхин команде, обслуживающей материальную часть. Он выскочил из ка-

бины «МИГа-19» и снова оказался за баранкой «газика», заорав подчиненным:

— «Миги» обратно на полосу! Этого — с полосы!

Тут все умели понимать быстро. Разом подцепили трос к передней стойке только что севшего самолета, второй конец — к буксирному крюку вездеходика, которым управлял командир полка. Мотор взвыл, трос натянулся. С десятков сильных мужчин навалились на основные стойки шасси и выкатили истребитель за пределы полосы.

В эту минуту подкатил второй «газик», и из него выпрыгнули Сафонов и Айрапетян, уже в белых шлемах и высотных летных комбинезонах.

Артюхин невольно глянул на часы. От момента получения приказа прошло семь с половиной минут. Руки его дрожали.

Летчики вытянулись перед ним:

— Товарищ полковник, к взлету готовы!

— Ладно, — тяжело дыша, сказал он им не по уставу. — Летите...

Он посмотрел в глаза обоим, в их встревоженные, храбрые глаза — темно-серые и черные. Оба летчика козырнули и привычно заняли места в кабинах своих машин. Гром четырех реактивных двигателей, казалось, расколот и небо, и землю. Истребители, стремительно набирая скорость, помчались по полосе, одновременно оторвались и круто взмыли в синеву. Все молча смотрели им вслед.

Только теперь сдвинулся прозрачный фонарь перехватчика «Су-9Б», и из него показалось серо-зеленое, обессиленное лицо летчика. Многие руки протянулись к нему, помогая спуститься по стремянке на землю.

Пилот не мог стоять. Он тяжело сел прямо на траву, отстегнул и сбросил гермошлем, опустошенно глядя туда, где исчезла в небе пара истребителей.

Артюхин и начальник штаба присели перед ним на корточки.

— Гвардии капитан Митьков, — еле слышно представился он. — Благодарю за прием.

— Комполка Артюхин. Что, капитан, на последнем ведре пришел?

Митьков кивнул, потом поднял на Артюхина воспаленные красные глаза:

— Куда они? За ним?

— За ним, — мрачно сказал полковник.

— Не возьмут, — помотал головой Митьков. — На этих не достанут. Я не смог...

— Да ты же без оружия! — воскликнул Артюхин.

Митьков посмотрел на него тяжелым усталым взглядом. И Артюхин все понял...

82

В этот час во всех дивизионах новых зенитно-ракетных комплексов «С-75» десятки людей в страшном напряжении отслеживали перемещение на экранах их локаторов крохотных зеленоватых пятнышек — «меток» цели — неизвестного самолета-нарушителя.

На платформах тяжелых грузовиков и на бетонных стационарных основаниях неутомимо вращались и качались вверх-вниз десятки локаторов, посылая в небо и ловя отражения узкосфокусированных радиолучей, отброшенных на землю ширококрылым черным самолетом.

На других экранах быстро бежали колонки светящихся цифр — данные высоты, курса и удаления цели, которые из бронированных кабин телеизмерительных комплексов постоянно передавались по кабелям на систему управления в головных частях остроносых двухступенчатых ракет, которые плавно

поворачивались, постоянно удерживая на прицеле далекий самолет.

Пилот Гарри Пауэрс мог лишь догадываться об этом. Его взгляд был неотрывно прикован к индикатору радиоконюаса, который должен был засечь сигнал наземного маркерного радиопередатчика.

Но он не знал, что тот человек, который должен был привести в действие наземный ориентир, не дошел девять с половиной километров до заданной точки.

И когда наконец в наушниках часто запиликал долгожданный сигнал, он заложил вираж и лег на курс, который вел его вовсе не к той позиции зенитных ракет, на которую намеревались вывести «U-2» шеф ЦРУ Аллен и шпион О.П., а в облет ее, к другой, расположенной сорока километрами восточнее.

Пауэрс включил бортовую систему постановки помех и подавления действия наземных радарных станций. И на некоторых экранах метка цели вдруг либо смешалась с десятками других таких же меток, либо вовсе исчезла. То, что самолет-нарушитель изменил курс, было отмечено далеко не на всех радиолокационных станциях: в зону их действия вошла другая цель, и в какой-то момент, когда первая исчезла, их спутали.

Едва только метка от самолета Пауэрса погасла или заволоклась мерцающим облачком на многих экранах, почти всюду началась паническая неразбериха.

— Нету цели, товарищ майор! — выкрикнул один из операторов.

— Как нету? — подскочил командир дивизиона.

— Нету, пропала...

— Куда же он делся?

— Может, соседи его достали?

Командир соединился с таким же дивизионом тридцатью километрами восточнее.

— «Седьмой», я «пятый»! «Седьмой», я «пятый»!
Цель наблюдаете?

— «Пятый», я «седьмой»... Цели не наблюдаю.
Соединился с «третьим».

— Цель наблюдаю, — подтвердил тот.

Все трое соединились с «четвертым». «Четвертый» получал на экране только зеленую рябь. «Второй» отчетливо отслеживал цель.

Все четверо немедленно соединились по общей связи с Центральным командным пунктом. Там уверенно фиксировали и сопровождали нарушителя. Никто ничего не мог взять в толк.

Но вот «пятый» радостно сообщил:

— Всем, всем! Вижу цель! Только метка двоится.

И тотчас на экранах «третьего» и «седьмого» примерно в том же секторе обзора, где полминуты назад была потеряна цель, тоже возникла эта двоящаяся зеленая точка.

— Цель наблюдаю! — обрадованно воскликнул оператор. — Скорость семьсот, удаление сто, высота семнадцать.

— Вот он, голубчик! — словно воспрял из мертвых командир дивизиона. — Держать цель, увеличить развертку! Тумблеры на пуск распечатать! Ракеты на боевой, то-овьсь!

Остроконечная сигара медленно поворачивалась на направляющих, сопровождая движение воздушной цели, которая подлетала прямо к этой установке, ежесекундно приближаясь к ней на сто восемьдесят метров и посылая на экран локатора все более четкую двоящуюся зеленую метку.

Ракетчики в наушниках судорожно подкручивали штурвальчики тонкой наводки, неотрывно глядя в окуляры теодолитов.

— Черт! — откинулся на спинку сиденья оператор наведения. — Не пойму ни фига — разрешение на пределе — двоится и двоится!

— Видно, фокусы какие-то, — пожал плечами майор, командир дивизиона.

— Удаление сорок, цель двоится... — сообщил второй оператор наведения.

— «Пятый», «третий», «седьмой»! — снова запросил по радио командир другие дивизионы. — Что наблюдаете?

— Цель отслеживаю, удаление шестьдесят, метка сдвоенная, — откликнулся «пятый».

Остальные сообщили то же, разнились лишь цифры расстояний до цели.

Командир снова вызвал Центральный пункт управления:

— Через минуту цель войдет в мою зону ответственности на дистанцию поражения.

В головной части ракеты, которая медленно зловеще поворачивалась вокруг собственной оси и меняла угол прицела, были установлены безотказная инфракрасная система самонаведения, которая корректировала курс полета и наводила боеголовку прямо на раскаленные сопла реактивных двигателей, и дистанционный взрыватель — сверхчуткий прибор, созданный по чертежам, с таким трудом добытым и переданным более трех лет назад в Москву через агента Марка американским фотохудожником по имени мистер Р. А.

— «Первый», я «седьмой», — дрожа от нервного возбуждения, сорванным голосом выкрикнул командир дивизиона. — Цель в моей зоне поражения!

— Цель уничтожить! — таким же сорванным, хриплым от волнения голосом выкрикнул полковник на Центральном пункте.

Метка на экране вошла в сектор боевого применения. Она явственно двоилась, но на это уже никто не обращал внимания.

— Первая установка! — выкрикнул командир дивизиона. — Пуск!

Из сопла ракеты ударило слепяще-желтое пламя, и она унеслась в синеву, оставляя дымно-огненный след. За ней вдогонку стартовала вторая.

В то утро в панике и волнении никто не удосужился оповестить дивизионы ракетчиков, что в воздух подняты наши перехватчики — два «МИГа-19»,

мчавшиеся крыло к крылу машины Айрапетяна и Сафонова.

Готова в спешке к взлету машины, техники забыли включить на обоих истребителях автоматическую радиосистему опознавания — ответчики «свой — чужой». Теперь они определялись на земле как самолеты-нарушители.

33

Приборы панели. Арматура кабины. Рука в перчатке на ручке управления... Несмолкающий грохот в ушах. Тепло подогретого кислорода в груди.

Темная синева неба за бронестеклом. Рычаги, стрелки, циферблаты, красная скоба катапульты, индикатор прицела...

Голос Сергея в ушах:

— Видишь?!

И собственный глухой голос в гермошлеме:

— Не вижу!..

Машина Сергея чуть справа и сзади. Слепящее солнце перекатывается колом, уходит назад, описывает полукруг перед глазами. И снова оно сзади, снова сверкают детали кабины, снова незнакомый собственный голос внутри гермошлема и в треске эфира:

— Видишь?!

— Не вижу!..

Сафонов чуть обгоняет, его истребитель в полусотне метров. Сверкает весь, как елочная игрушка, виден отчетливо до последней заклепки — звезды на фюзеляже, звезды на хвосте, цифра «12» на боку у кабины, резко скошенные стреловидные крылья... Он покачивается справа. Там, за стеклом «фонаря», белая точка — голова друга в гермошлеме.

Их наводят с земли, нацеливают на врага, но вдруг замолкают — ни углов, ни азимутов...

Они пронизывают прозрачную густо-синюю глыбу неба в раскаленной тишине на связной радиоволне.

Вдруг какая-то сила заставляет Вазгена дать левый крен и кинуть взгляд вниз, под крыло. Всем существом он ощущает незримое приближение, накат догоняющей смертной волны.

Круче вираж, завал на крыло... — и все обрывается внутри: из облаков внизу, на фоне сине-зеленой земли воздух вспарывает белоснежный бурун, оставляющий длинный волнистый след. Он идет к ним, наперерез! За ним — второй!

Безотчетный инстинкт вопреки воле заставляет Вазгена резко отдать ручку управления до отказа вперед.

— Серега, ракета!!!

Перехватчик Айрапетяна срывается в пропасть пике, пытаясь уйти от смертоносного факела ракеты. Сотые доли секунды — и он уже внизу.

Машина Сергея серой молнией промахивает вперед прежним курсом и сталкивается с хвостатой пламенной стрелой.

Вспышка!

Вместо самолета — ослепительно-желтый огненный шар. Веером разлетаются дымящиеся обломки. Все заволакивает серым облаком, и его мгновенно разносит ветром.

Все... Пустота... «МИГ-19» Айрапетяна быстрее звука несется к земле. Рука в черной перчатке сжимает рифленую рукоять. Светло пальцы, не разогнуть. Глаза широко раскрыты, глаза видели все, в них застыла рыжая вспышка... Какие-то звуки рвутся из горла. Его тоже разнесло в дым, но он почему-то жив. Чьи-то проклятья на русском и армянском разрывают небо.

Умереть! Умереть, чтобы не видеть эту вспышку в глазах!

Но та же сила, что толкнула ринуться вниз от смерти, уводит от нее и над самой землей.

Рука механически, из последних сил, тянет ручку управления к себе и выводит самолет из пики на высоте трех километров.

Он мчится куда-то, будто распавшись надвое. Душа сожжена, а тело делает привычную работу уже где-то в новой, другой жизни.

Боевой расчет установки «С-75» после пуска ракеты неотрывно следил за ее полетом, как она все быстрее и выше под углом вонзалась в полуденную синеву среди облаков.

Но вот ее не стало видно ни в бинокли, ни в стереотрубы — лишь тончайшая жемчужная ниточка инверсии тянулась в высоту.

Командир расчета лающим от волнения голосом вел отсчет полетного времени:

— Пять секунд!.. Десять!.. Двадцать!.. Тридцать!..

Из бронированной пультовой кабины системы наведения выскочил командир дивизиона и замер, задрал лицо к небу, и в этот момент наблюдатели увидели, как на конце сверкающей нити возникло крохотное шаровидное облачко.

— Ура-а-а! — закричали они. — Е-е-есть! Готов!

Все бросились в объятия друг другу, измученные и счастливые, как вдруг из пультовой с расширенными от ужаса глазами выбежал оператор.

— Товарищ майор! Метка разделилась — одна пропала, другая в секторе, резко снижается.

До майора вдруг что-то дошло.

— Ах ты!.. — вскрикнул он и опрометью кинулся назад к индикаторам.

И точно, на круглом, светящемся зеленоватыми вспышками экране больше не было сдвоенной точки — теперь точка была одна, а от второй осталась лишь мерцающая рябь, какую оставляют разлетающиеся обломки мишени. А у края экрана в уже недоступном секторе вновь появилась третья, минут пять назад исчезнувшая метка.

— Да кого ж мы сбили-то? — Майор явственно почувствовал, как волосы зашевелились на голове.

— «Двенадцатый»! «Двенадцатый»!.. Я «ноль-первый», почему не на связи? — отчаянно кричали в микрофон полковник Артюхин и сменный руководитель полетов.

— «Двенадцатый», «двенадцатый»!.. Доложи обстановку... — сорванными голосами взывали к молчащему небу офицеры станции наведения истребителей-перехватчиков.

«Двенадцатый» не отзывался. И тогда во всех наушниках раздался хриплый мертвый голос капитана Айрапетяна:

— Я «восьмой»... Я «восьмой»... Всем на связи... Я «восьмой»...

И услышав этот знакомый, с легким акцентом, страшно изменившийся голос, Артюхин быстро переглянулся с начальником штаба.

— «Восьмой»! Я «ноль-первый»! — Полковник приблизил тяжелый микрофон ко рту. Сдвинув брови, он не мигая смотрел в одну точку в ожидании отзыва подчиненного. — Слушаю тебя!

— «Ноль-первый», я «восьмой»... «Двенадцатого» нет... Как поняли меня? «Двенадцатого» нет!..

— Как нет?! — заревел в микрофон Артюхин. — Где он?!

И тогда, в нарушение всех правил служебного радиообмена, из треска эфира донеслось:

— Товарищ полковник! «Двенадцатый» сбит... Я произвел резкое снижение.

Артюхин молчал. Потом проговорил таким же чужим, помертвевшим голосом:

— «Восьмой», доложи, «двенадцатый» покинул машину?

— «Ноль-первый», я «восьмой»... Сказал же — «двенадцатого» нет!..

— «Восьмой», я «ноль-первый»! Приказываю: возвращайся на базу...

В Москве по Красной площади гигантские тягачи провозили на длинных платформах мимо трибун и Мавзолея громадные ракеты, и все военные атташе, все журналисты, повскакав с мест, торопливо фотографировали и снимали их на киноплёнку.

Но Хрущеву, Малиновскому и всем на Мавзолее, кто знал о самолете-нарушителе, было тяжело и тошно. Ни радости, ни гордости... Известий с Урала не поступало.

Гарри Пауэрс летел точно на сигнал наземного радиомаячка. И его напряжение достигло предела, когда стрелка радиокompаса вдруг качнулась и встала на сто восемьдесят градусов: он прошел прямо над передатчиком и оставил его позади.

Он уже должен был войти в зону действия новых русских ракет и приготовился выброситься из самолета.

Но все было спокойно. Он имел инструкции лишь на тот случай, если будет сбит и окажется на земле, был готов к ракетной атаке, но ее все не было.

Он уточнил свое местоположение, проверил время, курс, скорость и высоту. Все, кажется, было выполнено им по плану. Он продолжал полет, готовый ежесекундно исчезнуть из этого пустого неба вместе с самолетом, ставшим его проклятием.

А фотоаппараты все щелкали и щелкали своими затворами, направив стекла объективов на далекую землю, снимая широкую панораму поверхности вражеской территории. Две минуты назад он выключил систему искусственных помех, и теперь вновь его могли видеть на земле, на десятках локаторов русских станций обнаружения. Он летел...

...Татьяна, уронив руки между колен, сидела и смотрела на часы. Сергей все не возвращался. В ушах Татьяны стоял и не проходил ставший таким привычным, но в это утро вдруг так испугавший ее оглушительный гром взлетевших самолетов.

Он сотряс весь дом всего минут через десять после того, как они расстались с мужем и он убежал к штабу. Она даже не успела выглянуть в окно, чтобы посмотреть, сколько машин отправили в полет.

Татьяна встала и начала прибирать в комнате. Подмела пол, накрыла стол праздничной скатертью... Потом решила надеть его любимое платье, открыла дверку шифоньера... Там висели его шинель и парадная форма со значком летчика второго класса и двумя медалями... Любимый китель с голубыми петлицами и погонами старшего лейтенанта с голубым просветом и тремя маленькими звездочками.

Она провела рукой по рукаву и достала платье. Переделалась, причесала длинные темные волосы и в первый раз одела сына в новый праздничный костюмчик.

— Мам, а фураску? — сказал Сашка.

— На, держи, — ответила она и торопливо протянула ему фуражку Сергея.

И в эту минуту услышала грохот идущего на посадку самолета — тот звук, которого она напряженно ждала каждую секунду и все не могла дождаться.

— Бежим скорей! — крикнула она и, ухватив сына за руку, выбежала с ним из дома.

В праздничном городке с развешанными повсюду красными флагами уже было много людей, и все были принаряжены по случаю Первомая.

Татьяна с маленьким сыном бежали в сторону аэродрома, когда по полосе промчался только что севший истребитель.

Он был один.

И к нему по зеленой траве мчались от штаба несколько «газиков» и бежали люди.

— Папка прилетел, — сказал Сашка.

— Ага, — кивнула она, неотрывно глядя туда, где в километре от них остановился самолет. Но на таком расстоянии никого нельзя было различить.

На экране индикатора другого зенитно-ракетного дивизиона, «третьего», расположенного в сорока километрах восточнее того, который три минуты назад сбил истребитель Сафонова, четко фиксировалась метка воздушной цели, которая двигалась курсом 317 на высоте двадцать тысяч метров.

Командир этого дивизиона гвардии майор Воронков был на постоянной связи с Центральным пунктом наведения ракетных комплексов, на котором общее напряжение достигло высшей точки.

Никто не мог взять в толк, какую цель «ведут» антенны их локаторов, если, как радостно оповестил «седьмой», он только что первым же залпом сбил самолет-нарушитель.

По экстренной связи соединились с Центральным штабом авиационных частей ПВО. И мгновенно все разъяснилось. Несогласованность действий привела к самому страшному — в неразберихе сбили своего, а враг безнаказанно уходил. Эфир содрогался от проклятий.

Дивизион майора Воронкова был последним, который еще мог достать нарушителя.

— Майор! — выкрикнул генерал, который еще сумел сохранить остатки самообладания. — Действуй, майор! Он в твоей зоне. Бей его! Это он, точно, никакой ошибки!

Воронков мгновенно сориентировался и понял все. Теперь все замкнулось на нем одном, и все зависело только от него и его людей.

— Установка! — крикнул в микрофон Воронков. — Пуск!

Но ракета не стартовала, словно застряв на направляющих.

— Пуск!!! — заорал командир дивизиона. — Пуск, мать твою так!..

Командир расчета лейтенант Фельдфарб замешкался и никак не мог включить цепь зажигания первой ступени.

Уходили секунды... Заостренный обтекатель ракеты плавно прочерчивал небо, сопровождая полет самолета.

Но вот установка окуталась дымом, пятиметровый язык пламени ударил из камеры сгорания, длинное остроконечное тело метнулось вперед и вверх и понеслось к облакам.

В зависимости от настройки взрывателя ракеты «С-75» системы Грушина могли поражать воздушные цели на расстоянии от одного до двадцати метров от летящего самолета.

Пилоту Пауэрсу улыбнулась судьба: та ракета, которая догнала его «U-2», была настроена на дальнюю дистанцию.

Теплочувствительная головка самонаведения изменила курс, метя прямо в раскаленное жерло двигателя черного самолета, и боезаряд взорвался в двадцати метрах от него.

Чудовищной силы удар вздыбил «U-2» навстречу воздушному потоку. Пауэрса ослепило оранжевым заревом, и в тот же миг произошло разрушение хрупкой сверхлегкой конструкции самолета.

Разом отвалились оба крыла, черная сигара фюзеляжа завертелась, как щепка в водовороте, летчика швыряло и колотило по кабине, прижало перегрузкой к панели приборов — он понял, что не сможет катапультироваться, и последним усилием сумел сбросить прозрачный фонарь, отцепить привязную систему и вывалиться в свистящую бездну.

Его подхватило и унесло встречным потоком, несколько раз перевернуло в воздухе, и он потерял

сознание. А фюзеляж, кувыркаясь в воздушных струях, полетел к земле.

Гарри Пауэрс выполнил первый пункт указаний Аллена.

Ежесекундно ожидая удара с земли и смерти, он вопреки строжайшей инструкции не привел в действие взрывное устройство, уничтожающее даже мельчайшие детали шпионского самолета.

В одиннадцать двадцать семь к стоявшему на трибуне Мавзолея Малиновскому быстро подошел командующий войсками ПВО страны маршал Бирюзов. Малиновский понял: наконец-то поступило какое-то известие. Но он еще не знал какое и не мог этого понять по лицу Бирюзова.

— Ну?!

— Товарищ министр обороны, в восемь пятьдесят три московского самолет-нарушитель уничтожен, но... — Говорите!

— Одной из ракет был сбит наш самолет, перехватчик ПВО. Пилот погиб.

— А тот? — грозно надвинулся Малиновский. — Того взяли?

— Пока сведений не имеем.

— Почему столько времени не сообщали?

— Уточняли...

Малиновский облегченно вздохнул. Он подошел к Хрущеву.

— Товарищ Первый секретарь! Докладываю: ваш приказ выполнен! Нарушитель уничтожен.

Хрущев так долго и с таким нетерпением ждал этого известия, что почти не поверил услышанному.

— Это точно?

— Совершенно точно. Однако...

— Ну, ну?... — еще не имея сил обрадоваться, нетерпеливо перебил Хрущев. — Что там еще?

— Первая ракета попала в наш истребитель. Летчику спастись не удалось.

— Что ж делать, — махнул рукой Хрущев. — По-

гиб при исполнении... Главное — этого достали! Нарушитель жив? Взяли его?

— Пока сведений нет.

Только сейчас Хрущев почувствовал, какая громадная тяжесть пригибала его с той минуты, когда он услышал рано утром голос Малиновского. Только сейчас он словно вспомнил о празднике, словно проснулся или очнулся и услышал радостный шум праздничных толп, музыку, ощутил запах цветов, которыми щедро осыпали его и всех остальных любимых руководителей государства счастливые пионеры.

Нашего летчика жалко, конечно, что там говорить!.. И вдруг его словно ударило. Он наклонился к Малиновскому, поманил председателя КГБ Шелепина:

— Вот что! Строжайший приказ: что нашего сбили, не должен узнать никто и никогда! Слышите?! Немедленно довести до сведения всех, всех до одного, кто в курсе дела. Под страхом расстрела! Нарушитель был *один*, мы сбили его *первой* же ракетой, понятно?!

— Так точно!

— Вот так! — кивнул Хрущев. — Ладно, будем ждать...

И, сорвав с головы светло-серую шляпу, радостно замахал, глядя на пеструю людскую мешанину внизу, на всех этих ликующих женщин, мужчин и ребят с флажками и шариками, радостно улыбавшихся ему и тащивших его бесчисленные портреты.

Демонстрация продолжалась...

С лицом, перекошенным горем, Артюхин мчался на своем «газике» к концу взлетной полосы, туда, где человек двадцать окружили «МИГ-19» с желтой восьмеркой на борту.

Приставили стремянку. Артюхин быстро поднялся и заглянул за остекление «фонаря». Вазген сидел и, словно окаменев, не мигая смотрел перед собой. Полковник ждал, опустив лоб на закаленное бронестекло.

Наконец Вазген справился с собой, отщелкнул замки и отбросил стекло «фонаря».

— Ну?

Вазген только помотал головой, отстегнул привязные лямки, поднялся, подтянулся на руках и перелез через обрез кабины.

— Ну, говори, Вазген!

Он помог подчиненному спуститься на землю, их окружила маленькая толпа коллег и товарищей. Тут же был и пилот «Су-9Б» Митьков.

Айрапетян сорвал с головы шлем и с яростью кинул его к ногам.

— Товарищ полковник! Капитан Айрапетян с боевого задания прибыл... Ведомый старший лейтенант Сафонов погиб, сбит нашей зенитной ракетой. Прямое попадание. Ничего не осталось.

Артюхин смотрел на него, веря и не веря, и молчал, не имея сил по уставу принять рапорт.

Но тут к ним подошел майор спецчасти Кабанов с таким же, как у всех, мрачным, убитым горем лицом. Он непреклонно посмотрел в глаза Вазгену:

— Вы ошиблись, товарищ капитан. У нас другие сведения. Старший лейтенант Сафонов погиб при выполнении задания из-за ошибки в технике пилотирования. Никакой ракеты не было, товарищ капитан. Вы поняли меня?!

И вдруг начальственно, будто забыв о званиях тех, кто стоял рядом, рыкнул не подобающим майору угрожающим голосом:

— Слушать всем! Приказ командования! То, что случилось, — государственная тайна. В случае разглашения — трибунал и расстрел. Есть вопросы?

Вазгена затрясло. Он заскрипел зубами и, сжав кулаки, шагнул к Кабанову.

— Какая тайна? Я видел, я все видел! Серегу долбанули ракетой! Я от второй сам еле ушел! Я друга позорить не стану! Пускай расстреляют!

Артюхин все понял. Он прожил слишком долго в своей стране, чтобы не понимать. Все стоящие вокруг были бледны и молчали.

— Капитан Айрапетян! — рывкнул Артюхин. — Ко мне!..

И, повернувшись к Кабанову, прохрипел сквозь зубы:

— Слушай, майор, в бога душу мать, вали ты сейчас отсюда куда-нибудь с глаз долой. Ты сообщил — мы поняли. Не бабы... Об этом сейчас поди вся армия уже знает. Как удержать?

— Я выполнил приказ, — мрачно тряхнул головой Кабанов. — Будто сам не понимаю. Разрешите идти?

— Давай!

Козырнув, Кабанов развернулся на каблуках и, опустив плечи, угрюмо пошел по траве к служебным зданиям аэродрома. Все обступили Айрапетяна и командира полка.

Не чинясь, Артюхин крепко обнял невысокого Вазгена, со зверской силой прижал к себе.

— Мужики, — сказал он тихо, но так, что услышали все, — слушайте меня, соколы мои! Вазген, слушай... Все мы знаем друг друга и понимаем *все*. А вы знаете меня. Мне самому блевать хочется. И имя Сафонова я пачкать не дам. Но мы, блядь, солдаты, мужики. Солдаты — и все!.. Приказ есть приказ! Приказано молчать — будем... Но брата нашего и друга проводим, как положено у людей. Все, свободны!..

И тут он упал головой на обшивку истребителя и заплакал, не стесняясь слез, как не плакал давно... с корейской войны. А после яростно вытер лицо рукавом форменной рубашки и сдавленно выговорил:

— Ладно... Сейчас свяжусь с округом. Надо его искать...

Но что могли они найти, хотя и обязаны были провести эту формальную операцию поиска?

Крепко сжимая руку сына, Татьяна неотрывно смотрела на крохотные фигурки людей у маленького серебристого самолета вдали.

Там он, нет его? И Вазгена не было видно нигде вокруг.

Несколько летчиков полка, почти все в штатском, в праздничных костюмах, стояли в сторонке, метрах в сорока.

Большой аэродром широко раскинулся перед Татьяной за колючей проволокой, протянутой между бетонными столбами ограждения летного поля.

Но вот вдали что-то изменилось, и четыре «газика» резво покатали в направлении штабных и штурманских служб.

Они пронеслись мимо по рулежной дорожке. В одном из них Татьяна увидела Артюхина и Вазгена в зеленом летном комбинезоне, и словно холодная жесткая рука стиснула сердце — Вазген почти всегда летал в паре с мужем.

— А папа где? — спросил Сашка.

— Подожди, — сказала она, — подожди...

И медленно, но все убыстряя шаг, пошла вдоль линии столбов и колючей проволоки в том направлении, куда проехали машины.

Потом она уже не шла, а почему-то почти бежала, волоча сына за собой, он оступался и хныкал, обиженно дергая ее за руку.

И вот, в окружении бледных, растерянных и хмурых мужских лиц, она снова увидела их обоих — командира полка с какими-то незнакомыми распухшими лицом и глазами, и такие же глаза у Вазгена и у всех остальных... И они смотрят все на нее и на Сашку.

Она невольно приостановила бег, и по тому, как порывисто сделал шаг навстречу Вазген, по тому, *как* они переглянулись с полковником, по тому, *как* все смотрели на нее, до нее дошло вдруг *все* сразу, без каких-то слов.

И словно где-то над ней или в ней самой, внутри, что-то оборвалось и упало, рухнуло и разлетелось на мелкие кусочки, разрушилось с каким-то странным стеклянным звуком.

И будто из нее самой мгновенно вылетела жизнь.

Они шли к ней, а она стояла, не смея шевельнуться, боясь услышать подтверждение своей догадке.

И вот их лица рядом.

— Татьяна... — сказал Артюхин и крепко взял ее за руку.

— Не надо, — сказала она, — не хочу!.. Я не хочу... А Сашке нашему вот три года сегодня... Так вы приходите все.

— Таня, — сказал Вазген, — я...

— Не хочу, — повторила она.

Сашка стоял и смотрел на них во все глаза.

Вазген протянул руку и осторожно стащил с его головенки большую не по размеру офицерскую фуражку с голубой кокардой и золотой птичкой.

— Я не хочу, — сказала Татьяна. — Ладно, я пошла...

Она шагнула и... опустилась прямо на засыпанную гравием дорожку.

Из открытых окон соседних домов доносились звуки трансляции первомайской демонстрации на Красной площади — радостная музыка, веселые, празднично-вдохновенные голоса дикторов и песни, песни...

Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы...

А откуда-то, с другого края Красной площади, долетали слова другой песни:

Бросая ввы-ысь свой аппарат послу-ушный
Или творя невиданный поле-ет,
Мы со знаем, как крепнет флот возду-ушный,
Наш первый в ми-ире пролетарский фло-от...

По площади перекатывались шумные волны голосов, гулкие крики, возглашавшие здравицы в честь партии, народа, славного Первомая...

А от жилых домов к ней уже бежали женщины — пилотские жены...

Хотя части погибшего самолета разметало и разнесло на десятки километров и из обломков истре-

бителя Сафонова было найдено всего только упавшее прямо на проселок колесо шасси да сплавленные куски металла, вероятно, остатки компрессора турбины, аварийная комиссия составила заключение, из которого явствовало, что катастрофа произошла из-за помпажа и разрушения двигателя — на такой формулировке настоял член комиссии командир полка Артюхин.

Правда о нелепой гибели старшего лейтенанта Сафонова связала общим заговором молчания сотни людей и легла на их души сознанием прямого соучастия в каком-то гнусном, позорном преступлении.

35

Пауэрса уносило куда-то ветром под куполом парашюта все дальше и дальше. Его тело бесильно обвисло на лямках. Он все еще был без сознания.

Автоматика спасения летчика сработала четко, надежный герметичный скафандр позволял покидать самолет на высотах вплоть до двадцати пяти километров.

Но вот датчик высоты привел в действие устройство сброса прозрачного забрала гермошлема, и летчик очнулся от жгучей рези ледяного ветра. Он на миг раскрыл тотчас заслезившиеся глаза и сейчас же зажмурил их опять.

Под ним плавно проходила, медленно поворачиваясь, бескрайняя далекая земля. Он был жив. Он спасся...

Первое действие драмы, в которой ему доверили выходную роль, завершилось. Вплоть до земли должен был продлиться антракт. И тотчас после приземления наступало время действия второго.

Порывы ветра то налетали, то смягчали напор. Его вращало, сносило то в одну сторону, то в другую. Земля становилась все ближе — темные пятна лесов, блестящие извилистые ленточки рек, мелкие квадратики кровель там и сям разбросанных деревень.

Что будет теперь с ним?

Осматриваясь и оценивая обстановку, летчик-шпион Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов собирал в памяти все то, что он должен был делать и говорить на приближающейся земле.

И вот она рядом. Огромное распаханное поле, по которому словно чья-то рука прихотливо провела гигантским гребнем: тысячи зеленых параллельных полосок озимого поля, а по нему — ажурные конструкции мачт высоковольтной линии.

Они все больше, все отчетливее...

Пауэрс вдруг увидел, что его несет прямо на провода высокого напряжения, и, насколько хватало сил, управляя положением своего тела и куполом парашюта, заставил его отклониться и промчался мимо еще одной смертельной угрозы. Нет, без сомнения, в этот день небеса в какой уже раз демонстрировали ему свою благосклонность.

А с разных сторон поля к нему уже бежали деревенские жители близлежащего села Косулино — несколько подвыпивших по случаю праздника принаряженных мужиков в нескладных костюмах и кепках.

— Вон он, вон он!.. — что есть мочи кричали они, показывая друг другу на парашютиста в небе.

Они уже знали, что полчаса назад примерно в трех километрах от их Косулина, за околицей деревеньки Поварово, на землю грохнулась какая-то хреновина, и к ней уже отправились любопытные на мотоциклах и велосипедах.

Пауэрса сильно ударило о землю, и он на несколько секунд потерял сознание. Но вот он открыл глаза. Склонившиеся над ним люди ощупывали его

руки, ноги, терли щеки и что-то наперебой кричали на неизвестном ему языке.

Помогли встать. Его сильно шатало, земля плыла под ногами.

— Живой, браток, живой?

Но Гарри еще не вполне пришел в себя, он растерянно озирался, стараясь сохранить равновесие. Потом пробормотал что-то нечленораздельное, попытался улыбнуться.

— Ну как, летун, ничего? Не расшибся?

Рукой в перчатке он показал в небо, потом в землю. Люди вокруг радостно закивали. Все с удивлением рассматривали его серебристый комбинезон, потом заметили плакатик, приклеенный к груди.

Один из мужчин прочел вслух написанное большими красными буквами по-русски:

«Я американец и не говорю по-русски. Мне нужны пища, убежище и помощь. Я не причиню вам вреда. У меня нет злых намерений против вашего народа. Если вы мне поможете, то вас наградят за это».

— У-у-у! — закричали люди вокруг. — Американец, американец!

— Американец, что ли? — спросил один из мужчин. — Ребята, — крикнул он остальным, — тут, видать, дело такое... Надо его в сельсовет сейчас да звонить...

Подкатил старый обшарпанный «газик». Пауэрса усадили на заднее сиденье и повезли.

Вскоре, окруженный людьми, он сидел в бревенчатом здании, и насупленный человек что-то кричал в телефонную трубку. Пауэрс ждал...

— Район? — кричал в трубку один из косулинцев, бывший пограничник, бригадир Паша Асестин. — Район! Слушай, девушка, уполномолченного КГБ мне, да побыстрей! Уполномоченный? С праздником! Тут подарочек вам... Откуда говорю? Из Косулина говорю... Парашютиста взяли... Американец... Ищите? Так он у нас... Понял, все понял... Щас сделаем... Ну, это мы понимаем!.. Не, не уйдет! Не сомневайся, давайте к нам скорей!

Положив трубку, он подошел к Пауэрсу, показал на пистолет, протянул руку.

— Вот что, дорогой, давай-ка мне эту штуку...

Пауэрс безропотно отстегнул пистолет с длинным глушителем и протянул.

— Ни хрена себе штучка!..

Асетин покрутил в руках незнакомое оружие, надавил на пружину, вытащил обойму, набитую маленькими патронами.

А вскоре в косулинском сельсовете уже было полно военных людей, которые с таким же удивлением рассматривали американца, упавшего прямо с неба.

Потом Гарри усадили в военный автомобиль между двумя дюжими офицерами, и, подпрыгивая на ухабах, машина покатила туда, где рухнули обломки его самолета.

Фюзеляж «У-2» упал на большой поляне в лесу и, как ни странно, сохранился гораздо лучше, чем можно было ожидать после падения с двадцатикилометровой высоты.

Военные оцепили обломки, не подпуская к ним никого из посторонних. Один из офицеров показал Пауэрсу на груды искореженного металла — смятые черные листы обшивки, детали развалившегося двигателя и еще какие-то черные, желтые и красные контейнеры, разбросанные на траве.

Пауэрс понял, о чем его спрашивают, и мрачно кивнул.

Его привезли и оставили под охраной в небольшой комнате воинской части, принесли хлеб, чай, два куска сахара. Похоже, расстреливать на месте его не собирались. Незнакомый запах русского ржаного хлеба показался ему изумительным. Он потянул ко рту большой ломоть...

Военные, которые охраняли его, усмехнулись и закивали...

Летчик жадно принялся за еду. Пока все шло именно так, как и предсказывал человек с трубкой.

...Через два с половиной часа его уже допрашивали в Управлении КГБ по Свердловской области. Несколько русских, военных и штатских, сидя за столом в большом кабинете, вели допрос задержанного разведчика.

Офицер-переводчик был вежлив и серьезен. Гарри назвал свое имя и сообщил, что является гражданским пилотом самолета метеоразведки и что он из-за отказа навигационных приборов сбился с курса, потерял ориентировку и летел по прямой, сам не зная куда.

— Переведите, — сказал седой генерал, — что мы тут не дети и все эти байки пусть он бабушке своей рассказывает там, в Америке.

Переводчик выполнил указание.

— У меня нет бабушки, — сказал Гарри, — бабушка умерла. У меня есть дедушка.

Сидящие перед ним люди засмеялись.

— Ну, пусть дедушке рассказывает, — сказал генерал. — Нам нужна правда. Переведите: по советским законам, согласно статье шестьдесят пятой «Шпионаж», вас могут расстрелять. Только сообщив полные и правдивые сведения о своем полете и его целях, вы можете спасти свою жизнь.

Гарри упрямо покачал головой.

— Я исследовал атмосферу в районе турецкого озера Ван с научными целями, — повторил он.

— А что вы, гражданский летчик, делали в Турции? — спросил один из офицеров. — Вам бы скорее следовало разведывать погоду в районе озера Мичиган...

Пауэрс молча смотрел в пол. Ему нечего было сказать на это.

— Тогда объясните нам, что это такое. — Генерал раскрыл большой бумажный пакет и издала показал Пауэрсу его полетную карту с красной линией маршрута, обходящей все круги, вычерченные синим карандашом.

Красная линия тянулась сначала с юга на север, потом на северо-запад и от Свердловска уходила в сторону Норвегии.

Пауэрс молчал, словно не слышал обращенных к нему слов.

— Что же вы молчите? — усмехнулся генерал. — Вам знакома эта карта? Что-то я не вижу здесь озера Ван.

Пауэрс отвернулся. Он помнил, что начать говорить ему предписывалось только в Москве.

36

По плану полета летчик Фрэнсис Гарри Пауэрс должен был совершить посадку около трех часов дня по местному времени на норвежском аэродроме Буд, неподалеку от границы с СССР.

Прошел час после контрольного времени прибытия, второй, третий — самолета не было...

У него давным-давно должно было кончиться топливо. Никто из встречавших Пауэрса сотрудников ЦРУ больше не питал надежд на благополучное прибытие самолета.

Стало ясно, что с ним что-то случилось на маршруте, но они прождали еще около двух часов, прежде чем связались с Вашингтоном, чтобы сообщить ужасную весть.

Руководитель Специального управления ЦРУ по планированию и проведению разведывательных полетов самолетов «U-2» в глубокий тыл СССР Ричард Биссел был как на иголках.

Он входил в число тех немногих людей, которые были осведомлены о том, что блаженные времена былой безнаказанности этих акций кончились. Именно по распоряжению Биссела на полетной карте Пауэрса были обведены синими кругами опасные зоны, где, по данным разведки, располагались новейшие русские ракетные установки «зем-

ля — воздух», способные уничтожить самолеты на тех высотах, которых достигал «U-2».

Всякий такой вылет, откуда бы он ни производился — из Германии, Норвегии, Турции, Пакистана, с Японских островов, — лишал Ричарда Биссела сна, покоя и аппетита на все те часы, пока самолеты находились в воздухе и не поступали сообщения о том, что очередной рейд во вражеский тыл завершен и самолет прибыл в конечный пункт назначения.

То, что Аллен отдал приказ провести очередной полет именно первого мая, в один из главных русских праздников, а президент утвердил это решение, как казалось Бисселу, резко увеличивало опасность этого предприятия и уменьшало шансы на то, что все пройдет гладко.

Он угрюмо смотрел на телефонный аппарат, подходил к телетайпу, вновь возвращался к телефону и ждал, ждал...

Какое-то суеверное чувство заставляло его противиться естественному порыву самому связаться с Буд, чтобы выяснить судьбу самолета и Пауэрса.

Он ждал, склонив голову над столом, и по привычке вычерчивал какие-то головоломные орнаменты, которые постепенно заполняли весь лист бумаги от края до края. Он все усложнял и усложнял переплетения линий и пятен, уже боясь бросить взгляд на часы и мысленно подбирая слова, с какими войдет в кабинет Аллена, чтобы сообщить об исчезновении или гибели самолета.

В это самое время двумя этажами ниже Аллен сидел в любимом кресле у окна и в глубоком раздумье растирал больную руку.

В отличие от подчиненного, который томился и терзался, не зная, как преподнести шефу это известие, Аллен по своему тайному каналу уже давно связался с Норвегией, откуда ему доложили, что самолет в расчетное время не появился.

Собственно, этого он и ждал и на это надеялся, однако оставалось неизвестным самое главное: раз-

виваются ли события по его сценарию, или в человеческие планы вклинилось, как это часто бывает в жизни, нечто непредвиденное, какая-то фатальная дурацкая случайность, опрокинувшая все им задуманное.

Таких непредусмотренных вариантов могло быть несколько. Самолет мог просто выйти из строя, а летчик — разбиться или оказаться в безлюдном районе, в горах, пустыне или тайге, где его тоже, скорее всего, ожидала смерть, лишь отсроченная во времени.

По другому варианту летчик мог погибнуть от прямого попадания ракеты, что тоже исключало все дальнейшее.

Наконец, нельзя было сбросить со счетов и такой поворот событий, что Пауэрс спасся и сохранил от разрушения свой «U-2», однако, оказавшись в руках у русских, вопреки их тайной договоренности, все же оказался вынужденным выдать все его планы советской контрразведке и таким образом купить себе жизнь, свободу и тайное убежище, чтобы попытаться спастись от его, Аллена, мстительной руки.

И хотя последний вариант казался наименее вероятным, его тоже приходилось учитывать, потому что он мог стать прологом к концу карьеры не кого-нибудь, а самого мистера Аллена.

Разумеется, он замыслил колоссальную авантюру, но он помнил лицо этого летчика и потому был уверен, что, если тот жив, дело выгорит.

Наконец раздался телефонный звонок, и Аллен не удивился, услышав голос Биссела:

- Шеф, мне необходимо срочно увидеть вас.
- Что-нибудь случилось? — спросил Аллен.
- Боюсь, что именно так, сэр.
- Заходите, я жду вас.

Бледный Биссел быстро вошел в кабинет и замер перед столом директора ЦРУ.

За то время, что он шел к кабинету, Аллен успел переместиться из кресла у окна и занял место в крес-

ле за столом, величественно восседая на фоне белых и красных полос национального флага.

— Успокойтесь, Ричард, — сказал он. — И изложите все по порядку.

— Сэр, самолет не вернулся!

— Что?! — Аллен даже привстал и подался вперед. — То есть как не вернулся? Это же был, может быть, самый важный вылет! И я просил вас назначить самого лучшего пилота!

— Я отправил Гарри Пауэрса. Он не вернулся.

— Неужели катастрофа? — Аллен поднялся и, взволнованно выйдя из-за стола, подошел вплотную к Бисселу. — Вы даже не представляете, Ричард, какую страшную весть вы принесли. Кто уже знает об этом?

— Только вы и я, сэр. Ну и конечно, те люди в Норвегии, которые должны были встретить его. Но они знают, о чем можно говорить, а о чем лучше держать язык за зубами.

Аллен нервно раскурил трубку и заходил по кабинету. Потом нажал кнопку на столе. Темные занавеси на огромной карте разошлись и открыли участок советской территории, где должен был пролегать маршрут Пауэрса.

— Поверьте, сэр, — горячо сказал Биссел, — я и мои люди сделали все от нас зависящее, чтобы подобного не произошло.

— Не сомневаюсь, Ричард.

— Что я должен делать теперь? — спросил Биссел.

— На случай, если все-таки пилот потерпит крушение над Россией и вопреки всем предписаниям каким-то образом окажется жив, чего, скажу прямо, я хотел бы меньше всего, мы с вами разработали специальный план-инструкцию, регламентирующую все наши последующие шаги. Напомните мне, что там значится первым пунктом?

— Подготовить и распространить официальное сообщение о потере исследовательского самолета НАСА, который вылетел для проведения метеоразведки в верхних слоях атмосферы, а также обраще-

ние к правительствам всех стран с просьбой оказать помощь летчику, если он останется жив и будет обнаружен на их территории.

— Вот и отлично, Биссел! — сказал Аллен. — Вы сами ответили на свой вопрос. Ступайте к себе и займитесь этим. О готовности доложите. Держитесь, Ричард! Мне тоже очень нравился этот Пауэрс, и я уверен, что он выполнил свой долг до конца.

Биссел вышел, а Аллен подошел к огромному окну, глядя в сторону Белого Дома. Он решил выждать как можно дольше, прежде чем доложить о случившемся президенту.

А Биссел, вернувшись в свой кабинет, отпер сейф и достал плотный серый конверт, извлек из него лист бумаги с текстом, который теперь надо было немного подкорректировать, так как документ этот был заготовлен еще в пятьдесят шестом году накануне самого первого вылета «U-2» в глубь территории СССР в День независимости.

Закончив работу, он позвонил Аллену и прочитал готовый текст по телефону.

— Отлично, Биссел, — сказал Аллен. — Это именно то, что надо. Сейчас я созвонюсь с президентом и получу инструкции, когда нам надлежит распространить этот документ.

Президент по обыкновению проводил время на зеленой лужайке для гольфа и прошел уже шесть лунок, когда к нему подбежал один из помощников:

— Господин президент! Вас просит к телефону мистер Аллен.

Президенту не хотелось прерывать игру, но звонок Аллена всегда означал дело государственной важности. Передав клюшки другому помощнику, он направился к переносному узлу связи, который сопровождал его всюду, где бы он ни находился. Известие, сообщенное директором ЦРУ, тотчас испортило ему настроение.

— Как вы думаете, Аллен, летчик остался жив?

— Это почти невероятно, Айк. Я знаю этого человека. Это отважный малый, который выполнит приказ. Ставлю девяносто девять против одного, что его уже нет в живых.

— Ах, Аллен, боюсь, случилось именно то, чего я больше всего опасался. Если русские захватят летчика и доберутся до начинки самолета, мне предстоит пережить ад. Как вы полагаете, как нам теперь следует поступить?

— Прежде всего дождаться реакции русских, если она вообще последует. Вполне вероятно, что они и сами еще ничего не знают, если самолет потерпел крушение в каком-нибудь безлюдном районе. Надо ждать... А если Москва никак не проявит себя, нам надлежит распространить через «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс интернейшнл» текст известного вам официального сообщения.

— Боюсь, что это в самом деле единственный путь. Эту партию выиграет тот, у кого крепче нервы. Благодарю вас, Аллен. Я вылетаю в Вашингтон.

Через двадцать минут бело-голубой президентский вертолет Айка уже летел из Кемп-Дэвида в Вашингтон.

37

В это время Пауэрс уже был в Москве.

Смеркалось. Его допрашивали в одном из кабинетов Комитета госбезопасности.

— Итак, лейтенант Пауэрс, как видите, ваши хозяева оказались банкротами, — сказал следователь в военной форме.

Их было пять или шесть, этих людей в кителях советских офицеров, которые холодно и строго смотрели на него из-за длинного стола.

— Они рассчитывали, что мы не сможем вас сбить, но, как видите, жестоко просчитались, — заметил другой.

Пауэрс слушал их и одновременно изо всех сил напрягал память, чтобы как можно точнее изложить все то, что ему надлежало сказать согласно инструкциям человека с трубкой.

Пока все происходило точно так, как тот предсказывал, даже в мелочах, однако был вопрос, на который он хотел бы получить ответ. Взглянув на переводчика, он спросил:

— Что мне грозит по вашим законам?

— Просто удивительно, — сказал следователь. — Неужели за все эти годы вы так ни разу и не поинтересовались этим? Те, кто готовил вас для этих полетов, должны были бы в первую очередь позаботиться об этом. Однако и вы, и они не сомневались, что все сойдет с рук. Так вот — вы *шпион*, Пауэрс, и будете судимы по статье второй «О государственных преступлениях» за шпионаж, которой предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком от десяти до пятнадцати лет или смертная казнь.

— Меня расстреляют? — спросил Пауэрс.

— Я не судья, — ответил следователь, — и сейчас все зависит только от вас. По чьему прямому указанию осуществляются эти шпионские полеты?

Это был вопрос, которого он ждал так долго, главный и ключевой вопрос, на который ему было приказано человеком с трубкой дать единственный ответ. Может быть, только ради этих нескольких слов его и отправили в этот полет.

И он сказал:

— Эти полеты проводятся с июля тысяча девятьсот пятьдесят шестого года по прямому личному указанию президента Соединенных Штатов, и лично им утверждается каждый вылет.

Допрос закончился, и согласно указанию переводчика Пауэрс многократно расписался на каждом

листе разлинованного протокола допроса: «Записано с моих слов верно и мною прочитано. Гражданин США, летчик ЦРУ Пауэрс».

— Ну что ж, хорошо, — сказал следователь. — А теперь собирайтесь, Пауэрс.

— Куда, — спросил Гарри.

— Увидите, — многозначительно сказал следователь, и тем же тоном эти слова повторил переводчик.

Этот тон не предвещал ничего хорошего, и Пауэрсу сделалось страшно.

В сущности, он рассказал им уже все или почти все. Теперь эти угрюмые славяне могли сделать с ним что угодно.

Трое людей в военной форме повели его по длинным коридорам, обитым мрачным темным деревом, и вскоре втокнули в большой черный автомобиль, перед которым медленно открылись гигантские черные ворота.

И Гарри увидел город, живой город, залитый праздничными огнями, украшенный гирляндами разноцветных лампочек, протянутых по крышам домов. Огни искрились, перемигивались, бежали. Всюду были толпы празднично одетых людей, которые играли на гармошках, тащили на плечах маленьких детей, смеялись...

А машина, осторожно раздвигая людскую массу, медленно ползла по широким улицам, по набережным вдоль Кремля, и он все смотрел, смотрел и никак не мог понять, куда его везут и зачем, для чего показывают этот чужой и прекрасный город.

Может быть, так принято у них — показывать приговоренным то, что им придется через несколько минут или часов потерять навсегда, может быть, так заведено у них перед расстрелом?..

И как же был бы удивлен Гарри Пауэрс, если бы узнал, что эта экскурсия по праздничной Москве вечером второго мая устроена для него по личному распоряжению первого человека этой страны Никиты Хрущева.

...А Хрущев радовался, как не радовался уже давно. Это был его звездный час. Он всегда любил хорошую интригу, любил тонкую хитроумную игру и сейчас хотел сыграть безупречно, чтоб отыграться вчистую, взять свое с лихвой, потому что все козыри из колоды теперь были у него.

Но тут нельзя было поспешить. Нельзя было, упаси Бог, раскрыться и хоть чем-нибудь выдать себя. Надо было иметь терпение, терпение и еще раз терпение, чтобы заставить американцев первыми сделать проигрышные ходы, а после дать им самим плюхнуться в ту же лужу, в какой побывал он в пятьдесят шестом, когда вылезли, курам на смех, с той дурацкой нотой протеста.

Так началась их дуэль, дуэль двух лидеров, двух главнокомандующих, двух руководителей противостоящих лагерей разделенного надвое мира, когда, замерев на своих позициях, словно два снайпера, они ждали, когда противник каким-то крохотным движением обнаружит себя и подставится под выстрел.

И Хрущев выиграл первый акт этого поединка — на третий день после исчезновения Пауэрса американское Национальное агентство по авионавигации и исследованию космического пространства распространило сообщение, написанное рукой Биссела. Это был пробный шар.

Однако Москва по-прежнему хранила гробовое молчание: Хрущеву хотелось до предела взвинтить нервы противнику.

Айк действительно не просто нервничал, но буквально выходил из себя.

Что стояло за этим загадочным молчанием Кремля?

Быть может, они в самом деле ничего не знали о полете самолета или он разрушился, не оставив следов, как того и требовала инструкция, а значит, и ждать чего-либо не имеет смысла?

За эти четыре дня президент несколько раз связывался по телефону с директором Центрального разведывательного управления. Предлог для этих звонков был один и тот же — не поступала ли Аллену какая-нибудь информация о самолете по его специфическим каналам.

Аллен с присущей ему проницательностью без труда угадывал подлинные мотивы этих звонков: президент чувствовал себя зажатым в угол и надеялся услышать от наиболее авторитетного лица какой-нибудь спасительный совет.

Но Аллен вновь и вновь советовал президенту все то же — сохранять выдержку и твердость, ни на йоту не отступая от духа и буквы первого сообщения: «Да, имел место полет самолета в районе турецкого озера Ван, специальный метеосамолет исследовал атмосферные вихри, потерял ориентировку и пропал без вести. Ведутся поиски».

Аллен и сам бы дорого дал в эти дни, чтобы получить какую-нибудь информацию о судьбе своего посланника.

Неоценимую помощь тут мог бы оказать «полковник», он же «аноним», он же тайный агент в Москве, офицер ГРУ и работник Комитета по науке и технике О.П., но тот молчал.

А молчал потому, что сам хотел бы узнать, что стряслось с его напарником, посланным в район Свердловска, чтобы навести самолет Пауэрса в нужный момент на ракетно-зенитные установки.

33

Четвертого мая на секретном Пленуме ЦК КПСС в Кремле Никита Сергеевич доложил его участникам о том, что произошло первого мая.

Он сообщил, что обнаружены обломки самолета, напичканного всевозможным шпионским оборудо-

ванием, которое практически полностью сохранилось, о том, что захвачен и взят в плен летчик, который уже дал все необходимые показания на Лубянке, и что на всем этом он решил построить ловкую западню для американской «головки». Он заставит американцев изобличить самих себя как отъявленных провокаторов, обманщиков и подлецов и, точь-в-точь как Иван Сусанин поляков, заведет президента со всей его камарильей в такие дебри и трясины вранья, откуда им потом вовек не выбраться и вовек не отмыться в глазах всего прогрессивного человечества.

Участники пленума тотчас по достоинству оценили поистине замечательный даже не столько сусанинский, сколько кутузовский замысел Первого секретаря и встретили его дружными аплодисментами.

— Но смотрите, — сказал Хрущев и погрозил пальцем. — Это дело тонкое. Испортить в два счета можно. А потому, пока я сам не обнародую всей этой грязной истории и не выгашу их за ушко да на солнышко, все, что я вам здесь сообщил, является строжайшей государственной тайной, и горе тому, кто хоть словечко об этом вымолвит раньше времени!

Все было замечательно.

И Никита Сергеевич предвкушал сладость отпущения и победы.

Летчик Пауэрс, видно, спасая шкуру, поведал нашим доблестным органам на удивление много такого, чего он, казалось бы, по своему чину и званию вовсе и не должен был знать. Главное, что следовало из его показаний, — полеты эти проводятся под непосредственным руководством самого президента, который всего полгода назад заверял Хрущева в своем искреннем стремлении крепить дружбу и мирные добрососедские отношения с великим Советским Союзом.

Материала на коварного Айка этот летчик при-

волок столько, что хватило бы не на одного президента.

В лабораториях КГБ уже проявили все фото-пленки, на которых оказались десятки секретнейших объектов в разных районах СССР, тщательно разобрались со всем снаряжением пилота и его шпионскими принадлежностями, где оказались многие тысячи новеньких советских денег, иголка с ядом, огнестрельное оружие, а также и вовсе дурацкие золотые кольца и часы, предназначенные, как объяснил Пауэрс, для подкупа честных советских людей, чтобы те помогли ему всеми правдами и неправдами вырваться за пределы Союза...

Обо всем этом Хрущев с гневом и возмущением сообщил в конце своей речи на открывшейся пятого мая сессии Верховного Совета.

Огромный зал сидел в изумленном потрясении, когда Никита Сергеевич дрожащим от волнения голосом громко обличал низость и вероломство правящих кругов Соединенных Штатов, которые сделали откровенный шпионаж нормальной практикой современной жизни.

Он размахивал гигантскими фотографиями, на которых отчетливо были видны ряды военных самолетов, выстроенные вдоль взлетных полос на наших секретных аэродромах, а также снимки снаряжения летчика, где особенно зловеще выглядел огромный пистолет с длинным глушителем.

— Этот случай, — потрясая кулаком, кричал Хрущев, — лишний раз показывает нам, чего стоят все заверения американцев об их желании жить в мире и бороться за ослабление международной напряженности! Это все слова, но мы видим теперь, каковы их дела, а это значит, нам надо быть бдительными и готовыми в любой момент отразить любую атаку любого агрессора. Мы никому не дадим хозйничать в собственном доме. Никому и никогда!

Зал рукоплескал. Со всех сторон неслись выкрики депутатов: «Правильно!», «Это просто бандитизм!», «Не допустим!», «Не позволим!», «Верно, Никита Сергеевич!»

... Не прошло и часа, как о речи Хрущева сообщили президенту Соединенных Штатов.

Случилось то, чего он больше всего боялся и больше всего хотел бы избежать.

Но он по-прежнему не знал самого главного — остался ли в живых пилот «U-2», и если остался, то где он и что с ним. Об этом в своей речи хитрый Хрущев не проронил ни слова, и потому на этот счет по-прежнему можно было строить любые предположения.

После того как президент в очередной раз позвонил Аллену, чтобы узнать, что тот думает по поводу хрущевской речи, все уже знавший, разумеется, главный разведчик Запада вновь призвал президента не поддаваться на русские провокации и относиться хладнокровно как к пустому шуму собственной и мировой прессы, так и к злобному рокоту коммунистической пропаганды.

— Согласитесь, Айк, — заметил Аллен, — что в мире есть ценности и идеалы, которые стоят и значат несравненно больше, нежели чье-то самолюбие или репутация. Ради них мы порой идем на тяжкие жертвы. Но не в этом ли наш крест?

Президент мрачно согласился и повесил трубку, а Аллен пустил кольцо голубого дыма и чуть улыбнулся, глядя куда-то очень далеко, будто за границу пространства и времени.

Он уже больше не сомневался, что Фрэнсис Гарри Пауэрс во время их встречи понял его правильно.

Да, все было совершенно замечательно, как вдруг шестого мая Хрущеву позвонил председатель КГБ и взволнованно сообщил, что произошло нечто ужасное.

Вчера же вечером, сразу после нашумевшего выступления Хрущева, заместитель министра ино-

странных дел товарищ Малик, как говорится, малость «перебрал» на официальном приеме, устроенном послом Эфиопии. Окруженный посланниками десятков стран, он дал втянуть себя в заведомо провокационный разговор, и, когда посол Ирана поинтересовался, откуда все-таки известно, что самолет был именно американский, Яков Малик вопреки строжайшему запрету главы государства разболтал именно то, что надлежало тщательно скрывать, — что летчик сбитого самолета, возможно, жив и попал в руки советских властей.

Разразился страшный скандал: опытнейший дипломат по пьяной лавочке сорвал весь замысел Хрущева, что называется, «испортил торговлю», так как сказанное во всеуслышание Маликом немедленно было донесено до сведения американского посла Томпсона его шведским коллегой Сульманом.

Томпсон мгновенно оценил ситуацию.

Он моментально разгадал намерения Хрущева и смысл его интриги и связался с Вашингтоном, откуда на весь мир с тупым упорством продолжали утверждать, будто жестокие русские расстреляли в упор мирный научно-метеорологический самолет, случайно сбившийся с курса и залетевший в воздушное пространство СССР.

В Белый Дом и в государственный департамент под грифом «сверхсрочно» ушла депеша, в которой сообщалось о новых сведениях, кардинально менявших всю картину. Запущенную машину циничного обмана мировой общественности надо было немедленно остановить и принимать любые меры, чтобы «сохранить лицо» Америки и ее высших лиц.

А в это время в Кремле бушевала гроза. Хрущев метал громы и молнии, кричал, колотил кулаком по столу и, наконец, потребовал убитого горем Малика к себе на ковер.

Позеленевший от ужаса перед разверзшейся под ним бездной, матерый волк советской дипломатии, известный на весь мир своими яростными «развенчаниями» гнусных империалистов, предстал, трепеща, пред очи своего партийного повелителя. Он понимал, что ждет его, предвидел все дальнейшее и еще загодя написал слезное покаянное письмо, бесвязное, жалкое, унижительное, в котором умолял дорогого Никиту Сергеевича хотя бы учесть все его прошлые заслуги и позволить загладить свою страшную вину там, где сочтет нужным партия.

Он уже знал, что создана специальная комиссия Комитета партийного контроля во главе со Шверником, комиссия, призванная расследовать обстоятельства его ужасного проступка, граничащего с политической диверсией.

Хрущев и в самом деле готов был разорвать этого дурака на куски, но, видя, как тяжело переживает Малик случившееся, наконец несколько отошел, смиловился и мрачно буркнул, что так и быть, влепит ему строгий выговор с занесением, с чем он может и удалиться, благодаря несуществующего Бога, что еще так легко отделался.

Известие об уничтожении американского самолета-шпиона в воздухе России, оглашенное Хрущевым, произвело именно то действие, на которое он и рассчитывал.

Все газеты, радиостанции, информационные агентства, телевизионные компании только и кричали о беспрецедентном, возмутительном, бандитском, абсолютно противозаконном вторжении лицемеров американцев в небо другой суверенной страны.

Меж тем американцы по-прежнему не знали, жив или погиб человек, управлявший «U-2». Несмотря на утечку информации, никаких официальных подтверждений или опровержений из Москвы не поступало, и в Вашингтоне не знали, какую дальше проводить

линию, какую версию развивать, что подтверждать, а от чего наотрез отказываться.

Та буря, которой пуще огня боялся президент, разразилась, и он, быть может, лучше всех понимал, что это значит, правда, уже не для него самого, а для его республиканской партии и того человека, вице-президента, который через полгода был намерен баллотироваться на высший государственный пост.

Айк все еще чего-то ждал, хотя надежды его были призрачны, и он сам это понимал. Через своих тайных эмиссаров он пытался по дипломатическим каналам прозондировать обстановку, чтобы побудить Хрущева выйти с ним на прямой контакт. Но Никита Сергеевич не желал облегчать жизнь предателю Айку, который не только носил столько лет эти черные камни за пазухой, но, как последняя шпана, швырял их в спину тому, перед кем распинался в самых дружеских чувствах.

Наконец, когда весь мир уже просто изнывал в неведении и желании знать истину, Никита Сергеевич понял, что выиграл все раунды и пора наносить Айку последний, нокаутирующий апперкот.

Устами самого лидера страны Москва оповестила мир, что летчик самолета остался жив и что он признался в шпионских целях своего полетного задания.

Что его самолет «Локхид U-2» создан в США специально для проведения таких разведывательных акций в глубь территории Советского Союза и его друзей по соцлагерю, что он — пилот Фрэнсис Гарри Пауэрс, американец, и что программа этих полетов утверждена на самом высоком уровне — в Белом Доме.

Это был неотразимый удар, и Айк чувствовал себя, как на то и рассчитывал Хрущев, ничуть не лучше, чем Никита Сергеевич на том незабываемом приеме в американском посольстве четвертого июля пятьдесят шестого.

Аллен стоял у огромной карты мира в своем кабинете с линейкой и толстым красным карандашом.

Он пытался просчитать дальность полета последней русской межконтинентальной ракеты, которую испытывали несколько недель назад. По данным разведки, имитатор не то четырех-, не то пятитонной боеголовки достиг восточного побережья Камчатки и упал в Беринговом море. Цифры получались устрашающие, и он отдавал себе в этом отчет.

Вдруг зазвонил телефон прямой связи с Белым Домом. Аллен уже все знал, как знал и то, что услышит сейчас.

Но он был абсолютно невозмутим и спокоен и не сразу взял трубку. Разумеется, это был президент. Они говорили по защищенной высокочастотной линии, и их никто не мог сейчас подслушать.

— Это катастрофа, Аллен, — сказал Айк. — Я опозорен, опозорен навсегда. Что вы молчите, Аллен?

— Я слушаю вас, господин президент...

Всегда корректный и невозмутимый генерал больше не мог сдерживать разрывавших его эмоций:

— Вы слушаете! Можно позавидовать вашему хладнокровию, Аллен. Но ничего, я выведу вас из него! Этот негодяй жив! Понимаете — жив! Он обязан был застрелиться, принять яд и разнести этот чертов самолет в пыль, чтобы проклятый Хрущев никогда и мысли не имел предъявлять мне какие-то улики. Почему он жив, Аллен? Отвечайте!

— Я хотел бы сам получить ответ на этот вопрос. Это был лучший летчик. Я сам лично инструктировал его перед этим полетом.

— И тем не менее он жив! Он жив, он дает пока-

зания и поливает нас всех грязью. Мы с вами по уши в дерьме, Аллен!

— Вынужден с вами согласиться, господин президент, — мрачно сказал Аллен, глядя на карту и пустив красивую голубую спираль табачного дыма из трубки.

— И что вы теперь прикажете мне делать? — вскричал Айк. — Что?! Через два дня в Женеве я должен встретиться с Хрущевым лицом к лицу. Как я буду смотреть ему в глаза и что смогу сказать? Вы всегда Аллен, всегда умели находить разумные лазейки, чтобы выбраться из самых коварных мышеловок.

— Я по-прежнему стою на том, — чуть улыбнулся Аллен, — что мы должны проявлять неуклонную твердость. Любая наша уступчивость ими расценивается как слабость, как готовность поднять руки вверх перед их коммунистическим натиском. Твердость, Айк! Сдержанное мужество и холодная невозмутимость! Только так они почувствуют нашу силу.

— Послушайте, Аллен, — вскипел президент. — Что вы талдычите мне эти газетные клише в духе речей вашего дорогого покойного братца? Здесь нужен тонкий, умный ход, ведь толстяк Никита сейчас надрывает себе бока и буквально издевается надо мной. А эти подлые журналисты?! Они с восторгом тащат своего президента к позорному столбу. Быть может, мне выступить с публичным извинением?

— Ну что же, господин президент, если вы намерены проиграть в Женеве по всем очкам, можете выразить сожаление и расшаркаться в извинениях. Хрущев и так сейчас на коне. И если вы проявите мягкость, он только закусит удила.

— Хорошо, — сказал президент. — Возможно, вы и правы. Прощайте, Аллен.

Директор ЦРУ спокойно выбил пепел и, остановившись перед цветной фотографией брата, скончавшегося в прошлом году, чуть подмигнул ему и

принялся вновь набивать табак в знаменитую трубку. Он ждал еще одного звонка, но его все не было. Это уже было странным.

Но вот телефон зазвонил — телефон прямой связи с Капитолием. Он подошел к аппарату.

На том конце провода раздался приятный голос сенатора, которого все обычно называли Джеком, а коллеги по Конгрессу и Сенату — «Золотой головой».

— Добрый день, мистер Аллен. Это сенатор...

— Здравствуйте, сенатор, — улыбнулся Аллен. — Я узнал вас. Вы хотите выразить нам свои соболезнования?

— Именно это я и хотел сказать, сэр.

— Принимаю, — вздохнул Аллен. — Ну что ж, благодарю за сочувствие...

Они прекрасно понимали друг друга. Вице-президент так и не позвонил ему...

90

Случилось то, чего и хотел Хрущев: великие партнеры и противники поменялись местами, и если в Вашингтоне был объявлен траур, то в Москве праздновали и ликовали.

Никита Сергеевич даже в лучших снах не мог увидеть того, что совершалось теперь наяву.

Он, разумеется, рассчитывал на понимание и поддержку своих друзей из стран народной демократии, но что вот так всколыхнутся и дружно встанут на его сторону самые выдающиеся политические деятели Франции, Англии, Италии, Греции, да чуть ли не всех стран — членов ООН, что его действия поддержат и одобряют вчерашние злейшие враги — и мечтать не мог.

И в то же время он и вообразить не мог, что этот

грандиозный скандал до такой степени сокрушит Америку и загонит в угол затравленного Айка.

Он помнил наставления Жукова во время войны о том, что, если наступление пошло и оно удастся, что, если «гнутся шведы», нельзя ни на секунду уменьшать давление, хоть на самую малость снижать темп и напор натиска.

«Давить! — говорил Жуков. — Давить и додавливать, пока из них юшка не пойдет!»

Вот эту-то «юшку» и хотел теперь Никита Сергеевич выжать из американцев.

Лишь в одном только случае он был готов усмирить свой нрав и придержать коней: если бы Аик, понимая полную безвыходность и нелепость своего положения, видя удивительное единодушие, с которым клеймил и осуждал Америку весь белый свет, принес Советскому Союзу искреннее публичное извинение и зарекся бы на веки вечные повторять то, что он устроил утром первого мая.

Хрущев ждал.

Ждал каждый день, ждал с нетерпением, почти не сомневаясь, что разумный государственный муж, крупный политик и опытный генерал сумеет верно оценить свою битую диспозицию.

Давно не было у Никиты Сергеевича такого чудесного настроения, давно так легко не дышалось на утренних прогулках по аллеям огромного парка, окружавшего особняк на Ленинских горах.

Май выдался чудесный, солнечный.

И лишь одно иногда на короткие мгновения омрачало приподнятое душевное состояние Хрущева — невольное опасение, что все-таки кто-нибудь нарушит его строжайший приказ. Что кто-то не сумеет удержать тайны и мир узнает правду, что американца тюкнули вовсе не с первого залпа, вовсе не первой ракетой, как особо подчеркивалось во всех заявлениях ради повышения престижа Страны Советов

и утверждения высочайшего уровня нашей военной техники.

А уж тем более, как он понимал, недопустимым было омрачить всеобщую радость великого советского народа известием о том, что на самом-то деле все прошло вовсе не так гладко, как выходило из победных реляций, и что в отчаянной панике и неразберихе первой ракетой был сбит вовсе не Пауэрс, а тот старший лейтенант, чье имя он приказал поставить первым в наградном списке, опубликованном в газетах.

Сергея Сафонова наградили «Красной Звездой», но никто никогда не должен был узнать, что навесили ему эту звездочку посмертно. Везде и всюду он должен был числиться живым.

О Вазгене Айрапетяне и Николае Митькове никто и не вспомнил.

Ну почему было бы не сказать Хрущеву все как есть?

Не признаться, не почтить память молодой, трагически загубленной жизни? Что мешало ему поступить просто по-человечески, как заведено испокон века? Во имя каких высших политических соображений затеял он глумление над останками молодого парня, ровесника собственного сына, тоже летчика, чье имя и память оболгали те, кого он сам так ненавидел и презирал?

Почему?.. Почему?.. Почему?..

Ради чего после всех неисчислимых грехов он взвалил на душу еще и этот?..

91

Ах, как много, как много заготовлено было чудесного красного вина для общего первомайского стола и на день рождения сына Сафоновых!

Но не знает человек своей судьбы, как не знали Татьяна с Сергеем, для какого застолья так весело и дружно закупали они разную еду и ящики бутылок с красивыми красными наклейками...

Хоронить было нечего... По крайней мере, никому в полку так и не дали заглянуть в накрепко заколоченный гроб. Лишь положили на верхнюю крышку ту самую фуражку, которую Сафонов так часто надевал на голову сыну.

Он был шестым, кого хоронили здесь на маленьком погосте прямо за гарнизоном. Все прежние — да, разбились, а этот погиб в бою. И хотя все знали, что на самом деле произошло, молчали, повинуюсь приказу.

Нет, никогда еще горе не было столь горьким, а боль — столь безвыходной и нестерпимой.

Вазген, черный от горя, вел под руку Татьяну в черном платке, вел за руку маленького Сашку. Все это было третьего мая, через день после случившего, — так распорядились в округе.

За один день вдруг стремительно постарел Артюхин. Мужик бравый, крепкий, вдруг проснулся наутро заметно пожилым, и седины стало больше за одну ночь.

Что ж тут рассказывать? Ну конечно, слезы, хриплые крики вдовы над могилой, комья земли и медные монеты, летящие в яму, на крышку гроба... А вот уж и яма сровнялась, вот уж и холм поднялся, вот уж... Вот уж поставили над могилой красную пирамидку со звездой, а к ней портрет — смеющийся, белозубый, в лейтенантской форме.

И снова такой же буквой «Т» в спортзале общей физподготовки расставили столы. И пили за упокой и плакали все... И молчали угрюмо, пристыженно опустив голову перед властью обмана, встречая быстрые, цепкие, приметливые взгляды нескольких новых незнакомых людей, невесть откуда свалившихся на полк и на полных правах сидящих за чужим столом.

...Третьего мая был летный день, и Вазген, все такой же черный, угрюмый, будто сам неживой, явился, как и положено, в шесть ноль-ноль в штаб полка.

Артюхин, казалось, еще больше постарел за минувшую ночь. Айрапетян представился. Артюхин, сидевший за столом под портретом Хрущева, устало махнул рукой:

— Ладно, Вазген, садись...

Они были вдвоем, никто не слышал их.

— Тут дело вот какое... — начал командир полка. — Поступило предписание... Еще вчера эти... быстроглазые привезли... капитана Айрапетяна Вазгена Гургеновича от полетов до выяснения обстоятельств летного происшествия отстранить. Второе: капитана Айрапетяна Вазгена Гургеновича отправить в отпуск в санаторий Министерства обороны на двадцать один календарный день. Приказ командующего ПВО округа. Третье: командира полка Артюхина Игната Ивановича за ослабление воспитательной работы с личным составом полка и халатное отношение к вопросам обеспечения безопасности летной работы от командования гвардейским полком отстранить вплоть до завершения расследования. Сегодня приедут... Зачитают перед строем. Вот и все. Отлетал Артюхин... А ты что ж... поезжай... Забыться не забудешься, отдохнуть не отдохнешь, так... отвле-чешься.

Они молча смотрели друг на друга.

— Вот такая она, наша жизнь... — сказал Артюхин. — Хочешь, не хочешь, а шариками двигай... За Татьяну не беспокойся, сам понимаешь, не у чужих.

— Да не хочу я никуда ехать, — сказал Вазген. — Не хочу я, Игнат Иванович...

— Ми-и-и-лтый, да кто нас с тобой спрашивать-то будет? Приказ есть приказ. Он, что ли, — не оборачиваясь, полковник ткнул большим пальцем вверх над своей головой на портрет румяного лысого старика, властно смотрящего вперед чуть прищуренными серыми глазами, — нас с тобой спрашивать

будет? Поедешь, куда ж денешься? А вот что со мной будет, непонятно... И еще, Вазген, там, в санатории, смотри поосторожней будь. Сдается мне, неспроста тебя в отпуск-то отправляют.

Он порывисто поднялся — высокий, могучий тяжеловес — и вдруг протянул руки, и Вазген сам не заметил, как оказался в его объятиях, как по-медвежьи сграбастал его комполка, крепко троекратно расцеловал.

— Ладно, черт, вали отсюда... Служи, как служил. Благодарю!..

— Служу Советскому Союзу, — стиснув зубы, с трудом выговорил Вазген.

— Там, это... соберешься когда, заходи... Я тебе «газик» с солдатиком дам. Держи документы. Тут все — проездные, путевка. Деньги начфин выдаст. Давай, сынок, с Богом...

Собрав чемоданчик, невольно чувствуя себя предателем, который бросает самого дорогого человека в самый трудный час, он зашел проститься к Татьяне. Дом был полон женщин — все тех же жен однополчан. Не отходили, отпаивали, даже не пробуя утешать... Как тут утетишь?

Татьяна с распухшим белым лицом лежала на кровати. Она уже не плакала, была в каком-то оцепелом забытья. Только Сашка катался по полу на своей новой голубой машине, урчал, как игрушечный моторчик, и, глядя на него, подружки Татьяны, однополчанки, то смахивали слезу, то, прикусив губу, выбегали из комнаты, чтобы вырветься от души.

Когда вошел Вазген в летной шинели, эти женщины вдруг как по команде высыпали за порог и Сашку с машиной утащили за собой. Они остались вдвоем.

Татьяна как будто не заметила, что он вошел. Он постоял немного у кровати, глядя на нее. Потом осторожно приставил стул и присел рядом, как будто

рядом с больной. Осторожно, бережно, почти пугливо взял ее руку, молча сжал.

— Этого не может быть, — сказала она и посмотрела на него через слезную пелену. — Понимаешь, этого просто не может быть...

Он молчал.

— Мы с ним вина выпили накануне... Я сказала — давай всегда его пить. А он говорит — я тебе вино это из-под земли достану... Понимаешь, *из-под земли*...

— Я уезжаю, Таня, — сказал он. — Получил приказ отбыть в отпуск.

— Да... поезжай... — сказала она.

— Я напишу, — сказал он, — пришлю адрес. Это в Кисловодске.

— Напиши... — сказала она.

92

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 12 мая 1960 г.*

«Полагаю, давно наш Никита не читал столько газет!

Наши борзописцы потешаются над Айком, а московская пресса полна возмущенных писем и телеграмм «трудящихся», всех этих художников, ткачих, комбайнеров и животноводов, — все требуют сурово покарать моего бедного Пауэрса... Но он, чувствую, сумеет довести свою роль до конца.

Волна скандала поднялась так высоко, что грозит затопить Вашингтон, как какой-нибудь японский поселок во время цунами.

Вашингтонские «жирные коты» послушно танцуют под дьявольскую свирель старого Аллена.

Вчера с моей подачи с официальным заявлением

выступил этот «мудрец» Гертер. Почтенный госсекретарь имел точные указания президента, которые тот дал ему на следующий день после нашего телефонного разговора.

Смысл заявления Гертера: СССР отверг план «открытого неба». Одновременно атмосфера секретности, окутавшая Россию, становится все гуще и плотнее. Вновь и вновь обещая похоронить Запад, агрессивные русские неуклонно наращивают стратегические вооружения, испытывают бомбы, ракеты etc. Именно поэтому, заявил наш дорогой Кристиан, Советский Союз сам же и вынудил нас начать эти полеты, которые мы будем проводить и впредь, исходя только из соображений своей национальной безопасности и не считаясь ни с чьими протестами.

Браво, Гертер! Не пригласить ли мне его на партию в теннис?

Надо ли говорить, как на эту дичь госсекретаря отреагировал наш экспансивный Хрущев?

Это для него просто царский подарок — только не знаю, от Айка, Гертера или от меня?

А какой бифштекс поджарили на этом масле яйцеголовые писаки — журналисты, обозреватели, комментаторы!

Это похоже на наш второй Перл-Харбор — только в сфере информации.

Что ж, надо все это пережить. Ради будущего триумфа можно сегодня заткнуть уши и со скорбной мимикой стерпеть этот неплохо организованный «все-ленский конфуз».

Понятно, единодушная поддержка, одобрение и сочувствие, которые раздаются в адрес Хрущева, развязывают мистериру Никите руки и как бы заранее оправдывают все его дальнейшие шаги по усилению русской армии, укреплению системы обороны Варшавского пакта, развитию новых систем вооружения, что полностью отвечает моей генеральной цели.

Затаив дыхание, жду выходной арии царя Никиты в Женеве. Только бы он не простудился и не потерял голос!»

Прочитав заявление Гертера, Хрущев был озадачен. Не круглые же они там дураки, в конце-то концов? Как угораздило одного из первых людей страны таким заявлением вляпать в грязь авторитет своей великой державы?

Он все надеялся и ждал, что подаст голос президент, что он одернет и опровергнет своего главного дипломата, но Айк молчал.

Молчал-молчал, да и выступил. И что же он сказал? Да то же самое, что и Гертер. Ни тени сожаления, ни намек на какие-то извинения! Похоже, какой-то злой бес затуманил разум первых лиц Вашингтона.

Желая набрать как можно больше очков в политическом состязании, жадный Хрущев распорядился в московском Парке культуры имени Горького открыть в просторном шахматном домике выставку останков сбитого «У-2» и его шпионского оборудования. Он сам приехал на «вернисаж» вместе с министром иностранных дел Громыко, внимательно все рассмотрел, погрозил пальцем Западу и выступил перед журналистами на пресс-конференции, где хлестко и остроумно отстегал президента США и всю его камарилью, которая сама себя посадила в этакую лужу.

И тогда, посоветовавшись кое с кем из умных людей, все взвесив и рассчитав, Хрущев сделал последнее сокрушительное заявление, которое, как он полагал, должно было окончательно добить американцев. Это было на пресс-конференции, и на него были наставлены десятки объективов и десятки микрофонов.

— Господин Хрущев! Мы слышали за последнее

время из ваших уст множество грозных предупреждений, но что конкретно вы могли бы предпринять для пресечения этих полетов?

Он оглядел зал и усмехнулся:

— Вот сразу видно — умный человек вопрос задал. Как у нас говорят — быка за рога... Пожалуйста, отвечу. Коли господин Кристиан Гертер в открытую заявляет, что полеты эти будут продолжаться, то есть Америка оставляет за собой такое право, нам тоже нужно как-то защищаться. Так вот, заявляю: самолеты «U-2» летают к нам с территории Норвегии, из Турции, как этот летчик их признался — из Пакистана... Мы официально предупреждаем правительства этих стран, что, если они и впредь будут предоставлять американцам аэродромы на своих территориях для полетов этих самолетов, мы ударим по этим базам, используя все средства, которыми располагает наша армия. Так что пускай убирают эти самолеты. А коли не уберут — пускай пеняют на себя.

Эти слова Хрущева облетели весь мир со скоростью радиоволны и были услышаны теми, кому предназначались.

Правительства ряда стран, тех самых, которые упомянул Хрущев, потребовали от США в срочном порядке перебазировать самолеты-шпионы в любое другое место с их территорий.

Между тем уже на носу была новая Женевская встреча в верхах, назначенная на шестнадцатое мая.

94

Вазген Айрапетян прилетел в Минеральные Воды к вечеру следующего дня, а через три часа уже лежал на кровати в двухместном номере санатория и смотрел в потолок.

Стоило только закрыть глаза, и перед ним вновь и

вновь взрывался рыжий огненный шар или мелькала, чудом промазав мимо его истребителя, его ракета. Он не хотел ничего и никого. Он хотел только лежать в надежде забыться, провалиться куда-нибудь, отключиться...

При поступлении в санаторий, когда его осматривал пожилой военврач, вдруг обнаружились какие-то шумы в сердце, да и пальцы дрожали. Он никогда не знал этого за собой.

— Что с вами случилось, капитан?

— Позавчера друга похоронил, — сказал Вазген.

— А-а-а, — сказал врач. — Понятно... Ну идите, постараемся вас подлечить.

И вот он лежал и просил кого-то над собой, чтобы ему послали сон, но рыжая вспышка раз за разом все вспыхивала перед ним... А потом раздался человеческий голос:

— Здорово, капитан! Давай знакомиться, коль нам тут вместе месяц коротать. Майор Сидорчук.

Он тоже был в летной форме, но вскоре оказался в синем спортивном костюмчике — невысокий, ладный, с короткой мальчишеской стрижкой, улыбчивый, верткий.

— Ты чего, капитан? Приехал бока отлеживать? Айда пройдемся, изучим местность.

— Да нет, не хочу, — сказал Вазген. — Ты иди...

— А может, выпить хочешь? — спросил Сидорчук. — Я мало-мало прихватил... Рванем? До утра выветрится.

Он достал бутылку «Московской».

— Я не пью, — сказал Вазген.

— Да ты что? — изумился майор. — Ты ж кавказский человек!

Вазген молчал, отвернувшись к стене.

Так прошло несколько дней, как будто в сплошной облачности. И он начал вроде понемногу отходить. А где-то через неделю у них с майором Сидорчуком вдруг как бы сам собой завелся профессиональный разговор. Но тот на вопросы отвечал как-то уклончиво, на чем летает, так и не ска-

зал, где проходит службу, не уточнил, и, вспомнив строгое наставление комполка, Вазген насторожился. А тот, как видно, не очень-то разбирался, что у другого на душе, и как бы случайно, ненароком, заговорил о том, о чем кричали все газеты: о самолете «У-2», о том, какие суки эти проклятые америкашки, что надо их бить и еще раз бить, чтобы помнили и знали...

— Вот говорят, — сказал Сидорчук, — мол, не так все было... Ну, не так, как пишут...

— А как? — спросил Вазген. — Может, знаешь?

— Да разное говорят, — уклончиво заметил майор. — Думал, может, ты знаешь... Ты же вроде оттуда, с Урала?

Вазген молчал.

— Не слышал ничего?

— Интересно, — сказал Вазген. — Я ведь вам, товарищ майор, по-моему, не докладывал, где служу. Не иначе, специально узнавали?

— Да сказали мне, — добродушно засмеялся Сидорчук, — то ли врач сказал, то ли эта наша... сестричка... Ты чего по уставу-то вдруг? Мы ж с тобой вроде отдыхающие? Вроде как без званий?

— Так привычней, — сказал Вазген. — Разрешите вопрос, товарищ майор? У «МИГа-семнадцатого» скорость отрыва какая?

Тот смешался.

— А обороты турбины? При заходе с боковым ветром?

— Да ладно, — махнул рукой майор. — Мы же тут не в полку. Чего экзамены-то устраивать?

— Сука! — сказал Вазген. — Поганка. Я тебя ведь сразу почуял! Откуда ты прилетел и зачем?

— Спокойно, капитан, — сказал тот совсем другим голосом. — Только без нервов! А то знаешь, куда залетишь?

— Я-то знаю, — усмехнулся Вазген и с размаху врезал ему прямым справа. Майор улетел в угол комнаты и грохнулся, высоко задрав ноги.

— Ну смотри, капитан... — Он сидел на полу,

прижав руку к челюсти, и злобно глядел на Айрапетяна.

— Я смотрю, — сказал Вазген, потирая тяжелый волосатый кулак. — Я-то смотрю... Ну, беги, докладывай! Только давай по всей форме, понял?

Сидорчук молча растирал кровь на лице. Потом долго и озабоченно рассматривал себя перед зеркалом над раковиной умывальника.

— Вот из-за таких, как ты, — сказал Вазген, спокойно глядя на него из другого угла комнаты, — вот из-за таких вся наша жизнь такая. Ты и это, майор, в свою книжечку запиши, не забудь!

На следующий день майора Сидорчука будто ветром сдуло. Его уже не было нигде в санатории, и вторым к Вазгену подселили нормального парня, подводника из Североморска.

А за три дня до окончания путевки на имя капитана Вазгена Айрапетяна пришла телеграмма из Управления кадров Военно-Воздушных Сил: для прохождения дальнейшей службы приказом командующего он был переведен на остров Сахалин с предписанием прибыть к новому месту назначения через четверо суток.

95

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 18 мая 1960 г.*

«Настроение Хрущева, когда он пятнадцатого мая прилетел в Женеву, было откровенно воинственным. Как и я, он готовился к кульминации этого двухнедельного спектакля, этого долгого матча, который он, бесспорно, выиграл на глазах у всех.

К началу встречи он имел в кармане еще один козырь: в тот же день с казахского космодрома, над

которым еще так недавно пронесся навстречу своей гибели самолет Пауэрса, русские запустили ракету с пятитонным спутником, на котором они планируют начать свои пилотируемые полеты.

Это, конечно, крупная оплеуха демиургам из НАСА, хотя, как почти всегда у этих русских, в их именинном пироге обнаружилась мышь — вместо того чтобы вернуться на землю в родные степи, спутник умчался куда-то ввысь — вероятно, прямо к светлomu будущему.

Конечно, вкус запеченной мыши несколько подгадил настроение Хрущеву. «Но ничего, — вероятно, думает он, — ничего. В любом случае теперь они там знают, какими штучками мы можем бабахнуть по Лондону и Вашингтону».

Ну а дальше все было точно по партитуре этого пройдохи-Аллена.

Айк отказался принести извинения за полет бедного Гарри, ну а багровый от злости Хрущев объявил, что не сядет играть в карты с такими шулерами, как наш величественный мистер Айк, повернулся и отправился обратно в свою Москву

Итак, встреча в Женеве сорвана.

Она продолжалась всего лишь сорок минут. Увы, ария Никиты оказалась короче, чем я ожидал. Главное, что я смог насладиться его верхним «ля».

Дальнейшее — понятно.

Он возвратился в Москву, чтобы раздуть топку своего атомно-ракетного паровоза. Но понимает ли он, что его уголь на исходе и близок час, когда придется бросать в огонь все что попало, лишь бы не сверзиться под откос? Сомневаюсь».

Вернувшись в Москву из Женевы, Хрущев был уже не в том настроении, в котором отправлялся туда.

Вкус победы улетучился — встреча была сорвана, и все дальнейшее вдруг окуталось туманом.

Америка шла к выборам, и после такого дикого скандала участь претендента-республиканца была,

по сути дела, predetermined. Но кто придет ему на смену, кто он, этот длинный рыжий сенатор, каковы его взгляды, что будет при нем и как с ним дальше жить? Ответов на эти вопросы не было.

Как-то так вышло, что последние три года он гораздо хуже представлял себе, что делалось и замышлялось на самом вершине вашингтонской пирамиды. Да и о полете этого самолета, скорее всего, он был бы предупрежден...

То есть, конечно, информация по линии разведки шла... анализировалась, суммировалась, принималась к сведению, но той четкой, стройной, на удивление прозрачной целостной картины, какую он имел до конца пятидесят шестого, теперь уже не было, как не было в пачках донесений с красной меткой особой важности и секретности коротких емких посланий с подписью «Стэнли».

Там что-то случилось непонятное...

Никто здесь толком не мог, а может, и не хотел объяснить ему, что на самом деле произошло. Одни шептались одно, другие другое, одна служба кивала и валила все на другую, между тем одно было известно точно: агент Стэнли оказался вне игры, а вытащить его в Москву было никак невозможно по соображениям оперативной конспирации.

96

Вазгену оставалось пробыть в санатории еще три дня, а после лететь «на перекладных» на Сахалин. Но он решил по дороге на Дальний Восток непременно заскочить в свой полк, проститься, обнять их всех, увидеть ее с Сашкой.

Он послал ей несколько открыток и два коротких письма. Она не ответила... Да он особенно и не ждал.

Он собрал вещи и пошел оформляться на выписку.

— У меня предписание на Сахалин, — сказал он начальнику санатория и главврачу. — Тут до Армении рукой подать. Мать старая, одна, без отца... Бра-тишка... Хотел бы повидаться. Когда еще смогу...

Они переглянулись. Оба знали, что это не просто офицер на отдыхе, что какая-то за ним *история*. Неспроста они имели приказ разместить в одном номере с ним «сотрудника». Но начальник, пожилой полковник, повидал людей. И он видел перед собой *человека*.

— Будь по-вашему, капитан, отправляйтесь.

И тотчас распорядился оформить и выдать капитану Айрапетяну открепительные документы.

— Благодарю вас, — сказал Вазген.

— Можете идти.

Он отправился в свой номер и начал укладывать вещи, когда в дверь постучали и на пороге появился тот самый капитан, что в то утро еле-еле дотянул свой «Су-9Б» с почти сухими баками на их аэродром.

В тот день, первого мая, им было не до знакомства, им было вообще ни до чего. Но они сразу узнали друг друга, узнали и обрадовались, будто встретились старые друзья. Шагнули друг к другу, невольно обнялись.

— А я вот улетаю, — сказал Вазген. — Черт, слушай, Коля, как же я рад, что ты прилетел!

— Может, удержишься часика на два? — попросил Митьков.

Ужасно хотелось поговорить с тем, кто тоже знал все и от кого не надо было скрываться, чего-то сочинять...

У Митькова была бутылка, и они, почти не замелев, за полтора часа прикончили ее до дна. Говорили мало, просто смотрели друг на друга, чувствуя, что слова не очень-то и нужны.

— Значит, говоришь, на Сахалин закинули, — сказал Митьков. — Ладно, Вазген, не журишь. Вот тебе мой адрес. Я ведь в Омске, на 440-м заводе... Ты же

помнишь, перегонщик... Гоняю новые машины по строевым частям. Прибудешь на Сахалин — напиши. И вообще, слушай... уж коли нас так жизнь связала — не теряйся. Может, когда и свидимся...

Через день, по дороге на Сахалин, Вазген Айрапетян добрался до своего гарнизона. Здесь он узнал, что в связи с тяжелым летным происшествием, повлекшим гибель подчиненного, командир полка Артюхин снят с должности и вызван для разбирательства в Свердловск.

Татьяны с Сашкой в городке уже не было.

И когда Вазген метался от одного к другому, пытаясь хоть что-нибудь узнать, никто ничего толком объяснить не мог, а иные угрюмо отводили глаза и молчали.

И он понял: все та же сила всем этим близким, дорогим людям крепко-накрепко заткнула рты.

Но один из офицеров, кивком головы вызвав Вазгена на улицу, тихо заговорил:

— Понимаешь, какая-то фигня тут вышла... Дня через три, как ты улетел, приехали на двух машинах, барахло покидали — что там и было-то у них, сам посуди, — погрузили и увезли.

— Да куда, куда увезли-то? — вытаращил глаза Вазген. — Ты что?

— Вот так, парень... Потом чин из ГБ приезжал. Закрытое партсобрание... то да се... Объяснение такое: для обеспечения сохранения государственной тайны. Понятно? Мы вас проинформировали, вопросов не задавать, за разглашение — трибунал. Вот и весь сказ.

— Да как же так? — Вазген не верил своим ушам. — Вроде времена уже не те?!

— Дурак ты, Вазген, — сказал старый товарищ. — Умный, а дурак. И запомни хорошо, времена всегда те. В общем — все. Я сказал, ты услышал, и будь здоров...

Он сходил на могилу друга, нарвал в поле цветов, положил на холм... Он уже немного просел, но Сафо-

нов на портрете все так же улыбался, только фотографию его кто-то бережно обернул прозрачной целлофановой пленкой.

97

— Подсудимый, встаньте! — разнесся на весь огромный Колонный зал зычный голос председательствующего. Голос переводчика в наушниках повторил по-английски сказанное судьей.

Гарри поднялся и назвал себя. Он назвал свой возраст, место рождения, гражданство и род занятий.

За высокими окнами польхал яркий августовский день. Столбы света скользили по сотням лиц, все глаза были устремлены на него.

Хрущев обставил этот процесс с размахом, чтобы всем было ясно, какое значение он придает ему.

На Гарри был синий гражданский костюм, белоснежная сорочка, черный галстук. Он был похож на преуспевающего молодого бизнесмена, но находился не в офисе где-нибудь в Чикаго, а внутри квадратного деревянного загончика, и по бокам его стояли навтыжку двое рослых парней в военной форме.

— Понимаете ли вы, подсудимый, суть предъявленного вам обвинения?

— Понимаю, — кивнул Пауэрс, и голос переводчика из репродукторов разнес его ответ по-русски на весь зал.

Сотни и сотни глаз, суровые каменные лица, взгляды, полные презрения, укора, ненависти, отворачивания...

Что ж... Он знал, что так и будет, вернее сказать — допускал. Он чудом остался жив, он сделал все, что от него требовалось... Теперь надо было испить эту чашу до дна.

Его родные, жена Барбара и родители, сидели в первом ряду, и время от времени он встречался с ними глазами. Он понимал их и сочувствовал им. Но когда он смотрел на чужих, непонятных, далеких людей, ему и в самом деле становилось тягостно, и чувство раскаяния наперекор всему, что он один знал в этом зале, наваливалось на него и, будто обручем, сжимало голову.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Да, признаю, — ответил он. — Признаю себя виновным в том, что, выполняя указания моего правительства, я нарушил границу иностранного государства, что, не имея разрешения, в нарушение международных и ваших национальных законов управлял специальным летательным аппаратом и, двигаясь по маршруту, который был мне указан в моей полетной карте, в определенное время в определенных местах включал и выключал бортовую регистрирующую аппаратуру, фотокамеры и электронные устройства.

— Знал ли подсудимый, какого рода аппаратуру он включал?

— Я не обязан был это знать, сэр. Мое дело было только вести мое воздушное судно, перемещать рычаги и нажимать кнопки.

— Подсудимый, я уточню свой вопрос. Знали ли вы, какова цель вашего полета?

— Я ответил, господин судья. Я только вел машину, стараясь точно выдерживать маршрут.

— Какое ведомство Соединенных Штатов поручило вам осуществить этот рейд?

— В начале тысяча девятьсот пятьдесят шестого года я заключил контракт с Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов, из чего могу сделать вывод, что выполнял задание именно этого ведомства.

— Должен отметить, подсудимый, — усмехнулся судья, — что вы мыслите довольно логично.

По рядам сидящих пробежал смех.

«Ничего, — подумал Гарри. — Ничего. Я только

крохотный инструмент в грандиозной руке Америки. Русские не захотят еще больше портить отношения с моей страной. Возможно, меня даже оправдают. В худшем случае — дадут несколько лет. Наверное, наши дипломаты уже давно договорились с ними, и этот процесс всего лишь их обычный пропагандистский трюк. Вероятно, так оно и есть».

— Подсудимый Пауэрс, на предварительном следствии вы показали, что каждый полет самолета «U-2» в закрытые районы СССР осуществлялся по личному указанию президента Соединенных Штатов. Вы подтверждаете это?

— Так мне говорили, сэр. Но я никогда не видел подписи президента в своем полетном листе.

— Знает ли подсудимый, что его действия подпадают под статью 2 Уголовного кодекса РСФСР, согласно которой он может быть подвергнут многолетнему тюремному заключению или смертной казни?

— Да, ваша честь, мне говорили это, но я рассчитываю на ваше милосердие.

— Испытываете ли вы раскаяние по поводу содеянного вами?

— Безусловно. Я многое понял за то время, что нахожусь у вас в плену.

Закончился первый день процесса, завершился второй...

Наступил третий, последний.

Его выводили, приводили вновь, потом долго и грозно, поминутно тыча в него пальцем, говорил обвинитель, потом, почему-то гораздо короче, — его адвокат.

И вот наконец:

— Встать! Суд идет!

И все встают, и впиваются глазами в его лицо, Барбара неотрывно смотрит на судью, мать сжимает судорожно руки на груди, и отец нервно потирает виски и щеку.

— На основании статьи... пункт...

Приговор зачитывается невыносимо долго, и ему

кажется, что пол этого зала плавно покачивается, будто он попал в болтанку над морем. Он смотрит в лицо судьи — оно сурово и непроницаемо, как у всех судей в мире.

— ...К десяти годам тюремного заключения...

Ему кажется, что он ослышался. Ведь ему говорили все не так. Тот человек с трубкой — он уверял, что такого не будет никогда. Неужели он брошен, покинут, предан? Или здесь тоже своя, неизвестная тайная игра?

Десять лет? Но это же невозможно, совершенно невозможно! Но по расширенным, остановившимся глазам матери понимает — нет, возможно... Так оно и есть.

Спустя короткое время Пауэрс уже был в знаменитой тюрьме древнего русского города, где ему предстояло провести немногим меньше четырех тысяч дней.

98

Вазген понял, что искать Татьяну с сыном напрасно, что запрятали ее надежно и далеко, но не мог понять зачем, какой в этом смысл, кому какая корысть, коли все равно они, военные люди, были строго-настрога повязаны приказом под страхом трибунала. Понять это было невозможно. Он и не старался понять. Он знал, что обязан ее найти, что если не найдет — предаст память друга.

В эти дни, в эти месяцы, в этот черный год он должен был быть рядом с ней. Но служивая судьба гнала его вдаль. Он не мог сопротивляться ей. Он был обязан подчиняться приказу, потому что приказ — это закон.

На Сахалине все поначалу казалось не так, впрочем, и было не так. Тут не было друзей, не было Артюхина, не было Татьяны с Сашкой. Но день за

днем, неделя за неделей — полеты, разборы, все то же нескончаемое колесо армейских будней, тяжелое коварное небо, сложнейшие метеоусловия, привычный ежедневный смертельный риск во время патрульных полетов над океаном, над Татарским проливом, над Курильскими островами, над заливом Терпения... Помчалось время, захватило и понесло в своем потоке...

А года через три он получил письмо от одного из бывших однополчан, где тот писал, что случайно, отстав по пьянке от поезда, оказался в маленьком городке под Владимиром, и первой, кого увидел на площади перед вокзальчиком, была Татьяна Сафонова.

Вазген держал это письмо в руках и не верил глазам своим.

В конце письма был ее адрес.

Он попросил внеочередной отпуск. Летал он отлично, уже был командиром эскадрильи и летчиком первого класса.

Новый командир полка возражать не стал, без разговоров подписал приказ. Снова полет, теперь на «Ил-18», из Южно-Сахалинска на запад, через всю страну до Москвы, а после — на дальней электричке до того городка.

Он приехал через три часа, оказался на вокзальчике, вышел на площадь, где приятель встретил Татьяну...

Городок был милый, старинный. Он шел по улицам, расспрашивая редких прохожих, как пройти, и вот наконец вошел в тот проулок, где в конце, под девятым номером, стоял длинный двухэтажный деревянный дом.

Сердце колотилось сильнее и чаще, чем перед самой трудной, самой опасной ночной посадкой в тумане. Он ничего не знал о ней, ничего, кроме этого адреса. За три года могло столько измениться...

Но он прошел мимо серого забора, открыл калит-

ку... Что ждало его здесь? Он не думал об этом. Ждало то, чему суждено было быть...

Дом был чем-то вроде благоустроенного барака с коридорной системой. В длинном, как пустой товарный вагон, коридоре пищали, бегали и возились ребяташки. Мальчик лет шести показался вдруг ужасно знакомым. Он ухватил его за плечо.

— Послушай, — сказал Вазген. — Ты Сашка Сафонов?

Мальчишка удивленно улыбнулся, и тотчас все сомнения отпали.

— Мама дома? — спросил Вазген. — Ты помнишь меня?

Мальчик помотал головой.

— Не-а, не помню... А мама на работе.

— Саша... может, я посижу у вас? — спросил Вазген.

— А у меня папка тоже летчиком был, — сказал Сашка. — Только он разбился. Когда я еще маленький был.

— Я знаю, — сказал Вазген. — Ну что, пошли?

Он не знал, что и как будет, но, отправляясь к ним, купил для Сашки в Москве отличные акварельные краски, кисточку, несколько книжек, альбом для рисования...

Комната была маленькая, бедная и чистая. Он сразу все понял по этой комнате — как и чем живут. Сразу понял, что она одна. На стене висела фотография — та же самая, что осталась и на могиле Сергея. А рядом другая, маленькая, — они втроем, еще в тот первый год, когда Таня только приехала в городок. Они оба в формах и в фуражках набекрень, она посередине. У него тоже был такой снимок.

— Ну, смотри, — сказал он Сашке. — Это кто?

— Это папа.

— А это?

— Это мама.

— А это кто?

— Ой, — сказал он, — это вы!

А наверху невысокого шкафчика на упруго вы-

гнутой, устремленной ввысь подставке из прозрачного оргстекла рвалась ввысь знакомая, отлично выполненная серебристая птичка с гравированной надписью: «Преодолеть пространство и простор! Сереже и Тане Сафоновым в день свадьбы от командования полка».

Они сидели рядом, голова к голове, и он старательно рисовал сыну друга взлетающий самолет, когда дверь отворилась и Татьяна — похудевшая, заметно постаревшая, давным-давно уставшая — остановилась, широко раскрыв глаза, на пороге. Они молча смотрели друг на друга...

— Вот, понимаешь, — сказал он, даже не имея сил встать, — я все-таки нашел вас... Здравствуй, Таня.

Тот, кого все в этой старой американской тюрьме привычно называли Полковником, лежал на койке и читал по-русски Сервантеса. Все стены его камеры были увешаны большими и маленькими рисунками — карандашными, акварельными... Было тут и несколько пастелей.

Это были чьи-то лица, исполненные по памяти пейзажи, какие-то заснеженные деревеньки, виды Чикаго, вершины Скалистых гор, танцующие пары, карикатуры на знаменитых политических деятелей, а также на начальника тюрьмы и капрала Мартина.

Из тридцати лет, отмеренных ему американским правосудием, Полковник провел в тюрьме уже около шести.

«Еще двадцать четыре, — говорил он себе. — Всего двадцать четыре, сущая ерунда».

Было девятое февраля шестьдесят второго года, день как день, вечер как вечер. Таких дней впереди у него еще были тысячи...

Неожиданно заскрежетал механизм мощного замка в двери, щелкнула пружина, дверь распахнулась... В камеру вошли начальник тюрьмы и трое джентльменов в штатском.

— Добрый вечер, Полковник, — сказал один из них. — Как представитель правительства Соединенных Штатов я в очередной раз обращаюсь к вам...

— Слушаю вас, — сказал заключенный К-373. — Я весь внимание, мистер О'Брайен.

— Руководствуясь соображениями гуманности, мое правительство готово пересмотреть ваше дело и, возможно, помиловать вас в том случае, если вы решите навсегда остаться в Соединенных Штатах.

— Глубокочтимый мистер О'Брайен, — улыбнулся Полковник, — в очередной раз должен отклонить любезное предложение вашего правительства. Я предпочел бы отсидеть здесь у вас еще двадцать четыре года, но вернуться на родину.

— Черт возьми, — внезапно рассвирепел О'Брайен, — вы же умный человек! И вам отлично известно, что ваше правительство от вас отказалось. Вы никто! Вы фикция, фантом!

— Вовсе нет, — засмеялся Полковник. — По крайней мере, я не чувствую себя ни тенью, ни фантомом.

— Неужели, — воздел руки к небу О'Брайен, — неужели вы предпочтете провести здесь еще четверть века, чтобы, вернувшись к себе, встать к стенке или отправиться в Сибирь?!

— Как ни покажется вам странным, — вдруг очень серьезно сказал заключенный, — да, предпочту.

— Ну что же, — сказал тогда второй из вошедших, который до сих пор хранил полное молчание. — Если вы в самом деле предпочитаете это, мы не станем вас томить и ускорим этот процесс. Сейчас вам принесут одежду. Извольте переодеться и следовать туда, куда вы предпочли отправиться сами.

— Ну, если в Сибирь, — сказал Полковник, — я согласен.

— Ваши шутки неуместны, — оборвал его О'Брайен. — Тут Сибирью и не пахнет!

— Значит, второе?

Все трое промолчали. Наконец третий из посетителей сказал:

— Вы сами вынуждаете нас к этому. Подпишите вот этот документ и выходите на свободу как полноправный гражданин Соединенных Штатов.

— Господа, вы меня утомляете, — сказал Полковник. — Тащите одежду, и отправимся в путь...

Двое мрачных громил, точь-в-точь герои какого-нибудь бездарного боевика, будто выпрыгнувшие с экрана, железными пальцами стиснули предплечье заключенного и втолкнули в фургон. Вслед за ним в темноту фургона забрался и О'Брайен.

— Послушайте, — заговорил он уже совсем другим, проникновенным голосом. — Послушайте, ведь это же безумие, форменное безумие! Я обращаюсь к вам уже просто как человек. Вы крупная личность. Вы отважный человек. Вы будете иметь здесь все, чего ни пожелаете. Что так влечет вас туда?

— Дорогой О'Брайен, — сказал Полковник, — чтобы ответить на этот вопрос, пришлось бы рассказать всю мою жизнь, назвать десятки городов, сотни имен... Но вы ведь знаете, что я всего этого не скажу. В вашей гуманнейшей стране меня тайно пытали, мне делали инъекции самых чудовищных препаратов, чтобы я сделался поразговорчивее. Результат вам известен. Что влечет меня туда? Вы знаете, лет пятьдесят назад в березовом лесу под Москвой на белой коре молодой березы я вырезал ножом свои подлинные инициалы. Я приходил к ней потом много раз и всякий раз через много лет. Ствол березы стал толще вдвое или втрое. Я приходил к нему, вернувшись из Европы, из Азии, из Африки, из Латинской Америки... Мне не хотелось бы нарушить традицию. Вы понимаете меня?

— Да вы просто сумасшедший, — сказал О'Брайен.

— Мы все сумасшедшие, — усмехнулся Полковник, — но если вы меня расстреляете или убьете каким-либо другим способом, вы лучше не станете, зато я увижу Царство Небесное...

— Ну и черт с вами! — злобно воскликнул О'Брайен. — Вы сами выбрали это.

— Мне шестьдесят лет, — сказал заключенный К-373, — и в своей жизни я все выбрал сам...

Между тем фургон быстро мчался куда-то, наконец сбавил ход, затормозил, начал пятиться задом и остановился.

— Вот и все, мы приехали, Полковник, — сказал О'Брайен. — Мне искренне жаль.

Тот не ответил.

Поднялся вверх и открылся задний люк, и прямо к краю пола фургона протянулась, уходя вверх, железная лестница.

О'Брайен встал и торжественно возгласил:

— Лицо, называющее себя полковником Мартином Коллинзом! Официально объявляю вам, что в связи с изменившимися обстоятельствами место вашего заключения изменено и по решению государственного департамента вы высылаетесь за пределы Соединенных Штатов без права когда-либо вновь ступить на их территорию.

— И куда же меня высылают? — спросил Полковник.

— В мир иной, — еще более торжественно возгласил О'Брайен и выпрыгнул из фургона. — Поднимайтесь по лестнице.

Полковник встал со скамьи фургона и как был, в наручниках, пошел по ступеням вверх.

Было темно и холодно, однако он успел рассмотреть черный силуэт огромного самолета. Трап кончился, и те же зловещие «гориллы» втащили его внутрь темного фюзеляжа.

Внутри самолета было еще холоднее — видно, он долго пробыл на стоянке.

Несколько человек злобно смотрели на него. Одетые в теплые меховые куртки, в кабину шли члены

экипажа. Один из них, вероятно командир, приостановился и так же мрачно, как и остальные, уставился на Полковника.

— А-а-а, так вот вы какой, — сказал он зловеще. — Готовьтесь. У меня приказ выбросить вас с борта самолета в море.

— Я неплохо плаваю, — усмехнулся Полковник, что отнюдь не соответствовало действительности — плавать он не умел вовсе.

— Вам придется сегодня это доказать.

— Попробую.

Рыча и завывая четырьмя моторами, транспортный самолет летел над океаном. Он плыл на большой высоте, и по тому, что вскоре за небольшим иллюминатором по курсу полета забрезжил рассвет, полковник понял, что летят они на восток, в Старый Свет, в Европу.

Восход разгорался, но солнце все не показывалось, а они летели и летели, плавно покачиваясь над Атлантикой. Был четвертый час утра, когда наконец впереди показали очертания береговой линии и с высоты десяти километров открылась широкая панорама, которую Полковник так хорошо знал и помнил по картам, — западная оконечность Нормандии.

И вот под ними уже страна, в которой он в свое время, лет двадцать назад, проработал короткое время в годы войны, — небольшие нарядные городки, заснеженные стрельчатые кровли, красная черепица крыш в снегу, мосты, заводские трубы, готические кирхи и ратуши...

Эту страну он помнил как свой собственный дом — самые яркие, самые страшные, самые захватывающие месяцы прошли здесь.

Реки, реки, озера... Самолет пошел вниз, и Полковник понял, что они садятся в Берлине. Вероятно, что-то произошло — то, о чем он не знал. Но он уже догадывался, что теперь предстоит ему.

...На летном поле, прямо у трапа самолета, сопровождавшие Полковника передали его другим людям, тоже американцам, стоявшим около нескольких дорогих машин.

Его усадили на заднее сиденье большого темного «кадиллака» между двумя немолодыми джентльменами, они выехали на широкое шоссе и минут через десять уже неслись по улицам Западного Берлина в направлении Шпрее.

Он с жадным вниманием всматривался во все, что проносилось за толстыми стеклами лимузина. Он много лет не был в Берлине, и теперь, отстроенный почти заново, поднявшийся из руин, он был знаком ему и не знаком, одновременно дорог и чужд, и он все смотрел, смотрел...

— Знакомые места, Полковник? — спросил один из сопровождавших его американцев.

— О да, — кивнул он без улыбки. — Об этом никто не знает, но когда-то я вышагивал здесь в форме офицера вермахта, цитировал Гете, пил пиво, смеялся над евреем Гейне и жрал швабскую колбасу.

— Я понимаю вас, — сказал тот же сопровождающий его немолодой американец. — И что самое смешное — я тоже служил тогда здесь и тоже в форме офицера вермахта.

— Это забавно, — сказал Полковник по-немецки.

— Куда более забавно, печально и трагично, — тоже по-немецки сказал сопровождающий, — что мы с вами теперь в этом положении, в этой машине. Вы знаете, я очень люблю Германию.

— Разумеется, — сказал Полковник. — Ее нельзя не любить. Если, конечно, в ней нет Гитлера, Розенберга, а людям не вешают на грудь желтые звезды etc.

— Да-да, — сказал его собеседник, — именно так. Как жаль, что нам суждено расстаться сейчас! Поверьте, мне искренне жаль. Мы могли бы вспомнить и рассказать друг другу так много интересного!

— О, да... Если бы могли...

...Стояло еще раннее-раннее утро, когда их автомобиль остановился на подъезде к мосту Глиннике-брюкке, через который проходила граница, разделяющая две Германии.

— Выходите, Полковник, — с какой-то очень серьезной печалью сказал коллега-американец. — Объявляю вам, что особым Актом президента Соединенных Штатов Америки Джона Кеннеди вы помилованы и согласно достигнутой договоренности между нашим правительством и правительством Советского Союза сейчас будете обменены на летчика Фрэнсиса Гарри Пауэрса.

Полковник всмотрелся в даль моста.

На той его стороне, за рубежной линией, у будок пограничных постов, тоже виднелось несколько автомобилей, около которых стояли люди.

— Ну вот и все, — сказал сопровождающий. — Мы с вами профессионалы, а потому лишние слова ни к чему. Мы считаемся врагами, но, знаете, у меня останутся от этой короткой встречи самые добрые воспоминания.

— Взаимно, — сказал Полковник по-английски. — Прощайте, джентльмены.

И, кивнув сопровождающим, пошел к линии границы на мосту.

Было холодно, хрупкий ледяной воздух чуть серебрился в лучах восхода. Солнце вставало из-за крыш городских массивов Восточного Берлина.

Он шел не торопясь, хотя сердце его часто стучало, все прибавляя и прибавляя частоту ударов.

С той стороны навстречу ему, так же медленно, осторожно, будто не веря самому себе, двигался высокий молодой человек в меховой шапке. У самой линии границы, по ту и другую стороны, стояли мужчины в военной форме и в гражданском.

На всех лицах читалось тревожное напряжение.

Полковник и летчик остановились, глядя друг на друга.

Сердце Полковника колотилось как бешеное. Похоже, и тот человек испытывал то же самое.

— Обмен! — по-английски и по-русски почти одновременно отрывисто произнесли ответственные за процедуру.

Полковник, он же Мартин Коллинз, он же Марк, он же Руди, он же Рудольф Иванович Абель, он же советский разведчик Вильям Генрихович Фишер, сделал шаг вперед и переступил границу...

Одновременно с Востока на Запад перешел Фрэнсис Гарри Пауэрс.

Вместе с ним на одного Полковника были обменены еще два американских шпиона, осужденных в Восточной Германии и СССР.

100

---

*Из секретного дневника Аллена.
Запись 30 октября 1962 г.*

«Пять дней назад наш мир прошел на волосок от гибели.

Хрущев и Джек, как два барана, уперлись лбами на узеньком мостике над пропастью, чуть не свалились в нее сами и не утянули за собой всех нас.

Еще ни разу ядерный апокалипсис не был так близок, так реален. Полагаю, в первые дни кризиса наш молодой президент не раз пожалел, что отправил старого Аллена на покой.

Пока ситуация казалась мне управляемой и обратимой, я сидел, нахохлившись, как старый сыч, перед камином в Рэйн-Хаусе, тихо злорадствовал, показывал язык Белому Дому и хранил молчание, как и положено вельможе, впавшему в немилость.

Я терпеливо ждал, что он сам придет и попросит о помощи — как всегда в последний момент ко мне прибегали за советом все они.

В конце концов, он мог бы и вспомнить или хотя бы поинтересоваться, кто инициировал создание самолетов «U-2» — ведь именно с их помощью нам удалось разглядеть на Кубе русские ракеты, загримированные под пальмы,

Джек держался до последнего. Но когда через моих бывших подчиненных узнал, что русские ракеты поставлены на боевой взвод и только ждут нажатия кнопки, сумел одолеть гордыню и все-таки вспомнил о бедном опальном подагрике.

Мы говорили по телефону минут двадцать. Это даже нельзя назвать консультацией — я ему просто прочел небольшую лекцию, что такое господин Никита Хрущев.

Не знаю, насколько подействовали на молодого президента мои разъяснения, но на следующий день война не разразилась.

Они обменялись с толстым Никитой звонками и телеграммами и, видимо испугавшись собственной храбрости, кое-как сумели выпустить пар из котелка.

Итак, достигнут более чем сомнительный status quo.

Никита с позором — под нашим контролем — тащит обратно с Кубы свои ракеты (то, что он вообще их там тайком разместил, говорит само за себя; имея атомные субмарины, большую глупость представить себе трудно, и теперь мы будем их считать и пересчитывать с вертолетов, как сосиски, прямо на палубах их судов).

Мы же в свою очередь клятвенно обязуемся, на горе кубинцам, оставить в покое этого бородатого параноика.

Теперь Джек чувствует себя чемпионом в тяжелом весе и позвонит старику Аллену не раньше, чем снова угодит в кучу дерьма.

А он в нее угодит непременно и довольно скоро, потому что так и не сделал того, что я ему советовал шесть лет назад, и взял себе в вице-президенты, возможно, свою собственную смерть.

Что касается его Белокурой Бести, то я по-прежнему убежден, что эта, ныне уже покойная, пассия играла и, возможно, еще сыграет даже после своей странной кончины в судьбе нашего милого Джека зловещую роль... Хотелось бы ошибиться, но...

Сейчас пришел Джиллингс и не без мрачного юмора сообщил, что в Москве ликуют в связи с очередной пирровой победой. Что ж, пусть ликуют. Чем больше у них будет таких поводов для ликования, тем лучше.

Немного передохнул, выкурил трубку. Продолжаю.

Не скрою, с того прошлогоднего дня, когда наш «Джек — золотая голова» отправил меня в отставку, я смотрю уже на все как частное лицо, как рядовой пенсионер. Многие становятся безразличным или просто смешным.

Однако, как частенько повторяет Роберт, есть что вспомнить...

Минувшие два года были такими же насыщенными, как и все другие, но...

Но для меня как будто что-то померкло, увяло и обесмыслилось. Ушла острота схватки, азарт борьбы и сопротивления той мощной незримой силе, что постоянно ощущалась много лет и вдруг исчезла с конца пятьдесят шестого года.

Я многократно спрашивал себя, как спрашиваю и сейчас: неужели тому причиной автор моего фотографического портрета, что висит дома в кабинете? Неужели его присутствие в пространстве моих целей и задач было таким важным? И не проиграл ли я тогда, будучи уверенным, что одержал победу?

Его постоянно держат в поле зрения, но он, кажется, по-прежнему не соскучился, то есть держит слово.

Правда, как мне сообщили мои старые сотрудники, как раз в последние дни, когда все смотрели в небо, ожидая прилета русских ядерных зарядов, мистер Р. А. во время утренней прогулки впервые за

эти годы легко ушел от наружных наблюдателей, куда-то исчез, где-то был и появился только через двое суток.

Но чем он был занят эти сорок восемь часов, с кем встречался и что делал, осталось тайной.

И, признаюсь, меня третий день настолько разбирает любопытство, что я еле удерживаюсь, чтобы не позвонить ему и не спросить об этом напрямик.

Но именно в эти дни был спасен наш мир. Может быть, человечество не знает и никогда не узнает имени своего подлинного спасителя — как знать? Я бы вполне мог это допустить.

Оглядываясь назад, теперь я уже совершенно убежден, что весь мой замысел с полетом Пауэрса так блестяще удался лишь только потому, что в то время мистер Р. А. уже был выведен за поле. Будь он тогда при деле, он, скорее всего, сумел бы если не сорвать, то здорово подпортить мою игру... Смешно, что это понимаю и говорю я, а не те, кому он служил!

Я часто вспоминаю те фантастические дни моего тайного триумфа...

То был невероятный успех, но «вилка», которая мне блестяще удалась в многолетней партии под названием «Ночной кондор», как будто истощила все мои силы.

Ах, какая то была блистательная, грандиозная комбинация! Я часто вспоминаю те дни — и дух захватывает.

Одним ходом черного коня под названием «U-2» на нужное поле и в нужный момент мне удалось:

а) заставить Хрущева сорвать Женевскую встречу. Как я и рассчитывал, взбешенный Никита принялся еще жарче и злей настегивать своих боевых коней;

б) подкинуть апельсинную корку Никки и тем обеспечить уверенную победу Джека на выборах в ноябре шестидесятого;

с) втолковать Джеку, что поскольку теперь разведка устремилась на спутниках в космос, а Келли

создал «SR-71», летающий со скоростью винтовочной пули, то рейды «U-2» больше не нужны и тратить деньги на содержание их баз — просто глупость. Лучше их отдать на нужды ЦРУ. Так поражение я обратил в победу. Бедняги «U-2»! Увы! Пришло время и их списать в архив или отправить в музей, как в свое время наши наивные шары...

д) и наконец, мой чисто личный успех. Как человек, приученный отдавать долги, уже на следующий день после избрания Джек позвонил мне и попросил остаться на моем посту. Поздравив его с победой я, разумеется, согласился.

Одним словом, все удалось тогда как нельзя лучше.

Я даже выполнил свои обещания, данные Р. А. и Пауэрсу. Их Полковник был обменен на моего пилота, оба узника обрели свободу, и Гарри, как я и обещал ему, был встречен на родине как национальный герой. В тот же февральский день я получил телеграмму без подписи, которая состояла всего из нескольких слов: «Благодарю. Теперь мы в расчете».

Впрочем, довольно об успехах!

Старческая хвастливость смешна, а уж мне тем более не к лицу.

Поведаю печальную повесть своей отставки.

Всему виной опять стала Куба. Да-да, та самая Куба, из-за которой все мы пять дней назад едва не превратились в маленькие кучки радиоактивного пепла.

Наши бурбоны из Министерства обороны и беглецы кубинцы, сумевшие улепетнуть от Кастро, уломали Джека начать свое президентство маленькой победоносной войной, имеющей целью вырвать красную кубинскую занозу из чувствительной пятки Соединенных Штатов. Я был против, имея сведения, что на острове слишком много русских военных, но получил приказ готовить операцию вторжения.

Когда наши «стратеги» выбрали районом высадки на Кубе Залив Свиней (!!!), мне стало просто дур-

но — что доброго могло воспоследовать в таком Богом проклятом месте?!

День «Ч» назначили на 17 апреля 1961-го — очень спешили, чтобы хотя бы так подгадать Никите дни торжества после полета Гагарина.

И надо же случиться несчастью!

Именно в этот день я где-то потерял мою заветную любимую зажигалку, подаренную Уинстоном!

Горе мое было неопишимо! Мы облазили с Джиллингсом на коленях, как два старых забойщика в старой шахте, весь кабинет и весь дом, но так ее и не нашли.

Мог ли я после этого ждать добрых известий с острова Свободы?

Их, разумеется, и не последовало, а вину за фиаско свалили на мою старую голову.

Джеку было очень неловко, но на него насели его демократические импресарио, и он уступил, отдав меня на растерзание.

Спустя короткое время мы имели встречу tête-à-tête, и он предложил мне заняться филателией.

Вот и все!.. Итак, мы с Джиллингсом вышли в тираж и смотрим теперь на все творящееся вокруг уже со стороны.

Моя отставка произвела на Роберта, кажется, более тяжкое впечатление, чем на меня самого. Я уже давно, впрочем, замечаю в нем перемену. Он словно утратил смысл жизни, и его афоризмы становятся все мрачнее день ото дня. Вероятно, это старость.

Единственное, что еще радует его, — это наша неизменная дружба и его голуби, с которыми он возится по-прежнему и которым предан почти так же, как мне.

Вечерами мы сидим и смотрим в огонь камина и просто молчим, ибо знаем слишком много, чтоб отверзать уста. Если мне еще чего-то и хочется — так это завершить свою главную книгу и дожить до полета на Луну. Роберт смеется надо мной и считает, что я впадаю в детство».

После награждения в Георгиевском зале по программе, напечатанной в их приглашениях, предполагался банкет.

Но, переглянувшись, они все трое, не сговариваясь, пошли к выходу, к огромной мраморной лестнице, где стояли, разумеется, бравые, подтянутые, подчеркнуто вежливые молодые люди.

Один из них преградил им путь.

— Куда же вы, товарищи? Нельзя, нельзя. Всем надо быть на банкете... Леонид Ильич будет выступать, поздравление от правительства... Так что милости просим... Поднимайтесь наверх, располагайтесь...

Митьков с недоброй усмешкой шагнул к нему.

— Извините, вы... в каком звании?

Тот опешил от неожиданности, видно, не привык.

— Капитан...

— Ну так вот, вы капитан, а я полковник...

— Не положено, товарищ полковник.

— Что значит — не положено? Раз надо, значит, надо. Отлично несете службу, товарищ капитан. Благодарю!..

Подтянутый капитан растерянно отступил, и они пошли вниз по той же длинной красной ковровой дорожке, спускавшейся по беломраморным ступеням.

В вестибюле не было ни души. Они оделись и вышли из Кремлевского дворца.

Над Кремлем шумел сильный ветер, он нес сухой колючий снег, забивал глаза. Уже почти стемнело, и в густо-синем февральском небе над кремлевскими башнями светились красные звезды.

Отворачиваясь от ветра и снега и щуря глаза, летчики с обеих сторон подхватили Татьяну под руки, и они быстро пошли, почти побежали к Троицкой башне. Все было завалено снегом — и стройные ели, и пушки вдоль желтой стены Арсенала, и бесчислен-

ные зубцы толстых башен, будто отороченные белым. Было холодно, неудобно и скользко.

— Ну что, подполковник, — сказал Митьков, когда они остановились уже за воротами белой Кутафьей башни. — Я считаю, надо взять...

Забежали в магазин, взяли бутылку водки и поехали в гостиницу «Россия».

Трехместный номер Вазгена и Татьяны был на седьмом этаже южного корпуса. Они быстро поднялись на лифте, прошли по коридору, распахнули дверь. Высокий широкоплечий юноша лет восемнадцати быстро поднялся из кресла и шагнул им навстречу.

— Что-то вы быстро, — сказал он. — Я думал, дольше будет. Да, дядя Вазген?

— Да, понимаешь, к тебе, Сашка, спешили очень...

Саша Сафонов смущенно улыбнулся. Казалось, он не был похож на отца, но стоило ему улыбнуться — и они становились, что называется, на одно лицо.

— Ну, покажите... — сказал он.

Татьяна достала из большой сумки красную сафьяновую коробочку. Саша открыл...

Там лежала медаль «Золотая Звезда» — высшая награда страны за мужество и героизм. Все они молча, склонив головы, смотрели на нее. Татьяна осторожно взяла коробочку с наградой из рук сына и положила в середине стола.

— Ну что, — сказал Митьков, — давайте помянем...

Нашлась в холодильнике какая-то закуска, и Вазген откупорил бутылку.

Теперь, в ярком свете гостиничной люстры, было заметно, как сильно он постарел, посуровел... Морщины расчертили трассы у глаз, на переносье, жесткие черные волосы отливали серебром. Лицо Митькова огрубело, обветрилось — он давно уже служил в полярной авиации.

— Эх, — сказал Вазген, — еще Игната Ивановича бы сюда!

— Ладно, — сказала Татьяна. — И его помянем.

Нахмурившись, опустив взволнованное лицо, Вазген смотрел на бесцветную горькую влагу в маленьком стакане. Звезда Героя в коробочке сверкала на столе...

Вазген хотел сказать многое, очень многое, хотел в нескольких словах сплавить и выразить все чувства и мысли, всю боль и все думы пролетевших лет... Но горло сдавило, и нужных, тех самых слов он не мог найти. Но все поняли, что он хотел сказать.

— Я хочу выпить, — сказал Митьков, — за летчика Сафонова, за его молодую короткую жизнь, а еще... А еще хочу выпить за правду... Чтобы о том дне когда-нибудь люди все-таки узнали правду, все как оно было, без обмана, без вранья.

— Я тоже хочу сказать, — проговорила Татьяна. — Сережка, мы все всегда любили и любим тебя, больше всех... И если ты есть где-то, ты это знаешь. Спи спокойно, мой любимый, мой родной. Ты с нами всюду и всегда.

Все четверо выпили до дна, постояли в тишине, глядя на *его* звезду, и обнялись.

— Дядя Вазген, — дрогнувшим голосом сказал Саша Сафонов, — а будет когда-нибудь эта правда?

Вазген только вздохнул в ответ.

1996— 1997

Литературно-художественное издание

Феликс Аркадьевич Ветров

СБИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Редактор *М. К. Холмогоров*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Технический редактор *Н. Г. Новак*
Корректор *Г. В. Казнина*

Сдано в набор 03.03.97.

Подписано в печать 19.03.97. Формат 84·108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 359.

«Олимп».

Изд. лиц. ЛР № 07190 от 25. 10.96.
123007, Москва, а/я 92

ООО "Издательство АСТ"
366720, РИ. г. Назрань, ул. Фабричная, 3
Лицензия Серия ПИМ № 01372 от 16.04.96.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

РУССКИЕ ТАЙНЫ

Впервые!

Правда о ключевых моментах
истории России!

Величайшие преступления XX века,
без тайн и искажений!

Подлинные документы спецхранов
и советских архивов!

За каждой тайной – новые,
за каждым преступлением –
цель других. История нашей

страны – впервые без прикрас.

История, полная безжалостных
сражений за власть, изощренных
интриг и кровавых секретов...

